

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«СИБИРСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

ВАЛЬКОВА

Юлия Евгеньевна

ТРАНСФОРМАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ
ПРИЕМА ОСТРАНЕНИЯ В ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИВРИТА, АНГЛИЙСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ)

Специальность 10.02.19. – Теория языка

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель
Кандидат филологических наук,
доцент В.А. Разумовская

Красноярск
2018

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЕМА ОСТРАНЕНИЯ.....	10
1.1. Выделение остранения В.Б. Шкловским и его «ипостаси» в русском формализме	10
1.2. Развитие понимания остранения в отечественной и зарубежной науке	18
1.2.1 Трактовка термина «остранение».....	18
1.2.2 Прием остранения в российском научном дискурсе	23
1.2.3 Прием остранения в зарубежном научном дискурсе	35
1.2.4 Полиаспектный подход	50
1.3. Остранение как художественный прием и универсальный закон искусства.....	55
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1	72
ГЛАВА 2. ОСТРАНЕНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ.....	76
2.1. Культурная адаптация в художественном переводе: виды и подходы	77
2.2. Доместикация и форенизация	83
2.3. Остранение как прием перевода	106
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2	113
ГЛАВА 3. ОСТРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА.....	115
3.1 Прием остранения в романе А. Оза «Повесть о любви и тьме».....	115
3.1.1 Прием остранения в современной израильской литературе	118
3.1.2. Прием остранения у А. Оза	125
3.1.3 Причины появления и способы выражения остранения в романе А. Оза «Повесть о любви и тьме»	137
3.2 Остранение в переводах романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки	159
3.3. Трансформационно-семантические модели остранения на материале переводов романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки	165
3.3.1 Симметрийные отношения в переводе	168
3.3.2 Функциональные семантико-синтаксические модели (на основе моделей А. Мустайоки).....	174
3.3.3 Обоснование трансформационно-семантического моделирования с помощью графов	180
3.3.4 Анализ трансформационно-семантических моделей перевода остранения на материале переводов романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки.....	186
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3	215
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	220

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	226
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ.....	267
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	268

ВВЕДЕНИЕ

Настоящее диссертационное исследование посвящено проблемам изучения и трансформационно-семантического моделирования остранения как универсального литературного/художественного и, в частности, переводческого приема. Анализ остранения как переводческого приема представлен построением трансформационно-семантических моделей в главе 3 и Приложении. Содержание диссертации соответствует паспорту специальности 10.02.19 – «Теория языка» согласно разделам: 1. Теоретическая лингвистика (Модели языка; компаративистика, типология (универсализм), контрастивная лингвистика; связь с гуманитарными науками); 6. Семантика (Способы представления значения слова: в когнитивной семантике: схемы фреймы; Инструменты описания лексической синтагматики; Способы описания процесса «сборки» значения предложения; Перевод как экспериментальная проверка правильности семантических описаний; и др.); 10. Типология (Межъязыковое сравнение; Проблема сравнимости языков; Проблема выборки; Типологическая классификация).

Актуальность исследования. Актуальность исследования обусловлена необходимостью изучения остранения в меняющейся парадигме современного переводоведения и разработки новых моделей сложных, неоднозначных приемов языка и речи; возрастающим количеством художественных произведений на иврите; ростом переводов с иврита на русский язык, а также тем, что впервые была предпринята попытка исследовать остранение в переводческом аспекте при переводе с иврита на русский и английский языки на материале переводов романа Амоса Оза «Повесть о любви и тьме».

Общетеоретическую и методологическую базу исследования составили работы отечественных и зарубежных ученых, изучающих остранение в русле литературоведения, философии и искусствоведения: В.П. Авдонина, Р. Бориславова, Б. Брехта, В.С. Вахштайна, М.С. Виноградовой, К.В. Голубиной, Ж. Деррида, Т.А. Екимовой, С.О. Карцевского,

И.Н. Касинова, Л.А. Козловой, В.Н. Крылова, Б.А. Ланина, Н.А. Лебедева, М.Б. Лоскутниковой, Л.Е. Муравьевой, М.Л. Новиковой, Г.О. Олейниковой, О.В. Прищепа, Б.А. Прокудина, Е.В. Просвиряковой, П.Е. Родькина, А.В. Сверчковой, Е.В. Старковой, А.В. Стехова, Д. Сувина, Е.Г. Трубецкой, Т.В. Цвигун, Л.Н. Целковой, И.М. Чубарова, Т. Шефф, В.Б. Шкловского, К. Эмерсон, М.Н. Эпштейна, А.Ф. Юлдашбаева.

Методологическую базу исследования составили работы, посвященные передаче остранения в переводе художественных текстов (К.А. Алдебян, А.В. Бабук, Б. Билген, С. Бирн, С. Бойм, А.П. Бондарев, Г. Вермеер, И.В. Войнич, И. Грбич, Е.С. Грибановская, Л. Гуссаго, Л. Венути, С. Ингрэм, Е.Е. Калиш, О. Карбонелл, М.Б. Кахан, Н.В. Карпухина, А.Н. Костенко, Е.Ю. Куницына, Л. Мор, Ю. Найда, О.В. Нестеренко, К. Норд, В.А. Разумовская, К. Райс, Д. Робинсон, И.А. Самохина, С. Спигель, Г. Тури, Ф. Шлейермахер, Дж. Эдмонд); работы, посвященные проблеме терминологии в свете необходимости разграничения остранения и форенизации (Д.М. Бузаджи, В.С. Львов, Е.Ю. Куницына, Е.В. Аношкина, Э. Гентцлер, К. Депретто, Н.Г. Корнаухова, М. Манфреди, А. Марева, А.С. Маганов, Г.Л. Тульчинский, Б.А. Успенский, О.А. Ханзен-Лёве, Т.В. Цвигун, Э. Прунч). При этом необходимо отметить, что большая часть выводов в перечисленных исследованиях получена на материале языковой пары английский/русский языки. Поэтому привлечение материала, принадлежащего к неродственным языковым семьям (в данном случае таким языком является иврит), позволит открыть новые грани остранения как универсального приема искусства и переводческого приема.

В этой связи представляется необходимым расширить понимание остранения, провести разграничение между терминами «остранение» и смежными – «отчуждение», «очуждение», «отстранение», а также «foreignization» и «alienation».

Объект исследования – остранение как литературный и переводческий прием, а также универсальный прием искусства.

Предмет исследования – языковые средства создания остранения и трансформационно-семантические модели перевода остранения.

Целью диссертационного исследования является трансформационно-семантическое моделирование приема остранения в переводе (на материале художественного текста).

Достижение данной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Провести сравнительный анализ теоретических подходов к анализу остранения, определить функционирование остранения на фоне смежных терминов «отстранение», «отчуждение» и «очуждение» и описать остранение как универсальный художественный прием.
2. Обосновать реализацию остранения в качестве переводческого приема, расширяющего культурно-ориентированную парадигму доместикации и форенизации в художественном переводе и служащего средством сохранения аутентичности оригинала.
3. Описать употребление приема остранения в произведениях современных израильских писателей, в произведениях А. Оза, в частности в «Повести о любви и тьме».
4. Охарактеризовать отношения симметрии, диссимметрии, асимметрии, антисимметрии в переводе случаев остранения оригинального художественного текста с иврита на русский и английский языки.
5. Представить графические трансформационно-семантические модели перевода остранения и/или применения приема остранения в тексте перевода на основе методов функционального синтаксиса и теории фреймов.

В соответствии с поставленными целями и задачами в работе применялись следующие **методы**: описательно-сопоставительный, контекстологический методы (для доказательства универсальности приема остранения); методы функционального, компонентного, системно-структурного и переводческого анализа (для обоснования статуса остранения как отдельного приема, дополняющего переводческие стратегии

доместикации и форенизации, и для анализа реализации остранения в переводе).

Научная новизна обусловлена моделированием остранения в переводе, сопоставлением семантических трансформаций в переводе романа А. Оза «Повесть о любви и тьме» с иврита на русский и английский языки на основе анализа случаев остранения в оригинале и переводах романа. В данном исследовании впервые была предпринята попытка проанализировать прием остранения с позиции формального синтаксиса (с помощью трансформационно-семантического моделирования, представленного в виде графов) и симметрийных отношений. Широкая вариативность семантико-синтаксических преобразований не позволяет их систематизировать в отношении именно остранения, но дает наглядное представление о возможных трансформациях в целом при переводе с иврита на русский и английский языки. Кроме того, в работе впервые приводится анализ случаев остранения в отношениях симметрии, асимметрии, диссимметрии и антисимметрии оригинального текста и текстов переводов. Также научная новизна связана с материалом анализа. Произведения, написанные на современном иврите, редко служат материалом исследования отечественных ученых, несмотря на появляющееся в последнее время большое количество переведенных художественных произведений.

В качестве **научной гипотезы** исследования выдвигается следующее утверждение: несмотря на сложный характер приема остранения возможно его трансформационно-семантическое представление в переводе с частичной формализацией содержания составных частей.

Теоретическая значимость работы заключается: в углублении теоретических представлений об остранении как культурной универсалии; в рассмотрении остранения в качестве переводческого приема, дополняющего культурно-ориентированную парадигму доместикации и форенизации в художественном переводе, и расширении теоретической базы переводческого анализа художественных текстов.

Практическая ценность заключается в возможности использования трансформационно-семантических переводческих моделей остранения для перевода художественных текстов и обучения переводу.

Материалом для исследования послужил текст романа израильского писателя А. Оза «Повесть о любви и тьме» (2002 г.) и его переводы на русский и английский языки. Выбор материала для исследования обусловлен тем, что А. Оз – один из наиболее часто переводимых современных израильских писателей, отмеченный многими международными премиями (премия имени Бялика, премия Израиля по литературе, премия Гете, премия Кафки, орден Почетного легиона), был номинирован от Израиля как кандидат на получение Нобелевской премии по литературе. Квазиавтобиографическая «Повесть о любви и тьме» была опубликована в 2002 году, переведена на 26 языков, содержит около 300 выделяемых нами случаев остранения, из которых в работе проанализировано 65 примеров с построением соответствующих графов, представляющих трансформационно-семантические переводческие модели остранения.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Остранение как художественный прием оригинального текста литературы принципиально переводимо и может быть определено как операционная единица художественного перевода.
2. Остранение функционирует как переводческий прием, применение которого обусловлено важностью и необходимостью передачи культурной информации текстов «чужой» лингвокультуры.
3. Остранение как переводческий прием отличается от стратегий форенизации и доместикации, находясь с ними в отношении комплементарности (дополнительности) и являясь средством сохранения аутентичности оригинальных языковой и культурной картин мира исходного текста.

4. Прием остранения в переводе поддается частично формализованному представлению посредством функционального трансформационно-семантического моделирования с помощью графов.

5. Сохранение приема остранения оригинального художественного текста во вторичном тексте перевода позволяет установить наличие симметрийных отношений между оригиналом и переводом, а также между различными переводами данного текста.

Апробация работы. Результаты исследования представлены в докладах на международных очно-заочных научно-практических конференциях: «Индустрія перевода» (Пермь, 2014, 2015, 2016), «Актуальные проблемы современной лингвистики» (Санкт-Петербург, 2016), «Слово, высказывание, текст в когнитивном, pragматическом и культурологическом аспектах» (Челябинск, 2016), «Язык, культура, перевод» (Магадан, 2016), «Русский язык и литература в поликультурной среде» (Красноярск, 2017); на IX и X Международных научно-практических конференциях по актуальным вопросам теории и практики перевода (Киев, 2016); на международном Сибирском филологическом форуме (Красноярск, 2016); на всероссийских научно-практических конференциях: «Молодежь и наука» (Красноярск, 2011, 2014), «Диалог культур в аспекте языка и текста» (Красноярск, 2011).

Основные результаты и положения диссертационного исследования освещены в 16 публикациях, включая 4 статьи в научных журналах, входящих в список изданий, рекомендованных ВАК при Минобрнауки РФ: «Журнал СФУ. Гуманитарные науки», «Вестник НГЛУ».

Структура работы. Диссертация состоит из введения, трех глав, выводов по каждой главе, заключения, списка научной литературы и приложения.

ГЛАВА I. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИЕМА ОСТРАНЕНИЯ

1.1. Выделение остранения В.Б. Шкловским и его «ипостаси» в русском формализме

В этой главе приводятся толкования термина в специальной литературе, в научных статьях отечественных и зарубежных ученых, и проводится сравнение термина со сходными и синонимичными терминами. Несмотря на то, что термин на русском языке появился только в 1920-х гг., то, что он описывает, а именно деавтоматизированное восприятие окружающего мира, является неотъемлемой частью любого художественного произведения. Следовательно, остранение не должно и не может быть сведено к идиостилю конкретного автора, а представляет собой универсальный прием художественного описания действительности, выводящий читателя за пределы привычного образа мышления.

Термин «остранение» зародился в рамках русской формальной школы и впервые в такой формулировке на русском языке был упомянут в статье В.Б. Шкловского «Искусство как прием» (1929 г.) [Шкловский, электронный ресурс, 2014]. Немаловажно, что термин предполагалось произносить с ударением на втором слоге [Lanin, 2017, с. 753], чтобы эксплицировать родство со словом «странный». Литературовед и идеолог формализма использовал термин для описания деавтоматизированного восприятия вещей, свежего взгляда на них, продолжая развивать мысли, высказанные им в более ранней статье «Воскрешение слова», в которой он описывал «окаменение» формы слова [Шкловский, 1990, с. 36-37].

Следует отметить, что истоки идеи остранения находят в работах других исследователей и писателей, например, в статье П.Б. Шелли «Зашита поэзии» (1821 г.) [См. подробнее: Капица, 2006, с. 36], в которой он утверждал, что поэзия заставляет знакомые предметы казаться незнакомыми; или в трудах академика А.Н. Веселовского, писавшего об «обновлении впечатлительности», что перекликается с идеями В.Б. Шкловского [См.

подробнее: Веселовский, 1989, с. 75; Целкова, Просвирякова, 2008, с. 83]. Это обновление впечатлительности должно способствовать тому, что прочитанное не будет восприниматься автоматизированно и стереотипно. Литературовед, доктор филологических наук А.П. Бондарев пишет, что «историческая поэтика Веселовского и теоретиков сравнительно-исторической школы возникла в ответ на потребность разобраться в закономерностях разложения нормативных поэтик античности и неоклассицизма» [Бондарев, электронный ресурс, 2008]. Жанр (сюжет) стал интересовать А.Н. Веселовского «не столько как апперцепция традиционной фабулы», сколько как конструкция-фундамент, после переосмысления которой возможно создание нового произведения: «В сюжеты вторгаются некоторые мотивы, либо сюжеты комбинируются друг с другом <...> новое освещение получается от иного понимания стоящего в центре типа или типов (Фауст). Этим определяется отношение личного поэта к традиционным типическим сюжетам: его творчество» [Веселовский, 1940, с. 500]. Соответственно, такой аналитический подход раскрывает законы сюжетного построения и поднимает завесу над процессом конструирования произведения, который обычно скрыт для читателя. Новое, по А.Н. Веселовскому, создается при противопоставлении идеи традиционным методам ее воплощения и только при сравнении одного явления с другим (двучленный или многочленный параллелизм). Так появляется, например, поэтическое произведение: «...картинка природы, рядом с нею таковая же из человеческой жизни; они вторят друг другу при различии объективного содержания, между ними проходят созвучия, выясняющие то, что в них есть общего» [См. подробнее: Горский, 1989, с. 27].

По мнению В.Ф. Капицы, О. Ронена и И.Ю. Светликовой, термин «остранение» придумал не В.Б. Шкловский, а его соратник по формальной школе – О.М. Брик [См. подробнее: Капица, 2006, с. 36]. Очевидно, что В.Б. Шкловский продолжает и развивает по-своему путь возрождения слова, эпитета, намеченный А.Н. Веселовским в «Исторической поэтике», но

именно В.Б. Шкловский емко определил прием и ввел его в литературоведческую практику. В.С. Березин, подготовивший книгу о В.Б. Шкловском в серии «Жизнь замечательных людей», пишет о том, что нужно с осторожностью относиться к гипотезе, что именно О.М. Брик, известный своим словотворчеством, придумал этот термин; сам В.Б. Шкловский в 1967 г. напишет в письме из Парижа А.М. Марьямову: «Я связал остранение со сдвигом и нашел этот термин у старого Дягилева в 1923 году» [Цит. по: Березин, 2014, с. 40]. Возможно, что в имплицитной форме О.М. Брик использовал понятия остранения, автоматизации и др. [См. подробнее: Акимова, 2012, с. 92], но именно В.Б. Шкловский впервые¹ подробно истолковал прием² остранения на материале текстов Л.Н. Толстого (в частности рассказа «Холстомер»)³: писатель вычленял обыденный предмет из рутинного контекста и непредвзятым описанием выявлял новое его качество. Также термин использован для изображения вещей в романе

¹ Следует заметить, что В.Б. Шкловский не мог вспомнить, когда именно он ввел термин «остранение», но в собственном авторстве, судя по эссе «О “беспереходной игре”», не сомневался. В этом эссе В.Б. Шкловский рассматривает подход С.М. Эйзенштейна: «В 1929 г. в виде послесловия к книге Н. Кауфмана “Японское кино” Сергей Михайлович, опираясь на анализ восточного искусства, говорит о “беспереходной игре”. В 1940 г. Сергей Михайлович опять сделал пересмотр логики своего развития, написав статью “Монтаж 1938”. В этой статье обострено представление о монтажных стыках. Сергей Михайлович говорит об уплотнении процесса восприятия; он приводит пример из творчества Толстого: “Когда Вронский смотрел на часы на балконе Карениных, он был так встревожен и занят своими мыслями, что видел стрелки на циферблате, но не мог понять, который час”. Пример взят из XXIV главы второй части “Анны Карениной”. Знак времени и время разъединились, но сохранилось ощущение непонятности этого явления. *Мне кажется, что здесь возник процесс, который я анализировал в 1919 году или раньше, дав ему термин “остранение”*» [Шкловский, электронный ресурс, 1976, курсив наш – Ю.В.].

² Под приемом формалисты понимали принципы организации литературного высказывания в целом: сюжетно-композиционные, жанровые, стилистические [Литературная энциклопедия терминов и понятий, 2001, с. 805].

³ Первая публикация работы «Искусство как прием» появилась в «Сборниках по теории поэтического языка», Вып. II, Пг., 1917. – С. 3-14 [См. подробнее: Шкловский, электронный ресурс, 2014].

Л.Н. Толстого «Война и мир» (сцена первого посещения Наташой Ростовой оперного спектакля): «Толстой часто освещает вещи, как только что увиденные, не называя их, а перечисляя их признаки. Например, в одном описании он не говорит “береза”, а пишет: “большое кудрявое дерево с ярко-белым стволом и ветками”. Это береза, и только береза, но она описана человеком, который как бы не знает названия дерева и удивляется на необычное» [Шкловский, 1983, с. 233]. Таким образом, В.Б. Шкловский вводит прием остранения для описания бытовых вещей в их непосредственном явлении, вне зависимости от существующих представлений о них.

Б.А. Прокудин пишет в этой связи, что «Толстой проделывал подобный акт остраненного видения не только по отношению к лжесвятыням и лжеценностям. Таким образом он описывает, например, в “Войне и мире” театральное представление и много других вещей. Желание посмотреть на предмет, исключая его из социального контекста, привело к тому, что в своих поздних произведениях Толстой применил прием остранения к описанию церковных обрядов и догматов. Лучший пример – знаменитая сцена причастия в романе “Воскресение”, в которой Толстой начал подставлять вместо профессиональных терминов религиозного обихода их обычное значение. Получилось что-то неприятное, травмирующее, искренно принятое большинством читателей за злое богохульство» [Прокудин, 2013, с. 140-141], что, напротив, являлось попыткой очищения христианства, вывести веру из обрядового автоматизма, возвращения к сути учения Иисуса Христа, как понимал его Л.Н. Толстой.

Необходимо пояснить, что В.Б. Шкловский не считал остранение характерной чертой идиостиля Л.Н. Толстого. Прием остранения можно встретить во множестве иронических произведений русской литературы девятнадцатого столетия, например, в «Соборянах» Н.С. Лескова этот прием реализован на уровне текста (отрывок, описывающий приготовление к купанию обитателей Старгорода), также остранение на уровне

текстологическом и стилистическом реализовано в «Мертвых душах» Н.В. Гоголя [Нестеренко, 2010б].

А.В. Бабук считает первым произведением русской литературы, представляющим жизнеописание в свете приема остранения, «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное»: «Особенность данного литературного памятника XVII в. заключается в том, что его автор, ссылаясь на западноевропейских апостолов христианства, описывает собственную жизнь как подвижническую в целостном представлении своих взаимоотношений с другими людьми, что в корне изменяет каноны древнерусской литературы» [Бабук, 2015, с. 25]. Здесь, впервые в истории русской литературы автобиография пишется, как будто из будущего, с точки зрения потомков, оценивших заслуги протопопа. Кроме того, «Житие...» написано нарочито грубым языком, с простотой, не соответствующей литературной традиции, что тоже может служить обоснованием утверждения, что в этом литературном памятнике используется остранение.

Также мы должны отметить, что В.Б. Шкловский, вводя, на первый взгляд, исключительно литературоведческий термин, прибегает, ссылаясь на Л.Н.Толстого и независимо от З. Фрейда, к понятию бессознательного. Действия, становясь привычными, погружаются в бессознательное, и задача искусства состоит в том, чтобы извлечь их оттуда, заново предъявить нашему сознанию, но уже в качестве неизвестных, странных, на которых наше восприятие может долго задерживаться: «Если мы станем разбираться в общих законах восприятия, то увидим, что, становясь привычными, действия делаются автоматическими. Так, уходят, например, в среду бессознательно-автоматического все наши навыки... И вот для того, чтобы вернуть ощущение жизни, почувствовать вещи, для того, чтобы делать камень каменным, существует то, что называется искусством» [Шкловский, электронный ресурс, 2014].

Имеется достаточно оснований считать остранение универсальным приемом искусства. Анализируя эволюцию термина в работах

В.Б. Шкловского, О.В. Прищепа приходит к заключению, что этот прием не является исключительной прерогативой искусства и применим в научных исследованиях как, например, метод научного моделирования, «когда для познания одного объекта используется другой реальный или мыслимый объект, различные эвристические приемы в процессе научного поиска и решения проблем» [Прищепа, 2013, с. 216]. При этом происходит «остранение» объекта познания: «При смене научных парадигм ученые оказываются как бы на другой планете, окруженные незнакомыми предметами, а знакомые предметы появляются в совершенно ином свете» [Там же]. В предельном выражении остранение в описании отдельных предметов может быть представлено как способ обозначить реалию, не существующую в том или ином языке.

Ранний период становления термина включает его поэтическую ипостась: прием остранения стал узнаваемой чертой не только ОПОЯЗа, но и поэзии обэриутов. Следует подчеркнуть, что употребление остранения стало символическим для футуризма и авангарда, так как он «распространялся также на поведенческие установки художника, на способы его участия в литературном процессе» [Львов, 2015, с. 18] и на произведения того периода. Ю.Н. Тынянов полагает деформацию звука «конструктивным принципом прозы; а деформацию значения – конструктивным принципом поэзии» [Лоскутникова, 2011, с. 51]. Деформация значения приводит к замене ожидаемого наименования на новое, оставленное, чуждое шаблонному мышлению. Так, анализируя произведения Д.И. Хармса и А.И. Введенского, А.Н. Рымарь говорит о «намеренно создаваемом автором ощущении того, что все обороты текста слегка чужие, что они не столько непосредственно выражают какие-то переживания, сколько воспроизводят готовые шаблоны» [Рымарь, 2007, с.183]. В.Ф. Ходасевич, напротив, как считает А.В. Стехов, скептически отнесся «к манифестируемой технологичности «обнажения приема», заключающемуся в «показывании предмета в необычайной обстановке, придающей ему новое положение,

открывающей в нем новые стороны, заставляющей воспринять его непосредственнее», видя в нем безразличие к личности [Стехов, 2009, с. 116]. Тем не менее такая критика представляется справедливой только по отношению к формализму, но не к другим жанрам, для которых рассматриваемый прием является способом представить мысль, идею, точку зрения, события.

С точки зрения структурной лингвистики концепцию остранения в 1930-е гг. разрабатывал С.О. Карцевский⁴, который утверждал невозможность полного остранения и вычленения остранения из контекста, поскольку «объект и его контекст неразделимы». По С.О. Карцевскому, остранение может проявляться только в некоторой степени, так как «в природе лингвистического знака заложено свойство приспособливать свое значение к требованиям контекста, в котором он употребляется, и одновременно сохранять свою целостность, сопротивляясь внешнему воздействию и препятствуя полному исчезновению значения, т.е. всегда сохранять связь между частным и всеобщим» [Цит по: Юрченко, 2007а, с. 24]. Это замечание о принципиальной неосуществимости остранения в полном смысле слова особенно справедливо в отношении художественного произведения, так как при полном остранении оно было бы недоступно для восприятия (например, будучи написанным на неизвестном языке).

Ключевым и наиболее цитируемым в современных философских исследованиях, посвященных остранению, стал тезис М.М. Бахтина о «ненеобходимости, об «избытке видения автора по отношению к каждому герою» как необходимом условии эстетической завершенности произведения [Цит по: Трубецкова, 2013, с. 65]. При этом в бахтинской теории романа субъектно-объектная дилемма усложняется, а субъект и объект находятся в неоднозначной взаимосвязи, поэтому о разграничении «я» и другого

⁴ Т.Г. Юрченко ошибочно именует С.О. Карцевского Карчевским.

в поздних работах М.М. Бахтина говорить не приходится [См. подробнее: Бахтин, 1986].

Итак, вскоре после появления термина остранение стало считаться формальной школой «универсальным законом словесного искусства», который обнаруживался на всех уровнях текста (фоническом, стилистическом, идейно-образном): переживаемость звуков (Л.П. Якубинский), осложненность поэтической семантики (Ю.Н. Тынянов), «заторможенность сюжетообразующих компонентов» (В.Б. Шкловский) [Новикова, 2004, с. 34]. В первое время (1930-е гг.) отсутствовало единство мнений по поводу терминологии: наряду с «остранением» употреблялись такие термины, как «философия бокового зрения» (А. Пятигорский), «ход коня» (И. Паперно, А. Люксембург), «сдвиг» (И. Паперно, М. Медарич, Е. Белоусова⁵) [Сверчкова, 2011, с. 61], «двойное зрение» (Б.М. Эйхенбаум). Признавая художественную выразительность этих терминов, следует заключить, что они не выдержали испытания временем из-за своей недостаточной емкости, за исключением «сдвига», являющегося средством выражения остранения на семантическом уровне.

Кроме того, формальная школа в официальной советской научной парадигме считалась неприемлемой, в целом советская эпоха была ознаменована борьбой с формалистами, хотя формальные приемы и методы широко использовались. Как замечает Б.А. Ланин, «в 20-е годы они были

⁵ Мысль о «сдвиге» встречается и у Е.И. Замятин в статье «О литературе, энтропии революции и прочем» (1923), где он размышляет об искусстве фотографии: «Наука и искусство – состоят одинаково в проектировании мира на какие-то координаты. Различные формы – только в различии координат. Все реалистические формы – проектирование на неподвижные, плоские координаты Эвклидова мира. В природе этих координат нет, этого ограниченного, неподвижного мира нет, он – условность, абстракция, нереальность. И потому реализм “социалистический” или “буржуазный” – нереален: неизмеримо ближе к реальности проектирование на мчащиеся кривые поверхности – то, что одинаково делает новая математика и новое искусство. Реализм не примитивный, не *realia*, а *realiora* – заключается в сдвиге, в искажении, в кривизне, в необъективности. Объективен – объектив фотографического аппарата» [Замятин, электронный ресурс, 1988].

восприняты буквально всеми методическими школами. Их непосредственным представителем в школьной методике был И. Плотников» [Lanin, 2017, с. 756]. «Остранение» и формальные подходы стали узаконенными только после докторской диссертации Г.И. Беленького «Теория литературы в школе» (1975). Искренне отдавая дань идеологическим категориям, а подчас и восхваляя их, Г.И. Беленький привил отечественной методике вкус к наследию формальной школы [Там же, с. 757]. Новый виток интереса к отстранению возникает уже в постсоветскую эпоху.

1.2. Развитие понимания остранения в отечественной и зарубежной науке

1.2.1 Трактовка термина «остранение»

В этом разделе будут описаны современные научные подходы к анализу остранения с позиций лингвистического и литературоведческого направлений. Исследователями оспаривается отнесение термина исключительно к школе русского формализма, в настоящее время остранение рассматривается как эпистемологическая категория и термин когнитивной лингвистики.

Обратимся к энциклопедическим источникам для установления конкретных отличительных особенностей остранения. В «Литературной энциклопедии» сформулировано самое первое определение остранения:

«Прием остранения имеет своей целью “вывод вещи из автоматизма восприятия”. “Целью искусства, – говорит Шкловский, – является дать ощущение вещи как видение, а не как узнавание; приемом искусства является прием “остранения” вещей и прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, так как воспринимательный процесс в искусстве самоцелен и должен быть продлен”.

Из приведенных разъяснений ясно, что учение об остранении возникло на базе субъективно-психологической концепции художественного произведения как фактора и результата индивидуальных восприятий. Как и учение о доминанте, учение об остранении гипостазирует частный

стилистический факт, возводя его в закон поэтического творчества и подменяя им подлинные законы литературы как явления общественного, как идеологической надстройки» [См. подробнее: Литературная энциклопедия, 1934, с. 347-348]. Это определение написано в духе времени и отрицает за остранением возможность представать универсальным законом искусства, противопоставляя его так называемым «подлинным» законам искусства. В данном случае в поле зрения исследователей попадало исключительно реалистичное искусство. Но, несмотря на относительно отрицательную оценку остранения, за ним признается возможность выхода за узкие пределы стилизации.

В современных отечественных словарях остранение понимается как:

«термин для обозначения одной из особенностей художественной речи: привычное, знакомое, очевидное описывается, изображается как незнакомое, непривычное, как будто увиденное в первый раз, т.е. как странное, неожиданное, необычное» [Российский гуманитарный энциклопедический словарь, электронный ресурс, 2002];

«акцентирование писателем какого-либо элемента в тексте художественного произведения, с целью вызвать восприятие его не в обычных ассоциациях, а как нечто прежде не встречавшееся, необычное» [Толковый словарь Ефремовой, электронный ресурс, 2000].

Необходимо отметить, что приведенные выше определения опираются на использование термина в рамках литературоведения, тогда как понятие «остранение» используется и в ряде других гуманитарных наук.

Более полно остранение определяют философские энциклопедии и словари:

«термин эстетики и философии искусства 20 в., фиксирующий комплекс художественных приемов (буффонада, гротеск, парадокс и др.), при котором выразительность изображаемого разрушает привычные стандарты восприятия <...> Остранение не только художественный прием, но и понятие философско-методологического порядка в современной

естетике и философии культуры. Остранение позволяет при рефлексивном анализе художественного текста вывести условность произведения искусства за скобки, тем самым разрушить субъективность непосредственного восприятия, разрушить горизонт ожидания и явить объектно-смысловую фактуру художественного текста. <...> Как инструмент анализа художественного факта остранение есть преображенная культурным материалом форма феноменологической редукции, т.к. является незаменимым ключом для обнаружения и представленности смысловой метаструктуры художественной реальности. В позиции остранения исследователь производит реальное редуцирование наличных смыслов из поверхности текста к его глубинным смыслам и тем, что определены контекстом» [Новая философская энциклопедия, электронный ресурс, 2001].

Интересно, что в Проективном философском словаре составители не только вернулись к оригинальной орфографии термина «остранение», но и пишут о его возрождении в изначальном значении:

«В настоящее время происходит возврат к адекватному термину, используемому в осмыслении не только художественного, но и научного творчества, в педагогике. Остранныющая способность свойственна любому творческому сознанию – в науке, искусстве, политике и т.д. <...> Остроненность ярко проявляется в период изменения концептуального аппарата, смены парадигм, методологических установок. Смена научных парадигм ведет к тому, что ученые оказываются как бы на другой планете, окруженные незнакомыми предметами, где даже знакомые предметы предстают в совершенно ином свете, когда наступает кризис очевидности, а выдвижение “сумасшедших” идей становится критерием научного прогресса» [Проективный философский словарь, электронный ресурс, 2002].

Эта междисциплинарность применения остранения связана с позиционированием его как психофеномена или особого модуса восприятия.

В культурологической энциклопедии дается справка об эволюционном развитии термина. Обращает на себя внимание трактовка остранения как составляющей так называемой «психологической прозы»:

«Остранение XX в. во многом деидеологизировано и психологизировано. Если Толстой склонен показывать людей идиотами, то XX в. стремился, наоборот (подобно Достоевскому), видеть в идиоте человека. Такова “красота редуцированной психики”, психологизировавшая прием остранения и давшая ему новый ракурс в романе Фолкнера “Шум и ярость”, где мир изображается устами идиота Бенджи Компсона. Таким образом, XX в. парадоксально соединяет остранение с отчуждением и эстетизирует не сознание простодушного, но психику неполноценного» [Руднев, 1997, с. 205].

Согласно терминологическому словарю-тезаурусу по литературоведению, определение остранения лишено субъективных характеристик психологизации:

«в литературном произведении описание знакомых предметов и явлений как впервые увиденных, с необычной позиции (например, с высоты птичьего полета, или с точки зрения ребенка, или как их видит герой, будучи в определенном психическом состоянии)» [Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению, электронный ресурс, 2004].

В данном исследовании мы вслед за Д.М. Бузаджи понимаем под остранением *«замену ожидаемого в данном контексте наименования вещи, процесса или явления на неожиданное в данном контексте наименование с более широким семантическим потенциалом и той же референцией»*. Если выразить смысл остранения более кратко, то оно представляет собой *«внутриязыковую генерализацию, выполняющую специальную экспрессивную функцию»* [Бузаджи, 2007, с. 75]. Получившееся в результате данной замены наименование является актуализацией вещи или образа. Оно имеет особую стилистическую функцию и обогащает исходное понятие определенной экспрессивной окраской. Остранение также не сводится к границам лексем и

распространяется на синтаксический уровень (например, нарушенный порядок слов, неверное грамматическое построение, смешение прямой, косвенной и несобственно-прямой речи), а также на уровень текста (законченные смысловые образы или само построение художественной реальности, как, например, в рассказе В.О. Пелевина «Зигмунд в кафе» (повествование от лица попугая), в романах норвежских писателей Э. Лу, Ю. Харстада, К. Бьернстада, а также в произведениях нобелевских лауреатов К. Симона и О. Кэндзабуро). Таким образом, остранение как прием обладает многомерной структурой и связано с феноменолого-психологической редукцией.

В следующем разделе будет описано, как понимали остранение отечественные и зарубежные ученые с середины XX века по настоящее время с уточнением характеристик определения и функций применения остранения.

1.2.2 Прием остранения в российском научном дискурсе

Формулировка термина «остранение» предполагает выделение его признаков, их классификацию, а также систематизацию предпосылок для создания остранения в тексте. Из современных работ русских исследователей, посвященных данным темам, привлекают внимание статьи, опубликованные в «Новом литературном обозрении». В частности, Е. Сошкин уточняет, что В.Б. Шкловский выделяет два типа остранения: первый реализуется через метафоризацию и эвфемизацию, второй – через детальное описание вместо называния. Остранение второго типа, в зависимости от его направленности на объект или на субъект рецепции, «дополняет эксплицитную девальвацию какого-нибудь из двух полюсов имплицитной ревальвацией второго из них, а остранение первого типа действует симметричным образом, дополняя эксплицитную ревальвацию имплицитной девальвацией» [Сошкин, 2012, с. 182]. Разница между двумя типами лежит в интенциях текстов и в том, что сознательно эксплицируется и имплицируется автором; что обесценивается и проходит переоценку.

Рецензируя труд О. Ханцен-Левё, посвященный русскому формализму, Н. Григорьева образно описывает эти два типа остранения так: «Первый тип – вещественное, чувственно-непосредственное искусство вроде звуко-зауми. Остранение тут следует истолковывать как чрезмерное приближение к эстетическому объекту, мешающее увидеть его в целом, т.е. в его целесмыслоустремленности. Второй тип – беспредметное, абстрактное искусство, в котором остраненный предмет предстает до крайности удаленным и потому неразличимым» [Григорьева, 2002, с. 379]. Такой взгляд на остранение уподобляет его инструменту, но не способу реализации умонастроения автора: «Остранение, выросшее из революции, явилось способом приближения удаленного и удалением приближенного, заумью и беспредметностью» [Там же, с. 379]. Эти формулировки не лишены крайности, в целях нашего исследования мы будем придерживаться типологии Е. Сошкина с поправкой на отношения симметрии, диссимметрии,

асимметрии и антисимметрии, реализуемые в переводе. Доведение остранения до пределов подобно идее отсутствия письма у Ж. Деррида: «В ситуации десемантизации остранение влечений привело к тотальному вытеснению смысла» [Там же, с. 378].

Характеризуя функционирование остранения, В.С. Львов отмечает, что нужно отличать этот прием от «эффекта остранения», когда, например, потомки писателя воспринимают написанный им текст как нечто странное [Львов, 2011, с. 52]. В таком случае происходит размытие термина и сближение его с «отчуждением» в психологии. Действительно, дистанцирование во времени читателя от писателя неизбежно порождает этот эффект, однако он не находится в фокусе данного исследования, в котором проблема рецепции и проблема перевода остранения освещаются на материале современного текста.

Остранение служит для выражения изомерии⁶ авторской картины мира и языковых средств ее репрезентации, так как «отступление от канона на формальном, языковом уровне иконически передает отступление от канонических форм, закрепившихся норм на более глубинном уровне, на уровне сознания автора или его персонажей» [Козлова, 2012, с. 127]. Наиболее эффективным средством выражения оригинальной авторской картины мира являются языковые аномалии, как в произведениях А. Белого и А.П. Платонова.

Из современных исследований обращают на себя внимание идеи философа, культуролога и литературоведа М.Н. Эпштейна, который пишет, что прием остранения имеет свои степени интенсивности. Например, он предлагает своего рода градацию остранения, например, жуткое и страшное предстает в «острашении» (это «гипербола остранения, художественный

⁶ Изомерия может быть определена как симметрично-асимметричное явление естественного языка. Кроме того, «являясь одним из возможных типов отношений между оригиналом и переводом, изомерия предполагает параллелизм и идентичность элементов разных языковых уровней первичного и вторичного текстов» [Разумовская, 2012, с. 53].

прием, который выводит восприятие вещи из автоматизма и побуждает сосредоточить на ней внимание, поскольку она пугает, представляет угрозу»), а высшей стадии отчуждения соответствует физиологическое и шокирующее «ожутчение» [Эпштейн, электронный ресурс, 2014]. Также М.Н. Эпштейн отмечает, что «в литературоведческом смысле при критике того или иного автора можно говорить об остранении остранения» [Там же]. Он считает, что Л.Н. Толстой использует остранение «не для того, чтобы вернуть ощущение жизни, а, наоборот, чтобы умертвить, разъять на части то, что обычно воспринимается как живое и целое» [Там же].

Деавтоматизацию возможно уподобить препарированию предмета или события, так, «анализируя остранение в повести “Смерть Ивана Ильича” (обличение автоматизма бытия высших классов) и рассказе “Алеша Горшок” (сведение к автоматизму жизни низших классов с попыткой возвести ее в ранг христианской добродетели), М.Н. Эпштейн приходит к выводу, что предмет выводится из “автоматизма восприятия”, чтобы продемонстрировать его механистичность, бессмысленность и безжизненность» [Валькова, 2016а, с.24]. Идеи М.Н. Эпштейна представляют собой образно-художественное изложение взглядов автора на текстологию: «...остранение стирает с произведения хрестоматийный глянец», «Толстой-художник остраняет Толстого-проповедника, выставляет условность и надуманность его мировоззрения» и т.д. [Эпштейн, 2015, с. 120].

Игра присвоения-очуждения, как считает исследователь, реализована в эrotическом дискурсе: «В высшей степени эrotичны, например, метафизические романы-трагедии Достоевского. Отчасти и потому, что **эротическое очуждение** хорошо знакомо героям Достоевского – Ставрогину, Свидригайловой, Федору Карамазову, – которые испытывают влечение к тому, что лишено прямой сексуальной привлекательности, затрудняет влечение – и тем самым обнажает «прием» [Эпштейн, электронный ресурс, 2001]. В таком очуждении явлено нарушение стереотипных, заданных социумом установок, автоматизированного восприятия идеалов.

Идея использования остранения как поэтического «нарушения автоматизма» получает свое развитие в статье Т.В. Цвигун, которая считает остранение всего лишь частным случаем концепции русского формализма, организующего свои теории «вокруг риторического концепта отклонения (который получает различную категоризацию – как “остранение”, “комическое”, “сказ”, “конструктивный принцип”, в ближайшей хронологической перспективе – “диалог” у М. Бахтина и др.)» [Цвигун, 2012, с. 84]. Напротив, в данной работе остранение считается не одним из проявлений идеи деформации, а универсальным приемом (т.е. деформацией как таковой), которая может использоваться с *текстообразующей функцией* для создания комического или иного эффекта. Замена остранения другим термином связана с проведением параллели с Аристотелем, который «для обозначения поэтического модуса языка вводит определения с общей семой “отклонение” и характеризует поэзию как “отчужденную”» [Цвигун, 2012, с. 83]. Остранение является ключевым фактором для обозначения эффекта обновленной и неожиданной рецепции.

Идея об обновленной и неожиданной рецепции близка взглядам В.В. Набокова, который полагал, что при восприятии произведения следует пользоваться «безличным воображением». В «Лекциях по зарубежной литературе» он постулирует это так: «Следует оставаться немного в стороне, находя удовольствие в самой этой отстраненности, и оттуда с наслаждением, переходящим в страсть, исторгающим слезы и бросающим в дрожь, – созерцать глубинную ткань шедевра» [Цит. по: Стехов, 2009, с. 120]. Для читателя путь отстраненного восприятия необходим для представления того мира, который в художественном преломлении может измениться до неузнаваемости, как это происходит, например, в произведениях современных русских писателей В.Г. Сорокина, В.О. Пелевина, Е.Г. Водолазкина и романе Т.Н. Толстой «Кысь».

Л. Цзинь, анализируя прием остранения в романе «Кысь», возводит его к аристотелевскому принципу эстетизации изображаемого, когда «объектом

остранения могут стать смыслы, понятия, значения, слова, а приемами – нарушение лексической сочетаемости, разрушение стилевой и грамматической парадигмы, речевые аномалии, окказионализмы, порождение акустико-артикуляционных (“звуковых”) образов и, как следствие, словотворчество в самом широком смысле слова» [Цзинь, 2015, с. 380]. Для создания образа новой реальности писательница использует изменение грамматических форм, написание слов в соответствии с произношением, изменение дискурсной принадлежности слов, неографизмы, неологизмы, употребление слов в непривычных стилистических контекстах [См. подробнее: Цзинь, 2015, с. 381-382].

Есть и другие средства создания «сдвига» как частной вариации остранения, например, для рассказов В.В. Набокова характерны аллитерация, иконическое соответствие слова предмету, семантизация имени собственного, метафорический перенос [Сверчкова, 2011, с. 58]; а герои романов «Лолита» и «Бледный огонь» как будто ощущают присутствие автора или то, что они становятся частью «упорядоченного, эстетизированного мира» [Naiman, 2005, с. 585]. Остранение у В.В. Набокова проявляется в тревожности персонажей, часто она сопровождается беспокойством, как будто герои чувствуют, что автор их наблюдает и «даже выслеживает» [Там же]. Такое обнаружение присутствия автора словно сообщает оттенок достоверности описываемым событиям.

Набоков-переводчик также использует остранение как переводческий прием. В переводе «Евгения Онегина» В.В. Набоков «использовал английские архаизмы не только для того, чтобы найти достойную замену русским устаревшим выражениям; он хотел оживить оттенок значения, который сохранился в русском слове, но был потерян в своем английском эквиваленте» [Костенко, 2006, с. 142]. При этом В.В. Набоков избежал структуралистских ограничений, представив к английскому тексту перевода развернутый интерпретативный комментарий, а также русский текст в английской транслитерации (предельный случай остранения, когда

реципиент переводного текста вынужден обращать внимание и на оригинальный вариант, даже если он и не владеет языком оригинала).

В русле литературоведения также интересна попытка анализа приема остранения Е.В. Старковой, которая исследует образный мир в произведениях М.А. Булгакова и выделяет три основных средства создания остранения – метафору, метонимию, олицетворение [Старкова, 2012, с. 161]. Все эти тропы соответствуют в основном остранению I типа, однако ими средства выражения остранения не ограничиваются.

Как правило, в литературоведческой традиции главным фокусом остранения является цельный образ или персонажей, или происходящих событий. М.Л. Новикова, анализируя «остраннение» (в таком варианте написания) в романе Е.И. Замятине «Мы», центрообразующим полагает «образный план остранных образов» [Новикова, 2004, с. 35], которые выступают в тексте как развернутые композиционные построения, будучи важным средством интеграции текста. Рассматривая языковую игру в произведениях «ФМ» и «Квест» Б. Акунина и некоторых произведениях В.О. Пелевина, исследователь пишет, что «остраннение» является языковым и композиционным инвариантом, «основным исходным приемом и законом конструирования текста, егоизобразительной семантики и образной структуры» [Новикова, 2013, с. 117-118]. Также и Т.А. Екимова считает, что в «Дневнике фокса Микки» Саши Черного остранение выполняет хронотопическую функцию, расширяя жизненное пространство и являясь основным средством представления переломного события (эмиграции в Париж) [Екимова, 2015, с. 120]. Далее, в главе 3, на примере современного израильского романа будет продемонстрировано, что при отсутствии связующей сюжетной линии остранные образные конструкции исполняют роль цементирующего компонента.

Тем не менее В.С. Вуколова критикует экстраполяцию остранения на художественное произведение в качестве интегрирующего принципа, упрекая его в излишней литературоцентричности [Вуколова, 2015, с. 222]. Но

следует отметить, что это верно только в отношении рассматриваемого исследователем романа Л.Е. Улицкой «Зеленый шатер», и, соответственно, не являясь инвариантом для данного произведения, остранение способно выполнять роль цементирующего компонента в иных случаях.

Вернемся к собственно лингвистическим аспектам термина. В языкоznании остранение рассматривается с точки зрения сопоставительной лингвистики (Н.Г. Корнаухова, А.С. Маганов, Э. Гентцлер и другие): сравнивается реализация остранения в разных художественных произведениях на разных языках. Многие исследователи, трактуя понятие остранения, берут за основу анализ приема остранения по отдельности в разных произведениях или комбинируют изучение остранения с переводческим анализом.

Остранение, по мнению К.В. Голубиной, опосредует связь между художественным дискурсом и реальностью. Занимая остраненную позицию, исследователь текста производит реальное «редуцирование наличных смыслов из поверхности текста к его глубинным смыслам и тем, что определены контекстом» [Голубина, 2014, с. 56]. Так, остранение является ключом для обнаружения смысловой метаструктуры художественной реальности и способом сфокусировать внимание читателя не только на фабуле.

Остранение также может быть понято как попытка творца противостоять навязанной идеологии, в таком случае авторы склоняются к тому, что правильный вариант написания термина – «отстранение» [См. подробнее: Руднев, электронный ресурс, 1997]. Кроме того, Б.А. Прокудин, характеризуя политические аспекты остранения в прозе Л.Н. Толстого, пишет, что «прием остранения обладает сильным художественным эффектом, расширяя видение читателя, и в то же время он совершенно анархичен с идеологической точки зрения. Он ставит под сомнение “неоспоримые” ценности, проверяет их на прочность. Но не это было основной целью Толстого. Толстой хотел изменить наше сознание. По его

мнению, людям свойственно жить с “широко закрытыми глазами”, возводить стены добропорядочного самообмана между собой и самыми простыми нравственными императивами. Смотреть и не видеть» [Прокудин, 2013, с. 144-145].

Остранение как прием функционирует не только в художественной литературе, но и в публицистике. Д.В. Харитонов проводит сравнение между русским формализмом и американским «новым журнализмом» 1960-х гг., олицетворенным знаменитым журналистом Т. Вулфом. Принцип остранения «Шкловский и Вулф сделали основой своего стиля, который следует понимать как сумму приемов бытового, социального и творческого поведения. Утверждая свою “странный”, т.е. привлекая к себе стабильное внимание (как профессиональное, так и публичное, как благожелательное, так и критическое), они не просто боролись за “сохранность” формализма и “нового журнализа” в качестве актуальных и конкурентоспособных методов культурного производства, но настаивали на их исключительном статусе – статусе единственно адекватных хронотопически обусловленным “вызовам” “ответов”» [Харитонов, 2010, с. 118].

Одной из отличительных форм остранения исследователь считает скандал: «Скандал – одна из наиболее явных форм остранения: предмет скандала неизбежно оказывается представленным в новом свете, потому что описывается через “ненормальный” код. Для В.Б. Шкловского скандал был привычной формой социального и профессионального поведения – формализм не был “строгой” наукой, и в его системе столкновение методологических положений естественным образом принимало форму самой отчаянной полемики, печатной и “очной”» [Там же, с. 119]. Остранение в речи имеет два порядка, к первому относится постоянное искажение, трансформация, преодоление бытового материала (фразеологических общих мест), ко второму – речевое поведение, поток речи в целом, «неизменно оправленная в улыбку речь», бытовая отстраненность [Там же, с. 122]. Можно провести параллель с двумя типами остранения,

выделяемыми Е. Сошкиным, первый тип – частный случай реализации остранения в более мелких единицах на лексическом уровне, второй – характеризует речевое поведение, общий замысел построения текста.

Сравнение англо- и русскоязычного материала (но не на публицистическом, а на художественном материале) также проводит А.В. Бабук. Он анализирует автобиографические мотивы в романах Ч. Диккенса и Ф.М. Достоевского и заключает, что писатели «с помощью приема остранения перемещают свою привычную точку зрения на воображаемую, утопическую позицию, с которой автор получает возможность по-новому взглянуть на вещь или описываемое им явление. И Ч. Диккенс, и Ф.М. Достоевский делают это путем наделения своих воспоминаний христианским смыслом» [Бабук, 2015, с. 26]. Особенno ярко остранение проявляется в романах «Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим» Ч. Диккенса и «Идиот» Ф.М. Достоевского [Там же, с. 25-26]. В них остранение создается с помощью призмы христианского мировоззрения, оно становится средством для осмыслиния той действительности, которую познали писатели благодаря опыту преодоления нищеты и угрозы смерти.

Анализ англоязычного материала (произведения А. Сьюэлл, Э. Хемингуэя и Р. Брэдбери) проводят украинские исследователи А.В. Сингаевская и Ю.А. Купчишина. В понимании А.В. Сингаевской и Ю.А. Купчишиной остранение («очуднення» на украинском языке) – это универсальный стилистический прием, система нетрадиционных художественных средств, используемая автором с целью обострения внимания читателя к изображаемому сюжету, явлению или образу [Сингайвська, Купчишина, 2012, с. 159]. Они рассматривают остранение как общий когнитивный механизм, который дает возможность изучать скрытые явления, происходящие в сознании человека и связанные с отражением и осмысливанием окружающей среды. Созданные остранением новые концепты языковой картины мира таким образом синтезируют абстрактное и

конкретное; они являются результатом взаимодействия и познавательных процессов, эмпирического опыта, языковой компетенции индивида. В основе остранения, по их мнению, лежит оригинальная (авторская) метафора, нарушающая категориальные границы и способствующая формированию необычных, оригинальных смысловых значений.

Д.В. Псурцев, говоря о современном потенциале остранения для лингвистики, констатирует «некий парадокс, который заключается в том, что наибольший интерес для языковедов представляет не широкая “искусствоведческая” трактовка остранения, но именно логико-семантическая экспликация остранения в его первичном узком смысле. Такая экспликация, “недовыполненная” Шкловским и осуществляемая в наши дни с последовательно лингвистических позиций, создает основания для трактовки остранения как особого, ранее не изученного и не выделявшегося стилистического приема» [Псурцев, 2009, с. 57-58]. Это, по мнению исследователя, вносит коррективы в сложившуюся парадигму стилистических приемов и уже по этой причине значимо для лингвистики. Более того, возникает перспектива когнитивного рассмотрения остранения как одного из основных принципов мышления, наряду с метафорой и метонимией, что создает еще большие новые возможности. Также исследователь проводит параллель между остранением и принципами выдвижения (обозначенными И.В. Арнольд), актуализации (термин заимствован из пражской лингвистической школы, а дальнейшей разработкой терминологии занимался М.А.К. Хэллидей). Принцип актуализации Б. Гавранек характеризует следующим образом: «Актуализация – такое использование языковых средств, которое привлекает внимание само по себе и воспринимается как необычное, лишенное автоматизма, деавтоматизированное» [Цит. по: Псурцев, 2009, с. 59]. Такая трактовка восходит к идеи феноменолого-психологической редукции Э. Гуссерля.

С позиций когнитивной лингвистики рассматривает остранение и Т.П. Квашнина, которая считает, что этот прием является передатчиком особенностей мышления автора. Как и другие исследователи (см., например, статью Е. Сошкина), она делит проявления остранения на два типа. В первом случае остранение возникает «когда предмет/явление впервые видятся наблюдателем и вследствие этого он вынужден использовать в описании схожие понятия, используемые в описаниях других объектов/явлений, либо когда восприятие наблюдателя в силу каких-то обстоятельств нарушено, причем зачастую это вызвано психологическими причинами, как например, нарушение процесса социализации» [Квашнина, 2012, с. 149]. При этом Т.П. Квашнина отмечает преобладание в современной художественной прозе остранения второго типа. Остранение часто реализуется с помощью генерализации (универсальное остранение) и конкретизации (индивидуально-окказиональное остранение, связанное с нарушениями в мировосприятии и мироощущении или отражающее профессиональные особенности) [Квашнина, 2012, с. 153]. Остранение в любом проявлении понимается исследовательницей как стилистический инструмент декодирования.

Эффекту остранения противопоставлен эффект апраприации (присвоения), или «эффект Керет – Стругацких» (в формулировке В.С. Вахштайна). Э. Керет – современный израильский писатель, в произведениях которого экстраординарные события (теракт, геноцид) представлены как сами собой разумеющиеся, как и у братьев Стругацких; художественный эффект создается из нормализации невероятных событий. Отношения «свой-чужой» противоположны отношениям в остранении, так как «чужое» становится «своим» через осознание: «Апраприация осуществляется в нарративе. В самом наблюдении ее еще нет. Этот эффект возникает лишь на этапе описания события, когда наблюдатель становится нарратором» [Вахштайн, 2011, с. 87]. Характерная позиция рассказчика в произведениях Э. Керета – это взгляд стороннего

наблюдателя, наивного ребенка, неудачника, маргинала или такого человека, который не замечается обывателями. Благодаря этой незамеченности рассказчику на протяжении короткой истории удается описать обычное (остранение) или экстраординарное (апроприация) событие так, как оно не осознается нормальными людьми, усвоившими принятые в социуме нормы поведения.

Кроме того, остранению как приему противопоставляется прием сокрытия, который реализуется в текстах минималистских или игровых. Так, примерами сокрытия являются палиндромы, парономазия, иконичность, неочевидный звуковой повтор, корневая рифма, которые призваны продемонстрировать действие противона правленных сил, так как текст «не только привлекает внимание к своей фактуре, уравнивая соположенное, но тем же жестом скрывает ее» [Степанов, 2008, с. 25]. С этой точкой зрения сложно согласиться из-за ее парадоксальности, языковая игра, по мнению автора, служит для маскировки описываемого явления, но и одновременно через метафоризацию она выясняет те аспекты явления, которые раньше не были заметны.

Итак, остранение является актуализацией вещи или события, деконтекстуализацией, стилистическим приемом, создаваемым с помощью генерализации или конкретизации. Остранение может быть двух типов; первый связан с употреблением тропов и нарушением когнитивных ожиданий, второй – с созданием цельного образа и использованием в качестве композиционного приема. Наблюдаются расширение парадигмы изучения остранения, в частности описаны приемы, противоположные остранению (апроприация и сокрытие).

1.2.3 Прием остранения в зарубежном научном дискурсе

В данном разделе будет дан краткий обзор мнений о проблеме остранения преимущественно зарубежных исследователей. Деление исследований по географическому признаку носит формальный характер, но оно обусловлено в частности, тем, что русскоязычные авторы ссылаются, как правило, на работы своих русскоязычных коллег, а зарубежные авторы не цитируют работы, написанные на русском языке, а из русскоязычных авторов ссылаются только на формалистов. Характеристика исследований, сочетающих русский и зарубежный подходы, дана в следующем разделе.

Прием остранения не появился сам по себе, но возник из идей об отчуждении западных мыслителей и концепции очуждения Б. Брехта. Еще Ф. Шеллинг⁷, И. Фихте⁸ и Г. Гегель разрабатывали проблему отчуждения с философско-идеалистической перспективы, применяя методы диалектики. Г. Гегель «вводит понятие отчуждения как философский термин, это неизбежная переходная ступень по диалектическому пути Духа к себе» [См. подробнее: Вторушин, 2008, с. 105]. В немецком идеализме понятие отчуждения объясняло природную жизнь вообще и человеческую, в частности. Отчуждение, о котором при этом шла речь, представляло собой

⁷ Д. Лукач в главе «Отчуждение (“Entäuberung”) как центральное философское понятие “Феноменологии духа”» пишет так: «То, что Гегель позже назовет “отчуждением” (Entäuberung), Ф.В. Шеллинг называет “обусловливанием” (Bedingen). Обусловливание означает действие, посредством которого нечто превращается в вещь (Ding); обусловленное (bedingt) означает то, что стало вещью; тем самым становится ясным, что ничто не может быть положено как вещь через себя самое, т. е. что безусловная вещь (unbedingtes Ding) представляет собой противоречие. Безусловное (Unbedingt) есть как раз то, что совершенно не превращаемо в вещь, в принципе не может быть превращено в вещь» [Лукач, 1987, с. 183].

⁸ Ср. в лекции «О назначении человека в себе»: «...Я никогда не осознает самого себя и не может осознать иначе, как в своих эмпирических определениях, и что эти эмпирические определения непременно предполагают нечто вне Я. Уже тело человека, которое он называет своим телом, есть нечто вне Я <...> Рассматривать человека в себе и изолированно не значит, следовательно, ни здесь, ни где-либо рассматривать его просто как чистое Я без всякого отношения к чему-нибудь вне его чистого Я, а только мыслить его вне всякого отношения к себе подобным существам» [Фихте, 1993, с. 12-13].

разнообразную оторванность объекта от субъекта, материи от сознания, интеллекта от чувственности, индивида от общества и т. д., обнаруживаемое философами в абстрактном процессе рефлексивной мысли. В монографии о раннем Г. Гегеле Д. Лукач писал: «Философски отчуждение означает то же, что “вещность” или “предметность”: оно представляет собой форму, в которой получает философское выражение история возникновения предметности, предметность как диалектический момент на пути самотождественного субъект-объекта через “отчуждение” к самому себе» [Lukács 1986, с. 616, цит по: Чубаров, 2013, с. 4-5].

Ж.-Ж. Руссо отчуждение рассматривает как следствие общественного договора, т.е. буквальное отчуждение прав членов общины в пользу всей общины [Руссо, 1938, с. 13]. Также философ выводит отчуждение «второго порядка», связанное с политическим деспотизмом: «смысл его заключается в том, что человек, передавший часть своих естественных прав государству, становится отчужденным, но и в этой ситуации его оставшиеся права нарушаются и попираются деспотическими личностями, пробравшимися к власти» [См. подробнее: Асафьева, 2015, с. 16].

И. Кант рассматривает отчуждение и с точки зрения гносеологии, поскольку в учении данного философа отчуждение связывается с нетождественностью феноменального и ноумenalного. Согласно Канту, познающий субъект имеет дело не с «вещами-в-себе», а с их отчужденной природой, то есть совокупностью предметов опыта. Также Кантом прослеживается диалектическая взаимосвязь отчуждения и свободы, поскольку в наиболее свободном обществе индивид в наибольшей мере отчужден от своей изначальной свободы [Там же, с. 16], а полностью лишившийся свободы холоп (*servus in sensu stricto*) может быть отчужденным, как любая другая вещь [Кант, 2014, с. 330].

Л. Фейербах, использовал антропологический материальный подход, и проблема отчуждения для него была связана с критикой религии: непостижимость Бога «имеет также своей целью отчуждение божественной

деятельности от человеческой, устранение их сходства, подобия, или, вернее, существенного единства, чтобы сделать божественную деятельность иной по существу» [Фейербах, 1995, с. 203]. Человек, по Фейербаху, – субъект отчуждения: «Человек отчуждает свою сущность в религии. Преодоление отчуждения – осознание на более высоком социокультурном уровне несостоятельности отчуждения человеческой сущности, воплощение ее в Боге» [Вторушин, 2008, с. 105].

У С. Кьеркегора появляется идея об экзистенциальном отчуждении⁹. Отчуждение у философа связано с отчаянием, утратой связи с Богом (общехристианская идея), потерей своего «Я» и последующим грехом, но в то же самое время переживание чувства отчуждения свидетельствуют «о наличии живого духа в человеке» [См. подробнее: Прокофьева, 2015, с. 1087].

Доктор философских наук В.П. Визгин считает, что К. Маркс и Ф. Ницше предлагают две различные версии выхода из раздробленного состояния человека и из всей эпохи буржуазности как судьбы человека нового времени, так как К. Маркс связывает снятие отчуждения с достижением полной рационализации социальной машины для беспрепятственного роста могущества человека, а у Ф. Ницше отчуждение – предпосылка свободной воли, которая утверждает нового, целостного

⁹ Ср. в трактате «Страх и трепет»: «В бесконечном самоотречении заложены мир и покой; всякий человек, желающий этого и не унижающий себя презрением к себе самому (а это еще ужаснее, чем быть слишком гордым), может воспитать себя настолько, чтобы сделать это движение, которое в самой своей боли примирило бы его с наличным существованием. Бесконечное самоотречение – это та рубашка, о которой говорилось в старой народной сказке. Нить ее придется среди слез, ткань отбеливается слезами, рубашка шьется в слезах, но она и защищает лучше, чем сталь и железо. Несовершенство этой народной сказки состоит в том, что она допускает, будто некто третий может готовить ткань. Тайна жизни заключена в том, что каждый должен сам шить себе такую рубашку, и замечательно то, что мужчина способен шить ее так же хорошо, как и женщина. В бесконечном самоотречении заложены мир и покой, и утешение в боли – правда, только если движение осуществлено правильно» [Кьеркегор, электронный ресурс, 1993].

человека будущего, обозначенного у него как «сверхчеловек» [См. подробнее: Визгин, электронный ресурс, 1999]. Ф. Ницше говорил о том, что в современном мире человек несвободен и отчужден из-за христианского давления, что понятие «свободы воли» ложно [Ницше, 1990а, с. 21]; по мнению Ф.Е. Джейранова, ницшеанский аскетический идеализм вел к освобождению человека от страданий, «но достигал это тем, что отторгал человека от основ его бытия и уводил в ничто, а по сути ввергал в мир страдания», погасив индивидуальное, творческое и субъективное начало [Джейранов, 2011, с. 142]. С другой стороны, в отчуждении Ф. Ницше, как считает Е.В. Куняшова, видит и возможность исцеления, возвращения к внутреннему «Я» [Куняшова, 2014, с. 126].

Интересный взгляд на проблему отчуждения выразил известный социолог и философ XX века, представитель «философии жизни» Г. Зиммель. Он видит в отчужденности проблему дуализма, вражды между жизненным и творческим душевным процессом и его конкретным содержанием и порождением [Зиммель, 1996, с. 450 и далее]. Для Г. Зиммеля проблема отчуждения сопряжена с проблемой кризиса и трагизма культуры, а «жизнь, из которой возникают различные формы культуры, постепенно отдаляющиеся и отчуждающиеся от нее, утрачивает смысл и целесообразность» [Куняшова, 2014, с. 126]. Именно уровень культуры личности постепенно становится элементом, способствующим отчуждению людей друг от друга.

Г. Зиммеля, а также и С. Кьеркегора, Ф. Ницше¹⁰, Л. Фейербаха, К. Маркса, по словам К. Лёвита, «объединял отказ от тотальности и

¹⁰ Чувство отчужденности от людей для Ф. Ницше становится возможностью самопознания и творческого становления. Ср. в заметках «Ecce Homo, как становятся самим собой»: «Возникновение этой книги относится к неделям первых байрейтских фестшпилей; глубокая отчужденность от всего, что меня там окружало, есть одно из условий ее возникновения. Кто имеет понятие о том, какие видения уже тогда пробежали по моему пути, может угадать, что творилось в моей душе, когда я однажды проснулся в Байрейте. Совсем как если бы я грезил... Где же я был? Я ничего не узнавал, я едва узнавал Вагнера» [Ницше, электронный ресурс, 1990б].

субстанциальности сознания, обнаружение за оболочкой отношений вещей реальных человеческих отношений, и главное – пафос изменения установленного порядка жизни, предчувствие и даже провоцирование радикальных социальных изменений, революции» [Цит по: Чубаров, 2013, с. 4-5]. Напротив, философы-экзистенциалисты и близкие к экзистенциализму Ж.-П. Сартр, А. Камю, Х. Ортега-и-Гассет, С. де Бовуар обращают внимание на субъективную сторону отчуждения, делая акцент на процессе переживания субъектом состояния отчужденности от чего-либо, а не на объективных социальных процессах [См. подробнее: Юдин, 2011, с. 5 и далее].

В России отчуждение рассматривалось Н.А. Бердяевым в одном смысловом поле с понятием «объективации», в связи с чем также можно провести параллель между отчуждением и остранением, для создания которого автор объективирует описываемый объект. Однако Д.В. Прокофьева, исследуя проблему отчуждения у христианских мыслителей, находит, что объективация Н.А. Бердяева «представляет собой не раскрытие, обнаружение духа, а, наоборот, его закрытие, обеднение, вынужденное проявление в искаженной форме» [Прокофьева, 2015, с. 1088]. Таким образом, объективация в отчуждении по Н.А. Бердяеву выполняет задачи, противоположные задачам остранения.

Переосмысление идеи отчуждения в 1920-е гг. связано с разработками формалистов. Историки формализма В. Эрлих, П. Стайнер, О. Ханцен-Лёве рассматривали остранение главным образом с литературно-теоретической, «метапоэтической» стороны. Также В. Эрлих пишет, что В.Б. Шловский не замечает идеологической подоплеки остранения в рассказе «Холстомер» и сосредотачивает внимание на противопоставлении «изнашиваемости» формы ее «ощущимости»: «Вырывая объект из привычного контекста, соединяя несоединимые понятия, поэт наносит *coup de grace* по языковым штампам и по сопряженным с ними стандартным реакциям, заставляя нас отчетливее осознать вещи в их ощущимости» [Эрлих, 1996, с. 174-175]. Термин

В.Б. Шкловского, с точки зрения значимого исследователя русского формализма О.А. Ханзена-Лёве, концентрирует в себе требование новизны, которое находит свое наиболее радикальное, если не драматичное, воплощение в парадигме модернизма. Термин «остранение» обусловливает любые факты интеллектуальной активности [См. подробнее: Левченко, электронный ресурс, 2015]. Акт остранения «не только заставляет осознать сопровождающую его конвенциональную категоризацию, но и привлекает внимание к его непосредственно данной предметности, к еще предрациональной ассоциации впечатлений (по Д. Юму), представляющей собой продукт всякого “обнажающего свежего взгляда”» [Ханзен-Лёве, 2001, с. 14-15]. Таким образом, устанавливается дистанция там, где господствует привычная близость. О.А. Ханзен-Лёве считает также, что В.Б. Шкловский возводит свое определение поэтического языка как деформации практического языка с целью его остранения к аристотелевской категории “карнавального”¹¹, что придает поэтическому языку “характер чужеземного, удивительного”» [Ханзен-Лёве, 2001, с.15].

В своей рецензии на книгу И.Ю. Светликовой «Истоки русского формализма: традиция психологизма и формальная школа» В.Ф. Капица отмечает, что исследователь русского формализма проводит аналогию между остранением и принципами магического мышления Д. Фрэзера, высказанными в его труде «Золотая ветвь» (1890 г.), имея в виду,

¹¹ Ср. с семиотической теорией карнавала, изложенной М.М. Бахтиным в его книге о Рабле: «Карнавал (повторяю, в самом широком значении этого слова) освобождал сознание от власти официального мировоззрения, позволял взглянуть на мир по-новому; без страха, без благоговения, абсолютно критически, но в то же время и без нигилизма, а положительно, ибо раскрывал избыточное материальное начало мира, становление и смену, неодолимость и вечное торжество нового, бессмертие народа. Эта была могучая опора для штурма готического века и для выработки основ нового мировоззрения. Это и есть та карнавализация сознания, о которой мы говорили, – полное освобождение от готической серьезности, чтобы проложить пути к серьезности новой, свободной и трезвой» [Бахтин, электронный ресурс, 1990].

в частности, закон подобия и закон соприкосновения [Капица, 2006, с. 36; Светликова, 2005, с.77].

В начале 2000-х гг., после некоторого перерыва, следующего за работами французских структуралистов в 1960-е гг., инициировавшими интерес к русскому формализму, и публикациями 1970-х гг., посвященными остранению, в зарубежных журналах вновь появляется ряд статей по этой теме. Новый всплеск интереса был обусловлен необходимостью критической оценки наработок двадцатого столетия и переосмысления некоторых лингвистических явлений с психологической перспективы. В современных работах зарубежных ученых используются такие термины, как «estrangement», «estranging strategy», «deforeignization» (наиболее частотные термины), «defamiliarization» (в языкоznании), «deautomatization», «making strange», «alienation» (преимущественно в психологии, социологии и в экономической теории). Очевидно, что до сих пор нет единства терминологии и четкого разграничения терминов, тем не менее русскоязычные авторы при переводе и цитировании статей зарубежных ученых с терминами «defamiliarization», «estrangement», «deautomatization» главным образом пользуются термином «остранение».

К. Депретто фиксирует проблему терминологии и во франкоязычной литературе: «Имеются три перевода статьи «Искусство как прием», и в каждом из них “остранение” переведено по-разному. Тодоров в 1965 г. предложил термин “singularisation”; Ги Верре в 1973-м – “représentation insolite”; Режи Гейро в 2008-м – “étrangisation”. К этому можно добавить “défamiliarisation” из классической истории формализма. Нельзя сказать, что, за исключением явно неудачного “singularisation”, один из вариантов перевода был лучше других, так что в итоге французы часто употребляют русское слово “ostranenie”» [Депретто, 2016, с. 48]. В немецкой социальной теории только для «отчуждения» имеется несколько терминов (Entäußerung, Entfremdung, Enteigung). Первые два являются словами-синонимами, последнее употребляется только в значении «экспроприации»: «Отчуждение

(Entfremdung) – деятельность отчуждения или чуждый процесс самоотчуждения, равно как результат этого процесса (состояние отделения, удаления)» [См. подробнее: Вторушин, 2008, с. 106].

Несмотря на сравнительно недолгую историю термина, явление, названное «остранением», представляет общее свойство культуры. В своей рецензии на книгу Дж. Каллера «Теория литературы: краткое введение» (2006 г.), Т.М. Миллионщикова отмечает, что Дж. Каллер, профессор литературы в Корнелльском университете (США), анализируя теорию литературы в XX веке, возводит ее к идее остранения и вообще идеям русского формализма [Миллионщикова, 2007, с. 9].

Новая волна публикаций, посвященных вопросам остранения, была вызвана возросшей мобильностью населения и большим количеством добровольных экспатов, у которых одно культуральное состояние, по терминологии Ж. Деррида, еще не сменилось другим. Этот период определен французским антропологом-позитивистом А. ван Генепом как лиминальность [ван Генеп, 1999, с. 65]. Потенциал нового веяния в литературе, по мнению антрополога В. Тернера, задан ситуацией неопределенности, амбивалентности и размытой социальности, стимулирующей энергичный поиск новой фундаментальной общности. В. Тернер выделяет три стадии ритуала перехода, вторая из которых – «период некоторого переходного состояния» – соответствует игре с остраненными смыслами в концепции русского формализма [Тернер, 1983, с. 20]. Такая неопределенность имеет место и в постмодернистских текстах.

Американский ученый и практикующий переводчик Д. Робинсон, занимающийся теoriей перевода, считает остранение одной из центральных идей немецкого и английского романтизма, а также немецкого идеализма. В его понимании остранение смыкается с проблемой отчуждения, рассматриваемой Ж.-Ж. Руссо [Robinson, 2008, с. 80]. Отчуждение у философа, по мнению Д. Робинсона, играет ведущую роль в объяснении природы и сущности человеческого бытия, государства, общества.

Продолжением этой линии были рассматриваемые А.С. Калугиным и Г.Л. Тереховой воззрения Г. Мабли, М. Робеспьера и Г. Форстера, для которых отчуждение стало одной из форм распространения принципа социальной справедливости [См. подробнее: Калугин, Терехова, 2012, с. 782].

Д. Робинсон увязывает появление термина «остранение» (*estrangement*) с термином «отчуждение» (*alienation*), так как под остранением он понимает попытку художника управлять расхождением между идеосоматическим правилом и идеосоматической новизной. Расхождение между обычным и новым происходит в сознании читателя неощутимым образом так, чтобы поколебать сложившуюся практику идеосоматической регуляции, деавтоматизировать то, что воспринималось на автомате. Остранение предполагает усложнение художественной формы или ее нарушение [Robinson, 2008, с. 125]. При этом условность выбранного приема оказывает отчуждающий эффект и оказывает с психологической точки зрения обезболивающее влияние.

После долгого перерыва в публикациях, следующего за изданием работ Д. Робинсона, в 2005 – 2006 гг. вышли один за другим два номера журнала «*Poetics today*», посвященных остранению.

В статье «Берегись зазора: к исторической поэтике остранения» М. Холквиста и И. Клигера рассматривается генеалогия остранения, понимаемого расширенно как «зазор»: «Остранение <...> может рассматриваться как видение мира, основанное на разделении. Внутри человеческого субъекта ощущается расщепление между некоторой сердцевиной личности и... чем-то другим» [Цит. по: Зенкин, электронный ресурс, 2007]. Такая дефиниция позволяет исследователям возвести понятие остранения к философии И. Канта, которая, в свою очередь, дала основание для современной теории знака, в частности языкового знака: «...мы вправе говорить о кантианской лингвистике» [Там же].

Восходящий к И. Канту разрыв ощущения и понятия, означающего и означаемого, языка и речи последующими мыслителями либо преодолевается и примиряется (например, в диалектике Г. Гегеля), либо, наоборот, усугубляется, как в эссе Г. фон Клейста о театре марионеток. Русские теоретики XX в. – не только В.Б. Шкловский и Р.О Якобсон, но и С.О. Карцевский и М.М. Бахтин – предпочитали усугубление; соответственно, у В.Б. Шкловского поэзия усиливает общеязыковое остранение, чтобы лишь в finale вернуться к вещам, а у М.М. Бахтина герой противится завершению со стороны автора – сохраняет дистанцию с ним.

Высокая степень абстракции, свойственная такой точке зрения, позволяет М. Холквисту и И. Клигеру вписать идею остранения в эпохальную традицию новоевропейской философии и эстетики; но она же скрывает специфику этой идеи – в самом деле, дистанция и зазор составляют необходимое, но никак не достаточное условие остранения. Кроме того, при толковании термин «остранение» возводится не к «страннысти» и даже не к «чуждости», а к «удаленности», по паронимическому созвучию слов «остранение – отстранение». Хотя в этих понятиях и есть общие семантические элементы, опоязовцы, говоря об остранении предмета, думали не о пространственном отдалении от него.

Однако К. Эмерсон в статье «Остранение по Шкловскому, вненаходимость по Бахтину» сравнительно мало говорит об остранении как таковом и, подобно ряду других авторов, склонна понимать его в пространственном смысле дистанции; именно это дает ей повод сравнить его с открыто пространственным бахтинским понятием вненаходимости [См. подробнее: Зенкин, электронный ресурс, 2007]. Дистанцированность не является, следовательно, необходимым триггером для остранения, но предпосылкой для остранения субъекта текста (рассказчика).

К. Эмерсон задумывается и о том, как на остранение и вненаходимость (стремление убрать объект, выбраться за его пределы) оказывает влияние феномен физической боли [Emerson, 2005, с. 640]. Она проводит параллель

между концепциями В.Б. Шкловского и М.М. Бахтина и непростыми историческими условиями, говоря об остранении как об устраниении [Там же, с. 642]. По мнению К. Эмерсон, М.М. Бахтин считал остранение изоляцией, не имеющей ценности самой по себе, в ней остраняется только слово, не учитывается когнитивное и этическое значение объекта, его ценности и события [Там же, с. 657]. В настоящее время с учетом понимания остранения как лингвокультурной универсалии такая точка зрения (границы остранения совпадают с границами лексемы) представляется не вполне верной, так как проявление остранения не сводится исключительно к лексемам.

Профессор Ланкастерского университета, специалист по компаративистике, автор работ по теории литературы, истории русского и немецкого литературоведения первой половины XX в. Г. Тиханов отмечает, что идея об остранении как тенденции к новому открытию субстанции вещей, желании вновь обрести в искусстве истинную природу вещей возникла на фоне создания консервативной эпистемологии постоянства и неизменности. Это понимание подводит нас к тому, чтобы считать остранение эпистемологической категорией. Такое направление мыслей Г. Тиханов объясняет опытом Первой мировой войны, сформировавшей концепции В.Б. Шкловского. Русский формалист был знаком с блестящими европейскими писателями, которые описывали Первую мировую войну и своими идеями оказали влияние на становление литературоведческих предпочтений В.Б. Шкловского [Tihanov, 2005, с. 670]. «Теория остранения, – подводит итог Г. Тиханов, – где новое приветствуется как гарант сохранения старого (вневременного, вечного, подлинного), двусмысленна. Поиск сути вещей, желание постичь при помощи искусства их истинную природу напрямую связаны с консерватизмом постоянства и неизменности. Вещи таковы, каковы они есть, и искусство призвано при помощи остранения обнажить их сущность; в этом, а не в изменении вещей или их социального контекста – задача искусства» [Цит. по: Юрченко, 2007b, с. 38].

Следующая статья в «Poetics Today» за авторством Г. Слобин трактует остранение В.Б. Шкловского как изгнание, высылку (exile). Вслед за С. Бойм исследовательница связывает слово «остранение» не со словом «странный», а со словом «страна», откуда и возникают мысли о пространственной дистанции, передислокации, смене места и о *dépaysement* (фр. букв. «чувство потеряности в непривычной обстановке») [Slobin, 2005, с. 697-698]. Ее интерес прикован к изучению остранения в творчестве эмигрантов, покинувших Россию после октября 1917 г., – А.М. Ремизова и В.Ф. Ходасевича. Для них эмиграция означала забвение и смерть своего ремесла. Она пишет о том, что «остранение» русских в Европе, особенно в ранние 1920-е гг., сопровождалось ощущением скоротечности, мимолетности и лиминальности. Эмиграция в некоторых произведениях рассматривалась как форма «радикального остранения» от России и ее литературной жизни, как предательство, подлежащее смерти [Там же, с. 699]. А.М. Ремизов (архаист и в то же время инноватор современной прозы) применял остранение в качестве эстетического средства обновления литературной идиомы и пробуждения словесного восприятия у читателей, привыкших к реалистическим романам XIX столетия. Он черпал из богатой сокровищницы фольклора и античных историй, извлекая средства особой выразительности из «секретных» или «эротических» сказок и загадок [Там же, с. 704]. В современных произведениях такое использование остранения не является самоцелью, однако обновление литературной идиомы и обращение к сокровищнице культуры характерно для постмодернизма, а из примеров неэкспериментального жанра можно привести квазисторический роман А.Б. Иегошуа «Путешествие на край тысячелетия» (1997 г.).

Мотив остранения, как правило, сопряжен с отчуждением (alienation) в психологическом смысле. С. Ингрэм в статье, посвященной автобиографическим произведениям Э. Каплан («Уроки французского: мемуары», 1993 г.) и Э. Хоффман («Искусство потерять, или Опыт жизни в новом языке», 1989 г.), описывает испытанную авторами смену языка

в подростковом возрасте из-за эмиграции. Им предстояло не только научиться новому языку, но и обрести в нем новую жизнь. Даже процесс смены собственного имени (новое крещение) вызвал психологическую травму у Э. Хоффман; то, как к ней стали обращаться, не соответствовало ее самоидентификации. Для Э. Каплан отчуждение воплощает «бегство, свободу, спасение и зрелость», так как само ее существование в другой лингвистической парадигме позволило ей контролировать мир¹², поскольку она обрела физическую возможность объективировать окружающую обстановку и дать названия вещам вокруг [Ingram, 1998, с. 18]. Примечательно, что перестройка на другой язык может в одном случае дать повод к депрессии, в другом – обнаружить ранее скрытые грани собственного «я». Э. Каплан воспринимает «свою жизнь в переводе» как привилегию, в то время как Э. Хоффман – как тяжкий крест. Тем не менее обе писательницы «ценят этот сложно им доставшийся, хотя и полезный заряд энергии и демонстрируют потенциал многочисленных ролей, голосов и идентичностей» [Ingram, 1998, с. 21]. С. Ингрэм также цитирует В. Беньямина, который рассуждал о создании Ф. Кафкой миноритарной литературы, о незавершенности его произведений в духе того, что писателю приходится быть своего рода чужим по отношению к родному языку, чтобы проверить возможности и невозможности [Там же, с. 20]. Это сознательно выбранное остранение, кроме того, слово, используемое В. Беньямином – *stranger* – однокоренное термину «остранение» (*estrangement*), более узкому по сравнению с «отчуждением» (*alienation*).

Остранение, опирающееся на идею отчуждения, рассматривается многими критиками теории кино (в особенности научной фантастики). Так, С. Спигель, анализируя развитие приема в научной фантастике, пишет о том, что с течением времени все, что воспринималось когда-то остраненно и

¹² Ср. с высказыванием Ю. Кристевой: «Как можно избежать погружения в трясину здравого смысла, если не стать чужим для собственной страны, языка, пола и идентичности?» [Цит. по: Баба, 2005, с. 71].

считалось революционным, постепенно ощущается как «нормальное» и становится каноничным [Spiegel, 2008, с. 370]. Восприятие зависит от устоявшихся когнитивных схем и потому имеет темпоральный и субъективный характер. Некоторые ученые говорят о порождающем характере остранения, которое не существует само по себе, а возникает в сознании читателя в качестве сопутствующего чтению ощущения, замешанного на привычных чувствах [Thomson, 2003, с. 95]. Остранение в научной фантастике связано с «контрфактичностью изображаемого мира» [Олейникова, 2009, с. 113]. В рамках жанра остранение становится центральным структурным компонентом, предлагая принципиально иную точку зрения, отход от общепринятых норм, внедряя в текст необычные для реального мира ситуации.

В таком понимании остранение опирается на деавтоматизацию процесса восприятия, которая считается нарушением привычки по отношению к обычному языку, а также по отношению к устоявшейся на данной момент традиции построения художественного текста [Delcamp, электронный ресурс, 1999; Fricke, 2007, с. 192-193]. Деавтоматизация также понимается как вариация принципа Р. Якобсона, как «обнажение автоматизированных формул» [Lambert, 2006, с. 92; Ханцен-Лёве, 2001, с. 113]. При остранении происходит очищение восприятия, возвращение к необусловленному прочтению, в то же время читатель воспринимает не только эксплицитное содержание, но и то, о чем в тексте не сказано, а предполагается имплицитно [Gentzler, 2003, с. 3]. Деавтоматизация в некоторой степени является неотъемлемой чертой любого хорошего писателя, так как он некоторым образом разрушает привычные читателю представления о мире, одаряя его своим оригинальным взглядом на каждодневную рутину.

С. Бирн использует термин «дефамилиаризация» (*defamiliarization*) для наименования того действия, когда то, что могло бы быть близким и знакомым для читателя, делается незнакомым, неизвестным ему. Этот прием

говорит читателю о фокусирующем предмете больше, чем о наблюдаемом объекте. Исследовательница смотрит, как использован прием в романах Ш. Бронте «Виллет», Дж. Конрада «Сердце тьмы», У. Голдинга «Наследники», и заключает, что именно на читателя, а не на персонажей возложена обязанность понять происходящее. В романе У. Голдинга отсутствует повествователь как таковой, за счет чего происходит ложная самоидентификация читателя [См. подробнее: Вугне, 2012].

Широкое толкование остранения проявляется в выделении направлений его изучения. Так, в Канаде Д. Сувин разрабатывает идею когнитивного остранения. Оно диегетично, то есть объекты и события описываются, о них рассказывается (в том числе и подробно), в отличие от миметического способа повествования, при котором объекты и события изображаются непосредственно. Познавательное остранение является неотчуждаемым элементом научной фантастики, от которой читатель заранее ждет, что она перевернет устоявшийся статус кво [См. подробнее: Spiegel, 2008, с. 371]. Заметим, что в общем смысле остранение миметично, именно идея мимезиса отвечает общей цели остранения как художественного приема.

Работы зарубежных ученых отличаются разнообразными подходами. В целом, остранение считается общим свойством культуры, связанным с психологическим отчуждением, реализованным в виде усложнения или нарушения художественной формы. В зависимости от литературного жанра остранение приобретает различные свойства (в частности деавтоматизированное описание может быть миметично или диегетично); остранение частотно в текстах романтического и фантастического жанров. Исследователи не сходятся в вопросе о том, предполагает ли остранение пространственное дистанцирование или мотив изгнания.

1.2.4 Полиаспектный подход

Представленные выше работы по остранению организованы преимущественно по географическому принципу. В публикациях последних лет ученые стали ссылаться как на работы российских авторов, так и на работы зарубежных исследователей, и кроме того, в Америке остранением занимаются эмигрировавшие из России ученые, такие как М.Н. Эпштейн и С. Бойм. В данном разделе мы сделаем краткий обзор исследований, выполненных на стыке русской и зарубежной традиций.

С. Бойм понимает остранение как демонизацию быта, противопоставленного бытию. Остранение становится не только художественным, но и жизненным феноменом, а также фактором свободы [Воут, 2005, с. 678]. В своей русскоязычной статье С. Бойм трактует остранение как способ активного поведения, сродни борьбе: «Сохранить определенную критическую дистанцию от советской идеологии и создать пространство внутренней свободы позволяло остранение (искусство отчуждения), которое в советское время из приема искусства превратилось в форму жизнетворчества. Принцип остранения в трактовке В.Б. Шкловского помогает увидеть новыми глазами все, что стало обыденным и автоматизированным: «Остранение – это революционное преобразование быта, только не путем народного восстания, а путем искусства» [Бойм, 2005, с. 162]. К 1970-м гг. остраненная жизнь в СССР стала нормой – к такому выводу приходит исследовательница. При этом если при остранении обычно происходит форенизация привычного, то в реалиях СССР остранение, напротив, отличалось «одомашниванием», нормализацией жестоких, абсурдных, невероятных вещей, сопровождаясь мифологизацией «самых странных повседневных феноменов, со смешением политического и повседневного опыта» [Там же, с. 163]. Из этого остранения родилась деидеологизация, ставшая дискурсом новой власти («остранение критического политического дискурса начала 90-х годов») [Там же, с. 164]. Можно провести параллель между идеей об «одомашнивании» с высказанной

В.С. Вахштайном гипотезой о существовании эффекта апоприации, когда сознанию нужно освоить из ряда вон выходящие события, хотя, например, С. Бойм рассматривает нормализацию не в приложении к художественному дискурсу, а как способ психологической защиты в реальной жизни.

Следует отметить характерное пересечение идей русских и зарубежных исследователей, особенно в один и тот же исторический период. Американская поэтесса Л. Хеджинян, посетившая Советский Союз и завязавшая дружеские отношения с представителями ленинградского авангарда 1980-90-х гг., писала о противостоянии быта и бытия, о том, что опыт проживания в совершенно отличном культурном контексте выяснил неопознаваемые личностные черты, и это было подобно остраняющему эффекту поэтического языка, подчеркивающему непредвиденные изменения (нарушения) значений. Ее стихотворения насыщены транслитерацией, создающей деавтоматизированное восприятие у читателя [Edmond, 2006, с. 101-105]. В точном переводе на русский язык эти стихотворения были бы лишены остраниющего эффекта, так как английский текст изобилует транскрибированными заимствованиями, поэтому для их адекватного восприятия переводчику, возможно, пришлось бы воспользоваться транслитерацией/транскрипцией уже английских слов.

Возвращаясь к анализу статей из «Poetics Today», отметим устойчивую идею о связи остранения с физическим дистанцированием, уже упомянутым выше отстранением. А.В. Кацнельсон в своей статье о «живописном остранении и эзоповом языке в позднем творчестве Казимира Малевича снова связывает остранение с дистанцией: “Профильное изображение способствует скорее дистанции, чем близости [familiarity]” (2006, с. 84)» [Цит. по: Зенкин, электронный ресурс, 2007]. Также в статье Н. Руттенбург «Остранение у Достоевского» «странный» образ русского народа, созданный в «Записках из Мертвого дома», мотивирован пространственным перемещением рассказчика – высылкой на каторгу, где он становится двусмысленным посредником между образованным классом и крестьянством

[Там же]. К. Ажеж в своей книге «Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки» также пишет об изначальной остраненности любого письменного текста, лишенного protagonистов, о том, что записанный текст в прочтении не эквивалентен самому себе в момент написания из-за временной дистанции – темпоральной остраненности текста: «он представляет собой отсроченное изложение событий, и, будучи противоположным тому, что он же и воспроизводит, является собой мертвый след – диалог на расстоянии, когда уста, уши и глаза более не воспринимают друг друга» [Цит. по: Кравченко, 2008, с. 28].

Подборка статей в «Poetics Today» инициировала дальнейшую разработку темы и, в частности, синестетический подход. Е.Г. Трубецкова, рассматривая особенности визуальной поэтики С.Д. Кржижановского, пишет, что «умение увидеть вещь с неожиданной точки зрения, “исходя из случайных смещений”, разрушающих автоматическое восприятие, присутствует в каждом художественном произведении писателя. Этот “водянной знак” настоящей литературы у Кржижановского вступает во взаимодействие с приемами визуальных искусств (фотографии и кинематографа), применяемых автором в художественных текстах» [Трубецкова, 2013, с. 61]. В понимании Е.Г. Трубецковой у В.Б. Шкловского процесс видения противопоставлен процессу узнавания, зоркости зрения мешает привычка [Там же, с. 62]. Когда вещь видят на протяжении долгого времени и многократно, она встраивается в контекст реальности, а настоящее ее узнавание происходит вместе с трансформацией реальности.

Полиаспектный подход подводит к гипотезе о том, что остранение можно считать универсальным приемом искусства вообще, а не только художественным (литературным) приемом. В связи с сильным влиянием психологической составляющей в западных исследованиях, посвященных теории текста, ряд ученых говорит о необходимости включения в проблемное поле текстологии психологически осмысленных эстетических феноменов (например, остранения). На приеме остранения построена

концепция Д.С. Мялла, Д. Куйкен, которые считают, что теории текста большей частью строились априорно (догматически) и что этап эмпирического изучения текста только начинается. В связи с этим авторы говорят о необходимости исследования связи между остранением, чувствами и личностными смыслами, «поскольку они <...> являются основными в восприятии литературы» [Цит. по: Белоусов, 2009, с. 57].

Остранение функционирует на всех уровнях художественной системы; это феномен относится не только к структуре, но и к хронотопу произведения, вместе с тем остранение – это «уникальное и сингулярное событие каждого конкретного произведения» [Чубаров, 2012, с. 13]. На уровне сюжета оно создает повторение в разноосмысливании (термин В.Б. Шкловского [Шкловский, электронный ресурс, 2017]. На композиционном уровне остранение обусловливается действием Лотмановского «закона третьей четверти» (если взять текст, который на синтагматической оси членится на четыре сегмента, то почти универсальным будет построение, при котором первые две четверти устанавливают некоторую структурную инерцию, третья ее нарушает, а четвертая восстанавливает исходное построение, сохраняя, однако, память и о его деформациях).

Стремление к деавтоматизации в художественной структуре, тем не менее, не преобладает над тенденцией к упорядоченности ее элементов. Однако без разрушения упорядоченностей не было бы самого произведения искусства (обмана читателя по Р. Якобсону, «иронии стиля» по М.Н. Эпштейну) [См. подробнее: Цвигун, 2006, с. 77]. Работа этих разнонаправленных сил усиливает выразительные возможности художественного текста. В произведении оказывается сказано больше, чем написано [Шакиров, 2004, с. 72].

Деавтоматизация в художественной структуре связана с понятиями об автокритицизме, когда автор критически оценивает собственные действия, при этом переоценка не всегда ретроспективна (как в романе Н. Саррот

«Золотые плоды», где редупликация «позволяет автору интегрировать свое отношение к создаваемому тексту на уровень самой композиции, организации повествования» [Муравьева, 2016, с. 311]). Остранение является приемом литературной авторефлексии, которая «осмысляется как один из основных способов глубинного поиска собственной идентичности», а поэтика художественного текста автобиографических текстов «рассматривается как кодифицирующий механизм социокультурных смещений» [Там же, с. 310]. Л.Е. Муравьева, однако, не выделяет остранение в отдельный прием, предпочитая термин «металепсис», который оказывается слишком узким для обозначения всех стратегий авторского остранения, так как металепсис описывает индивидуальную и экспериментальную авторскую стратегию (когда воображаемый объект проецируется в объективно данную действительность, как у Х. Кортасара). Остранение присуще не только литературоцентричным, новаторским текстам, хотя в них встречается чаще: «В XX в. писатели и театральные режиссеры в качестве эксперимента разрывают связь между означаемым и означающим (изображаемым и изображающим), объявляя таким образом о произвольности знака и заявляя, что искусство должно не означать, а выражать реальность», что соотносится в понимании исследователя с сущностью приема остранения [Химич, 2010, с. 39].

Среди ряда терминов «остранение» является более предпочтительным, чем синонимичные ему «деавтоматизация», «дефамилиаризация» и др., так как, во-первых, он закрепился в литературоведческой традиции, во-вторых, семантическое поле этого термина шире, чем у других терминов, являющихся кальками переводных, в-третьих, остранение, как было показано в разделе 1.2, не ограничивается рамками стилистических особенностей конкретного произведения или идиостиля автора, а потому представляет интерес в аспекте перевода художественного текста и решения конкретных переводческих задач.

1.3. Остранение как художественный прием и универсальный закон искусства

В этом разделе будут описаны параллели между современными представлениями и классическими работами философов, так, например, итальянский ученый К. Гинзбург, признавая терминологическое первенство В.Б. Шкловского, ведет происхождение понятия остранения с древних времен, в частности от записок Марка Аврелия, относящихся ко II веку до н.э. Введенный в 1920-х гг. термин «остранение» со временем стал использоваться не только в литературоведении, но и в теории театра, феноменологии, философии, психологии, теории игр, в том числе ретроспективно.

С этимологической точки зрения термин имеет три концептуальных значения: «странный (необычный)», «со стороны (с иной точки зрения)», а также «странник (маргинал)». Для объяснения механизма действия остранения прибегают к самым различным понятиям, например, психологическим: к обнажению, деперсонализации, амнезии и пр. Часто для объяснения механизма остранения используют понятие дистанции, расстояния до рассматриваемой вещи: неестественного приближения к воспринимающему субъекту или удаления от него. Чаще всего подвергаются остранению вещи, на втором месте находятся слова, на третьем месте – сам повествующий субъект [См. подробнее: Заика, 2004, с. 98-101]. Изменение привычного расстояния до вещи, смещение перспективы, введение дискретизации, разрушение целостной картины влечет за собой и иное восприятие вещи, позволяет что-то не замечать, но видеть ранее неизвестное, а известное видеть по-иному.

Говоря об остранении, невозможно не упомянуть Б. Брехта, который развивает идею остранения в приложении к театральной эстетике. Б. Брехт определял эффект остранения следующим образом: «вещь... из привычной, известной... превращается в особенную, бросающуюся в глаза, неожиданную. Само собой разумеющееся становится непонятным, но это делается лишь для

того, чтобы оно стало более понятным» [Брехт, 1965, с. 113]. У Б. Брехта в его теории эпического театра появляется мысль об «очуждении» (*die Verfremdung*). Первые идеи об эпическом театре у Б. Брехта возникли в 1918 г., то есть до возникновения термина «остранение» в рамках школы русских формалистов (и, возможно, они также повлияли на В.Б. Шкловского); уже в ранних драматургических опытах (пьесы «Ваал»¹³, «Барабаны в ночи», обе 1918-1920 гг.) и сборнике стихов «Домашние проповеди» (1926) заметны элементы того, что позднее Брехт назовет «эффектом очуждения» [См. подробнее: Скидан, электронный ресурс, 2010].

В «Малом органоне» Б. Брехта описывается такая манера игры, при которой декларированное Аристотелем вживание (*Einfühlung*) в роль практически отсутствует¹⁴. Автор излагает причины, почему до этого

¹³ Ср., например, в пьесе «Ваал» описание угрядается как «копченый покойничек» (остранение I типа по Е. Сошкину). В пьесе жизненные ценности описаны с дисфемизацией, с «низовым» стилем, например, беременность, рождение детей и любовь показаны так: «Потом их тела начинают распадаться, и они, бледные как смерть, с дикими криками, словно речь идет о рождении нового космоса, выдавливают из себя маленький плод»; «Любовь это... ну, представь себе, что ты опустил свою руку в теплую воду пруда, и у тебя между пальцами колышутся водоросли...» [Брехт, электронный ресурс, 2011]; смерть описана как черный дождь (остранение II типа по Е. Сошкину).

¹⁴ В разделе «Об эпическом театре» Брехт пишет так: «Произвести очуждение события или характера – значит прежде всего просто лишить событие или характер всего, что само собой разумеется, знакомо, очевидно, и вызвать по поводу этого события удивление и любопытство. Возьмем снова гнев Лира на неблагодарность его дочерей. Используя технику вживания, актер может представить этот гнев так, что зрителю он покажется самой естественной вещью в мире, и зритель не сможет даже представить себе, как это Лир способен был не разгневаться; зритель будет вполне солидарен с Лиром и, полностью вживвшись в него, также впадет в гнев. С помощью же техники очуждения актер изобразит гнев Лира так, что зритель сможет ему удивиться и представить себе другие реакции Лира, а не только его гнев. Поведение Лира будет очуждено, то есть оно будет изображено самобытным, бросающимся в глаза, примечательным, как общественное явление, которое отнюдь не разумеется само собой. Такой гнев человечен, но не общечеловечен; есть люди, которые его не испытывают. Не у всех людей и не во все времена испытанное Лиром должно вызывать гнев. Пусть гнев – вечно возможная человеческая реакция, но данный гнев, выражющийся данным образом и вызванный данными причинами, обусловлен определенной эпохой. Следовательно, очуждать – это значит историзировать, изображать события и персонажи как нечто историческое, преходящее. Разумеется, то же самое может

доводить не следует и говорит об «эффекте очуждения» (*Verfremdungseffekt*) [Брехт, электронный ресурс, 1965]. «Эффект очуждения» заключается в схематичности декораций, в столкновении формы и содержания (Б. Брехт перерабатывает известные сюжеты и заставляет посмотреть на них под новым углом), кроме того, сцена избавлена от всего «магического», «актер изображает другого человека, но не с намерением заставить зрителя забыть о нем, об актере¹⁵. Его личность остается такой же уникальной, непохожей на других, со всеми своими чертами характера» [Брехт, электронный ресурс, 1965; Картавцева, 2014, с. 1209]. «Очуждение» у Брехта становится важным средством для создания реалистического искусства, постижения мира, «инструментом логики, и самой поэзией, полной неожиданностей и блеска» [Кабанова, электронный ресурс, 2006].

При публикации в 1950-х годах работ Б. Брехта на русском языке die Verfremdung было ошибочно переведено как «отчуждение», вслед за термином Г. Гегеля (die Entfremdung – в немецком), что породило путаницу с имевшим совершенно иное содержание философским термином «отчуждение», которым пользовался К. Маркс в ранних рукописях. Столь же неудачными оказались и последующие обратные переводы: «отстранение», «очуждение». Необходимо заметить, что сам В.Б. Шкловский ввел термин «остраннение» и настаивал именно на таком написании, однако при печатном наборе одна буква «н» была утрачена.

произойти и с современниками: их поведение тоже можно представить как обусловленное эпохой, историческое, преходящее» [Брехт, электронный ресурс, 1965].

¹⁵ Протагонист Краглер в конце пьесы «Барабаны в ночи», когда его пьяного отнимают от жены, чтобы он ее не убил, будто стряхивает с себя наваждение и восклицает: «Вы чуть не захлебнулись, проливая слезы обо мне, а я просто выстирал в ваших слезах мою сорочку! Очень нужно моим костям гнить в сточной канаве, чтобы ваша идея вознеслась на небеса. <...> Меня тошнит от всего этого. (*Сердито смеется*). Это обыкновенный театр. Сцена из досок, бумажная луна, а под ней мясная лавка, зато в ней-то и рубят настоящее мясо. (*Он снова бегает, взад и вперед, свесив руки до земли, и вдруг выуживает, давешний барабан из пивницы*)» [Брехт, электронный ресурс, 1972].

Остранение у Б. Брехта некоторые критики понимали в том смысле, что зрительская аудитория должна пребывать в состоянии эмоционального отчуждения (*detachment*), хотя С. Басснет находит, что О.Г. Брокетт, размышляя о современном театре, объясняет, что на самом деле Б. Брехт использовал эстетическое дистанцирование, чтобы эмоционально вовлечь зрителя и выдернуть его из эмпатической реакции так, чтобы тот критически оценил, что только что испытал. Кроме того, такой экспериментаторский прием распространялся и на актеров [Bassnet, 2000, с. 113].

В философской парадигме появлялись и другие термины для описания остранения, семантические поля которых так или иначе пересекаются. В их числе «дистанцирование» (Д. Дьюи), «климинальность» (В. Тернер, М. Спариосу), «деконструкция» (Ж. Деррида). В своем эссе «Сила и значение» Ж. Деррида пишет, что «говорить – это знать, что мысль должна стать чуждой для самой себя, чтобы явиться и высказаться <...> Доказать – это просто показать, что то, что я говорю, – истинно; то есть просто-напросто снять отчуждение (*Entäusserung*) мысли в ее *изначальном источнике*» [Деррида, 2007b, с. 51].

Анализируя концепцию безумия у философа М. Фуко, Ж. Деррида комментирует, что свобода безумия заключается в дистанцированности, которая реализуется в «языке без опоры», «который в принципе, если не на деле, отказывается встраиваться по синтаксису разума» [Деррида, 2007b, с. 64]. В философии В. Дильтея Ж. Деррида выделяет в качестве главенствующей идею повторного переживания – *Nachleben* и проводит параллель с понятиями *Einfühlung* (букв. «вчувствование, эмпатия»), заимствованным В. Дильтеем у Г. Липпса, и с понятием *Reaktivierung* (букв. «воспроизведение деятельности»), «которое обозначает активное переживание прошлой интенции *другого* духа и пробуждение самого производства смысла» [Деррида, 2007b, с. 260]. Это «активное переживание прошлой интенции» особенно проявляется в биографических текстах, а эмпатическое воспроизведение прошедших

событий тем более характерно для произведений о детстве, к числу которых относится анализируемая в третьей главе «Повесть о любви и тьме» А. Оза. В лирике Э. Жабе Ж. Деррида обнаруживает крайнюю степень остранения, а именно – отсутствие писателя: «Писать – это удаляться. Не просто в эту палатку для письма, но и из самого своего письма. Исчезать вдали от своего языка, освобождать его, оставлять без присмотра, отпускать его в путь без оружия и без сопроводителя. Оставлять слово. Быть поэтом – это уметь оставлять слово. Оставлять слово в одиночестве, что можно сделать только на письме» [Деррида, 2007b, с. 114].

Письмо, по Ж. Деррида, немыслимо без вытеснения во фрейдистском смысле, без опространствования и стирания, которые можно уподобить принципам дистанцирования и рефлексии в остранении, но «чистое восприятие не существует: когда мы пишем, мы сами написаны той инстанцией в нас, которая всегда уже надзирает за восприятием, независимо от того, внешнее оно или внутреннее» [Деррида, 2007b, с. 362]. У З. Фрейда Ж. Деррида также находит признание отношения между мысленным отрицанием и откладыванием, отсрочкой, отводом (откладывание – единство Эроса и Танатоса). Это единство Эроса и Танатоса происходит «в форме запаздывания, отложения, отсрочки, передышки, обхода, откладывания, противопоставленного или, скорее, откладывающего фиктивный, теоретический и всегда уже нарушенный полюс “первичного процесса”» [Деррида, 2007b, с. 371]. Необходимо внимательно отнестись к семантическому полю дистанцирования, которое фиксирует Ж. Деррида у З. Фрейда, так как это же поле соответствует в темпоральном и объективирующем смысле остранению.

Кроме того, деконструктивизм сделал крен в сторону идеи о «сделанности вещи», когда процедура интерпретации практически уничтожает целостность и самодостаточность осмыслиемого, тогда как

«в остранении¹⁶ эти уникальность и самодостаточность не только сохраняются, но и обнаруживают новые грани» [Тульчинский, 2003, с. 185-186]. Остранение, в частности, понимается как предпосылка манипулятивному действию дискурса. Так, Р. Барт, разбирая новеллу О. де Бальзака «Сарразин», пишет, что фраза «я мог созерцать» означает «я собирался описать», а созерцание (*contemplum*) предполагает позицию независимого «наблюдателя, который произвольно очерчивает границы собственного поля зрения (*templum*)» [Барт, 2009, с. 68], и такая позиция есть позиция остраненного наблюдателя.

Остранение часто мыслится как «отчуждение», нечто негативное, скатологическое, непристойное, пачканье, очернение и т.д. Например, в концепции «театра жестокости» французского писателя и драматурга А. Арто безумие определяется как болезнь отчуждения. Театру жестокости А. Арто, когда зритель находится посреди спектакля, который его окружает, Ж. Деррида противопоставляет «всякий театр отстраненности», где «зрители (и даже постановщики вместе с актерами) непричастны творческому акту, силе, которая своим вторжением пророчивает пространство сцены» [Деррида, 2007b, с. 389]. А. Арто «требует, чтобы мы собственноручно избавились от того, что нам свойственно (то есть требует отчуждения отчуждения)» во имя феномена чистоты [Там же, с. 295-297]. При этом средством выражения остранения силы, присутствия и жизни от самих себя служит, по мнению А. Арто, повторение (отделение), которое «является экономическим расчетливым жестом того, что откладывает самого себя, чтобы сохраниться, что усмиряет трату и поддается страху» [Там же, с. 391].

¹⁶ Здесь и далее при цитировании и анализе работ других авторов написание термина будет дано в авторской формулировке, но в данной работе мы будем придерживаться термина «остранение», так как именно в таком написании и формулировке он закрепился в литературе (все смежные термины из области психологии и философии (очуждение, отчуждение, отстранение и др.) будут рассмотрены в их связи с остранением как сопутствующие способы создания деавтоматизированного описания вещи или явления и воплощения этого восприятия в тексте).

Таким образом, остранению в понимании Ж. Деррида сопутствуют отделение, откладывание, отчуждение, страх и даже безумие, что перекликается с точкой зрения М.Н. Эпштейна. Понятия безумия, отчуждения и неотчуждаемости являются, согласно Ж. Деррида, метафизическими, причем «безумие – это и отчуждение, и неотчуждаемость. Произведение и его отсутствие. Эти два определения могут неопределенно долго сталкиваться друг с другом в закрытом поле метафизики, подобно тому, как в истории сталкиваются те, кого Арто называет “явно помешанными” или “подлинными”» [Там же, с. 311]. «Отсутствие» в том смысле, в котором его употребляет Ж. Деррида, является максимизацией остранения.

Остранение (*estrangement*) считают частным случаем отчуждения (*alienation*). Последний термин обладает слишком широкой семантикой: система Google Scholar еще в 2008 г. выдавала 120000 ссылок по теме «*alienation*»; на 2016 г. количество ссылок по темам «остранение», «*estrangement*» и «*alienation*» – 3030, 119000 и 789000 соответственно. В 2017 г. система Google Scholar выдает соответственно 4270, 140000 и 884000 ссылок по темам «остранение», «*estrangement*» и «*alienation*». Кроме того, существует рефлексивное самоостранение (количество ссылок по теме «*self estrangement*» – 91400 в 2016 г., 106000 – в 2017 г.). Самоостранение – это признак отчуждения наряду с беспомощностью, отсутствием норм и смыслов, культурным остранением, социальной изоляцией.

Т. Шефф критикует существующую классификацию реализаций отчуждения (*alienation*) за пересечение характеристик и смешение диспозиционального модуса с эмоциональным. Взамен он предлагает рассматривать отчуждение как противоположность солидарности, то есть как провал попытки взаимного осознания [Scheff, 2008, с. 238-239]. Т. Шефф обосновывает асимметричное отчуждение, связанное с непониманием одной стороны другой [Там же, с. 241]. Этот взгляд на симметричные отношения тем более интересен, так как позволяет проанализировать отношения между

остранением в оригинальном и переводном тексте с позиции симметрии/асимметрии.

Остранием является своего рода универсальным приемом искусства, включая изобразительное. К. Гинзбург, исследуя генеалогию термина «остранение», обратил внимание на то, что разрушение причинно-следственных связей как принцип создания «ошеломляющего образа» в изобразительном искусстве и в литературе начала XX в. описал М. Пруст. Он видел талант вымышленного им художника Эльстира в том, что он «вместо того, чтобы представлять нам вещи в логическом порядке, то есть начиная с причины, сперва показывает следствие, создает ошеломляющее нас неверное представление» [Трубецкова, 2012, с. 41]. У кубистов путь освобождения искусства также лежит в отчуждении действительности, «в отрицании мимесиса применительно к объективной предметности», но субъект в этом остранении не достигает «полной свободы от уз чувственной реальности», так как он сам является ее частью [Диденко, 2004, с. 30]. Предельная форма остранения в таком случае является «отречением сознания от самого себя», но такая максимальная объективизация невозможна.

Изначально, по мнению формалистов, каждый объект может стать предметом искусства, если он воспринимается на фоне конвенциональных норм: «Остранием воспринимается как таковое только на фоне наличия привычного, т.е. уже устоявшихся норм. Искусство возникает и развивается в “поле напряжения” между действующими нормами и новаторским приемом остранения» [Прунч, 2015, с. 234]. В таком случае остранием – это прием фокусировки, выделение незамечаемого, того, что раньше не эстетизировалось.

Средства остранения заимствуют фотография и кинематограф, особенно при съемках скрытой камерой. Заметим, что в составленном формалистами сборнике «Поэтика кино» (1927) в эссе «Проза и поэзия в кинематографе» В.Б. Шкловский остранием не упоминает, но на отношение этого теоретического неологизма к языку кино проливают свет

другие авторы этого сборника – Б.М. Эйхенбаум и А.И. Пиотровский. Б.М. Эйхенбаум и А.И. Пиотровский опираются на созданную В.Б. Шкловским модель обновления восприятия, А.И. Пиотровский говорит о том, что кино переосмысливает жизнь, а планы, снятые с разных ракурсов в фильмах С.М. Эйзенштейна, В.И. Пудовкина и В.В. Вертона, делают кинематограф искусством, эмоционально преображающим фабульный внеэстетический материал [См. подробнее: Бориславов, электронный ресурс, 2014].

Кроме того, остранение участвует в осмыслении дихотомии «свой» и «чужой». Концепты «свой» и «чужой» в фильмах вступают в сложную связь, ориентированную на «остранение» своего и приданье «личного» чужому [Юлдашбаев, 2011, с. 165]. Это можно сравнить с противопоставлением концептов «свой» и «чужой» встречающихся в литературоведческом анализе остранения главного героя рассказа В.Г. Короленко «Без языка» [Крылов, 2015, с. 37]. Остранение становится ключевым приемом для освещения темы национальной идентификации на фоне европейских и американских реалий.

Остранение в кинематографе является примером «иерофании тайного смысла повседневности», благодаря чему «вещи обретают символическое значение, мир мифологизируется, жизнь оказывается наполненной многообразными смыслами» [Колесник, 2013, с. 90]. Так, причисляемый к постструктуралистам Ж.-Л. Годар применяет членение и «воссоздание “объекта” таким образом, чтобы в подобной реконструкции обнаружились правила функционирования этого объекта» [Белов, 2012, с. 149], причем в ходе «членения» обнаруживаются скрытые ранее связи между составными частями объекта, и их можно собрать в иной конфигурации. «В фильме “Альфавилль”, – отмечает Е.А. Белов, – Наташа фон Браун читает за кадром стихотворение Элюара, это стихотворение было собрано из различных строчек и сборников поэта. <...> Годар буквально препарирует творчество Элюара и собирает по кусочкам новое творение, <...> которое не изменяет, а означивает поэта, ибо оно характеризует основные мотивы его любовной

лирики. Этот творческий акт, по сути, и есть структуралистская деятельность режиссера, одновременно это и начало деконструкции» [Белов, 2012, с.150].

Не углубляясь подробно в область применения остранения в кинематографе, так как это не входит в задачи настоящего исследования, отметим, что остранение в современных фильмах в жанре артхаус (например, в фильмах Л. фон Триера) выступает как бунт против романтизации магического. Кроме этого, повествование в фильмах может вестись от лица животного («Бэйб», 1995 г., «Девять жизней», 2016 г., «Собачья жизнь», 2017 г.), от лица персонажа, страдающего психическим заболеванием, потерей памяти или слабоумием («Форрест Гамп», 1994 г., «Эллинг», 2001 г., «Вечное сияние чистого разума», 2004 г.), находящегося в коме и наблюдающего происходящее со стороны («Останься», 2005 г., «Если я останусь», 2014 г., «Почти смертельный опыт», 2014 г.), – это примеры деавтоматизированного восприятия действительности. Также современная тенденция к нарушению жанровых рамок может рассматриваться как остранение этих жанровых ограничений (так, например, по сценарию, подходящему для фильма ужасов, снимают комедию и т.п.).

Остранение как модус переживания изучается в XX веке не только в литературоведении, теории театра и кино, но и в феноменологии. Так, можно вспомнить термины Э. Гуссерля: «ноэма» для описания предмета, переживания и «ноэзис»/ «ноэса» для описания акта переживания с его различными модусами. «Наш “взор” через посредство ноэзы воспоминания переходит в мир воспоминаний, блуждает в нем или же переходит затем к воспоминаниям иных ступеней, в чисто фантастические миры» [Гуссерль, электронный ресурс, 1999].

Р. Ингарден развил идеи феноменологии Э. Гуссерля в приложении к эстетике. Анализируя стихотворения А. Мицкевича, он пишет, что определенные «виды» актуализируются читателем в процессе чтения. В самом же произведении они пребывают как бы «наготове», в некоем потенциальном состоянии [Ингарден, 1962, с. 29]. М.К. Гидини

высказывается в том духе, что эстетический предмет помещается вне pragматических и эмпирических связей окружающей нас действительности: «Ингарден говорит о “дереализации”, Гейгер – об “очищении переживания”, Шпет – об “отрешеной действительности”». Онтологический статус эстетического предмета и состоит в его отрешенном бытии, но это вовсе не идеальное состояние [Гидини, 2003, с. 372].

Отрешенное бытие у Г.Г. Шпета характеризуется осязательной наглядностью: «Остранительный прием у польского философа Г.Г. Шпета направлен на устранение обычного восприятия вещей, на неожиданный сдвиг восприятия из привычного семантического ряда, причем через отрешение образуется реальность другого ряда (не эмпирическая, но и не идеальная)» [Там же, с. 373]. Также философ задается вопросом о том, как получить чистый предмет, если будет возможно мыслить без слов; отделяя предмет от его словесного выражения и остраняя его, можно получить «беспредметность», реализующуюся как «отсутствие предмета или спутанность, “чувственную” нелепость его» [Шпет, 1923, с. 69-71].

В психологии идея остранения нашла свое воплощение в описании неврозов, например, К. Хорни трактует интроверсию как невротическую отстраненность, обособление [Хорни, 2007, с. 38]. В современной психологии остранение-отстранение используется как *метод* работы с проблемой, в ходе которой предлагается, например: 1) взглянуть на проблему с исторической перспективы; 2) проиграть ее в театральном стиле; 3) довести ее до абсурда; 4) перевести ее в смех [Там же]. Остранение изучается и в восприятии аутистов, у которых наблюдается отрешенность от окружающего мира. Рассматривая понятие «остраннения» и компоненты художественной модели, исследователи полагают, что «остраннение, создавая дистанцию между субъектом и объектом, делает этот объект не только странным и удивительным, но и чуждым для посторонних, а также эмоционально незначимым» [Заика, 2004, с. 98].

Впрочем, в психологии и философии используется термин «отчуждение», который характеризует большую степень дистанцированности, чем остранение. Степени дистанцирования разнятся, но исследователи выделяют два основных типа отчуждения – от социума и от реального «я». Выделяются две основные формы отчуждения: 1) субъективно-неприятное чувство отчужденности, отдаленности человека от мира, который его окружает, или от определенных его частей – переживание отчужденности; 2) отчуждение человека от некой своей истинной глубинной сущности, от своего реального «я», вследствие «озабоченности конформностью, желаниями других, давления социальных институтов и других “внешних” мотивов» [Лукаш, 2013, с. 62].

Дуальный характер психологического отчуждения позволяет выделить два типа остранения. Первый в целом может быть сведен к деавтоматизирующим тропам, которые запускают обновление восприятия, выход за рамки привычных представлений; второй как генерализация явления и использование детального описания или видения глазами другого носит характер психологический, сочетающий выделяемые формы отчуждения.

В гештальт-психологии есть понятие «видеть как», чьи функции близки остранению как приему феноменологии: «Смотреть в молчании, делая различие между субъективным чувством и наглядным характером вещи, – это “видеть как”. Но это и искомое нами outside one another. <...> Именно молчание, до поры остающееся outside of, позволяет вывести наружу глубинные фигуры силы, сполна характеризующие вещь. Молчание гештальтно, поскольку оно, отстраняясь от поверхностного и чувственного наблюдения, помогает осознать вещь как таковую, в соответствии с порядком ее излеченного от чувств представления» [Шукров, 2009, с. 168]. При этом отстранение от чувственного, включенного наблюдения позволяет проникнуть за оболочку объекта и вывести наружу для осознания и изучения

его оборотную сторону. Заметим, что в англоязычных источниках понятие «estrangement» ассоциируется со взглядом «outside of».

Обращаясь к философской трактовке отчуждения, М. Хайдеггер отмечает, что состояние отчуждения человека объясняется более общим состоянием его «бездомности», вызванным особенностями современной «новоевропейской» культуры. Это «бытие-в-мире» онтологически присуще человеку и является модусом жуткого [Хайдеггер, 1993, с. 20]. Как пишет О.С. Лукаш, человек у М. Хайдеггера потерял себя, потерял свой дом, потерял контакт с истинным бытием, и чтобы вновь обрести потерянное и, следовательно, преодолеть отчуждение, ему нужно «поворнуться к истине бытия и попытаться найти себя в ней» [Лукаш, 2013, с. 64].

Отчуждение из-за «бездомности» характерно и для современной израильской литературы, которая содержит много случаев остранения, чьей основной предпосылкой и является утрата контакта с истинным бытием, связи с предками и культурной традицией. Израильский философ М. Бубер разделяет «объективный опыт, при котором воспринимаемые образы переводятся в мир Оно, и созерцание, когда с образами, точнее с их духовными сущностями, человек состоит в отношении. При объективизирующем взгляде на мир вещи регистрируются и находят свое место в системе координат нашего опыта» [Щеглова, 2015, с. 108; см. подробнее: Бубер, 1995]. При отношении Я-Ты мир всегда заново проживается в данный момент, поэтому остранение всегда сопутствует включенности в ситуацию.

Остранение с философской точки зрения рассмотрено Д.В. Сергеевым. Он относит его к процессу смыслообразования (философ Д.А. Леонтьев выделяет три процесса: смыслообразования, смыслоосознания и смыслостроительства¹⁷). «Остранение не является самоцелью, а выполняет

¹⁷ Д.В. Сергеев ссылается на монографию Д.А. Леонтьева «Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности» (М., Смысл, 2003, 487 с.). В главе «Искусство как механизм трансляции смыслов» он пишет о двух стратегиях

функцию расшатывания старых знаковых систем для семантического высвобождения культурного материала. Но остранение и переосмысление не являются последовательными стадиями, а реализуются одновременно. Абсолютизация одной из них ведет, в свою очередь, к крайностям: либо канонизация некоторой смысловой структуры, либо абсурд. Таким образом, согласно этой теории, в процессе понимания заложены все необходимые механизмы смыслообразования» [Сергеев, 2008, с. 260]. Можно провести параллель с методом научного лингвистического моделирования, когда объект изучается скрупулезно и в то же время дистанцированно без абсолютизации той или иной характеристики.

Размышляя о проблемах социальной философии и о предметности, которая всегда событийна, О.Д. Агапов приходит к мнению, что остранение привычного, наряду с переворачиванием взглядов, переосмыслением, отходом от канонов, деконструкцией знания, в сущности, «преследует выход субъекта познания на уровень события» [Агапов, 2006, с. 47]. Этим событием названа процедура получения и извлечения знания; выход в область бытия параллельного, осторожного, диалогового, и хотя любое знание участно, это не мешает ему быть объективным. Переинтерпретация предметности

коммуникации смыслов. Первая соответствует вживанию и «заключается в попытке заставить увидеть фрагмент мира или какое-то событие глазами самого художника и пережить то, что он пережил». Вторая соответствует остранению и «заключается в прорисовывании, обнажении на сюжетном материале смысловых связей поступков людей с их мотивами и последствиями, раскрытие причинно-следственных связей, управляющих людьми, иногда даже в исторической перспективе. Первый путь более характерен для поэзии и живописи, второй – для прозы, театра, кино, балета, хотя и поэт может пойти по второму пути («Бородино»), а прозаик или режиссер – по первому («Амаркорд»). <...> Первая стратегия соотносима с литературоведческим понятием *лирики*, а вторая — с понятием *эпоса*» [Леонтьев, 2003, с. 431]. Однако такое соотнесение, разделение и противопоставление представляется не совсем верным, так как вживание, описанное Д.А. Леонтьевым, изображает в том числе авторское и читательское остранение от своего «Я», в то время как описание второй стратегии характеризует использование остранения для анализа, кроме того, невозможно поставить знак равенства между понятиями вживания и лирики, остранения и эпоса, здесь можно говорить о вживании и остранении как о сопутствующих, но не определяющих признаках.

преследует также выход на уровень *со-бытия*, знания, присвоения и освоения мира.

С.В. Плевако развивает синергетический подход к остранению, рассматривая его как один «из самых распространенных приемов современных креативных технологий», в частности, в рекламе, так как прием затрудненной формы, увеличивающий трудность и долготу восприятия, – целесообразный, прагматический принцип для «создания нового и оригинального, вырабатываемого иррациональным, стихийным творчеством» [Плевако, 2010, с.194].

В педагогическом приложении прием остранения помогает учащимся осмысливать текстовую информацию, «преодолевая барьер художественной условности», например, когда в произведении «Сандро из Чегема» Ф. Искандера повествование ведется от лица буйвола: «Остранение выступает как совершенно особый авторский прием не только развития сюжета, но организации образного ряда повествования. Вещи и животные приобретают способность думать и говорить по-человечески, а очеловеченные таким образом они приобретают вполне человеческие поведенческие характеристики»¹⁸ [Островская, 2007, с. 63]. Специфика данного приема помогает детям «постичь авторское сознание», так как этот прием апеллирует к их читательскому опыту (прочтения народных сказок) [Там же]. О.Л. Довгий называет этот тип остранения бестиарным. У В.Б. Шкловского для выражения литературоведческих идей существует «поэтологический зоопарк», а анализ произведений классиков дается в бестиарных категориях (самые частые тропы здесь – метафоры, сравнения, синекдоха), «причем параллели, как правило, самые неожиданные, часто не совпадающие с бестиарными характеристиками, данными себе самими писателями» [Довгий, 2014, с. 93-94]. Бестиарное остранение нужно

¹⁸ То же самое верно и в отношении сатирической антиутопии «Скотный двор» Дж. Оруэлла.

В.Б. Шкловскому для описания литературных категорий, чтобы «оживить, дать по-новому увидеть привычные литературоведческие термины, неизбежно теряющие свежесть и яркость от постоянного использования»; оно – «призма, через которую В.Б. Шкловский видит и изображает мир» [Там же, с. 98].

Остранение имеет психологический аспект, заключающийся в том, что Д.С. Лихачев называет «стыдливостью формы». Остраняется, например, форма русской литературы (хотя Д.С. Лихачев делает оговорку, что, возможно, то же верно для литературы и на других языках), поскольку автор стремится «для лучшего выражения своей мысли избавиться от слишком законченной, литературной формы» [Лихачев, 2014, с. 79]. Таким образом, эксперименты с разговорным жанром в литературе имеют не только характер апробирования формы, так как академик употребляет термин «стыдливость» с ярко выраженной оценочной коннотацией. Остранение таким образом сближается со средствами самопознания, используемыми в психоанализе.

Остранение в переживании психологических травм исследуется и отечественными психологами. Прием остранения – «прием целенаправленного нанесения травмы, дезорганизующей привычно упорядоченный, предсказуемый, а потому, с точки зрения В.Б. Шкловского, – автоматизированный и омертвевший мир. Остранение, ранение, травма, нарушая целостность субъекта, пробивают ту стеклянную броню привычности, которая отделяет его от мира, от истории, равно как и от осознания конструкции собственной идентичности» [Калинин, электронный ресурс, 2013]. Показательно, что И. Калинин пишет о том, что возвращение витальности связывается В.Б. Шкловским не с воссозданием стабильности (субъекта и его восприятия), регенерирующим ее целостность через включение рационализированной и символически разминированной травмы в рамки воссозданной идентичности, а с децентрацией и деформацией стабильной и потому автоматизированной идентичности: «Целостность возникает ретроспективно, в результате осознания ее конструкции, которое

может быть достигнуто только благодаря деформации и разрушению этой целостности» [Там же]. Механизм остранения напоминает механизм травмы, хотя не только сама травма – остранение, но и процесс выхода из нее происходит с помощью методики взгляда со стороны, как будто с позиции не вовлеченного в травмирующую ситуацию человека. «Радикальной формой остранения является романтическая самоирония, дистанцирующая говорящего от его жизненной позиции» [Бондарев, 2011, с. 9]; остранение в данном случае может считаться способом объективации проблемы. Тем самым, парадигма остранения получает расширение, в том числе и потому, что остраненный взгляд предполагает новизну восприятия.

Изучая авангард и футуризм, П.Е. Родькин укрепляется во мнении, что остранение – прием поэтического языка и искусства в целом, противоположный любому автоматизму повседневности [Родькин, 2012, с. 40]. Остранение лежит в основе того принципа, который исследователь назвал «сдвигологией», проводя параллели с деконструкцией Ж. Деррида. Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что остранение является своего рода культурной универсалией. Согласно определению толкового словаря, «культурные универсалии – понятия, выражающие те черты культурных явлений, которые встречаются в любых культурах. Это те черты, которые свойственны всем без исключения культурам, <...> присущие всем народам независимо от их этнических, социальных, экономических и др. особенностей – это нормы, ценности, идеи, стереотипы мышления и поведения, верования и т.д.» [Большой толковый словарь по культурологии, электронный ресурс, 2003]. Культурной универсалией остранение является благодаря его функционированию в различных сферах: от литературы – до театра и философии, также остранение представляет способ восприятия действительности, который встречается у разных народов вне зависимости от языковых, социальных, экономических, политических и других особенностей.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

В этой главе были рассмотрены толкования термина в словарях, литературных энциклопедиях, работах русских и зарубежных ученых в синхроническом и диахроническом аспектах. В данной работе, вслед за Д.М. Бузаджи, мы полагаем, что механизм остранения заключается в замене ожидаемого наименования вещи, процесса или явления на неожиданное в данном контексте наименование с более широким семантическим потенциалом и той же референцией (т.е. на слово или выражение, обозначающее понятие, объем которого больше, чем у понятия, выраженного исходным (ожидаемым) наименованием, но которое при этом относится к тому же объекту (классу объектов), что и исходное понятие). Получившееся в результате замены наименование выполняет особую стилистическую функцию, обогащая исходное понятие определенной экспрессивной окраской и предполагая своего рода феноменолого-психологическую редукцию.

В рамках полиаспектного подхода происходит размежевание остранения и отчуждения; остранение обратно «отчуждению в гегелевско-марксистском смысле, это возвращение некоей предметной ситуации из сферы рациональной в сферу чувственную, сопровождаемое наполнением слова вещным смыслом и полновесным ощущением» [Чубаров, 2012, с. 13-14]. Превращение предмета сознания в телесную вещь приводит к деколонизации вещного мира; его освобождению от экспансивного всевластия сознания, клиширования воспринимаемого и распределения познаваемых сущностей по ноуменам.

Итак, между понятиями «остранение» и «отчуждение» нельзя ставить знак равенства, однако из-за их смешения и подмены происходит наложение области функционирования одного феномена на область функционирования другого. «Отчуждение» в прямом смысле скорее носит экономический характер, в то время как в психологии «отчуждение» – «явление таких жизненных отношений субъекта с миром, при которых продукты его

деятельности, он сам, а также другие индивиды и социальные группы, являясь носителями определенных норм, установок и ценностей, осознаются как противоположные ему самому (от несходства до неприятия и враждебности). Это выражается в соответствующих переживаниях субъекта: чувствах обособленности, одиночества, отвержения, потери Я и пр. <...> Феноменологически отчуждение выражалось в невротической потере субъектом чувства реальности происходящего (дереализации) или в утрате своей индивидуальности (деперсонализации). Э. Фромм существенно расширил сферу применения этого понятия. Согласно Э. Фромму, отчуждение индивида выступает в пяти формах: отчуждение от ближнего, от работы, от потребностей, от государства, от себя. В современной социальной психологии используется отчуждение и при характеристике межличностных отношений, при которых индивид противопоставляется другим индивидам, группе, обществу в целом, испытывая ту или иную степень своей изолированности» [Краткий психологический словарь, электронный ресурс, 1998]. Из этого вытекает, что «остранение» – частный вариант чувства «отчуждения», реализуемый в произведениях, что позволяет рассматривать остранение как универсальный метод искусства. «Отстранение» понимается как дистанцирование от предмета рефлексии и, может, следовательно, служить инструментом остранения. «Очуждение» – это способ представить явления с неожиданной стороны с целью удивить зрителя или вызвать его удивление и любопытство, то есть термин функционирует в рамках сценического искусства. В рамках настоящего исследования будем придерживаться термина «остранение», считая «отчуждение» – детерминантом остранения, «очуждение» сопутствующим явлением, функционирующим в основном в перформативных видах искусства, а «отстранение» – средством удаления от объекта анализа для создания остранения.

Следует отметить, что проблема терминологии присутствует и в англо- и франкоязычном дискурсе, в частности, К. Депретто пишет, что «Das

Unheimliche» Фрейда («жуткое», 1919 год) вместо «l'inquiétante étrangeté», переводческого варианта, предложенного в свое время М. Бонапарт, теперь переводится как «défamiliarisation» (вариантом перевода «остранения»), а более поздний термин Б. Брехта «Verfremdung» (V-эффект, появившийся по мнению исследовательницы, только в 1940-е гг.) по-французски звучит как «distanciation» (т.е. «очуждение»), и французские театрореведы не сомневаются, что это – то же самое, что и «остранение» В.Б. Шкловского [См. подробнее: Депретто, 2016, с. 46].

Остранение не сводится к границам лексем и распространяется на синтаксический уровень (например, неожиданный порядок слов, неверное грамматическое построение, смешение прямой, косвенной и несобственно-прямой речи), а также на уровень текста.

Остранение не является ни идиостилем, ни признаком отдельного литературного жанра, это общее свойство восприятия, связанное с отчуждением в момент созерцания и описания. Реализуясь в тексте, остранение предполагает деавтоматизацию смыслов и удаление критического автора из самого повествования. В литературном произведении могут быть представлены два типа остранения: частное употребление тропов (метафоризация, эвфемизация и др.) и композиционное построение образа, связанное с авторской позицией и модусом текста.

Разрушая «горизонты ожидания», остранение является своего рода культурной универсалией, представляющей способ рецепции действительности. При высвечивании объектно-смысловой фактуры художественного текста этот прием отличается от «эффекта остранения», когда текст воспринимается как нечто странное из-за темпоральной удаленности читателя от писателя. Благодаря наличию связи между художественным дискурсом и реальностью остранение служит для выражения изомерии авторской картины мира и языковых средств ее презентации.

Нарушая привычное восприятие происходящего, остранение предлагает принципиально иную точку зрения, отход от общепринятых норм, внедряя в текст необычные для реального мира ситуации или неожиданную перспективу. Предпосылками к появлению остраняющей интонации могут служить смена культурной формации, отчуждение, дистанцирование (как переезд или попытка объективации), потеря связи с корнями, утрата почвы под ногами и стремление избавиться от стереотипного мышления.

У остранения возможны различные степени реализации, классификация и разграничение которых может стать непростой задачей для последующего изучения из-за отсутствия четких критериев выделения отличительных признаков для той или иной степени проявления.

В настоящее время область гуманитарного знания не сводится к изучению отдельных дисциплин, поэтому изначально исключительно литературоведческий термин получил распространение и в других гуманитарных областях, таких как переводоведение, феноменология, философия, психология. Остранение, кроме того, применяется в научных исследованиях как метод научного моделирования, когда для познания одного объекта используется другой реальный или мыслимый объект, различные эвристические приемы в процессе научного поиска и решения проблем – «остранение» объекта познания.

ГЛАВА 2. ОСТРАНЕНИЕ И КУЛЬТУРНАЯ АДАПТАЦИЯ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПЕРЕВОДЕ

В настоящей главе будут проанализированы те теоретические и методологические составляющие приема остранения, которые выходят на первый план при решении практических переводческих задач. Будет проведено сравнение приема остранения в противопоставлении стратегиям доместикации и форенизации (введение терминов традиционно связывается с именем американского ученого Л. Венути, хотя споры о том, как переводить велись еще в античную эпоху). Также будет дан краткий обзор тех разноплановых составляющих остранения, которые нужно учесть переводчику при работе с художественным текстом.

Если говорить о трудах отечественных ученых, посвященных остранению при переводе (А.Э. Воротникова, И.А. Самохина, В.А. Разумовская), то в них рассматриваются приемы передачи остранения при переводе русской классики (случаи остранения в которой многочисленны и явственны) на английский и немецкий языки. Д.М. Бузаджи понимает остранение как обобщенную семантическую модель, которая помогла бы подвести под все случаи остранения единое семантическое основание, но не учитывает проблему психологического отчуждения автора от своего материала, когда текст подвергается переводу [Бузаджи, 2007]. В свою очередь, Д.О. Добровольский и М.Ю. Михеев, анализируя переводы Ф.М. Достоевского на немецкий, относят невозможность сохранения остранения на счет пристрастия переводчика к стратегии формы, и тогда «результатирующий текст с неизбежностью содержит маркеры принадлежности к языку и культуре, является чуждым для читателя, перевод, выполненный в соответствии с принципами стратегии формы, – это всегда overt translation» [Добровольский, Михеев, 2006, с. 396]. Нужно уточнить, что Д.О. Добровольский и М.Ю. Михеев проводят разграничение между остранением и форенизацией в переводе, хотя Л. Венути в своем определении форенизации совмещает эти два понятия.

Остранение с методологической точки зрения понимается как комплекс стилистических приемов, направленных на создание остраненного, очужденного восприятия у читателя. При этом в современных концепциях бытует мнение, что не нужно приводить текст к среднему читателю, а необходимо поднимать читателя до уровня текста, приводить читателя к тексту, а не наоборот. Еще Ф. Шлейермакер обозначил два пути для переводчика: привести автора к читателю или возвысить читателя до автора (как и делали его предшественники). Ф. Шлейермакер предпочитал вторую стратегию, сводя первую к автоматической стандартизации [Schleiermacher, 1813; см. подробнее: Мог, 2011, с. 124-125]. При приведении читателя к автору такие когнитивные структуры, как схемы, элементы и эмфазы текста-оригинала появятся в тексте перевода в несколько видоизмененном качестве [Thorson, 2003, с. 97]. Невозможность абсолютного перевода обосновывается в трудах ученых, придерживавшихся концепции неогумбольдтианства, и прежде всего в работах немецкого ученого Л. Вайсгербера, который развивает философию языка, разработанную В. фон Гумбольдтом («Разные языки по своей сути, по своему влиянию на разные чувства являются в действительности различными мировидениями» [Гумбольдт, 1985, с. 370], подчеркивая, что каждый язык – это особое «видение мира» [Цит. по: Алексеева, 2004, с. 122].

2.1. Культурная адаптация в художественном переводе: виды и подходы

Современная теория перевода предлагает концепцию, основанную на связи между культурой и языком, который по своей сути является лишь звуковым и буквенным отражением культурного своеобразия того или иного народа [Грибановская, 2012, с. 19]. Таким образом, то «чужое», с чем постоянно сталкивается переводчик (реалии, экзотизмы, страноведческая лексика, культурные концепции), – это то, что не выражено в языке перевода; явления культуры исходного языка, отсутствующие в культуре языка

перевода и нуждающиеся при переводе в адаптации к принимающей культуре.

Проблема культурной адаптации возникает и в интралингвальном переводе, возвращаясь к позиции формалистов, можно процитировать Ю.М. Лотмана, заметившего в статье «К построению теории взаимодействия культур», что «еще В.Б. Шкловский и Ю.Н. Тынянов обратили внимание на изменение функции текстов в процессе усвоения их чужеродной культурой и в связи с этим на то, что процесс воздействия текста связан с его трансформацией. Из этого вытекало, что даже внутри одной и той же культуры, для того чтобы стать активным участником в процессе литературной преемственности, текст должен из знакомого и “своего” превратиться, хотя бы условно, в незнакомый и “чужой”» [Лотман, электронный ресурс, 1992].

В настоящее время в эпоху постмодернизма появляется все больше текстов с деконструкцией, взламыванием привычных структур и способов организации текста. Для перевода таких текстов переводчику требуется предельная внимательность и виртуозное владение навыками художественного перевода. Остранияющая перспектива при переводе способствует «“преодолению литературности”; экзистенциальный философ М. Бубер, заново переведший Ветхий Завет на немецкий так, чтобы перевод звучал не как вторичный немецкоязычный оригинал, а как онемеченный, создавая остранение в переводе, называет этот метод непривычным, современный переводчик П. Грушко – жестким, Э. Маркштайн – строптивым, а Д. Робинсон – субверсивным» [Маркштайн, электронный ресурс, 1996]. Идея о возможности диалога читателя/переводчика с текстом присуща герменевтике, предполагающей бесконечность интерпретации в философском толковании. В филологической герменевтике остранение функционирует в качестве актуализации [Виноградова, 2007, с. 9]. Э. Прунч приводит в пример Ф. Пепке, который, опираясь на герменевтические идеи Х.Г. Гадамера, представляет перевод как процесс переживания дистанции и

инаковости, как опыт «обращения с иным» [Цит. по: Прунч, 2015, с. 125]. Исследователь предполагает, что «читатель и соответственно переводчик, первоначально сталкивается с “чужим” и его отличиями от “своего”. Он может вступить с текстом в диалог, чтобы преодолеть его чуждость. Отправной точкой при этом оказываются представления, предубеждения, предвосхищение, жизненный мир и кругозор читателя или переводчика. В диалоге с текстом у читателя/переводчика появляется возможность модифицировать свои предположения, сверить модифицированный вариант с текстом и так двигаться по разворачивающейся герменевтической спирали далее, приближаясь к смыслу текста» [Там же]. Эта «герменевтическая спираль» – остранение, при котором не отвергается «свое», но и «чужое» не рассматривается сквозь призму «своего» видения.

«В европейской герменевтике перевод сам по себе воспринимается как остранение, направленное на себя» [Di Cesare, 2012, с. 78]. Хотя такое остранение не предполагает отмены собственной значимости перевода, оно влечет за собой проприоцепцию (термин был введен Д. Робинсоном), или присваивание языка. Оба языка испытывают на себе воздействие перевода и обретают родство в остранении, которое их в то же время и разъединяет. Перевод – это движение в сторону другого языка без возврата [Di Cesare, 2012, с. 62]. При этом, как замечает Д. Робинсон, переводчик не должен ориентироваться на элитарного читателя и воспроизводить остранение, если оно обременяет восприятие, напротив, он должен взять на себя роль аксиологического трактователя [Robinson, 2011, с.152]. Переводчику следует противодействовать инаковости другого языка, осуществлять выбор между нормой и точным следованием тексту оригинала, обращаясь к интертексту. С. Сандрер считает, что переводить современных русских поэтов на английский – сложный и ответственный вызов. «Как переводить стихи, которые на родном русском выглядят странно чуждыми? Как сохранить их рваные края и острые углы, как передать ощущение, что и в оригинальном тексте лингвистические границы уже нарушены?» [Сандлер, 2008, с. 224].

Очевидно, что переводчику иногда бывает необходимо протестировать варианты перевода на возможных читателях, чтобы понять, как меняется восприятие, и найти наиболее приемлемый способ перевода.

Перевод – это не только передача смысла средствами оригинала. Это даже и не передача смысла, а его создание в безостановочном изменяющемся отношении между символом и значением в зависимости от контекста [См. подробнее: Каплуненко, 2012, с. 197]. Для передачи контекстуальных взаимосвязей в культурном измерении А. Лефевр вводит понятие «культурной решетки» текста, которая существует на уровне «глубже» или «выше» уровня функционирования языка [Bassnett, 2000, с. 5 и далее]. Культурные решетки – создаваемые людьми, исторические, определяемые конкретными обстоятельствами конструкты, которые могут быть подвержены изменениям и являются настолько прозрачными для представителей той или иной культуры, что воспринимаются как естественные. Они существуют в неявном виде, как модель ожиданий, которая ощущается и «обживается» представителями культуры без осознания типологических составляющих. Эти составляющие нужно учитывать при переводе, который является, по мнению С. Басснет и А. Лефевра, процессом аккультурации.

Исследователи также определяют, что тексты культур, взращенных на общей культурной подложке (например, французская, немецкая и английская культуры имеют свои корни в греко-римской античности), обладают сходными культурными решетками, в то время как изолированные культуры Востока (Китай, Япония) обладают разительно несходными культурными решетками, поэтому процесс перевода на такие языки на протяжении долгого времени тяготел к перевесу в сторону доместикации. При ее использовании позиции устоявшихся литературных и ценностных канонов укреплялись. Художественный перевод предполагает не простое перекодирование художественного текста средствами перевода языка, а переход и

встраивание оригинального художественного текста в текстовую решетку переводящего языка и культуры.

А. Лефевр и С. Басснет замечают на примере пьесы Б. Брехта «Мамаша Кураж», что художественные тексты, признанные «культурным капиталом» (термин П. Бурдье), причем не обязательно, что из-за литературной значимости текстов, возможно, что это признание было обретено из-за уважения к автору, переводятся не так, как тексты, не считающиеся «культурным капиталом» [Bassnet, 2000, с. 109]. Ценность классических текстов не позволяет переводчику выйти за рамки культурных шаблонов. Так, первые переводчики Б. Брехта пытались вписать его в английский литературный канон среди сонма классиков (Дж. Свифта, Р. Киплинга, Ч. Диккенса), хотя в то же время в родной стране Б. Брехта его произведения сжигались нацистами из-за их явной сатирической направленности, которая в переводе не акцентировалась [Там же].

Если текст-оригинал насыщен реалиями, свойственными определенной культуре, то чтобы не допустить чрезмерного остранения у читателя, рекомендуется использовать экспликацию. Переводчик становится межкультурным медиатором, который часто выступает в качестве «культурного фильтра» и регулирует межкультурное общение. Таким образом, происходит аккультурация и декомпозиция смысла для лучшего понимания множественными читателями [Mareva, 2013, с. 2]. Калькирование реалий без экспликации приводит к экзотизации текста и, как правило, привносит в текст остроящий эффект, не заложенный в него изначально. Впрочем, добавление остранения в текст перевода не всегда наносит ему вред, оно может придать тексту новое звучание и дополнительные значения [Koriagina, 2012, с. 97]. А.В. Кравченко высказывается в духе отказа от идеалистической, по сути, философии объективного реализма, чтобы избежать проблемы принципиальной непереводимости [Кравченко, 2008, с. 68].

Культурная адаптация в переводе возможна при применении стратегии доместикации, которой противопоставлен резистивный перевод (в трактовке Г.Д. Воскобойника¹⁹). Также для изучения художественного текста, но не для его непосредственной интерпретации, может применяться интерпретативная стратегия.

Культурная адаптация в переводе также сопряжена с преодолением межкультурных барьеров (Г.Д. Воскобойник, Н.В. Лелекова, Е.В. Харитонова) и подразумевает применение доместикации. Доместикация связана с аккультурацией, которая имеет свои градации, а оппозицией аккультурации, по выражению Р. Хейлен, будет текст, выглядящий экзотично, «странны» [Bassnet, 2000, с.93]; об остранении как приеме перевода, препятствующем чрезмерной «аккультурации» текста будет сказано в разделе 2.3.

¹⁹ Резистивный перевод имеет некоторые сходства с приемом неостранения, который выделяет О. Меерсон по отношению к творчеству А.П. Платонова. Суть этого приема заключается в отказе признать незнакомое или новое за необыкновенное [Меерсон, 2016].

2.2. Доместикация и форенизация

Поскольку в работах исследователей (преимущественно зарубежных) остранение смыкается со стратегией форенизации и противопоставляется стратегии доместикации, рассмотрим их подробно.

Соотношение переводческих стратегий варьировало в зависимости от эпохи. Начало перевода письменных памятников можно отсчитывать с того периода, когда появляются две взаимодействующие лингвокультурные формации или одна сменяет другую. Так, одними из первых применяют переводческие трансформации римляне для ознакомления новых поколений с классическими греческими произведениями. Андроник перевел на латинский язык «Одиссею» Гомера и разработал различные приемы адаптации греческих произведений к римской действительности. Именно он первым заменял при переводе имена греческих богов на имена соответствующих им римских богов. С помощью транскрипции он вводил в текст латинского перевода греческие слова, обозначавшие экзотические реалии [См. подробнее: Алексеева, 2004, с. 57 и далее]. Энний, Пакувий, Цецилий, Теренций, Тит Плавт строили свои произведения на основе греческих, используя контаминацию, вольное переложение, пересказ, орнаментальное цитирование. В некоторых случаях переводчики добавляли к пересказанному тексту собственное продолжение. Широко применялась методика адаптации к собственной культуре; она могла касаться смены места действия, изменения поэтической формы на прозаическую и т.д. Первые критические оценки и размышления по поводу перевода таким образом появились в Древнем Риме. [Там же, с. 59]. Цицерон первым в европейской культуре поставил проблему принципиальной нетождественности текстов оригинала и перевода в своем сочинении «О наилучшем виде ораторов» (написанном в 46 г. до н.э. в качестве предисловия к его переводу двух речей ораторов Демосфена и Эсхина). Практику буквального перевода Цицерон порицает в сочинении «О пределах добра и зла», говоря о необходимости

работать с синонимами, предпочитая общеупотребительное слово буквальному переводу, что согласуется и с современными взглядами [См. подробнее: Кулькова, 2007, с. 34 и далее]. В самом начале этого философского трактата Цицерон задается вопросом о том, волен ли думающий переводчик изменять текст для приспособления его нуждам читателей, для того чтобы способствовать их культурному развитию: «А что если мы являемся не только переводчиками, а пытаемся сберечь суть сказанного теми, чьи мысли мы принимаем, и к тому же высказать собственное наше суждение об этих предметах и изложить их в том порядке, как мы считаем нужным?» [Цицерон, электронный ресурс, 2000].

С. Басснет, напротив, ведет отсчет истории перевода письменных памятников античности с более позднего времени, противопоставляя подход Иеронима (форенизация) и подход Горация (доместикация) [Bassnett, 2000, с. 2 и далее]; первая стратегия накладывала на переводчика обязанность быть «верным» переводимому сакральному тексту, вторая использовалась преимущественно устно, при переговорах, когда переводчику приходилось искусно лавировать между заказчиками для успешного заключения сделки. Если сейчас даже при применении доместикации предполагается бережное отношение к тексту оригинала, то в античные времена с оригинальным текстом переводчик обходился не столь уважительно: «Стратегия доместикации применялась переводчиками со времен Римской империи, когда они не только опускали все инокультурные маркеры в греческих текстах, но добавляли аллюзии на римскую культуру и даже меняли имена греческих поэтов на свои собственные, выдавая переводы за оригинальные произведения» [Корнаухова, 2011, с. 91].

В средние века существовало однозначное противопоставление пословного перевода и свободного переложения подлинника, допускающего превращение прозы в стихи. Эти два типа перевода выполняли разные задачи, поэтому и могли сосуществовать, не пересекаясь. Буквализм бытовал в переводах сакральных и философских текстов [См. подробнее: Семенец,

Панасьев, 1991, с. 23]. Соблюдался принцип верности перевода христианской доктрине, а вольная переработка, очевидно, была связана не только с дохристианскими традициями адаптации, но и с традициями устного проповедничества, хотя авторы, безусловно, пользовались как основой письменным текстом Библии. Также не существовало понятия авторства и отсутствовала оппозиция между оригинальной и переводной литературой. Доля переводных текстов во всей христианской Европе была очень велика и составляла от 87 до 99% [См. подробнее: Алексеева, 2004, с. 66].

На востоке отношения между чужой и принимающей культурой развивались сходным образом. Зачастую переводчиками выступали носители языка, стремясь распространить свою культуру: так, персы переводили на иранские языки свою литературу, а корейцы на китайский – свою [См. подробнее: Семенец, Панасьев, 1991]. Буквальный перевод уживался с переводом вольным, с переводом-переложением – комментарии к Корану и подобная литература переводились дословно; философская и научная – более вольно и совсем вольно – художественная, историческая и т. д. [Там же, с. 51]. Переводчики заложили основы абстрактного языка науки и рассуждали о теоретических вопросах переводоведения, например, Ибн Сина выделял четыре вида «холодных (неудачных) слов и выражений»; определение второго вида, «когда употребляют необычное слово или же его вариант из того же языка или в переводе из другого языка. Или же это употребление “изобретенных”, вновь выдуманных слов...» [Там же, с. 28] сходно с характеристикой тех слов и выражений, которые позже назовут «реалиями», «экзотизмами», «экзотами».

В европейской культуре доместикация не касалась Священного Писания, которое переводилось максимально близко к подлиннику, за исключением поэтического переложения: «Тогда одновременно допускались купюры, выравнивание сюжета и приспособление текста к поэтической форме, привычной для данного народа» [Алексеева, 2004, с. 65]. В восточных странах буквальный перевод даже священных текстов мог подвергаться

трансформациям и интерпретациям: «главным способом распространения идей после их письменной фиксации в переводах и переложениях была устная декламация» [Семенец, Панасьев, 1991, с. 59]. Но для славянских народов Библия и другие сакральные тексты переводились в малом количестве или не переводились на иные языки, кроме церковнославянского, для того чтобы охранить монополию Церкви на трактование Писания [Там же, с. 244].

В Новое время в странах Ближнего и Среднего Востока именно благодаря переводу происходило становление художественной прозы, нового театра; сходны были и принципы перевода, который можно назвать адаптирующим [Там же, с. 55]. Для переводов на тибетский и монгольский языки было разработано наставление (XVIII в.), допускающее перемещение, добавление и изъятие лексических единиц в целях адекватной передачи смысла высказывания, причем требования ко многим переводам Нового времени в Европе были значительно более жесткими: «Слова ни вводить, ни изменять не разрешалось, в лучшем случае разрешались их перестановки. Эти ограничения основывались, однако, на идеологических, а отнюдь не на переводческих, филологических соображениях» [Там же, с. 141]. В наставлении также отмечалась необходимость соблюдения переводчиком беспристрастного отношения к любому оригиналу, сохранения индивидуальных черт стиля того или иного автора (форенизация), при переводе иносказательных имен собственных рекомендовалось использовать калькирование, при передаче реалий – сохранялось звучание и написание этих слов и вводился гипероним (элементы доместикации) [См. подробнее: Там же, с. 144]. Соответственно, не имея значительных контактов с европейскими странами, уйгурские, монгольские и тибетские переводчики самостоятельно вплотную подошли к разработке современных практических рекомендаций для переводчиков.

В период классицизма прослеживается вольное обращение с оригинальным текстом. Переводчик воспринимал текст как исходный

материал, который он должен был улучшить, проблемы переводимости не существовало: «В результате исчезало всякое авторское и стилистическое своеобразие подлинника. <...> Намеренно устранилось национальное своеобразие, хотя и предшествующие принципы перевода его не передавали и не учитывали. Но если в Средневековье отказ от национальных черт объяснялся стремлением к религиозному единению, то теперь царила идея интернациональной, просветительской миссии литературы. <...> нередки были переводы с участием языка-посредника, каковым в большинстве случаев оказывался французский. <...> Своебразным было также и отношение к нормам языка перевода. <...> Установка на общенародный язык сменилась установкой на язык литературного жанра, во многом далекий от разговорного. <...> Тексты, переведенные таким способом, как бы отрывались от конкретного автора и становились достоянием литературного направления» [См. подробнее: Алексеева, 2004, с. 74-75].

Но уже в период романтизма, когда значимость Другого стала признаваться [Bassnett, 2000, с. 13 и далее], начала набирать обороты стратегия форенизации. Комментируя соотношение переводческих стратегий в разные эпохи, О.Е. Семенец и А.Н. Панасьев отмечают, что «история перевода показывает, что во всех культурах, где выполнялись письменные переводы, присутствовали основные формы перевода: буквенный, вольный (адаптирующий) и перевод-пересказ. Менялось лишь общее соотношение этих форм, доминирующее положение могла на какой-то период занимать та или иная форма, но нельзя определить для той или иной эпохи в той или иной культуре какой-то один принцип как повсеместно распространенный» [См. подробнее: Семенец, Панасьев, 1991, с. 180].

В России в петровскую эпоху доминировал прагматичный подход к переводу, сходный по характеристике с подходом теории скопоса: «Петр I в правках переводов придерживался такого принципа: сохранять в переводе лишь то, что непосредственно касалось существа предмета, и удалять отвлекающие красоты» [Там же, с. 183]. Затем парадигма сменилась: в кругу

переводчиков в 30-е и 40-е годы XVIII в. бытовало убеждение в том, что перевод должен «полностью» совпадать с оригиналом (причем проблема языка-посредника игнорировалась), что весьма отличается от распространенного представления о повальной вольности переводов тех времен [Там же, с. 180]. А.Д. Кантемир следовал буквализму в переводе, растолковывая в комментариях наиболее трудные места, новые слова и реалии, его «филологическое комментирование и его переводы без рифмы имели большое будущее: именно так издаются переводы из антиков в XX в.» [Там же, с. 212]. И только в конце XVIII в. к переводчикам приходит понимание тонких языковых различий, признание разных семантических нюансов, желание учитывать синтаксический строй и своего, и чужого языка [Там же, с. 238-239].

Вплоть до XX в. в России «ведущим – но не обоснованным теоретически, а применяемым интуитивно – принципом был принцип пословного перевода (не путать с дословным, при котором сохраняется жесткая привязка к каждому слову и даже синтаксису оригинала; при пословном переводе переводчик стремится передать все присутствующее в оригинале, но делает это, в основном сообразуясь с законами принимающего языка, расширяя или, реже, сокращая текст, но стремясь при этом не потерять слов оригинала)» [Там же, с. 312].

С наступлением XX в. и особенно после Октябрьской революции пересматриваются научные основы, новые ученые пытаются выработать однозначные неоспоримые правила искусства, и та же тенденция прослеживается в переводоведении. В рамках школы русского формализма «были выработаны два критерия верности перевода: эквивалентность – точность в передаче лексического и семантического содержания подлинника и эквилинеарность – полнота передачи характера синтаксических структур» [Алексеева, 2004, с. 106]. «Задача абсолютно полного воспроизведения всех особенностей текста подлинника в переводе редко всерьез ставилась в XX в., но многие европейские переводчики XX в., продолжая традиции

предшествующих поколений, стремятся с максимальной полнотой передать в переводе художественное своеобразие подлинника во всей его полноте, находя в сложных случаях средства функциональной компенсации в собственном языке» [Алексеева, 2004, с. 122].

Итак, можно утверждать, что основные стратегии переводчика художественных текстов сводятся к двум: доместикации и форенизации. Ф. Шлейермакер писал, что: «Либо переводчик оставляет, насколько это возможно, в покое автора и переносит читателя к нему. Либо он оставляет в покое, насколько это возможно, читателя и переносит к нему автора» [Schleiermacher, 1813, цит. по: Venuti, 2008, с. 242]. Этот образ в краткой форме дает описание доместикации и форенизации, причем, следует отметить, что Ф. Шлейермакер полагал, что переводы с разных языков на немецкий должны звучать и читаться по-разному, так, чтобы идентичность исходного текста не стиралась в переводе.

Зарубежные исследователи по-разному трактуют остранение в ситуации перевода. Наблюдается тенденция сводить остранение к стратегии форенизации, введенной Л. Венути. Однако эти понятия не тождественны, так как стратегия форенизации появляется только в ситуации перевода, а остранение может присутствовать в оригинальном, непереводном тексте. Кроме того, предлагаемое Л. Венути понятие «форенизирующего перевода» существенно отличается от точки зрения Ф. Шлейермакера. Согласно Ф. Шлейермакеру, переводчик должен ориентироваться на исходный язык и «склонить» язык перевода к «чужому подобию», т.е. отразить чужие языковые и текстовые модели в языке перевода, чтобы таким образом спасти «дух языка» и обогатить эстетический код языка перевода [Schleiermacher 1813]. Предлагаемый же Л. Венути «форенизирующий перевод» направлен, в соответствии с ключевым понятием сопротивления (resistance), против господствующих в целевой культуре структур власти и кодов [Прунч, 2015, с. 352], а остранение, как было отмечено ранее, имеет широкий характер, распространяясь на психологическую природу

восприятия и реализуясь на метатекстовом уровне (в том числе при описании впечатлений от прочитанного). В данной работе остранение вслед за В.С. Львовым и Е.Ю. Куницыной рассматривается как самостоятельный прием перевода, дополняющий обе эти стратегии. Остранение может быть создано в результате применения стратегии доместикации, когда переводчик чрезмерно прибегает к использованию знаков культуры языка перевода за счет знаков культуры языка оригинала. Остранение может также заменять форенизацию при переводе текстов, написанных на предшествующем варианте оригинального языка, например, при переводе пьес В. Шекспира на современный русский язык [См. подробнее: Львов, 2011; Kunitsyna, 2010, с. 683].

Л. Венути, предложивший понятие форенизации для перевода, рассматривал данную стратегию как сохранение информации из текста-оригинала в максимально возможной степени, даже если это нарушает обычные нормы языка перевода. В противоположность этой стратегии существует стратегия доместикации, используя которую, переводчик старается адаптировать текст-оригинал к правилам языка перевода, а также к культурным обычаям. При этом из переводного текста может исчезнуть культурная специфика и экспрессивность, он будет восприниматься как нейтральный или даже выхолощенный, поэтому сам ученый поддерживает преимущественное использование форенизации [Venuti, 2008, с. 20 и далее]. Л. Венути пишет о том, что каждый шаг в процессе перевода – от выбора текста до применения переводческих стратегий и вплоть до редактирования и чтения определяется разнообразными культурными ценностями, которые функционируют в языке перевода и имеют иерархический порядок [Цит. по: Bassnet, 2000, с. 137]. Чужое в переводе, по мнению Л. Венути, противится существующей в целевой культуре иерархии ценностей. Оно идет вразрез с господствующим дискурсом и подрывает его. «При ближайшем рассмотрении понятие форенизирующего перевода Л. Венути, – пишет австрийский специалист по переводу Э. Прунч, – оказывается куда ближе

к понятию остранения русских формалистов, чем к понятию чужеродного перевода Ф. Шлейермакера, ориентирующегося на конструирование и обогащение национальных культур. В отличие от этноцентристского взгляда Ф. Шлейермакера, цель Л. Венути заключается в том, чтобы утвердить перевод как акт сопротивления против этноцентризма и расизма, культурного нарциссизма и империализма, чтобы бороться в интересах демократических геополитических отношений против узурпаторских тенденций англо-американской культуры» [Прунч, 2015, с. 353]. Следовательно, нельзя говорить о том, что форенизация пренебрегает культурой перевода и культурой языка перевода как таковыми.

Х. Баба считает перевод исполнением культурной коммуникации. Перевод, согласно его точке зрения, – это язык в действии, а не в пространстве. Знак перевода маркирует временные и пространственные различия между культурным авторитетом и произнесенными им речами; «время перевода состоит в движении значения, принципах и практики коммуникации» [Цит. по: Bassnet, 2000, с. 137]. Так, только в процессе перевода осуществляется перенос («движение») значения из культуры оригинала, которое нужно донести до читателя.

Напротив, Ю. Найда, основатель теории динамической эквивалентности, придерживается стратегии доместикации. Глубокое знание чужой культуры, бикультурализм, помогает воздержаться от привнесения лишнего остранения в перевод [Nida, 2003, с. 15 и далее]. Тем не менее Ю. Найда писал о необходимом для переводчика бикультурализме, тогда как не столь хорошо подготовленный читатель может почувствовать остранение в переводе из-за своей недостаточной осведомленности о чужой культуре.

Идеологи теории скопоса (К. Райс, Х. Фермер и др.) замечают, что основное внимание должно уделяться функции как исходного (оригинального), так и целевого (переведенного) текста. Соответственно, решение о соотношении между стратегиями форенизации и доместикации принимается индивидуально, а единственным критерием оценки перевода

объявляется его соответствие той цели, ради которой он был осуществлен. Причем «целью перевода может быть не только полноценная передача содержания подлинника, но и дезориентация реципиента, введение в заблуждение, задача понравиться реципиенту, внедрить посредством перевода чуждую оригиналу политическую идею и т. п.» [Алексеева, 2004, с. 146]. Метод перевода зависит от типов текста, которые могут быть сведены к трем основным – информативному, экспрессивному и оперативному. Для информативных текстов лексика, синтаксис и стиль в переводящем языке должны быть адаптированы к конвенциям типов текста языка перевода, чтобы текст не казался «необычным». При переводе экспрессивных текстов переводчик должен ориентироваться на передачу авторских интенций, а при переводе оперативных текстов предпочтителен адаптирующий метод [См. подробнее: Прунч, 2015, с. 81-86]. Авторы концепции скопоса отводят понятию эквивалентности подчиненное место в своей концепции, определяя ее как функциональное соответствие текста перевода тексту оригинала, как частный случай осуществления цели перевода. «А успех перевода определяет адекватность, понимаемая авторами как правильный выбор способа перевода <...> оба понятия – эквивалентность и адекватность – не являются статическими. Адекватность – потому, что цель перевода всякий раз меняется, а эквивалентность – потому, что на различных исторических этапах люди по-разному могли понимать функцию одного и того же текста» [Алексеева, 2004, с. 146; См. подробнее: Reiss, Vermeer, 2014, с. 127-128].

В. Коллер считает, что понятие эквивалентности приобретает смысл только в том случае, если уточняется вид эквивалентных отношений между текстами. Он выделяет денотативную, коннотативную, текстуально-нормативную, прагматическую и формально-эстетическую эквивалентность [См. подробнее: Велединская, 2010, с. 124-125]. На каждом уровне переводчик должен установить иерархию ценностей, подлежащих сохранению в переводе, соответственно, если на уровне формальном (передача художественно-эстетических, индивидуально-авторских

признаков) допустима форенизация, то на уровне текстуально-нормативной и прагматической эквивалентности переводчику следует придерживаться доместикации. Конкретные возможности решения, предлагаемые на практике, могут ранжироваться от пренебрежения существующими различиями (Э. Прунч обозначает это пренебрежение терминами «интерполяция» и «инкорпорация») до эксплицитного комментария, который касается данных различий. Второй прием уместен тогда, когда по той или иной причине внимание читателя следует обратить именно на саму культурную специфику [См. подробнее: Прунч, 2015, с. 62]. Эти два крайних решения соответствуют доместикации, но в случае с эксплицитным комментарием есть возможность остранения. Взгляды В. Коллера претерпели некоторую эволюцию, по замечанию Э. Прунча, и в своих поздних работах он допускает «комментирующие, интерпретирующие приемы, приемы переводческой обработки, сокращения или расширения при переводе информационных текстов, если они призваны передать читателю текста перевода определенные ценности исходного текста или если они должны быть понятными и удобочитаемыми» [Там же, с. 71].

Показаниями к использованию доместикации в переводе являются следующие межкультурные барьеры: сопротивление принимающего коммуникативного пространства; сопротивление оригинала; этноцентризм восприятия; совершенно отличная от принимающей культуры национальная ментальность; культурная дистанцированность коммуникантов; социальная маркированность исходного текста; функциональная заряженность оригинала; этнодифференцирующие культурологические признаки [Харитонова, 2011, с. 207-208]. Культурная адаптация в переводе необходима, если эти межкультурные преграды настолько велики, что не оставляют шансов понять текст без доместикации. В конечном счете, любой перевод – это доместикация, а отсутствие перевода – максимальная форенизация, но случается и так, что пренебрежение соотношением стратегий приводит к неэффективности перевода. В качестве иллюстрации

этого положения можно привести рассуждения К. Ко斯基нен о переводах с экзотических языков, так как некоторые англо-американские переводчики под влиянием евроцентрической концепции прибегают не к доместикации, а к излишней форенизации и получают «ориентальный текст» [Koskinen, 2000, с. 56]. В результате такой чрезмерной форенизации при переводе с экзотического языка отражаются не особенности той или иной культуры, но стереотипы о ней, существующие в принимающей культуре.

Анализируя перевод пьесы Юджина О'Нила «Долгое путешествие в ночь» на кантонский диалект, исследовательница В. Оой приходит к умозаключению, что из-за совершенно отличающейся от западной исполнительской культуры в Китае единственная стратегия для переводчика – это сохранить острояющую интонацию и «нездешность», так чтобы «перевод стал таким же открытием для переводчика, как и для его читателей» [Цит. по: Bassnet, 2000, с. 105]. Таким образом, дальнейшая жизнь перевода накладывает отпечаток на его исполнение, а сам процесс перевода приобретает «герменевтическое измерение» (по мнению В. Оой). Ж.-К. Карьер, переводя «Махабхарату», также отрицает возможность «нормализации», то есть намеренной европеизации языка, в частности, он не переводил некоторые понятия, такие как «дхарма» (dharma) или «кшертва» (kshetrava), так как язык перевода не в состоянии передать идеи, которые стоят за этими понятиями [Bassnet, 2000, с. 106]. Также выбор в пользу форенизации и отсутствия аккультурации имел идеологическое обоснование, заключавшееся в признании, что европейские культурные нормы не универсальны. Но в театральной постановке эпоса «экзотизации» также следует избегать, а переводчик должен занять «лиминальную позицию» между культурами для того, чтобы способствовать контактам между разными системами театральных условностей [См. подробнее: Bassnet, 2000, с. 106].

В настоящий момент форенизация понимается как «экзотизация с минимальным присутствием переводчика», *translatese*, а доместикация – как

«культурная трансплантация», причем в последнюю категорию некоторые ученые включают опущение, нейтральное объяснение, замену другим культуронимом [Olk, 2013, с. 352]. Этого определения мы и будем придерживаться в настоящем исследовании. Х.М. Олк, проведя количественное исследование (перевод культуронимов в публицистике с английского языка на немецкий), приходит к выводу, что профессиональные переводчики ориентированы больше на принимающую культуру, в то время как непрофессиональные переводчики (студенты) тяготели к переводу с нейтрализацией и ориентировались на культуру оригинального текста [Там же, с. 354]. Далеко идущих выводов из такого узкого исследования на малом количестве единиц (всего 23 уникальных культуронима), впрочем, желательно не делать, хотя бы потому, что границы между выделяемыми приемами перевода (например, перевод+экспликация и перевод+объяснение) зыбки и могут быть оспорены.

Доместикацию следует предпочесть форенизации и при переводе специальной литературы. Так, турецкий исследователь В. Йылмаз-Гюмюш, изучая перевод культуронимов на базе книг по самосовершенствованию (из разряда «помоги себе сам»), приходит к выводу о том, что тексты, насыщены реалиями американской жизни, которые при простой передаче (калькирование, буквальный перевод, который автор называет повторением или repetition) привнесут остраниющую интонацию в текст. Поскольку эти культуронимы, в частности, топонимы и имена собственные, не вызывают реминисценций у читателя и, что более важно, отвлекут от сути материала, то правомерно их опускать [Yılmaz-Gümüş, 2012]. Можно предположить, что в отношении текстов, предназначенных «для широкого круга читателя» соотношение доместикация-форенизация в спорных моментах должно быть в пользу доместикации, что согласуется с подходом скопос-теории.

Вслед за Дж. Ламбертом и Х. ван Горпом В. Йылмаз-Гюмюш настаивает на учете в переводе принимающей культуры, которая рассматривается системно [Yılmaz-Gümüş, 2012, с. 118]. Х.Ф. Аиксела

разделяет переводческие стратегии на консервацию (форенизация в терминологии Л. Венути) и замещение (доместикация) [Там же]. П. Квециньский проводит аналогию между терминами, используемыми исследователем Л. Венути, и другими, в частности «консервирующей стратегии» соответствует «остраняющая стратегия» К. Стурге, а «натурализация» сходна с «культурным замещением» М. Бейкер [Kwiecinski, 1998, с. 189]. К консервации Х.Ф. Аиксела относит повтор (в русской теории перевода – это буквальный перевод и калькирование), орографическую адаптацию, хороший перевод, который не учитывает культурную специфику, примечание вне текста (глоссарий, сноска, вставка в текст в кавычках или скобках), парофраз-объяснение в тексте; к замещению – подбор синонима, ограниченную универсализацию (в русской теории перевода – нейтрализация), натурализацию (адаптацию), удаление из текста (опущение), введение в текст культуронима, изначально в нем не находившегося. Последнее свойственно форенизации, если реалия – из культурной системы оригинального текста, и доместикации, если реалия – из принимающей культурной системы.

В статье «Фрейд и сцены письма» Ж. Деррида пишет, что дело перевода – это «ронять означающее». Д.Ю. Кралечкин, переводчик Ж. Деррида, поясняет, что «ронять» в том смысле, в котором его использует философ, значит не только терять, но и намеренно бросать, то есть перевод носит на себе следы поражения и является «наукой искусственного ронения»²⁰ [Деррида, 2007b, с. 486]. То есть перевод должен содержать форенизацию, а переводчик сравнивает вопрос о соотношении стратегий доместикации и форенизации «со стандартным вопросом семейной метафизики: должен ли достойный сын всегда уважать своего отца, показывать, что он меньше его, или само достоинство сына заключается в том, чтобы стать столь же независимым, как и его отец?» [Там же, с. 485]. При всей парадоксальности

²⁰ В формулировке переводчика Ж. Деррида Д.Ю. Кралечкина.

формулировки этот вопрос метафоризирует основной вопрос: когда мы читаем переводной текст, не зная языка, на котором он был изначально написан, чем является для нас этот читаемый текст как не оригиналом? Таким образом, у В. Беньямина переводной текст обретает новую жизнь (after-life – жизнь после жизни, жизнь после смерти) в своем переводе, а в понимании Ж. Деррида перевод становится оригиналом [Bassnet, 2000, с. 25].

В то же время сама С. Басснет пишет о необходимости тайного сговора (*collusion*) между читателем и переводчиком о том, что перевод будет переносом текста в двоичной системе без обращения внимания на проблемы аутентичности и оригинальности. Вопрос об оригинальности текста восходит к сентенции Р. Барта (эссе «Смерть автора») о том, что любой текст соткан из цитат, извлеченных из бесконечного количества культурных источников: «Ныне мы знаем, что текст представляет собой не линейную цепочку слов, выражающих единственный, как бы теологический смысл (“сообщение” Автора-Бога), но многомерное пространство, где сочетаются и спорят друг с другом различные виды письма, ни один из которых не является исходным; текст соткан из цитат, отсылающих к тысячам культурных источников. Писатель <...> может лишь вечно подражать тому, что написано прежде и само писалось не впервые; в его власти только смешивать их друг с другом, не опираясь всецело ни на один из них; если бы он захотел *выразить себя*, ему все равно следовало бы знать, что внутренняя “сущность”, которую он намерен “передать”, есть не иное, как уже готовый словарь, где слова объясняются лишь с помощью других слов, и так до бесконечности» [Барт, электронный ресурс, 1994]. С. Басснет понимает эту мысль Р. Барта в том смысле, что писатель смешивает чужие творения, сталкивает идеи друг с другом, не останавливаясь ни на одной [См. подробнее: Bassnet, 2000, с. 27]. Но это крайние взгляды на порождение текстов, обычно читатель и писатель как будто заключают договор о том, что читаемый текст оригинален несмотря на его интертекстуальность, а читательский опыт переводчиков

порождает возможность для множественности переводов. Переводы одного и того же произведения не будут идентичными, так как переводчик испытывает подспудное воздействие всех воспринятых им однажды текстов.

Отсутствие соответствующих культурных знаний у предполагаемого читателя ставит переводчика перед сложным выбором. А.А. Находкина отмечает сложность выбора между доместикацией и форенизацией в переводе якутских эпических текстов олонхо на английский язык. В частности, проблему вызывает несвойственная английскому тексту телесность и кровожадность якутских сказаний, для воспроизведения которых проводятся аналогии с прецедентными образами эпосов [Nakhodkina, 2014, с. 281]. Но экзотизации некоторых образов не избежать, например, о Ньургуне сказано, что его правый глаз достигал губ, а левый взметался до брови. В этом случае можно говорить как о форенизации (экзотизация), так и остранении (дистанцированное восприятие). В выборе решений переводчик также руководствовался русским переводом якутского эпоса, отмечая отсутствие дифференцирующих признаков (доместикация).

И при доместикации, и при форенизации может возникнуть ситуация недостаточной эквивалентности²¹. И хотя полная эквивалентность недостижима, переводчику нужно выбирать правильное соотношение переводческих стратегий, лавировать между ними, сохраняя культурную идентичность оригинального текста. Отметим, что форенизация играет и педагогическую роль, поскольку ее использование позволяет целевой аудитории лучше узнать культуру, особенности языка и традиции страны происхождения оригинального произведения [Aldebyan, 2008, с. 6]. Д. Робинсон полагает форенизацию одним из видов симуляции, к которой примешано чувство Чужого, в то время как доместикация представляет собой другой вид симуляции с преобладающим местным флером, который точно

²¹ Под эквивалентностью здесь и далее понимается сформулированное В.С. Виноградовым «сохранение относительного равенства содержательной, смысловой, семантической, стилистической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе» [Виноградов, 2004, с. 19].

так же моделируется. Вслед за Ф. Шлейермахером, Д. Робинсон считает, что симуляция, ориентированная на текст перевода и опирающаяся на оригинальную культуру, должна сподвигнуть переводчика на более глубокое понимание культурных архетипов: переводчик обязан провести исторические, литературоведческие, философские и филологические изыскания культуры страны текста-источника, чтобы текст перевода был оснащен устойчивым значением, характерным для культуры источника [Robinson, 2013, с. 18-19]. Форенизация может также подрывать культурные коды, существующие в языке перевода: «Л. Венути называет такой перевод сопротивлением (*resistancy*) не только потому, что он избегает “легкости восприятия”, но также потому, что он бросает вызов принимающей культуре» [Войнич, 2009, с. 57].

Т. Ниранджана в русле постколониального подхода к переводу предлагает переводить индийские англоязычные тексты более буквально, сохраняя кальки и обильные заимствования, возможно, даже осуществить повторный перевод тех текстов, которые испытали на себе влияние нейтрализующей их специфику имперской культуры [Niranjana, 1992, с. 163 и далее]. Г. Спивак также заявляет о необходимости демонстрировать разницу культур в переводе так, чтобы культура текста-оригинала была различима в переведном тексте культуры-«колониста» [Цит по: Manfredi, 2010, с. 53]. М. Манфреди для перевода англоязычных индийских художественных текстов на итальянский язык использует сочетание двух приемов, описанных Дж. Малоне (подобных описанным В.Н. Комиссаровым), – это метод неразграничения двух стратегий (oraque method). Исследовательница разделяет мнение А. Дингвани и К. Майер о том, что переводчик должен стоять одной ногой в одном мире, другой – в другом и переходить между ними сознательно [Manfredi, 2013, с. 66].

Х. Баба предлагает новый взгляд на перевод как на пространство между культурами, «третье пространство», где культуры встречаются [Там же, с. 54], что близко идеям представительницы второй волны скопос-теории

К. Норд о верности или лояльности переводчика. Переводчик должен учитывать внутритекстовые и внешнетекстовые факторы и он вправе применять форенизацию, если текст направлен на ознакомление с другой культурой и возможное ее распространение. По К. Норд, переводчик должен в первую очередь определять предполагаемую функцию текста; предполагаемую аудиторию; ожидаемое время и место, в которых текст будет воспринят; средство передачи текста; причину, по которой текст создается [Nord, 1997, с. 9]. Как и М. Снелл-Хорнби, К. Норд допускает возможность форенизации, если оригинальный текст имеет намеренно экзотический характер или предназначен для аналитического изучения [См. подробнее: Kwiecinski, 1998, с. 187]. Исследователь делит переводы в зависимости от цели на инструментальные, которые исполняют определенную функцию в культурной среде переводящего языка, и документальные, воспроизводящие в рамках переводящего языка сообщение (communication) исходной культуры [Nord, 1991, с. 11]. Библеист и переводчик А.С. Десницкий резюмирует, что такое разграничение по цели совпадает с делением на переводы открытые и скрытые в рамках теории релевантности [См. подробнее: Десницкий, электронный ресурс, 2011]. К документальным переводам К. Норд относит подстрочник, буквальный, филологический и «отчуждающий» перевод (сохраняющий дистанцию между миром оригинального текста и читателем, живущим в другом мире, к этому типу обычно принадлежат художественные переводы) Среди инструментальных К. Норд называет переводы эквифункциональный, гетерофункциональный и гомологический, в зависимости от того, совпадает ли функция переводного текста в его среде с функцией оригинального текста или нет [Nord, 1997, с. 48-50].

В педагогических целях К.А. Аппиа рекомендует перевод африканской литературы для американских студентов выполнять буквально (*thick translation*), сопровождая его обильными комментариями [Manfredi, 2013, с. 69]. Но у С. Басснет и А. Лефевра иной взгляд на это: текст, который

лишен развлекательности, может апеллировать только к профессиональному изучению [Цит. по: Elmenfi, 2014, с. 15]. Следовательно, предельное остранение и форенизация должны быть применены тогда и только тогда, когда требуется доскональное и скрупулезное изучение текста как такового.

О. Карбонелл считает, что при переводе художественной литературы с арабского используются обе переводческие стратегии, однако при нарастающей глобализации, оказывающей влияние в том числе на перевод, переводчики забывают о необходимости использования экзотичных компонентов в переводе. Переводчики тяготеют к нормализации текста, в то время как читатели переводной арабской литературы, напротив, ждут чего-то необычного. О. Карбонелл призывает переводчиков гибридизировать доместикацию и форенизацию [Carbonell, 2004, с. 31]. Анализируя работы С. Рушди, которые наполнены остранением, исследователь пишет о том, что остраняющий эффект помогает читателю создать точку опоры, локализовать текст для создания альтернативной реальности, которая может соответствовать тем правилам и стереотипам, о которых знает читатель, но также может и не соответствовать им.

А. Аль-Хасан предупреждает, что переводчик для обогащения языка перевода не должен пренебрегать форенизацией. Анализируя перевод «Гамлета» на арабский, исследователь отмечает, что фамилиаризации (доместикиации) подверглись наименования денежных единиц, видов пищи, мер и т.д., что лишает текст не только отсылок к оригинальной культуре, но и затеняет его временную принадлежность елизаветинскому времени. Передача велеречивых высказываний персонажей ведется с помощью аллюзий на Коран, эта спорная доместикиция парадоксальным образом привносит остраняющий оттенок в речи действующих лиц и тем самым демонстрирует временную дистанцию между временем создания перевода и временем создания оригинала, так как речь современных носителей арабского языка не содержит в таком множестве коранические реминисценции [Al-Hasan, 2013, с. 99]. В данной работе будем считать, что

такое остранение не следует употреблять повсеместно, как и не следует без должных на то оснований заменять имена собственные, которые несут определенные коннотации в языке оригинала, на имена, прецедентные в сознании носителя переводящего языка. Тем не менее приведенный пример показывает удачную с точки зрения исследователя А. Аль-Хасана комбинацию доместикации с остранением.

Переводчица с арабского на английский язык романа Р. Алсани «Девушки из Эр-Рияда» М. Бут сделала упор на форенизацию и гендерный подход, но автор романа и издатель вмешались и осуществили такую редакторскую правку, что поменялась не только гендерная специфика романа, но и его содержательная часть в угоду стереотипизации [Booth, 2008, с. 199]. Причем исследовательница отмечает, что сама применяла стратегию доместикации, но не в ущерб желанию показать, как искусно автор использует местные варианты арабского языка, просторечие, эксперименты со структурой и кибер-язык. Издатель посчитал, что рыночному продвижению произведения такой перевод способствовать не будет и предпочел более формальный стиль с радикальным пересмотром синтаксических структур, но это значительно обеднило перевод, лишило его яркости [Booth, 2008, с. 208]. Автор приводит примеры, убедительно доказывающие снижение качества «культурного капитала» перевода и указывающие на необходимость избегать такого рода ассимиляций. Такая ситуация – признак колониального времени, когда некомпетентный западный переводчик может упростить текст, руководствуясь соображениями, что культура языка перевода более «сильная» [Там же, с. 209]. Остроняющая интонация повествователя – представителя новой волны арабов, поддерживающих глобализацию и умеющих объективно посмотреть на местные реалии, также не была сохранена в исправленном переводе. Переводчик задается вопросом, до какой степени волен автор вмешиваться в перевод (должны ли у автора быть пресуппозиции касательно возможного

перевода) и кому и в какой мере принадлежит перевод – автору, переводчику или издательскому дому.

Ф. Элменфи, анализируя переводы трактата Э.В. Саида «Ориентализм» с английского на арабский язык, пишет, что переводчик К.А. Диб в намерении отказаться от западных терминов («империализм», «дарвинизм», «позитивизм» и др.) не калькирует и не переводит их, но изобретает новую терминологию. Эта форенизация неоправданна с точки зрения исследователя, так как для переименовываемых явлений уже есть некоторые названия, используемые в среде образованных людей. Переводчик недооценил возможности арабского языка, переусердствовал со стилем и неправильно отнесся к потребностям аудитории перевода из-за пренебрежения языковой картиной мира носителей арабского языка [Elmenfi, 2014, с. 14-15].

Обратим внимание на другую сторону света, где число носителей языка превышает миллиард, а языковая картина мира²² характеризуется не меньшей спецификой, чем арабская. С 1980-х гг. в Китае также ведутся дискуссии о том, как переводить художественную литературу, притом, что культура Китая в основном остается непознанной и неосвоенной остальным миром, не говоря уже о своеобразии языка. Наблюдается некий дисбаланс, когда китайские читатели скорее готовы воспринять чужую культуру, чем весь остальной мир – их культуру [Yang, 2010, с. 79]. В основном в китайской переводческой традиции доминировала ориентация на доместикацию и «неостранение» [Zheng, 2010; Chen, Miao, 2012].

Стратегия доместикации не всегда бывает реализована однозначно безупречно. И. Грбич вспоминает, как Е. Костюкович, переводчик романа «Имя розы» У. Эко, решила заменить совершенно непонятную русскому читателю латынь на пассажи на церковнославянском, тем самым стремясь

²² Под языковой картиной мира здесь и далее понимается «ментально-лингвальное образование, элементами которой являются концепты, т.е. означенные информемы, а экспонентом служит этнический язык» [Гончарова, 2012, с. 398].

достичь того же остранения, что создавалось у читателя оригинального текста. Исследователь считает, что писатель должен был воспротивиться такому переводу, так как именно латынь создавала средневековую атмосферу, и она неотчуждаема от истории Средних веков западных стран. Видя пассажи на латыни и читая перевод в сносках, читатель больше погружается в мир, создаваемый автором, хотя остранением как переводческим приемом пришлось пожертвовать [Grbic, 2011, с. 57]. Тем не менее сам У. Эко одобряет как доместикацию переводчика на английский язык У. Уивера («благодаря чему некоторые пассажи стали читаться легче, а дух оригинала предан не был»), так и использование языка средневековой Православной церкви в переводе Е. Костюкович: «Благодаря этому читатель мог испытать то же чувство временной удаленности, проникнуться той же атмосферой религиозности, понимая при этом (по крайней мере, смутно), о чем идет речь» [Эко, 2006, с. 226-227]. И. Грбич вспоминает еще один любопытный случай перевода, связанный уже с форенизацией – перевод Ф. Гёльдерлина на немецкий язык текстов Платона и Софокла. Переводчик экстраполирует правила греческого языка на немецкий, тем самым создавая остраняющий эффект, который здесь необходим для создания у читателя дистанции между современным миром и временем создания этих произведений. Впрочем, переводчик также придерживался убеждения, что любой язык создает отличное мышление, и при переводе нужно по возможности сохранять построение предложений и другие грамматические конструкты без изменений, не давая читателю забыть, что он читает переводной текст. Любая адаптация таким образом рассматривается как гиперперевод и ее следует избегать [Grbic, 2011, с. 59]. Этому мнению можно противопоставить пример, приведенный в статье Л.Б. Бойко. Автор статьи рассматривает приемы переводов на английский рассказа Т.Н. Толстой «Река Оккервиль», который весь пронизан цитатами из романа «Отцвели уж давно хризантемы в саду». В первом переводе цитаты переведены добросовестно, но с потерей аллюзивности, семантический перевод в этом случае сроден

форенизации, но недостаточно адекватен. Второй переводчик, основываясь на прототексте (песенный жанр, узнаваемость песни, тема былого чувства и любви), использовал адаптацию, «одомашнивание», заменяя цитаты из романса на сходные по значению и настроению из песен певицы 1960-х гг. Д. Спрингфилд. Поскольку в таком переводе сохраняется «напряжение между интертекстуальными полюсами, которое существует в тексте-оригинале», то следует вывод, что остранение проигрывает доместикации при наличии прототекста с универсальной компонентой [Бойко, 2006, с. 58].

Неоднозначность применения доместикации может быть рассмотрена на примере переводов пьес А.П. Чехова на английский язык, когда англизация текста перевода дошла до того, что А.П. Чехов перестал считаться порождением русской культуры, тексты его пьес были лишены исторического и социологического контекста, а аккультурация и прецедентность переводов привела к тому, что трактовки пьес закрепились в театральной культуре и не подвергаются сейчас пересмотру. Вся сложность А.П. Чехова была сведена к «легкоусвояемым капсулам сентиментальной морали» [Bassnet, 2000, с. 93-94]. Форенизацией также не стоит злоупотреблять, она может привести к полному культурному отчуждению текста перевода и этноцентрическому насилию культуры текста оригинала [См. подробнее: Sun, 2011, с. 167]. В заключение отметим, что стратегии перевода фильмов также могут быть разделены на доместикацию (дублирование) и форенизацию (субтитры). С. Басснет отмечает, что первая стратегия характерна для государств, в которых был тоталитарный режим, – Италии, Германии, Испании, Греции, стран в составе СССР, Китая и др., так как дублирование стирает звуковую идентичность [Bassnet, 2000, с. 136]. Эта практика в духе колониального подхода, тогда как Д. Робинсон пишет о том, что современный перевод должен способствовать деколонизации. Получившая обоснование в немецкой культуре (В. фон Гумбольдт, И.В. Гёте, Ф. Шлейермахер) форенизация сегодня возрождается в различных переводческих традициях. Ярким примером может служить французская

переводческая практика, которая основывается на постмодернизме, литературном критицизме, психоанализе и постструктурализме.

2.3. Остранение как прием перевода

Рассмотренные выше аспекты остранения релевантны для литературоведов, но их практическая значимость для перевода может быть оспорена. Несомненно, что переводчику необходимо уметь идентифицировать моменты остранения в тексте, который он собирается переводить, и передавать их адекватно и эквивалентно в тексте своего перевода. Осложнение задачи переводчика возникает, когда остранение в тексте создано отторжением реалий действительности, восприятием мира или определенных объектов как чужих. В философии чужие, отторгаемые объекты называются Другими [Левинас, 1988, с. 195]. Задача еще более усложняется, когда переводчик сталкивается в оригинальном тексте с остраненным описанием реалий, которые являются чужими для автора, но родными для переводчика, например, когда книгу о России переводят с английского языка на русский. Здесь в свою очередь появляются две проблемы рецепции. Первая – если реалии являются «своими» не только для переводчика, но и для предполагаемого читателя, насколько нужно сохранять остранение при такой однородности воспринимающей аудитории? Вторая проблема появляется, если реалии являются «своими» для переводчика, но чужими для читателей. Такая ситуация возможна, например, в случае перевода специализированных текстов, исторических трудов, монографий при большем уровне образованности переводчика или если переводчик в силу начитанности привык к часто используемым остраненным описаниям, реалиям, воспроизведимым у нескольких авторов, а читатель никогда с ними не сталкивался. В результате может оказаться, что понятное для переводчика окажется чужим для читателя.

Следует различать остранение исходного текста, адекватное и эквивалентное остранение в переведенном тексте, которое по своему объему

и реализации может не совпадать с остранением в оригинале; остранение как прием перевода – намеренный, при желании переводчика создать эффект остранения как компенсаторный какому-либо другому эффекту произведения, и ненамеренный, когда восприятие уже переведенного текста переводчиком и читателем различается из-за разницы в фоновых или других знаниях. Остранение и форенизация переводоведами часто не различаются, и остранение считается источником заимствований [Самохина, 2012, с. 9], хотя за лексические заимствования ответственна форенизация. Если заимствования сопутствуют остранению, то они окказиональны и не оказывают влияние на пополнение словарного запаса в языке перевода.

Б. Билген проводит различие между остранением оригинального произведения и остранением, появляющимся в переводе. Он анализирует перевод на английский романа о Турции, написанный на турецком языке, но канадским писателем. Переводчик применяет остранение в переводе, нарушая поведенческие нормы английского языка (носители языка говорят иначе, хотя собственно правила языка не нарушены). Таким образом, нормы языка оригинала накладываются на язык перевода, при этом получается, как будто рассказчик повествует на турецком по-английски [Bilgen, электронный ресурс, 2011]. Это остраняющая интонация обусловлена самим характером повествования. Переводчик, помимо стандартных приемов форенизации (транскрипция имен собственных, обозначение курсивом реалий без их дальнейшей экспликации), прибегает и к такому любопытному средству, создающему остраняющий эффект, как этикетные фразы (типа «доброе утро»). Они сохраняются в переводе на турецком (переводчик уже не использует курсив) и сопровождаются английским переводом. Для читателя турецкого текста остранение создается свежим взглядом писателя на табу и стереотипы, которые воспринимаются как должное; также в книге наличествуют отсылки к канадским реалиям и построение предложений, свойственное английскому языку.

Е.Ю. Куницына проводит различие между форенизацией и остранением как переводческими стратегиями. Причем, используя термины математической теории игр, исследователь уподобляет излишнее употребление доместикации плотному огню, поражающему знаки исходной культуры (что ведет, в свою очередь, к остранению текста перевода), в то время как единичные проявления доместикации сходны с прицельной снайперской работой [Kunitsyna, 2010, с. 682-683]. Рассматривая остранение в переводе, Е.Ю. Куницына выделяет следующие степени его сохранения в переводе поэзии Шекспира: 1-1, когда оригинальное остранение совпадает с остранением в переводе; 1~1, совпадение образной составляющей; 1-2, замена остранения; 1-0, опущение оригинального остранения; 0-1, остранение привнесено в текст переводчиком [Куницына, 2009, с. 234]. В целом Е.Ю. Куницына считает остранение условием сохранения иллюзии в поэтической драме и пишет, что «в художественном, поэтическом переводе остранение обладает тройной ценностью: эвристической, эстетической и эмоциональной» [Куницына, 2011, с. 9].

Д. Робинсон выделяет, кроме дихотомии «форенизация-доместикация», еще одну дихотомию по отношению к архаизации/модернизации переводного текста – «проективную» и «интровертивную» стратегии. Если переводчик занят работой над текстом несовременной ему (и читателю) культуры, он должен сбалансировать оба этих подхода, и при невозможности выбора проективной стратегии для представления текста (например, пьесы для постановки в театре) он может прибегнуть к остранению во имя предотвращения «присвоения» текста переводящей культурой.

О.В. Нестеренко, не проводя различий между стратегиями форенизации и остранения, считает «переводческое остранение» удачным приемом при переводе «Мертвых душ» Н.В. Гоголя на английский язык. Остранение как прием означает применение элементов «аналитического перевода только по отношению к таким аспектам оригинального текста, как пословицы, антропонимы и другие слова-реалии, несущие семантическую и

этнокультурную нагрузку» [Нестеренко, 2010а, с. 29]. При переводе текстов, содержащих остраненные образы или перспективу (как у А.П. Платонова), прием остранения распространяется с лексического на текстологический уровень.

Е.М. Попкова также не проводит разграничений между форенизацией и остранением, называя форенизацию остранением, и пишет, что при переводе реалий существует следующий континуум переводческих решений: «ОСТРАНЕНИЕ → графическая трансплантация → транскрипция и транслитерация → калькирование → описательный эквивалент → функциональный аналог → ОДОМАШНИВАНИЕ» [Попкова, 2012, с. 14]. Неупорядоченность терминологии, как можно заметить, ведет к подмене значений терминов.

Таким образом, прием остранения в переводе является адаптивным по отношению к коммуникативным целям, «попыткой остановить скольжение сознания по поверхности»; «нарушением конвенционального маневрирования (переводческой нормы) в режиме доместикация – форенизация (в предельных случаях полное исчезновение одной из этих стратегий) в отдельном переводческом проекте» [Корнаухова, 2011, с. 96]. Нарушение ожиданий реципиента противодействует манипулятивным попыткам переводчика ввести текст в решетку принимающей культуры без сохранения изначальной специфики. Впрочем, выбор в пользу нарушения ожиданий контекстно обусловлен. Так, например, многие переводчики при работе с фразеологическими единицами, восходящими к произведениям В. Шекспира, прибегают к замене образа, либо вообще отказываются от остранения (манипуляция в переводе), хотя, как правило, переводчики самих произведений В. Шекспира «чаще склоняются к сохранению шекспировского остранения и переводят дословно, тем самым давая возможность русскому читателю почувствовать необычность, новизну и яркость образа, обеспечивающего неповторимую игру произведения» [Куницына, 2010, с. 120].

Потребность в пристальном внимании к остранению в аспекте художественного перевода обусловлена наличием определенных проблем, описанных выше, а также тем, что уже имеющиеся и сходные по своей телеологической функции категории эквивалентности, адекватности, смысловой доминанты и изоморфизма имеют дело с языковым уровнем текста, в то время как остранение касается преимущественно либо внеязыкого культурного фона, либо метаязыкового уровня текста.

Как мы уже писали ранее, «выделяются следующие значимые для перевода функции приема остранения:

- 1) семантическая реализация;
- 2) синтаксическая реализация (особенно когда остранение является формообразующей стратегией);
- 3) интенциональность;
- 4) экспрессивность;
- 5) конативность²³ (помогающая наблюдателю распознавать привычные для обывателя штампы);
- 6) множественность интерпретации;
- 7) прагматическая функция;
- 8) металингвистическая функция.

²³ Термин «конативный» есть калька с латинского – *conatus*, что в переводе означает «попытка, стремление». Этим термином в своих философских рассуждениях пользовался еще Г.В. Лейбниц, а затем, гораздо позже, его активно стали употреблять в работах по аспектологии для обозначения категориальных видо-временных ситуаций. Семантические отношения, определяющие наличие конативной ситуации, в общем (инвариантном) виде описываются как «тенденция, попытка – успех, осуществление». Конативная модальность является одним из проявлений возможности, потенциальности [См. подробнее: Милютина, 2006; Падучева, 1996]. При рассмотрении остранения учитывается попытка автора создать деавтоматизированную картину мира. Е.В. Падучева пишет о «предстоянии», которое является «состояние, определяемое намерением Субъекта перевести Объект в новое состояние» [Падучева, 1996, с. 115]. Интенциональность в таком случае отличается от конативности, так как интенциональность относится к телеологическим устремлениям рассказчика [См. подробнее: Сошкин, 2012] и тогда определяет разграничение остранения I и II типов.

Все эти функции присущи переводческой эквивалентности и адекватности, однако остранение в случае его применения в переводе соединяет по принципу дополнительности (комплементарности) эквивалентность, коммуникативный и прагматический аспекты, включая в себя психологические и феноменологические компоненты и сближаясь с метафизическим приемом» [Валькова, 2014c].

По причине того, что выделяемый набор отличительных признаков остранения достаточно обширен, весьма трудно обнаружить сохранение всех признаков в переводе художественного текста для каждого отдельного случая, тем не менее, если большинство признаков сохранены или компенсированы другими приемами, можно говорить об успешном переводе остранения.

Ж. Деррида считает, что необходимо пойти дальше в сторону деконструкции самого текста для обнаружения плюрализма, или «рассеивания», смыслов [Деррида, 2007а, с. 353–360]. Смысл диссеминации-рассеивания – и «в силе и в форме посевенного им взрыва, взламывающего семантический горизонт» [Деррида, 2007с, с. 54]. Остранение, предполагая за собой полисемантику и политетматизацию, выходящую за рамки лексического уровня, приводит к «взламыванию семантического горизонта». Поэтому при переводе остранения следует учитывать то, что число семантических эффектов может быть бесконечно и не сведено «к присутствующему односложному происхождению» [Там же, с. 55].

В качестве переводческого приема остранение соотносится с переводческими трансформациями, но оно не равно грамматической замене или лексическим преобразованиям. В случае остранения в одной лексеме, например, в имени собственном, остранение может быть реализовано как калькирование, транскрипция или транслитерация, и в этом случае области обычного переводческого преобразования и остранения совпадают. Также к приемам создания остранения в переводе относятся употребление архаизмов, этимологических справок, непонятных читателю выражений,

заемствований, симметричных синтаксических конструкций; контекстное использование глагольных времен, двусмысленность и т.д. [См. подробнее: Gussago, 2013, с. 76]. Когда остранение шире словосочетания, фразеологического сращения или даже одного предложения, тогда оно становится шире переводческих трансформаций, подчиняя их себе, вбирая их в себя и подразумевая неизбежные модификации и потери. Такое остранение мы называем оригинальной авторской интонацией.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

Данная глава посвящена рассмотрению методологической и теоретической базы изучения приема остранения для решения переводческих задач, особенно в аспекте перевода художественного текста, в котором остранение становится стилемообразующей и структурной чертой.

Также были рассмотрены стратегии доместикации и форенизации, их соотношение с приемом остранения. Было проведено разграничение между остранением в переводе и остранением как переводческим приемом.

Подводя итог, можем заметить, что при работе с остранением переводчик, как правило, использует стратегию форенизации на различных уровнях (фонологическом, лексическом и грамматическом). В противном случае при переводе из одной «культурной решетки» (термин А. Лефевра) в другую (на неродственный язык) читатель получит чрезмерно остраненный текст, в то время как читатель оригинального текста не воспринимал его как остраненный.

Правильное понимание термина и его применения является важным для решения практической задачи перевода художественного текста. При переводе остранения переводчик балансирует между сохранением специфического, маркированного содержания и передачей исходного содержания так, чтобы читателю не пришлось прибегать к специальной литературе для понимания прочитанного. Такая стратегия применяется при переводе безэквивалентной лексики, но остранение, как правило, предполагает увеличение объема остраненного в оригиналe и остраняемого в переводе текста. Ж. Мунэн сравнил перевод со стеклом: когда это стекло чистое, то на нем нет следов особенностей языка и культуры оригинального произведения, а текст перевода читается, как будто и был написан на языке перевода; напротив, если стекло витражное, то на нем изображены особенности культуры и языка оригинального произведения, и это не

позволяет читателю забыть, что он читает текст, чуждый его собственной культуре [Цит. по: Grbic, 2011, с. 55]. Таким образом, иностранной литературе предоставляется возможность стать вторым «родным домом», оставаясь при этом оригинальной, чужой [Там же, с. 59]. Сохранение аутентичности текста также предполагает использование остранения в разумных пределах.

Выбор в пользу доместикации или форенизации, а также их комбинации совершается каждый раз индивидуально, но можно предположить, что в случае сходных культурных решеток переводчик имеет больше свободы и волен применять форенизацию, не боясь усложнить восприятие текста. В случае если текст оригинала насыщен реалиями, для передачи которых невозможно использовать доместикацию, применяется форенизирующая стратегия в виде сносок или глоссария (экстрапекстуальная реализация форенизации).

Остранение также не может быть редуцировано до стратегии форенизации, так как форенизация – это переводческий прием, а остранение – художественный прием, имеющий большую стилистическую и психологическую значимость, используемый не только для создания своеобразного языка оригинального текста, но и применимый в переводе. Не вызывает сомнений, что остранение – компонент авторской интонации, создающий дистанцирование описываемого от читателя. Оно является семантическим сдвигом, характеризующим деавтоматизированное восприятие как часть когнитивного процесса. При переводе с использованием остранения и форенизации появляется возможность обогащения языка перевода новыми единицами за счет текста-источника.

ГЛАВА 3. ОСТРАНЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИОННО-СЕМАТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ ПЕРЕВОДА

3.1 Прием остранения в романе А. Оза «Повесть о любви и тьме»

В настоящее время научная парадигма перевода расширяется за счет использования средств анализа, заимствованных у смежных наук, в частности у литературоведения [Николаенко, 2004, с. 158]. В настоящем разделе будет показано функционирование приема остранения не только в качестве художественного приема для изображения вещей посредством неавтоматизированного восприятия, но и в качестве приема перевода [Разумовская, 2014а, 2014б, 2014с, 2014д]. Остраниющая интонация автора часто считается непереводимой, так как переводчик не способен «обнаружить реальный ноэзис, послуживший в качестве “фундамента строительства” исходного текста» [Дашинимаева, 2010, с. 42].

Как было обозначено ранее, говоря о гранях переводимости и непереводимости, необходимо отметить, что непереводимость понимается в данном исследовании как «свойство текста или высказывания в одном языке, выражающееся в отсутствии для него идеального эквивалента или соответствия в другом языке» [Нелюбин, 2003, с.119]. Известны работы о непереводимости С. Влахова, С. Флорина, Э. Сепира, Б.Л. Уорфа, Н. Хомского, Н.В. Пестовой, П. Рикера, Е.В. Петровской. Явление непереводимости можно рассматривать не только в рамках теории перевода, но и шире, в категориях философии, например, в русле рецептивной эстетики, положения которой были подробно разработаны Х.Р. Яуссом, В. Изером, Р. Варнингом, Х. Вайнрихом, Г. Гриммом и др. Базовые понятия рецептивной эстетики, структурирующие ее теорию, – актуализация, конкретизация, эстетический опыт, эстетическая дистанция, идентификация, стратегия текста, конституирование смысла, горизонт ожидания, коммуникативная определенность/неопределенность и др., – свидетельствуют об интегрирующей экспансии феноменологии и

герменевтики в широкую область социогуманитарных наук, в частности, в литературоведение и теорию перевода. В настоящее время пишут о непереводимости в философии, например, о непереводимости Платона. Непереводимость – это не только непереведенные части текста, но и принципиальная невозможность перевести философские воззрения автора на другой язык, а также невозможность перевода классической литературы на современные языки, поскольку изменилась языковая картина мира [см. подробнее: Валькова, 2011, с. 44].

Тем не менее даже при разительных отличиях языковых картин мира и при других ограничениях, связанных с непониманием чужих лингвоконцептов, любой текст предполагает возможность прочтения и интерпретации, а интерпретация – это первичный перевод сущности на язык символов и кодов. «Каждое произведение предстает одновременно как ограниченное своей темпоральностью и универсальное с точки зрения наличия в нем итерации, способности к переходу из одного текста в другой, не зависящей ни от условий производства, ни от исторического прочтения» [Шапинская, 2008, с. 427]. Поэтому перевод осуществляется благодаря возможности перекодировки, расшифровки и новой кодировки.

Необходимо отметить малое количество работ на русском языке, посвященным теоретическим вопросам переводов с иврита на русский язык, несмотря на большое количество переведенных произведений (за 18 лет существования специализированное издательство «Гешарим/Мосты Культуры» осуществило выпуск около 400 переводов на русский язык произведений современных авторов).

Общность истоков русской классической и современной литературы на иврите, которая создавалась во многом выходцами из Российской империи, впоследствии СССР и стран СНГ, должна помочь читателю понять культурный контекст переведенных произведений с сопутствующими аллюзиями и «вненаходимостью» автора. Однако понимание общей

тональности произведений происходит не всегда, и в таком случае можно говорить о некоторой непереводимости.

Остранение является переводимым компонентом, связанным с применением форенизации. Остранение может быть реализовано в качестве частного переводческого решения по воспроизведению авторской интонации. Хотя авторская интонация не выделяется в отдельную единицу перевода, подход к ее переводу тот же, что и к обычным языковым единицам: «Под влиянием текста ИЯ в сознании переводчика возникает прототипическое значение исходной языковой единицы, то есть актуализируются соответствующие концепты-понятия; далее при взаимодействии с фоновыми знаниями и знанием контекста концепты-понятия переходят в субъективные концепты, на основе которых создается смысл; после этого переводчик создает из субъективных смыслов концептуальную структуру, определяющую план текста ПЯ; происходит объективация этой концептуальной структуры на язык ПЯ» [Калиш, 2011, с. 62].

Возникает задача проанализировать модели остранения в существующих английском и русском переводах современного произведения, написанного на иврите. При переводе остранения переводчик осознанно или неосознанно использует трансформационно-семантические модели, которые способствуют преодолению непереводимости. Остранение будет изучено и в сопоставительном аспекте с позиции симметрийных отношений между оригинальным и переводным произведением.

3.1.1 Прием остранения в современной израильской литературе

Говоря об остранении в произведениях израильских прозаиков, нужно помнить, что история литературы на современном иврите насчитывает менее ста лет, а история государства – немногим более семидесяти. Практически все так называемые светские граждане Израиля – израильтяне в первом, втором, третьем и четвертом поколениях – являются своеобразными экспатами, поскольку не так давно вернулись на родину историческую из стран рассеяния, культурные концепции которых все еще оказывают действие на сознание и поведенческие привычки современных израильтян. Крупные израильские писатели, у которых предки были из разных стран, отстраненно говорят не только о странах проживания своих родных, но и об Израиле; можно заключить, что полной аккультурации еще не случилось. В израильских квази- и псевдobiографиях «я» рассказчика не стало еще сопричастным общей ментальности сабр, как в Израиле называют местных жителей, родившихся на территории Израиля и не ведающих сомнений по поводу национальной и культурной самоидентификации [Валькова, 2014а]. При этом появляются теории об атипичной локализации автора, его гетеротропии в случае изменения места жительства семьи писателя. Например, А. Мендельсон-Маоз проводит различия между алией (с положительной коннотацией) и иммиграцией как таковой [Mendelson-Maoz, 2010, с. 71].

Предложенная С. Сандлер концепция «маргинально-еврейской» литературной территории с подвижными и проницаемыми границами [Сандлер, 2008] описывает положение эмигрантов, которые уехав из одной страны, в новой не обрели культурной идентичности: «Такого рода двойственная идентичность требовала постоянного осмыслиения, что в свою очередь способствовало культурному творчеству» [Крутиков, 2014, с. 96]. Даже современные авторы, такие как Д. Рубина, осмысляя опыт

эмиграции, создают героев с «раздвоенной идентичностью» (например, в романе «Русская канарейка», 2014 г.).

Литературовед и писательница Х. Бар-Йосеф улавливает изменения тематики произведений израильских писателей в конце XX века: «Израильская литература зачастую обращается к душевным конфликтам израильтянина с тем, что сформировало его специфичную ментальность. Это и острая вражда ко всему, что связано с израильским аппаратом власти, с армией, и недовольством образованием, семьей, иудаизмом. <...> Иронически-удрученный тон рефлексирующего «я» сменяется более претенциозным голосом более «искушенного» лирического субъекта, чье знание, однако, предназначено лишь для маленькой группы избранных» [Бар-Йосеф, 2000, с. 32-33]. Проводя аналогии с русской литературой (оказавшей, безусловно, огромное влияние на становление современной израильской литературы), Х. Бар-Йосеф обозначает общие темы для великих произведений русской классики и современных произведений, написанных на иврите. Это тема «лишнего человека» и трагическое противостояние индивидуальной воли коллективизму, подавляющей соборности [Bar-Yosef, 1996, с. 141].

Т.А. Рытова отмечает характерную потерю преемственности в литературе 1990-2000-х гг. с проблемами понимания между людьми разных поколений, со «сшибкой стереотипов и ценностей поколений» [Рытова, 2011, с. 111]. Литература 1990-2000-х гг. тяготеет к человекоцентризму, остранению накопленного культурного опыта, отчуждению от корней, отказу от духовной преемственности, семейной разобщенности. Это отчуждение от корней заметно в израильской художественной литературе данного периода. Следует отметить охлаждение патриотизма и переосмысление духа времени в гердеровском смысле [Милюгина, 2009, с. 1027]. Острое ощущение динамики истории в предшествующий период (массовая репатриация, становление израильского государства) сопровождалось сложными, противоречивыми, нацеленными на будущее процессами формирования

исторического мышления и национального самосознания, но к концу XX века наступает логичный спад энтузиазма по созданию новой национальной идентичности, происходит осмысление происшедшего на основе анализа собственного опыта через призму острания сознания.

В современной израильской литературе особенно выделяются автобиографические и квазиавтобиографические тексты (М. Шалев «Голубь и мальчик», «Русский роман», «Дело было в пустыне», Д. Гроссман «Учебник внутренней грамматики», И. Орпаз «Улица таможни», С. Михаэль «Мечты жестяных лачуг», А. Оз «Сумхи», А.Б. Иегошуа «Начало лета-1970» и др.). В автобиографических текстах в целом «реализация остранения» разная. Так, в мемуарах может превалировать абстракция (преимущественно диахроническая), рефлексия, в квазибиографиях – объективизация²⁴, ирония, самокритика, эвфемизация, в псевдobiографиях – критика, юмор, эпатаж, идеологические цели (как у соцреалистов), эклектическое смешение разных коммуникативных жанров во внутренней речи героя (например, макаронические напластования слов разных языков в “Заводном апельсине” Э. Берджесса, “Над пропастью во ржи” Дж. Сэлинджера, “Побеге куманики” Л. Элтанг)» [Валькова, 2014а].

В данной работе будет проанализировано остранение и его переводимость в квазибиографическом романе А. Оза «Повесть о любви и тьме». Исследователи противопоставляют творчество А. Оза работам других писателей того же поколения и/или такой же судьбы (смена места жительства и, как следствие, смена парадигмы мышления). Это такие писатели, как С. Изхар (разбору его творчества посвящены работы Ш.Э. Джелен, Р. Омер-Шермана), М. Антин (работы Н.К. Миллер), Ш.Й. Агнон, Х. Бартов,

²⁴ Например, в квазибиографичном романе Д. Галич-Барр попытка объективации жизненного пути описывается так (что сходно со словами Ж. Деррида о письме, приведенными ранее): «...я годами пытаюсь увидеть объективную картину самой себя. Для этого надо полностью от себя отделиться, проникнуть в глубины психики, которая вовсе не склонна раскрываться, дойти до истинных причин реакций и устраниить искажения» [Галич-Барр, 2009, с. 47].

А. Аппельфельд, Ш. Михаэль, Э. Амир (работы А. Мендельсон-Маоза), А.Б. Йехошуа, Д. Гроссман (работы Х. Халкин), Й. Орпаз, М. Таммуз, Д. Шахар (работы Ш. Пеледа), А. Коэн (работы К. Грумберга), А. Аппельфельд, Й. Канюк, Х. Гури (работы Г. Шакеда), А. Камю, С. Изхар (работы Г. Питерберга, Я. Пелега), Я. Шабтай (работы Р. Вайс), О. Кастель-Блюм (работы Я. Пелега). А. Балабан, говоря о пантеизме и религиозных парадигмах в рассказе «Монастырь траппистов» А. Оза (1965), проводит параллели между А. Озом, его литературными предшественниками и последователями, включая в число предшественников Ф. Шеллинга.

Остранение в современной израильской литературе обусловлено стремлением создавать новую литературу на новом языке (современный иврит сравнительно молод и постоянно испытывает приток новых слов, формируемых на основе исторически прецедентных корней и калек). Динамическая история возрождения иврита из его книжной плоскости в современный разговорный язык, язык новой культуры сопряжена со сменой культурных парадигм, которая протекает в некоторой степени революционно «для оздоровления души народа» [Харшав, 2008, с. 430]. Остранение также связывается с подверженностью молодого поколения рискованным заигрываниям с гностическим отрицанием (не только Бога, но и истории, устоявшихся концепций, связи с поколением трудных, послевоенных лет) [Feldman, 2007, с. 390]. Переосмысление прошлого, трудности самоидентификации, смешение различных культур, решимость порвать связи с поколением родителей, не сумевших вписаться в современную израильскую действительность, как, например, упоминает А. Мендельсон-Маоз [Mendelson-Maoz, 2010, с. 80], приводят к желанию посмотреть на свою жизнь со стороны. Вместе с тем этот взгляд со стороны неизбежен из-за сохранившихся культурных связей переселенцев со странами, откуда они эмигрировали в Израиль. Такая сопричастность европейскому образу мышления затрудняет вхождение в коллектив, а личный опыт полагает принятие универсума как явно инородного (nonindigenous) [Jelen, 2010,

с. 512]. Кроме того, стремление забыть Холокост и другие военные ужасы накладывает отпечаток на писательский стиль так называемого третьего поколения, которое физически не может помнить травмирующих событий, но ощущает их как фантомные боли, это «память об отсутствующем» (*absent memory*). М. МакНэй считает, что такие переживания воспоминаний старших поколений давят на современных людей, которые смутно ощущают семейные секреты и пытаются покинуть эти семейные нарративы [McNay, 2009, с. 1181].

Стремясь преодолеть непоследовательность идеологии сионистов в эпопее «Дни Цаклага» (1950-е гг.), С. Изхар выходит за рамки ограниченного и искусственного языка (на то время современный иврит еще не приобрел своего сегодняшнего богатства). Он как будто покрывает все неназванные и незнакомые (*terra incognita*) холмы, скалы, уголки Израиля густым и богатым покровом слов, осваивая их и «давая им своеобразное крещение» (*terra nostrum*) [Peleg, 2016, с. 298]. Это попытка доместикации, как у А.Ф. Лосева: «знать правильные имена вещей значит уметь владеть вещами»; само имя вещи – есть попытка освоения и присвоения ее сущности, так как «имя вещи есть орудие общения с нею инобытия, орудие взаимопонимания между вещью и инобытием» [Лосев, электронный ресурс, 2016]. А у М. Шамира в его биографической повести Я. Пелег находит остранение, а именно точное воспроизведение психологического момента, но не субъективных переживаний в момент смерти [Peleg, 2016, с. 301].

В произведениях современной писательницы О. Кастель-Блюм идея полной разобщенности человека и природы приводит к жестокому столкновению между ними. Остранение создается использованием несочетаемых регистров, футуристичными и отчужденными образами, исключением каузальных синтаксических связей, утрированной картиной глубоко больного Израиля, абсурдными изображениями с преобладанием физиологических подробностей, вызывающих отвращение (вплоть до того, что мать разрезает приемного ребенка, чтобы убедиться в том, что он здоров,

– макабрическая хирургия описана с объективирующей позиции) [Там же, с. 304-306]. О. Кастель-Блум обладает уникальной способностью выразить ту пустоту, которую чувствуют израильские буржуа, их неспособность выразить то, что их беспокоит.

Остранение как следствие психологической травмы обсуждается также в рамках спектропоэтики, разработанной Ж. Деррида. К. Грумберг, касаясь темы изгнания и лингвопоэтического остранения, проводит параллель с термином З. Фрейда «unheimlich» («uncanny», «жуткое», «зловещее»), изгнание понимается как сопряжение «домашнего/недомашнего», известного/неизведанного [Grumberg, 2010, с. 383; Эпштейн, электронный ресурс, 2014]. Индивидуальное личностное выражение также выступает в оппозиции к коллективному сознанию, объективное противостоит субъективному, и на этом фоне единственно возможная точка зрения – остранение. Протагонист чувствует себя в ловушке публичного «Я», в лучшем случае это оковы, которые он не выбирал [Halkin, 2004, с. 32]. При этом коллективное «я» часто не может быть изучено из-за избегания старшим поколением темы «непереносимого прошлого», таким образом, осознается плен коллективных концепций, но сами они остаются непонятными [См. подробнее: Miller, 2007, с. 320].

Остранение непременно возникает и при традиционной смене имен евреями. Ранее эта тенденция сопровождала стремление ассимилироваться в странах Европы, позже, напротив, переселенцы XX века хотели максимально гебраизировать свои имена или поменять на другие в «отчаянной попытке отвернуться от старых, приобретших характер фетиша моделей культуры европейского Просвещения, совершая путешествие в новый мир, который люди будут ковать уже в других, новых обстоятельствах <...>» [Miller, 2007, с. 322]. Ш. Карми также отмечает, что наряду с «внутренней миграцией внутри своей идентичности» [Там же, с. 323] «отречение от прежнего имени подводит человека к решимости

отстраниться от прежнего языкового облика и приноровиться к еврейской идентичности» [Carmy, 2005, с. 56].

Остранение билингва от той или иной своей языковой личности сопровождается «метаязыковой рефлексией» [Сычева, 2016, с. 285]. Процесс самоидентификации сопровождается порождением «множественного Я» [Там же, с. 286], при этом автор занимается переключением своих языковых личностей (стараясь выбирать нужный стиль общения для каждого собеседника), а не их интеграцией: «Но слушателя у меня не было: все, что я говорил, казалось моим сверстникам языком банту или чукчей, а взрослые – все до одного – с утра до вечера, так же как и я, произносили речи, и никто из них меня не слышал» [Оз, 2006, с. 422]. В силу предпочтения одной презентации перед другой происходит остранение отвергнутой языковой личности. Следует отметить, что отказ от языковой личности сопровождается созданием новых мифов так же, как и остранение исторических событий порождает мифологизацию отношений между еврейским и местным населением в странах Восточной Европы [Moskovich, 2010, с. 239]. Вместе с тем отказ от прежней культурной идентичности и переход к новой сопровождается потерей культурного капитала, особенно инкорпорированных ресурсов (габитус, умственные диспозиции, знания, навыки, умения, опыт), социального (связей между людьми), символического (репутация и честь). Так как процесс приобретения культурного капитала требует времени, то переходный период разбивается на две фазы, в течение которых человек чувствует себя отстраненно. Первая фаза – это открепление от прежней группы, вторая – приобретение людьми амбивалентных черт, а сами они становятся «лиминальными существами» [Генеп, 1999, с. 108].

Итак, ментальное пространство современных израильских прозаиков содержит интегрированное остранение; ментальное пространство «описывается как когнитивный конструкт, моделируемый главным образом с помощью языковых выражений, значение которых актуализуется в определенных временных рамках, “вмонтированных” в текст» [Иштоян,

2012, с. 191]. Причины остранения у современных израильских писателей в целом связаны с ревизией прежних убеждений, сменой лингвокультурной идентичности, интроспекцией, осознанием себя в создаваемом государстве, решением покончить с семейными сценариями и стереотипными занятиями. Что касается языка современной израильской прозы, с точки зрения вариативности он окончательно сформировался в 1960-1980-е гг.: от нормативного языка до «иврита улицы», «бедного» иврита [Свет, 2007, с. 23]. Язык произведений отличается заимствованиями (в основном англизмами, арабизмами, русизмами и идишизмами), в них присутствуют прямые цитаты из Библии, аллюзии на религиозные сюжеты, перифразы. Это объясняется, прежде всего, тем, что подобная лексика стала одной из основных и органичных составляющих современного иврита – как литературного, так и разговорного. В современных произведениях естественно появляется больше выражений разговорного языка, присутствуют отход от литературной нормы и языковая игра.

3.1.2. Прием остранения у А. Оза

Сборники рассказов и эссе, а также 7 романов Амоса Оза (род. в 1937 г.) переведены на множество языков и выпущены в тридцати шести странах мира. Автор награжден самыми престижными литературными премиями, в том числе премией Гёте, является членом нескольких академий и почетным доктором ряда университетов, лауреатом премии имени Бялика (1986 г.), премии Израиля по литературе (1998 г.), премии Гёте (2005 г.), премии Кафки (2013 г.). Со времени Шестидневной войны 1967 г. А. Оз опубликовал множество статей и эссе об арабо-израильском конфликте; преподавал в Оксфордском университете, Еврейском университете и в Колледже Колорадо. В 1997 г. президент Франции Ж. Ширак наградил его орденом Почетного легиона. С 1991 г. А. Оз действительный член Академии языка иврит. Писатель является наиболее переводимым израильским

автором²⁵. При переводе А. Оза многие из его оборотов узнаваемы: это цитаты из Библии, «аллюзии на классический роман XIX века, на русскую литературу, а именно на Л.Н. Толстого и А.П. Чехова, произведения которых читала мать рассказчика» [Валькова, 2014а].

Уже в первом романе писателя «В другом месте» (1966 г.) ироническая интонация представляет дистанцирование от утопической идеи мироустройства в наивно-идеалистическом духе [См. подробнее: Claparéde-Albernhe, 2003, с. 57]. С 1986 г. писатель проживает в пустыне Негев в Араде, – это уже пространственное дистанцирование и отступление от сионистских идей, приведших к порабощению индивидуального начала коллективным. Только в пустыне Сыны Израиля приобретают политическую терпимость, и в пустынном одиночестве закаляется характер персонажей А. Оза [Там же, с. 60].

Именно поэтому герои ранних произведений А. Оза чувствуют свое отчуждение от окружающей среды. Анализируя роман «Мой Михаэль» (1968 г.), Ш. Пелед считает, что протагонист романа, Ханна, представляет осажденного правителя, который объявляет чрезвычайное положение, тем самым по-особому организуя пространство вокруг себя. Это пространство воспринимается как угроза, от которой Ханна пытается отстраниться, но колеблется между своей позицией правителя и позицией обычного человека. Интерпретации происходящего с точки зрения героини неустойчивы, меняются и «неспособны устраниить двусмысленности» [Peled, 2011, с. 269]. Далее исследователь приходит к выводу, что текст А. Оза «создает систему вытеснений, которая приводит к постоянному беспокойству, систему противопоставлений и четких различий, которая предполагает завуалированный и угрожающий конфликт, подавляя гибридность пространства» [Там же, с. 278]. Ранний роман А. Оза есть «свидетельство

²⁵ По данным на 2009 год книги Амоса Оза переведены на 36 языков <http://jewish.ru/ru/news/articles/124409/> (дата публикации: 10.02.2009, дата обращения: 10.03.2018)

подавленного насилия, которое трансформировалось в депрессию, угнетающую персонажей», а Ханна стремится «высвободиться из ловушки собственного существования» [Вайс, 2008, с. 491]. Стремление покинуть горизонты собственного сознания приводит героиню к видению происходящего, но не узнаванию. «Вечный еврейский образ – опустошенный или склонный к самоубийству *толуи*, воссозданный Озом в женском обличье, – опровергает убеждение раннего сионизма в том, что отсутствие корней и несчастная внутренняя жизнь являются следствием беззащитности евреев в изгнании» [Вайс, 2008, с. 491]. Несмотря на то, что отсутствие связи с корнями, по мнению исследовательницы еврейского литературного канона, парадоксальным образом не связано с изгнанием, оно является важным фактором создания остроящей интонации в произведении. Возможно, этот мотив утраты связи с родом, родины и осознавание своего неопределенного положения – имманентные свойства европейской литературы в целом еще со времен изгнаний, описанных в Библии. Герои у А. Оза предстают «изгнанниками из собственного прошлого»²⁶, пытаясь восстановить собственную идентичность за счет переживания собственного детства и обращения к историческим испытаниям, выпавшим на долю еврейского народа. Попытка преодоления чувства утраты сопровождается отрицанием душевных потрясений и сосредоточением героев на восприятии повседневных вещей, которые они видят, но не узнают, поскольку их бытовые действия не автоматизированы.

²⁶ Это выражение цитирует О. Сакс, когда излагает результаты исследования механизма возникновения реминисценций: «Эсфирь Саламан в своей прекрасной книге о “непроизвольных воспоминаниях” (“Альбом мгновений”, 1970 г.) пишет о необходимости воскрешать и сохранять “священные, драгоценные воспоминания детства” – жизнь без них увядает, обесцвечивается, лишаясь корней и почвы. Она пишет также о глубокой радости и чувстве реальности, которые охватывают вспоминающего детство человека, и приводит множество замечательных цитат из автобиографической литературы, в особенности из Достоевского и Пруста. Все мы, замечает она, “изгнанники из собственного прошлого”, и отсюда наше стремление вернуться туда, вновь обрести утраченное время» [Сакс, 2006, с. 188].

Так, Ч. Шачан обнаруживает явное намерение протагониста в произведении «Longing» (1976) сосредоточиться не на своей жизни, а на детальном описании места и момента [Schachan, 1998, с. 328]. Такова позиция рассказчика во всем корпусе произведений А. Оза [Carmy, 2005, с. 57]. Рассказчик выступает как аутсайдер, предпочитающий остраненное описание действию. При этом авторский текст от первого лица часто отчуждается, и рассказ идет от третьего лица, «переходя от исповедального “я” к объективному авторскому “он”, сопровождаясь “фиксацией болевых точек”» [Климова, 2010, с. 15]. В повести «Поздняя любовь» (1971 г.) персонаж Ш. Унгер, являющийся собирательным образом пожилого еврея из СССР, демонстрирует нетерпимость, фанатизм, любит делить все на «черное» и «белое» и проявляет любовь-ненависть к своему бывшему отечеству: «Доводя ситуацию до крайности, до логического абсурда, автор показывает драму человека, разрываемого противоречиями, на всю жизнь застрявшего между двух миров. Ш. Унгер не полюбил свой новый дом, зато преданно сохранил разрывающее душу противоречивое чувство к своей покинутой России» [Крюков, 1998, с. 172]. Художественный текст в гротескной и сюрреалистической форме описывает ирреальность происходящим с Ш. Унгером событий и неопределенность самоидентификации героя, которая доводит его до страданий.

Остранение в произведениях А. Оза связано со стремлением порвать с традицией, с образом мышления, принятым в диаспоре и характерным для поколения его родителей. Эмигрируя в Палестину, представители второй (и последующих) волн репатриации пребывали в неустойчивом положении, так как они уже оборвали связь с культурой местечек, а обширный пласт постбиблейской литературы еще не признали: «На уровне языка вследствие этого возник барьер между ивритом, который формировался в те годы, и важными языковыми ресурсами прошлого» [Мораг, 2009, с. 204]. Родители А. Оза эмигрировали в пятую волну (1929-1939 гг.), когда само положение евреев в Европе было осложнено националистическими настроениями, а

в Палестине нарастала напряженность между арабами и евреями, – все это разрушало «горизонты ожидания», вело к пересмотру ценностей и идеалов в новом свете, способствовало особому, остраниющему взгляду на происходящее. Психологическая реакция усугублялась установкой говорить только на иврите, но «для представителей того поколения – из-за отрицательного отношения, из-за недостаточного знания или из-за того и другого вместе – в их распоряжении осталось всего два исторических пласта: библейский иврит и их собственный язык. При этом библейская литература воспринималась ими сквозь призму языка Гаскалы, а новый иврит еще только начинал формироваться» [Там же, с. 204].

Неопределенная языковая позиция новых переселенцев сопровождалась культурной неопределенностью, так как культурное наследие с древних времен по настоящее время было предано ostrакизму как постыдная вынужденность галута. Таким образом, была отринута европейская культура, своя культура постбиблейского периода, а также современные языки и культурные конструкты. И хотя А. Оз создает свои произведения в более поздние годы, он возвращается в них ко времени своего детства (1940-е гг.) и ко времени молодости своих родителей, поэтому эта атмосфера неясности культурных основ, расплывчатых перспектив и отсутствие полноценного языка (современного иврита) явственно предстает перед читателем.

Н. Лерер отмечает сравнительно широкую популярность А. Оза в англоязычной среде благодаря афористичности и сладкозвучности его повествований. Сборник рассказов и статей «В ярком голубом свете» (1979 г.) вышел на английском языке в 1995 г. (на русский язык сборник не переведен) и имел определенный успех. Остраненное отношение А. Оза к политике, хотя он и пишет о ней, связано с его поиском наиболее благозвучного и поэтического выражения для своих левых взглядов, тогда как писатели его поколения и предшествующего (например, У.Ц. Гринберг и А. Шлёнский) ставили содержание (преимущественно

сионистического толка) над формой. Позиция А. Оза – не самая характерная для израильского общества, поскольку он благоволит к секуляризации и к мирному сосуществованию с арабами в забвении всех когда-либо происходивших конфликтов [Lehrer, 1996, с. 567].

Произведения А. Оза отличаются богатством языка и «эвфонией». Я. Пелег считает А. Оза экспрессионистом в отличие от С. Изхара – импрессиониста. Экспрессионизм А. Оза обнаруживается в его стремлении выразить собственное эмоциональное состояние, а не передать впечатления от окружающего мира [Peleg, 2016, с. 300]. Он также связан с отделением человека от земли в противовес сионистским идеалам.

Разделяя мнение об интроспективности писателя, мы, тем не менее, находим в его произведениях попытки схватить момент бытия, как в фотокадре, например, в рассказе «Пути ветра» (1993 г.): «Фиолетовое сияние, раздуваемое утренним ветерком, пылало на вершинах восточных гор. А потом лучи солнца раскололи стену туч. И был день. От прикосновения света открылись темные бойницы. Наконец выкатился раскаленный шар, ударил по скоплению облаков и рассеял их. Ослепителен горизонт на востоке. Нежный фиолетовый цвет улетучился, побежденный страшными вспышками пурпур» [Оз, электронный ресурс, с. 1]. Такая «импрессионистическая непосредственность», как считает К. Депретто, признак остранения, как способ художника Эльстира «рисовать не с того конца» [См. подробнее: Депретто, 2016, с.48; Гинзбург, 2006].

В романе «Черный ящик» А. Оза (1987 г.) остранение раскрыто через попытку осмыслиения семейного кризиса и разрыва между поколениями. Дискурс жителей государства Израиль и аллегорические свидетельства очевидцев – попытка справиться со страхом, вызванным непримирами и болезненными семейными противоречиями [Ketzer, 2015, с. 2]. История семьи, в которой каждый имеет свой образ мышления, раскрывается постепенно, выявляя спрятанные, как в «черном ящике», тайны. Сюжетные образы романа включают время, смерть любви (Илана), побег в кибуц (Боаз),

мучительные встречи с призраками из неблагополучного прошлого и тьму; все эти образы проявятся затем и в «Повести о любви и тьме». Алек, словно из-за кулис, смотрит на Израиль взглядом исследователя, заточенного в своем рабочем кабинете. Его сын страдает: «не зная отца и страдая из-за этого, он не может дифференцировать себя от своих родителей» [Там же, с. 4]. Э. Кетцер пишет об амбивалентности любви и ненависти в повествовании А. Оза, о том, что этика начинается с отношений, которые возникают во время кризиса, а еврейский народ с древних времен противодействовал нетерпимости [Там же, с. 5].

В произведении «Третья ситуация» (1991 г.) герой испытывает муки совести из-за того, что он не такой как все, он встает в оппозицию к отцу, приверженцу правых взглядов, и сравнивает отношение евреев к арабам с отношением нацистов к евреям. Самоидентификация героя также осложнена тем, что его слова расходятся с делом. Это бездействующий персонаж, не добившийся успеха в жизни. Л. Юдкин сравнивает героя с персонажами произведения С. Беллоу «Герцог» и «Лови момент» из-за сходства судеб (сильный отец, подавляющий героя) и желания ощущать себя частью всего мироздания [Yudkin, 1995, с. 217].

В романе «Рифмы жизни и смерти» (2007 г.) разоблачаются приемы писателя, используемые для создания художественной действительности:

«Чувство стыда переполняет его, поскольку он глядит на всех издалека, со стороны, будто все только для того и существует, чтобы он использовал их в своих сочинениях. А вместе со стыдом приходит и печаль, сжимающая сердце, ведь он всему чужой. Всегда. Он не в состоянии вынести чужие прикосновения и сам не может ни к чему прикоснуться, и поэтому голова его пожизненно воткнута в черный рукав фотоаппарата, который безнадежно устарел.

Это напоминает историю жены Лота. Чтобы писать, ты должен обернуться назад. И тем самым твой взгляд, обращенный назад, превращает тебя и их в соляные столбы.

Писать о вещах, которые существуют, передавать словами оттенок цвета, запах, звук – ведь это, по сути все равно что играть Шуберта, когда он в зале и, быть может, усмехается себе в темноте» [Оз, 2008, с. 148-149].

Из приведенной цитаты видно, что желание писать связано с рефлексией, отчаянием, потерей связи с близкими во имя непредвзятого их запечатления. В этом романе идет постоянное переключение между повествователями, главный действующий герой-писатель и участвует в происходящих событиях, и попутно их создает, сочиняет и дополняет. Без каких-либо переходов в тексте появляются вопросы к самому писателю, то ли заданные им самим себе, то ли высказанные читателями на литературном вечере.

Остраненная перспектива, как формулирует рассказчик, непременное условие талантливого произведения. Так, писатель советует начинающему поэту: «...следует, прежде всего, обуздать избыток чувств и писать стихи с определенной мерой отстраненности. Писать так, словно страждущий юноша и тот, кто пишет стихи о нем, – это не один, а два разных человека, и человек, творящий стихи, воспринимает страждущего юношу как предмет своих холодных наблюдений, сделанных с некоторой дистанции и несколько забавляющих его. Быть может, стоит попробовать писать так, будто вас разделяют сто лет – героя и стихотворения и поэта, это стихотворение сочиняющего, будто сто лет пролегло между тем, что болит, и тем временем, когда Вы об этом пишете?» [Там же, с. 176].

Дистанцированность ученого ведет к некоторой холодности и кажущейся бездушности героя, служение писательскому ремеслу лишает его возможности испытывать обычные человеческие радости, так как он постоянно занят мыслями о том, как описать переживаемое. В произведениях А. Оза герои редко испытывают семейное счастье, взаимную любовь и радость бытия. Сам писатель на вопрос переводчика В. Радуцкого, о чем его произведения, отвечает, что о семье, о несчастливой семье, называя себя пессимистом, умеющим радоваться [Радуцкий, электронный ресурс, 2010].

Основная же суть и значение всех образов, созданных писателем, сводится к следующему: «Люди, которые здесь и не здесь: когда они здесь, всем существом своим они устремлены к тому, что придет, когда же добираются до того, о чем мечтали, они начинают тосковать о том, что было и что не вернется вновь. Здесь они хотят вернуться туда, там же они жаждут быть здесь» [Крюков, 1998, с. 183].

В повести «Между друзьями» (2012 г.) описывается отделенность кибуца от окружающей его враждебной обстановки – с кочевниками-бедуинами, гадюками и бездомными собаками. На фоне спокойного пейзажа (отсылка к прошлому), подобному тем, которые в ранних произведениях автора вызывали страх у героев повествования, А. Оз разворачивает историю поиска «Другого» [Gertz, 2015, с. 96]. Писатель старается определить нехоженые тропы к Другому, «пути к неопределенному еще этическому пространству, без границ и координат, без демаркации и определений» [Там же]. Интересно, что пространства, по мнению исследователя, имеют подвижные границы и определяются отношениями взаимопомощи, поддержки, ответственности и преданности. У героев (отец и дочь) происходят холодные, отчужденные беседы, однако, это «язык молчания» в том смысле, в котором его понимал Э. Левинас. За этим новым языком, за попыткой определить дистанцию до Другого скрывается возможность преодоления конечности человеческого существования, одиночества и замкнутости [Там же, с. 100]. В расставании героев рассказа «Король Норвегии» (на русском языке опубликован в 2010 г.) зарождается их более глубокая связь друг с другом. В диссоциации образа героя в литературном пространстве чувствуется намек на расхождение идеологии сионизма и воплощения ее в кибуцах: социалистические идеи и коллективизм терпят крах на фоне молчания героев или их расстройств личности.

В последнем романе А. Оза «Иуда» (или «Евангелие от Иуды», 2015 г.) остранение связано с попыткой объективно посмотреть на евангельские события (изучением этой темы занимался и дядя писателя – ученый и

писатель Й. Клаузнер). Парадоксальный вывод о том, что именно Иуда – наиболее последовательный исповедник христианства, приводит протагониста Ш. Эша к осознанию того, что тема предательства неоднозначна, происходит пересмотр ценностей. Сквозная тема романа – предательство и двойная идентичность, неопределенность своего положения [Kirschbaum, 2015, с. 4]. Частные реализации этой темы: дедушка героя был двойным агентом; предательство в семье, где живет Ш. Эш; придуманная писателем оппозиция Д. Бен-Гуриону – фигура Ш. Абарбанеля, утописта-одиночки; план раздела Израиля на два государства, который, по мнению Ш. Абарбанеля, должен привести к непрекращающейся войне; сионисты, противостоящие основной линии партии; собственная позиция писателя по разделу Палестины в противовес господствующим убеждениям. Эта дуальность и двойная идентичность присутствуют и в анализируемом романе «Повесть о любви и тьме», где оппозиция, заявленная в заглавии, неоднозначна и носит динамический характер. Дуальность свойственна прозе А. Оза как таковой. Я. Пелег находит у писателя противостояние горячего и холодного, востока и запада, сухого и влажного, кибуца как единственного острова – остальному миру [Peleg, 2016, с. 301].

Но в раннем рассказе «Кочевники и гадюка» из сборника «Где воют шакалы» (1965 г.) для создания эффекта отчуждения рассказчика вводятся кочевники-незнакомцы, окружающие кибуц, и это уже противостояние бедуинов земледельцам, одной коллективной формации другой [Peleg, 2016, с. 302]. Впрочем, Е. Римон пишет в связи с этим рассказом, что ивритская литература не представляет точку зрения Другого, мы видим Другого (в данном случае это арабы, бедуины, но могут быть и другие оппозиции) только как проекцию коллективного бессознательного [Rimon, 2011, с. 237]. В данном рассказе есть все компоненты библейского рассказа о рае и грехопадении, кроме Бога, поэтому ситуация отчуждения безысходна, так как нет персонажа, у которого можно спрашивать прощения, заступничества и избавления. Эрос в таком случае – как заключает Е. Римон, – неизбежно

переходит в Танатос, и это связано с устоявшейся привычкой евреев во время рассеяния принимать Другого (другую культуру, общественный строй, язык, манеру поведения) в ущерб себе, что в свою очередь связано с понятием «люкремакса» А.М. Эткинда²⁷ [Там же, с. 238]. Но уже в следующем произведении писателя – «До смерти» (1971 г.) есть не только отделенность от людей, но и отчуждение от земли, сионизма и Израиля, которое возводится на более высокий, символический уровень.

Надо полагать, остранение-отчуждение является этапом преодоления личностного кризиса для выстраивания обновленной культурной самоидентичности. Э. Эриксон полагает, что человеческому эго приходится сталкиваться с определенного рода отчуждением на каждой новой стадии своего развития [Эриксон, 1996, с. 125]. Остранение считается негативным, но необходимым этапом преодоления кризиса и преодолевается включением в действие и ощущением контроля над ситуацией. Создатель художественного произведения обладает свойством «вненаходимости» (трансгредиентности²⁸) по отношению к своему произведению, которое он контролирует, но образ писателя-рассказчика не дистанцирован от произведения, а культурно интегрирован в него.

²⁷ А.М. Эткинд вводит этот термин по аналогии с симулякром, «люкремакс» есть аналогия слова «симулякр», который оборачивается размножением неверных копий (то есть собственно симулякров): «Я обозначаю этим неутолимую тягу человека элитарной культуры ко всему настоящему, подлинному и первоначальному, а также отрицание им собственной культуры как неподлинной и ненастоящей. Люкремакс есть утверждение подлинности другого и отрицание подлинности самого себя. Люкремакс порождается ситуациями двоеверия, двоемыслия и двухкультурности, каково бы ни было их происхождение» [См. подробнее: Эткинд, электронный ресурс, 2013].

²⁸ В результате трансгредиентности автор приобретает «избыток видения». Трансгредиентное отношение есть живое, изменяющееся отношение между автором и героем, а Другой есть не только место извне, но и это трансформирующееся отношение. Вненаходимость при этом имеет потенциал трансформации, исключающий возможность проведения четких границ между автором и героем в эстетической деятельности [См. подробнее: Обухова, 2013, с. 373].

Итак, остранение у А. Оза носит характер отступления от коллективистского начала и сионистских идеалов – эти позиции те же, что и у других представителей его поколения. Остранение связано с преодолением личностного кризиса через самоанализ и признание дуальности. Причинами остранения персонажей в художественном нарративе А. Оза являются семейные травмы, психические болезни, смерть близких, смена культурной среды, эмиграция, побег от войны, отказ от душевных переживаний.

3.1.3 Причины появления и способы выражения остранения в романе А. Оза «Повесть о любви и тьме»

В 2002 г. был опубликован роман А.Оза «Повесть о любви и тьме», переведенный по данным на 2017 г. на 26 языков. Трагическое и комическое переплетается в этом автобиографическом эпосе писателя [См. подробнее: גֶּפֶן, электронный ресурс, 2014]. Это «человеческая комедия» нашего времени, охватывающая историю пяти поколений евреев на пути их перемещения из России, Литвы и Украины в Иерусалим: «в “Повести о любви и тьме” я пытался стереть грань между автобиографией и романом. Так что жанровые границы мне мешают. Когда я нахожусь в одной комнате, я всегда подсматриваю, что происходит в соседней», – рассказывает А. Оз на пресс-конференции в редакции журнала «Питерbook» на Книжной ярмарке в ДК им. Крупской [Валькова, 2014а; см. подробнее: Оз, электронный ресурс, 2014]. Рассуждения А. Оза о природе собственного творчества, происхождении тех или иных сюжетов органично встроены в эту квазибиографию, представляющую настояще сказание об истории не только государства, но и его семьи, когда сюжет, сдобренный эпическим пафосом и подернутый патиной мифического реализма, уходит корнями в далекое прошлое и в другие страны, откуда родом его предки. Смена «культурного релятивизма» семьи А. Оза [Харшав, 2008, с. 437], бикультурализма, билингвизма на монокультурализм не могли не оказать влияние на писателя, а его альтер-эго – на рассказчика, который изживает свои связи с прошлым галута, пытаясь посмотреть на свои корни отстраненно.

Когда роман вышел в Израиле, успех его был феноменален: на ноябрь 2004 г. было продано 97 500 экземпляров романа на иврите (количество взрослых людей, свободно читающих на иврите, составляло на тот момент 2 миллиона). И. Шварц анализирует письма читателей, поступившие писателю после выхода романа, и находит, что роман получил культовый статус [גָּדוֹשׁ,

2007, с. 182]. Читатели произведения обнаруживают в нем сходства с собственными семейными историями, узнают подобные обстоятельства и вспоминают свои встречи с реальными лицами, описанными А. Озом. Некоторые из поклонников романа сочли его «Библией нашего времени» [Там же, с. 187]. Другие пишут критические отзывы о том, что какие-то места писатель описал совсем не так, как помнится им, и вкладывают в письма фотографии этих мест, своих родственников сходной судьбы и т.д. Роман произвел большое впечатление на людей поколения А. Оза, а также на их потомков; писательница М. Бежерано даже назвала этот роман «пророчеством о прошлом» [Там же, с. 188], поэтому можно говорить о большом влиянии романа на осмысление читателями описываемого периода. Действие в романе охватывает промежуток с конца XIX века по 1952 г. (смерть матери) с упоминаниями более поздних событий (Шестидневной войны, Войны Судного дня и т.д.).

Следует отметить, что «Повесть о любви и тьме» содержит в себе автобиографические повествования в художественном преломлении, то есть роман квази-автобиографичен [Караева, 2009, с. 15]. В категорию «книг-автобиографий» попадают мемуары, книги-квазиавтобиографии, написанные автором не документально, а с некоторой ретушью, и книги, где речь идет от первого лица, их можно воспринимать как псевдоавтобиографии. При этом «если рассматривать роман-квази-автобиографию как объект перевода целиком, возникает вопрос, какие функции остранения необходимо сохранить переводчику» [Там же, с. 29; Валькова, 2014а].

Исследователи отмечают, что использование приема остранения в произведениях А.Оза обусловлено различными факторами: обрывание родственных связей, отход от интеллектуализма, высокой культуры и безостановочное чтение. И. Мильнер относит остранение в романе к растерянности рассказчика, называя его «оставленным, заброшенным, покинутым, обманутым, преданным» [מילנר, 2007, с. 105]. Кроме того, Ш.Э. Джелен считает, что само путешествие автора из Иерусалима в кибуц

обозначило его отрыв от патриархального европейского уклада и сообщило новую траекторию его творчеству [Jelen, 2010, с. 510].

В «Повести о любви и тьме», как и в других произведениях писателя, герои чувствуют оторванность от корней и отчужденность в новом, незнакомом месте [Feldman, 2007, с. 395]. В одном из интервью А. Оз отмечает, что его автобиография принадлежит больше его матери и отцу, а не ему самому [См. подробнее: Doymaz, 2015, с. 71]. Исследователи пишут о том, что переезд, как это было у самого писателя, не является единственным условием появления отстраненности. Даже маленький герой нового произведения А. Оза «Маленький мальчик» (2012 г.), выросший в кибуце и не ощущающий своей чуждости этому пространству, вынужден переживать травму остранения [Omer-Sherman, 2013, электронный ресурс]. В «Повести о любви и тьме» кризис идентичности у матери рассказчика, возможно, и приводит к ее самоубийству, а сам внутренний конфликт у Фани Клаузнер возникает из постоянного сравнения ее жизни в Иерусалиме с той, прежней жизнью, которая была в Ровно и обещала счастье [См. подробнее: Doymaz, 2015, с. 71-72].

По мнению Н. Бугежа, Фаня Клаузнер была обречена на смерть, так как сама героиня является символом европейской диаспоры, которой предстояло исчезнуть из-за распространяющегося фашизма и эмиграции евреев в Израиль. Кроме того, мать рассказчика «трагически» (по словам исследователя) идентифицируется с пристрастием европейской культуры к текстам и не способна выжить в современном ей Израиле. Несмотря на свою симпатию сионизму она оказывается чуждой израильской действительности того периода, весьма далекой от идеалистических представлений, которые она и ее семья имели, когда жили в Ровно. Такой же чуждой оказывается героиня и своему мужу-ревизионисту. Она уходит во внутреннее изгнание (*double exile*) и закономерно умирает, причем на фоне личной истории А. Оз в наигранно наивном стиле обосновывает необходимость создания государства. Писатель эксплуатирует нарративы

диаспоры как оправдание «целительной стратегии основания сионистских поселений», это единственный способ создания «дома для еврейского народа» [См. подробнее: Bugeja, 2015, с. 14-15].

Кризис идентичности у членов семьи рассказчика проявляется не в размышлениях о фундаментальных вопросах бытия, а в обыденных жизненных ситуациях. Так, даже выбор сыра приводит к мучительным сомнениям: «Но, придя в бакалейную лавку господина Остера, что на углу улиц Овадии и Амоса, необходимо было все-таки выбрать между сыром кибуцным, сыром, произведенным компанией “Тнува”, и арабским. Является ли арабский сыр из соседствующей с Иерусалимом деревней Лифта продукцией зарубежной? Сложно. Правда, арабский сыр был чуть-чуть дешевле. Но, покупая арабский сыр, не предаешь ли ты в какой-то мере сионизм: где-то там, в кибуце или мошаве, в Изреельской долине или в горах Галилеи, сидела девушка, одна из тех самых пионеров-первоходцев, которые так тяжко работают, и, быть может, со слезами на глазах приготовила и упаковала для нас этот еврейский сыр – как же сможем мы повернуться к ней спиной и купить не наш сыр? Разве не дрогнет рука? С другой стороны, если мы объявим бойкот продукции наших соседей-арабов, то собственными руками углубим и увековечим вражду между двумя народами, и если вдруг, не приведи господь, прольется кровь, она будет и на нашей совести. Разве арабский феллах, этот скромный простой труженик полей, чья чистая душа не отравлена пока миазмами большого города, разве этот феллах – не смуглый брат простого и благородного мужика из рассказов Толстого! Неужели мы ожесточимся и отвернемся от его деревенского сыра? Неужели окаменеют наши сердца, и мы накажем его? За что? За то, что гнусная Британия и продажные арабские землевладельцы-эфенди науськивают этого феллаха против нас, против того, что мы создаем здесь? Нет» [Оз, 2006, с. 28-29].

Рассказчик у А. Оза обнаруживает освоение культуры своих предков через усвоение определенных повторяемых родителями слов, он словно

пробует их на вкус и приписывает им особое культурное значение. Такую диффузию языка и культуры Н.Б. Руженцева (проведшая в том числе анализ диффузии русского языка и иврита в произведении «Во вратах твоих» Д. Рубиной) справедливо считает когнитивным механизмом постижения чужого мира [Руженцева, 2014, с. 98]. Процесс постижения чужой культуры идет не через погружение, но через остранный анализ, хотя и на детском уровне.

Б. Клапареде-Алберне отмечает, что выбор минималистической интонации (вообще свойственной писателям, вошедшим в литературную жизнь после Шестидневной войны), выбор критики утопической временностя всего происходящего связан с самоубийством матери А. Оза и отказом платить компенсацию покидающим кибуц [Claparéde-Alberne, 2003, с. 56]. А. Оз выбирает новый дискурс – политический, говоря, что сионизм является неизбежным способом существования еврейской идентичности. Память не может затмить политику, хотя утопия кибуца отрицает исторический период. Радикальное обновление жизни в кибуце осуждается им как притворство, иллюзорный вызов сложности исторической реальности. Кроме того, чтобы писать, он должен покинуть кибуц и совершить выбор в пользу идеи мира, используемой «левыми» политиками для создания новой идентичности [Там же, с. 57].

Кроме коллективных и семейных психологических травм, неизжитых после печальных событий XX века, на повествование А. Оза накладывает отпечаток и личная травма, – странное поведение матери рассказчика и впоследствии ее самоубийство. Метания Фани к кровати сына-подростка представлены автором с остраненной перспективы, без жалости и с вызывающим восхищение отсутствием любых ретроспективных комментариев, диагнозов, прогнозов [Carmy, 2005, с. 58]. Этот повторяющийся мотив – предчувствие смерти матери или воспоминание о ее уходе – является связующим в романе, именно на этой сюжетной линии основывается экранизация романа (2015 г., реж. Н. Портман). Реминисценции соответствуют принципу, цель которого в натурализации

фактов, «склейке смысла» и удостоверении реальности рассказываемой истории [Барт, 2009, с. 69]. Единицы значимой информации из биографии рассказчика вкраплены в текст в гомеопатических дозах, что приводит к естественной десистематизации вторичных смыслов.

Семья для ребенка-рассказчика является не «утешителем», а источником травм, конфликтов [מילנר, 2007, с. 75]. Маленький герой произведения не только не может найти в семье опору, но и не способен представить себе цельный образ семьи, чем и объясняется фрагментарность повествования. И. Мильнер придерживается мнения, что писатель «устанавливает связь с потерянной семьей через создание литературного произведения» [Там же, с. 78]. Семья мифологизируется²⁹ так же, как и у Я. Шабтая в сборнике рассказов «Дядя Перец взлетает» и у М. Шалева в романе «Фонтанелла». В попытке сконструировать образ семьи рассказчик словно уходит прочь от реально свершившихся событий, занимая надсубъективную позицию.

В автобиографической форме повествования развитие сюжета внутрилитературно, оно происходит как будто без участия авторского сознания. Присутствие автора, наряду с рассказчиком, в тексте представлено его размышлениями. Эта рефлексия «посреди движущегося сюжета обрывает нить случайностей, из которых, казалось бы, складывается жизнь человека. Если взглянуть на все случайности разом, зазвучит единый аккорд судьбы. Отчужденный герой получает именно такой взгляд: в каждом событии индивидуальной жизни он прозревает ход истории» [Пономаренко, 2014, с. 158]. И в романе А. Оза предзнаменования дальнейшей судьбы видны черезintrospeцию (автор отчуждается от рассказчика): «Мама не сидела целый день дома. Выходила из дома довольно часто. Но и о ней можно

²⁹ Под мифологизацией в данном исследовании понимается «процесс (и результат означенного процесса) генерации художественного образа (вымысла) на базе реальных исторических событий (биографий и т. п.)» [Мифологизация, электронный ресурс].

сказать, что скучны и бедны были дни двух ее жизней. <...> Будто и они отбрасывают на стене больше, чем одну тень» [Оз, 2006, с. 118].

Для сопряжения в одном повествовании разнящихся по времени и месту событий автор использует условность, но здесь это не способ продемонстрировать несущественность свершившихся событий «по сравнению с некоторыми гипотетическими реалиями настоящей жизни, но творческий метод, заключающийся в умышленном и последовательном удалении автора-рассказчика от участия в ходе действия» [Федорякин, 2014, с. 56]. Так, рассказ о визите в семейство ал-Сикуана расченен описаниями исторических событий от осады Иерусалима в 1947 г. до разделения города после войны в 1967 г. Список особенностей рассматриваемого романа с позиций условности включает в себя многочисленные смены плана, монтажность, калейдоскопичность событий, развернутых в непрямой последовательности.

Кроме того, остранение – фактор переосмысления детства в автобиографических произведениях, так как художественное восприятие детства у рассказчика-ребенка считается иным, чем у писателя-взрослого, а темп восприятия и повествования иной, замедленный, но и более насыщенный. Каждый автор и читатель благодаря собственному индивидуальному опыту проживания детства может вступать в «диалог с художественным временем детства, отраженным в тексте произведения» [Галицких, 2012, с. 95]. В диалоге автор моделирует свое второе «я», помещая его в прошлое.

Возвращение к мысли о том, что остранение возникает при противоборстве индивидуального и коллективного начал в авторском сознании, позволяет заключить, что А. Оз занят больше проблемами коллективного бессознательного, в отличие от писателя Г. Шакеда, который занят индивидуальными ретроспекциями [Schachan, 1998, с. 327, 329].

В «Повести о любви и тьме» появляется бинарная оппозиция «поселенец – колонизатор». Г. Питерберг ссылается на то, что

в произведении отчетливо видна линия разлома, рационализированного и последовательного разрыва между местными и пришлыми [Piterberg, 2011, с. 40]. Рассказчик не принадлежит ни тем, ни другим, поэтому его восприятие неминуемо остранено по отношению к обоим полюсам. Такова позиция «подвешенности» между религиозным и светским отношением к действительности [См. подробнее: Carmy, 2005; Balaban, 2002]. А. Оз ратует также за дистанцирование от библейской парадигмы, отдаление от интерпретации современных израильских литературных персонажей в русле библейской традиции, так как когда израильтяне пытаются подражать библейским персонажам, это приводит к «неуверенности сбитых с толку персонажей, застрявших на пути самоидентификации и поиска своего культурного наследия» [Aschkenasy, 2001, с. 134]. Остранение, по А. Озу, должно распространяться на дистанцирование современной действительности от событий, описываемых в Ветхом Завете.

В «Повести о любви и тьме» прием остранения реализован и как непосредственно географическое перемещение. Герой покидает Иерусалим, сосредоточие интеллектуальных и презираемых им в то время ценностей, и устремляется в кибуц в попытке удалиться от самого себя, типичного скромного мальчика из интеллигентной семьи. Само географическое пространство пустыни в романе «служит как трансформационное поле, выявляющее внутренние противоречия героя» в его попытке примерить на себя идентичность современного израильтянина, предпочитающего физический труд интеллектуальному [Omer-Sherman, 2005, с. 53]. Пространство романа изобилует библейскими реминисценциями (что противоречит призыву А. Оза дистанцировать современную израильскую литературу от библейских времен) и отсылает читателя к архетипам пустынника, отшельника.

Личный опыт автора, включающий его переезды и армейскую службу, нашел отражение в самоидентификации героя А. Оза, пытающегося отстраниться от жизни прежних времен. Увидев разделение Иерусалима на

два города и прослужив в танковом подразделении во время Шестидневной Войны и Войны Судного дня, А. Оз обрел собственное понимание ухода израильского общества от коллективной идентичности к критически относящейся к такому коллективизму индивидуальной культуре со все более возрастающей американизацией [Там же, с. 54].

В «Повести о любви и тьме» А. Оз с точностью летописца запечатлевает свое детство в Иерусалиме в конце действия британского мандата, воспроизводит события первых лет становления независимого государства, годы, проведенные в подростковом возрасте в кибуце Хулда, куда он сбежал из высокоинтеллектуальных снобистских кругов Иерусалима в поиске действительных сионистских идеалов. Будучи чужаком в кибуце, сталкиваясь с непривычными ценностями и убеждениями, он начинает писать как будто со свежей страницы, с чистого листа. Полному остранению мешает то, что он был знаком с такими знаковыми фигурами в Израиле, как Ш.Й. Агнон, Ш. Черниховский, Д. Бен-Гурион и др. Среди его учителей была известная поэтесса Зельда, а Й. Клаузнер, писатель-энциклопедист, приходился ему двоюродным дедом, что не могло способствовать декларируемому желанию А. Оза отказаться от интеллектуального наследия предков и от собственного опыта. Нелинейное повествование романа также включает аллюзии на семейные рассказы, характерные для Восточной Европы. Сменив фамилию «Клаузнер» на «Оз» (с отсылкой к значению слова – «мошь», «сила», «отвага»), писатель протестовал против своего европейского происхождения, ассоциируемого с бессилием интеллигентов, и выражал преданность своей исторической родине.

В «Повести о любви и тьме» отец рассказчика вспоминает, что стены европейских домов были разрисованы надписями «Жиды, убирайтесь в Палестину», но когда они с семьей приехали в Палестину, то увидели на стенах домов надписи «Жиды, убирайтесь прочь из Палестины». Это отчуждение и от страны иммиграции, и от страны исхода создает у семьи рассказчика ощущение подвешенности между двумя мирами; они пытаются

сбежать от коллективного бессознательного еврейского народа и, восприняв ревизионистские идеи В. Жаботинского, осмысляют свое неопределенное состояние в рассказах. В «Повести о любви и тьме» рассказы переосмыслиенного детства на фоне не сформировавшейся еще новой идентичности предстают в форме объекта для анализа.

Следует отметить, что не только ученые-филологи, но и журналисты, пишущие рецензии на книгу, отмечают остранныющую, словно препарирующую рассказы о детстве, интонацию [См. подробнее: Remnick, электронный ресурс, 2004]. Выделяется несколько значимых моментов, обуславливающих остранение: 1) репатриация евреев и сопряженные трудности; 2) соединение фрагментов глубоко личных воспоминаний через 50 лет после описываемых событий; 3) «запутанность» автора во множестве языков, которыми он владеет и которые сформировали его языковую личность, а, следовательно, и манеру, в которой он пишет на иврите [Pomerantz, 2004]; 4) осмысление травмы Холокоста и идеологии сионизма; 5) отказ от превалирующей установки для создания новой литературы на иврите, сформулированной Б. Курцвайлем: писать значит отстаивать свою идентичность во враждебной атмосфере. А. Оз в пику идеологии, исследователю и публицисту Б. Курцвайлю отказывается считаться «дегенеративным отпрыском когда-то славной династии» и заявляет о том, что он не обязан испытывать чувство вины за то, что родился после «ренессанса сионизма» [Keren 1988, с. 205]. Писатель последовательно отстаивает свое право на собственную манеру письма, стилистику, выбор тем и героев, а также на политические убеждения – как свои собственные, так и своих персонажей.

Остранение в романе Оза преимущественно выражено лексическими, синтаксическими (например, с помощью инверсии, непривычного темо-рематического деления) и графическими средствами (курсив и кавычки) [См. подробнее: Валькова, 2014c]. Остранныющая интонация повествователя является связующим средством для организации не связанных по сюжету

рассказов о детстве. Строгой хронологии рассказчик не придерживается, как и организации рассказов по территориальному принципу (например, воспоминания о кибуце перемежаются с отголосками европейской истории и отсылками к иерусалимскому интеллектуализму). Эффект остранения достигается благодаря сдвигам в структуре наррации и метаповествовательным комментариям типа: «Спустя пятьдесят пять лет, когда я буду описывать тот вечер в своей тетрадке, сидя за столом в своем садике в Араде...» [Оз, 2006, с. 355].

Остраниются не только события объективной действительности, но и художественные образы, так как «Повесть о любви и тьме» – это не автобиография в чистом виде.

Для удобства цитирования здесь и далее будут использованы примеры из русского перевода. Текст произведения изобилует длинными пассажами, дающими детальное описание той или иной обыденной реалии (остранение II типа), характерное для рефлексологии детства: «Все это время верхняя не включенная спираль дремлет себе, холодная и равнодушная. И чем больше распалялась нижняя спираль, тем более равнодушной, как бы пожимающей плечами казалась ее верхняя соседка, наблюдающая все вблизи, но остающаяся ко всему равнодушной. И вдруг пробрала меня дрожь, словно догадался я или прямо-таки кожей ощущил всю силу напряжения между пылающим и холодным. И осознал, что есть у меня достаточно простой и быстрый путь сделать так, чтобы и у равнодушной спирали не осталось никакого выхода: и она будет вынуждена запылать, и она тоже еще затрепещет у меня, готовая взорваться от переполняющего ее огня... Но это решительно запрещено. На самом деле запрещено. Строжайше запрещено включать обе спирали одновременно, и не только из-за вопиющей расточительности, но также из-за опасности перегрузки: чтобы, упаси Бог, не сгорел предохранитель, и весь дом не погрузился в темноту. А кто пойдет посреди ночи искать мне Баруха – золотые руки?» [Там же, с. 46]

Мир рассказчика предстает застывшим, замершим в определенный момент, чему способствует употребление настоящего, настоящего исторического времени. Обычные предметы также воспринимаются предвестниками печальных событий в ретроспективном изложении рассказчика. Мальчик с богатым воображением смотрит сквозь поверхность предметов быта и видит сигналы будущих событий, «разрушающих, неразрешенных и к которым возвращаются: это захватывающее соединение большого и малого» [Gee, 2013]. Несобственно-прямая речь также вносит свой нюанс в остраниющую интонацию.

Несмотря на объем каждого отдельного описания, текст произведения составлен из эпизодов, не представляющих последовательный рассказ, сам автор формулирует это так: «... я пытаюсь восстановить это для себя, или даже не восстановить, а догадаться, вызвать из потустороннего мира, добыть, можно сказать, из ничего. Это напоминает работу taxidermistов, которые изготавливают чучела для музея природы: всего лишь по одной-двум костям они воссоздают для нас целого динозавра» [Оз, 2006, с. 420].

Здесь остранение явственно видно в попытке автора дистанцироваться от рассказчика, и обоих – от описываемых событий. Нарушение едва появившихся сюжетных линий связано с введением различных материалов, свидетельств, документов, литературной критики, мемуаров других членов семьи, что порождает многоголосицу и позволяет посмотреть на случившееся с различных точек зрения.

Следующий пример психологически остраниенного описания дяди и тети также связан с реконструкцией событий (остранение II типа): «Я вижу их, стоящих там, на краю мира, на краю пустыни, оба они такие уютные, как два плюшевых медвежонка, руки их сплетены, над головами проносится иерусалимский вечерний ветер, шелестят сосны, терпкий запах герани плывет в сухом прозрачном воздухе. Дядя Иосиф при галстуке и в куртке, обут он в домашние туфли, седая его голова открыта ветру. Тетя в шелковом темном платье с цветочным узором, на плечах ее лежит серый вязаный

шерстяной платок.<...> за Старым городом открывается взору гора Скопус, на которой построен Еврейский университет, столь дорогой сердцу дяди Иосефа, и Масличная гора, на склонах которой будет похоронена тетя Ципора. Дядя просил, чтобы его похоронили на Масличной горе, но не удостоился этой чести, поскольку в те дни, когда дядя Иосеф ушел из жизни, Восточный Иерусалим находится в руках Иорданского королевства...» [Там же, с. 110].

Цель остранения – осмыслить пройденный жизненный путь, вызывая к жизни образы родных и награждая их свободой вести себя в повествовании не обязательно идентично тому, как это было в действительности. Персонажи А. Оза обычно «стараются избегать естественной и самодовольной обособленности» [Omer-Scherman, 2005, с. 54]. Но остранение происходит, когда что-то или кто-то заставляет персонажа чувствовать себя чужаком.

Так, например, бабушка рассказчика не выдерживает своей изолированности и вмешивается в мысли мальчика. Рассказ о горячей ванне в доме бабушки показывает, как внутренняя речь сплетается с журчанием бабушкиной речи и постепенно становится ее голосом. Попытка рассказчика отстраниться в данном случае не приводит к успеху, тогда как читатель слышит прямую речь бабушки без искажений, вызываемых обычной ретроспекцией в автобиографиях.

Автор предоставляет своим персонажам эту возможность свободно говорить своим собственным голосом, при этом остраняется-устраняется рассказчик. Так, например, воспоминания тети Сони в главах 22-24 содержат описание того, что рассказчика нельзя было отнести ни к роду матери, ни к роду отца, он был обособлен: «А ты был таким серьезным мальчиком. Городским ребенком, которому противопоказано солнце. В свои семь или восемь лет ты был слишком серьезным. <...> Я еще про себя подумала тогда: уж точно, что будешь ты более Клаузнером, чем Мусманом. Сегодня я в этом уже не уверена» [Оз, 2006, с. 246-247].

Рассказчик предстает не по годам развитым мальчиком, не принадлежащим ни миру интеллигенции, ни миру сионистов-работяг. Неопределенное положение частично унаследовано от родителей, которые предпочитали уединенную жизнь и не соблюдали религиозных ритуалов, были равно чуждыми любой религии и отстранялись от любых вещей: «Синагоги, иешивы, церкви, монастыри, мечети – все они казались ей похожими друг на друга, нагоняющими уныние, пропахшими кисловатым запахом религиозных, редко моющихся мужчин» [Там же, с. 393]; «Наряды, безделушки, прически, мебель – все это интересовало маму лишь как окошки, через которые она могла заглянуть во внутренний мир человека» [Там же, с. 395].

Возможно, такое отстранение было вызвано желанием евреев в изгнании не привлекать к себе лишнего внимания, поэтому в крайнем выражении эта отрешенность приводит к неспособности разделить беду ближнего. Так, мама рассказчика не реагирует на трагедии и смерть знакомых семей, в частности Стилецких: «Но все это происходило как бы вне домашнего уклада, за двойными оконными рамами, а также по ту сторону светлого и полного удовольствий круга жизни гимназии “Тарбут”. Ничто из упомянутого выше не в силах было проникнуть внутрь и всерьез нанести ущерб очарованию маминого детства, очарованию, приправленному, по-видимому, щепоткой меланхолии, не замутившей радости, а только придавшей ей новые оттенки» [Там же, с. 315].

Д. Порат, исследуя освещение темы антисемитизма в романе, выделяет три ключевых темы романа: отношения с отцом, самоубийство матери и Холокост. Даже после «нормализации сионизма» в Израиле «язык не свободен от антисемитизма» [לראט, 2005, с. 147]. Любое произведение, написанное после Катастрофы европейского еврейства, неизбежно несет в себе отголоски этой темы. Антисемитизм формирует своеобразный субстрат, негативное начало, отталкиваясь от которого, можно создавать новую культуру. Исследовательница резонно замечает, что «не будь

антисемитизма, Израиль как государство могло и не образоваться» [Там же, с. 148]. Намеки на антисемитизм рассыпаны по тексту романа, и Д. Порат задается вопросом, случайно ли всплывает эта тема за несколько страниц до конца романа. Возможно, безоценочный взгляд рассказчика на антисемитизм также вносит свою лепту в общую остраниющую интонацию романа, которая объединяет разрозненные отрывки описания одного и того же события (смерть матери) в одно целое.

Родители рассказчика в романе представлены как объекты наблюдения. Их самоудаление от религии, политики, связи с родными, корнями, сведение к минимуму контактов с внешним миром говорит об эмоциональной диссоциации; в результате этой психологической защиты человек начинает воспринимать происходящее с ним так, будто оно происходит не с ним, а с посторонним. Объективно излагая события, рассказчик словно пытается осознать проблему и предотвратить самоотчуждение.

Другой пример показывает сложность балансирования между ожиданиями родителей, социальными нормами поведения и собственными волевыми проявлениями, когда рассказчик занимает остраненную позицию по отношению к себе самому: «А мне в этих беседах в кафе отводилась особая роль. Во-первых, мне следовало отвечать вежливо и толково, совсем как взрослому, на все трудные вопросы. <...> Во-вторых, я не должен был никому мешать. Стать несуществующим. Прозрачным» [Оз, 2006, с. 589].

Невидимость наблюдателя и участника позволяет создать достоверно объективное повествование, что и является конечной целью автора: «И по сей день я действую, как воришко-карманник. Особенно – по отношению к незнакомым людям. Особенно – в общественных местах, при большом скоплении народа. Например, в очереди в поликлинике. <...> Подглядываю – и выдумываю. Откуда она родом, вот эта, если судить по ее одежде, по выражению лица, по ее движениям, когда она поправляет прическу или макияж? Как выглядит ее комната? <...> (Ныне я уже не останавливаюсь

в ужасе на пороге спален, а на бреющем полете проникаю внутрь и вижу все, оставаясь невидимым). <...> Я весьма опасаюсь быть застигнутым в момент подглядывания, опасаюсь того, что мои жертвы могут потребовать объяснений» [Там же, с. 593-594].

Здесь раскрывается секрет накопления впечатлений любого писателя, но необходимо учесть, что описание авторских приемов, содержащееся в самом тексте художественного произведения, – редкое явление.

Еще одна реализация приема остранения характерна для жанра магического реализма. Так, например, когда рассказчик смотрит на фотографию отца, то слышит голос: «Ну право же ребята, мы все превозможем, все как-то устроится, да и что вообще может случиться, не страшно, все будет хорошо» [Там же, с. 164].

Магический реализм также проявляется в олицетворении животных и предметов (остранение I типа, описание игрушки): «Ради своего здоровья этот бедный песик вынужден был раз в две-три недели проглатывать несколько сильно действующих пилюль нафталина» [Там же, с. 172].

Для отрешенности матери рассказчика автор выбирает слово «зачарованность» и описывает ее как заколдованную принцессу, которая естественно не может участвовать в происходящих событиях [Там же, с. 315].

Введение разных стилей речи в текст произведения имеет оттенок стенографии, поэтому каждый персонаж отличается собственным выбором языковых средств: «Был у него свой собственный, личный иврит, у моего дедушки. И ни в коем случае не хотел он и не позволял, чтобы его поправляли. Так, нечаянно заменив одну букву на другую в каком-нибудь ивритском слове, он до конца жизни мог, к примеру, вместо слова “парикмахер” (сапар) говорить “моряк” (сапан), и более того образовывал от этого другие слова, превращая таким образом, скажем, “парикмахерскую” в “судоверфь”» [Там же, с. 183].

Герои, как и сам автор, задаются вопросом о прямом смысле тех или иных слов на иврите, выискивая связи с денотатами, выдвигая гипотезы, опровергая логику членов Академии языка иврит, придумывающих новые единицы для возрождаемого языка: «На русском говорят обычно – мебель красного дерева. На иврите оно называется “толана”, правильно? Быть может, ты мне объяснишь, почему именно “толана”? Что, это от слова “толаат” – “червяк” на иврите? Но как раз махагониевое дерево практически недоступно атаке червей! Дай Бог нам быть такими защищенными от червяков, как это махагониевое дерево!» [Там же, с. 236].

Таким образом, речевая характеристика каждого персонажа несет остранный эффект. Слова и выражения, нарушающие норму, заимствованные из других языков, произнесенные по-особому, выделяются графически: в оригинале и английском переводе – курсивом, в русском – кавычками и реже курсивом.

Из наиболее интересных случаев остранения выделяется само название произведения, так как само противопоставление «любви» и «тьмы» в тексте остраняется. Это довольно неожиданная оппозиция, не бинарная, а эквивалентная, так как «тьма» в сознании рассказчика воплощает в том числе вожделение: «Тьма, которая окутывала тогда все эти отношения, давала мужчинам больше возможности использовать женщину во зло» [Там же, с. 269].

Обыгрывается в названии также одно из имен Бога на иврите – Создатель Света и Тьмы – «йоцер ор у-воре хошех» (*יוצר אור ובורא חושך*), например, в Книге Исаи, 45:7: *יָצַר אֹרֶךְ וּבָרָא חֹשֶׁךְ עַשֵּׂה שְׁלֹמָם וּבָרָא רֹעֶה אֱנִי יְהוָה עַשֵּׂה כָּל־אָלָה* (Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия; Я, Господь, делаю все это) (параллельный текст см. на сайте The Unbound Bible: <https://unbound.biola.edu/index.cfm?method=searchResults.doSearch>). Заметим, что здесь есть смысловая перестановка глаголов, как правило, глагол «боре» (только в форме прошедшего времени – «бара») используется для создания чего-то прежде несуществовавшего, того, что порождает Бог из себя (корень

слова имеет значения «убежал», «ушел», «вырвался наружу»), для воплощения замысла Творца, и именно он используется при упоминании создания неба и земли, за сотворением которых следует появление Света. Слово «бара» употреблено в первой главе Торы три раза: в отношении сотворения неба и земли, в отношении творения жизни и творения человека. Глагол «йоцер» относится к созданию сущего из сущего, это уже вторичный по отношению к «бара» глагол, означающий творение, которое относится к тому, что может подвергаться влиянию человека. Таким образом, хотя это и не видно в переводе из-за использования одного глагола, а не двух, А. Оз переиначивает в нижеследующем предложении значимость света и тьмы: «Человек, способный создавать новые слова, внедряя их в кровообращение живого языка, представлялся мне лишь немного уступающим Тому, кто создает Свет и Тьму» [Там же, с. 99].

Тьма у А. Оза становится первоначальной сущностью, хотя она и упомянута после Света. Как считает (и это в рамках иудаистской традиции толкования текстов) преподаватель Еврейского Университета Бар-Илан Б.И. Берман: «Бог впускает Свой Свет во Тьму. Свет Изначальный, который в Нем, Он переводит из Себя в Мир, делает Светом этого Мира, Светом сотворенным. <...> Есть Смотрящий, и есть то, на что Он смотрит. Бог относится к Свету, как к чему-то уже от Себя отделенному. Свет в Мире – это Свет отделенный от Бога. Этот Свет стал Его “плащом”, которым непостижимая сущность Бога отграничена от Мира³⁰. Мы даже не можем говорить о Его атрибутах и утверждать, что Он “есть” то-то или (и) то-то. <...> Осуществление и разделение – две стадии процесса Творения и его общая схема. Бог увидел, что отменяющий Тьму Свет Мира оказался “тот” и именно поэтому “разделил (вайавдаль) между Светом и Тьмой”. Свет в Мире таков, что он не уничтожает Тьму, но разделяет. “Вайавдаль” – не

³⁰ Заметим, что здесь также присутствует идея об отчуждении, остранении Бога от его качеств. Говоря имена Бога, иудеи используют не названия, а характеристики, косвенно указывающие на сущность Бога, которая не может быть обозначена прямо.

механическое разделение и не означает противопоставления одного другому, а есть назначение собственной функции для одного и для другого. У Света есть способность возрастания и убывания: Свет приходит и уходит, уступая Тьме. И Тьма, и Свет внесены в Мир, но не для борьбы между собой. У каждого из них своя сфера. Тьма есть в Мире. И Мир выстроен постепенно, Десятью Речениями, а не весь сразу. То, что сотворено (бара) Им Самим, уже не может быть отменено; но то, что оформлено, создано (иецира) и то, что сделано (асия), может отмениться, вернуться к изначальности» [Берман, 1997, с. 7-10]. Исходя из толкования, можем предположить, что такое использование глаголов предполагает первичность тьмы, которая не может быть изгнана из мира, кроме того, свет и тьма не противопоставлены друг другу как антонимы, но вступают в более сложные взаимоотношения.

Помимо этого, в романе «тьма» – это саднящее воспоминание о прошлом, включая отголоски прежних страданий в странах изгнания и элементы коллективного бессознательного. Тем не менее, «тьма» проигрывает «любви» в количественном выражении: слово «тьма» и производные употребляется в тексте 55 раз, слово «любовь» и производные – 119.

Противопоставление любви и жизнерадостности тьме отмечают также журналисты, занимающиеся обзором книг [Messud, электронный ресурс, 2011]. Образ тьмы ассоциируется с мигренями матери рассказчика, доведшими ее до самоубийства. Смерть при этом предстает в образе любовника, волшебника, дудочника, охотника, молодого принца и т.д., что соответствует создаваемому образу матери, отрешенной от действительности и в своих размышлениях снова возвращающейся к идее смерти. Ее патологическая беспомощность устраняет ее из материального мира людей действия, поэтому рассказы матери и о матери предельно остранены.

В попытке самоанализа сам рассказчик выбирает остраниющую интонацию (остранение I типа): «С чего начинаются мои воспоминания? Самое первое мое воспоминание – это ботинок: маленький ботиночек,

новенький, благоухающий, с подходящими ему шнурками, с теплым и мягким язычком» [Оз, 2006, с. 317]. Здесь, как и в главе 5, а также в других местах текстах остранение используется с целью показать изменяющееся мировоззрение рассказчика

Затем рассказчик переключает модус восприятия на родителей, и далее рассказ ведется от третьего лица³¹. Это характерный прием для всего текста произведения: «Он не в состоянии все это воспринять, к тому же он немного обижен их смехом и готов разразиться плачем» [Там же, с. 318]. Остранение здесь используется с целью продемонстрировать совершающиеся события через призму восприятия других людей

Подобные воспоминания включают переживание необычных впечатлений (*Nachleben* и *Reaktivierung*). Так, описывая процесс надевания обуви, рассказчик описывает мать, словно акушерку (остранение II типа): «А “плод” – это моя маленькая ступня, протискивающаяся через девственную “шейку” нового, так сладко пахнущего ботинка» [Там же, с. 319]. Затем рассказчик говорит о возвращении ощущений, когда и сегодня он надевает сапог или ботинок. Это воспроизведение, лишающее автоматизма привычные действия: «Мемуары – это как изобретение заново, оно не может быть ничем иным, хотя и соблазнительно задаться вопросом об истинности воспоминания» [Pomerantz, электронный ресурс, 2004].

Итак, автор показывает рассказчика и других персонажей одновременно в остраненном состоянии и отказывающимися от рефлексии. Остранение сопровождается тревогой, неуверенностью, «тьмой», потусторонним отрешением, но и самоанализом. Поэтому преодоление

³¹ У Б. Брехта в «Кратком описании новой техники актерской игры, вызывающей так называемый “эффект очуждения”» перечисляются три вспомогательных средства для создания дистанцирования от изображаемого персонажа: «перевод в третье лицо, перевод в прошедшее время, чтение роли вместе с ремарками и комментариями». Другие способы создания «очуждения» включают «историзацию», предваряющее чтение поэзии описание смысла стихотворения прозой, произнесение прозаического текста на родном для актера диалекте и др. [Брехт, электронный ресурс, 1965].

остранения, ассоциируемого с саморазрушением, возможно, по мнению рассказчика, через адаптацию, ассимиляцию³², конформизм, приспособленчество, имитацию, мимикрию и подражание тем, кто участвует в жизни: «А я, стало быть, придаю своему лицу выражение важности <...> я говорю с ней не на своем иврите, а на высокопарном языке папы и его гостей. <...> Почему-то я убежден, что именно так, а не иначе, прилично говорить с арабами и с девушками. (По правде говоря, мне почти ни разу не приходилось говорить ни с арабами, ни с девушками, но я считал, что в каждом из этих двух случаев требуется особая деликатность: следует говорить так, словно ты стоишь на цыпочках)» [Там же, с. 466-467].

Здесь акцентируется выбор нужного регистра общения для разных групп населения, а мир в ощущениях рассказчика всегда двухполюсный: евреи и арабы, религиозные и нерелигиозные, дети и взрослые, мальчики и девочки. В силу такого разделения рассказчик чувствует свою чуждость этому миру и в попытке понять, как в нем жить, пытается посмотреть на него остраненно, разглядывая объекты действительности, словно под микроскопом.

Подведем итоги. В «Повести о любви и тьме» А. Оз использует прием остранения в следующих целях: 1) показать изменяющееся мировоззрение

³² Ассимиляция необязательно должна восприниматься как приспособленчество или растворение в культуре, напротив, она может стать стимулом для рефлексии и создания новой культурной формации, ср., например, у философа Г.С. Померанца: «В ассимиляции есть свои уродства, свои вывихи. Но я не думаю, что ассимиляция по сути своей – вывихи. Во всяком случае это не только болезнь. Или другими словами, в этом болезненном процессе есть нечто плодотворное. Как плодотворна была для культуры Австро-Венгрия. <...> Без этого беспокойного перекрестка не было бы Моцарта. А без гибрида эллинского с иудейским не было бы христианства. Трудное, неловкое сожительство иногда плодотворно. Я сам нечто вроде Австро-Венгрии. Я в Москве чувствую себя евреем, в Грузии, где русских не любят, – русским, и, наверное, за границей чувствовал бы себя как раз тем, который здесь, в этом месте, – чужой. Это не очень удобно, но я не хочу распада своего еврейско-русского внутреннего царства. <...> не могу вынуть из себя русскую культуру и отделить от этой культуры еврейский привкус. Куда бы я ни поехал, всё остается во мне, так же, как и я – частицей истории русской культуры и истории еврейства» [Померанц, 2012, с. 90].

рассказчика; 2) продемонстрировать совершающиеся события через призму восприятия других людей; 3) представить двойственность существующих оппозиций – ментальных конструктов (евреи и арабы, религиозные и нерелигиозные, дети и взрослые и т.д.); 4) воспроизвести события как будто внове, а привычные действия – деавтоматизировать. Для передачи остранения писатель выбирает такие средства, как транскрипция речевых ошибок и особенностей языка персонажей, что на письме реализовано с помощью использования кавычек и курсива; употребление определенных слов, заимствований, разных регистров; сочетание прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в длинных отрывках, как правило, без пунктуационных знаков; внутренние монологи, в которых раскрывается тема отрешенности; использование разных жанров, документов, списков для придания документальности повествованию (более подробно см. Приложение). Для создания остранения автор применяет графические, лексические, синтаксические и стилистические средства. Остранение в произведении приобретает характер диссоциации, доставляющего неудобства отчуждения от людей, окружающего мира, существования без опоры на религиозные убеждения и моральные ценности. Создатель этой квазиавтобиографии предстает и как автор, и как рассказчик, чья история временами рассказывается от третьего лица, предоставляя возможности рассказчику для самоанализа.

Функциями остранения в тексте являются интенциональность, экспрессивность-эмотивность, конативность, множественность интерпретации.

Семантические поля текста с частым остранением характеризуются и более узкими функциями остранения, но перечисленные наиболее стилистически маркированы и потому не должны теряться в переводе. Остранение является универсальным инвариантом, требующим сохранения и точной передачи в языке перевода «Повести о любви и тьме» А. Оза.

3.2 Остранение в переводах романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки

В этом и последующих разделах рассматриваются два перевода романа. Русский перевод романа А. Оза выполнен в 2006 г. Виктором Радуцким [Оз, 2006], английский – доктором Кембриджского университета Николасом де Ланге в 2005 г. [Oz, 2005]. Английский перевод содержит много опущений, некоторые реалии и части оригинального текста остались непереведенными. Общность первичного мифа и автороцентричность произведения обуславливают принципиальную переводимость и непереводимость того стилистического компонента в произведении, который задает общее философское настроение.

Интерпретация произведения для последующего перевода может быть Я-центрическая, тексто(авторо)центрическая и направленная на читателя [Говорухина, 2010, с. 11]. Неслучайно, что пятая глава произведения, которая содержит указания на то, как интерпретировать текст, в английском переводе остается полностью непереведенной. Поскольку английский переводчик произведения не приводит сведений о том, почему эта часть из перевода выпущена, то можно предположить, что отсутствие перевода вызвано либо экстралингвистическими факторами, либо тем, что у русской и современной израильской лингвокультур точек соприкосновения больше, чем у английской и израильской. Точки соприкосновения во многом возникают из-за происхождения автора, вопросы поиска его идентичности отвечают настроениям читателей, знакомых с русским классическим романом, и продолжают тему поиска себя через рефлексию. Нельзя говорить о том, что английскому реципиенту текста это не близко, но нельзя и не учитывать то, что текст при всей его автороцентричности настоящим именно на той рефлексии, которой отмечены романы Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского. Непереведенными в английском тексте романа (как в пятой главе, так и

в последующих) остаются некоторые выражения, описывающие мотивы отстраненности, отчужденности от русской культуры/субстрата, а также мотивы травмы и столкновения еврея с чуждым ему миром нового государства Израиль.

Тема встречи (столкновения) еврея с неевреем и с внешним миром – одна из важных тем «национального возрождения». Она позволяла задаться вопросом о собственной идентичности, не опираясь на религию. Богатый спектр литературных реконструкций таких встреч свидетельствовал о значимости проблемы и о новом, индивидуальном самосознании современного еврейского писателя (в отличие от средневекового пайтана – представителя общины). В английском переводе эти настроения, выраженные иногда только на лексическом уровне, остаются в некоторых случаях непереведенными, в русском же переводе можно отметить полноту и адекватность (соответствие ожиданиям участников коммуникации) перевода. Автор комментирует русский перевод так: «Он очень музыкальный <...> иврит генетически связан с русским языком. Современный иврит вырос на русских коленях. Поэты, писатели, лингвисты, которые возрождали современный иврит, – они все говорили по-русски. И потому, когда Виктор Радуцкий прочел мне отрывок из русского перевода, я почти все понял. Скажем так: в русском языке я понимаю все, кроме слов» [Оз, электронный ресурс, 2014].

В сущности, всякий художественный текст в идеальном смысле непереводим, а вернее сказать, переводимо в нем именно то, что не художественно. Едва ли не любая культура видит свое начало в некоем явлении, не выражимом в человеческих словах, а потому и не переводимом в точности (Логос в христианских конфессиях, платоновские идеи, гегелевский абсолют, мировой дух Гете). Впрочем, если перевод переводимого – это не что иное, как копирование, то стремление к «переводу» того, что, по определению, непереводимо, дает неожиданные художественные плоды: например, все творчество символистов с их

ненавистью к близкому и любовью к далекому есть не что иное, как попытка «перевода» этого далекого на земной язык, поиск соответствий между тем и другим [Мильчина, электронный ресурс, 2010]. Можно говорить и о переводе авторском внутри текста (внутреннем переводе), когда автор сам дает расшифровку кодированным сообщениям: «Ленивый читатель приходит и требует, чтобы я очистил для него написанную мною книгу, как апельсин от кожуры» [Оз, 2006, с.48]. Как упоминает М. Виролайнен в докладе «Продуктивность непереводимости», «границы между переводным и оригинальным творчеством бывают часто размыты, один и тот же текст может казаться переводом или оригинальным произведением» [Цит. по: Мильчина, 2010]. Из этого следует, что непродуктивны лишь простое признание непереводимости или, напротив, игнорирование непроходимости культурных границ. Продуктивен лишь третий путь – осознание границы и попытки тем или иным способом ее преодолеть (так, создание метафоры М. Виролайнен уподобила взятию этой межъязыковой и межкультурной границы приступом). Переводимость возможна в процессе «минимизации смыслов с целью обнаружить то типическое (прототипическое), что позволит отыскать аналог прецедентного феномена в переводящей культуре» [Сердюкова, 2013, с. 49]. Применение этой стратегии возможно только в тех случаях, когда интертекстуальный фрагмент (содержащий «культурный капитал») основан на универсально прецедентном феномене, обладающем одинаковым или схожим эмоционально-оценочным компонентом в переводной и переводящей культурах.

Рассматривая текст «Повести о любви и тьме» с позиций философских концепций, можно указать на непереводимость восприятия текста (согласно культурным ожиданиям реципиента) только опосредованным наложением чужой языковой решетки на исходный материал: «И вот когда ты постигаешь историю Раскольникова – при том, что ты не любитель сплетен, а вдумчивый читатель, – ты можешь ввести этого Раскольникова внутрь, в свои подвалы, в свои темные лабиринты, через все решетки – в свой карцер...» [Оз, 2006,

с. 52]. Сначала идеи Ф.М. Достоевского воспринимаются через призму сознания автора (и его родителей), затем они встраиваются в культурную решетку романа, затем в сознание переводчика, для которого русский язык является родным. Эти идеи преломляются под другим углом, а читатель должен воспринять ту степень отчужденности, которая была заложена в оригинале.

Еще одним примером выражения остранения является употребление слов на идише, который не является родным языком автора (остранение I типа). Например: **כלומר המונטשאלאך**, в русском переводе: «На идише их называли – менчелах – человечки». Ивритоязычный читатель романа, как и русский читатель, немного знакомый с идишем, легко определит языковую принадлежность слова. В английском переводе **כלומר המונטשאלאך** переведено как the manikins, что означает: 1) a dwarf, pygmy, or man of small stature. 2) a model of the human body, as used for teaching purposes in art, anatomy, etc. [The free dictionary. <http://www.thefreedictionary.com/manikin>]. Таким образом, в английском переводе сохранена сема «маленький», но непереводимым остался компонент, связанный с этимологией слова. В обоих переводах для остранения I типа реализуются также такие переводческие трансформации, как транскрибирование, переводческий комментарий (в английском переводе этот прием используется реже, чем в русском) и выделение курсивом.

Обратим особое внимание на пример, связанный с «взятием метафоры приступом». А. Оз приводит рассуждения отца об этимологическом родстве тех или иных слов в иврите, во многом смелые рассуждения рассказчика оправданы, хотя бы потому, что дядя А. Оза был членом Академии языка иврит, пополняющей состав языка новыми словами. В оригинале и переводе выдержки из этих рассуждений подчеркнуты единицы, составляющие развернутую метафору.

Оригинал:

הבדידות, אומרות אמא, היא כמו מהלומה של פטיש כבד: את הזוכנית היא תנפץ לרוסיסים אבל את הפלדה היא תחסם. לחסם, מסביר לנו אבא, פירשו לחזק. לחסם כמו לחסן, מקשון חוסן,

אבל בעצם לחסם קרוב יותר למלים חסימה, מחסום, וצריך עוד לבדוק אם יש קשר למחסון שהוא המין הערבי אשר ממנו הסתעף אי-כך גם המגזין האירופי.

אבא אוהב מאוד לצייר לי בפיירוט כל מיני יהסים של קרבה ושל ניגוד בין מללים. עאליו המילים גם הן מן משפחה מסוימת שבאה ממזרחה אירופה, ובה המון בני דודים שניים ושלישיים, מחותנים, אחיניות, שארים, נכדים, נינים וגיסים: שארים זה מן המילה שאָר.

Русский переводчик для устранения непереводимости использует парафраз и переводческий комментарий:

— Одиночество, — говорит мама, — это как удар тяжелого молота: стекло оно разбьет вдребезги, но сталь закалит.

«Закалить» — это сделать еще крепче, — разъяснял нам потом папа. «Закалить» — это как бы «сделать прививку». На иврите эти понятия обозначаются схожими словами: «лехасем» — закалить, «лехасен» — сделать прививку. Хотя «лехасем» по смыслу ближе к словам «хасима» — заграждение и «максом» — шлагбаум. Следует еще проверить, нет ли тут связи со словом «максан» — хранилище, которое на арабском звучит как «махазан» и от которого тем или иным путем произошел и европейский «магазин».

Папа очень любил вычерчивать для меня подробные схемы всяких близких или, напротив, абсолютно противоположных отношений между словами. Будто слова это какая-то огромная разветвленная семья, прибывшая из Восточной Европы, — и есть в ней множество двоюродных, троюродных и четвероюродных братьев, сестер, племянниц, внуков, правнуоков, зятьев, шуринов, деверей... Родственник — «шеар», что буквально переводится как «плоть»...

Английский переводчик приводит сходные примеры из латинского языка, а пример из иврита заменяет, прибегая к доместикиации и пренебрегая остранением:

Loneliness, Mother said, is like a hammer blow that shatters glass but hardens steel. Father treated us to a learned discourse on the etymology of the word “hammer”, with all its ramifications in various languages.

<...> Even words like aunt or cousin had their own family history, their own network of relationships. Did we know, for example, that the word “aunt” comes from the Latin amita, which properly denotes a father’s sister, while “uncle” comes from the Latin avunculus, which means specifically a mother’s brother? While the Hebrew word for uncle, dod, also means a lover, although I am not convinced that it is really the same word originally.

В русском переводе проблема непереводимости решена следующими путями: 1) сохранением семьи, связанной с культурной и языковой принадлежности; 2) сохранением метафоры «одиночество – удар молота»; 3) высокой степенью точности и близости к тексту оригинала. Английский перевод содержит меньшее количество примеров, происходит сужение значения примера про родственные отношения, и описание авторского настроения остается непереведенным.

При переводе приема остранения в «Повести о любви и тьме» применяются все известные способы переводческих трансформаций для того, чтобы избежать непереводимости: адаптированный перевод, заимствования, калькирование, компенсация, лексико-грамматические трансформации, парафраз, переводческий комментарий [См. подробнее: Валькова, 2015]. Переводческие сложности при переводе в целом «Повести о любви и тьме»: категория принадлежности, отсутствие вежливой формы «Вы» (при переводе на русский язык), специфичные формы глагола, экзотизмы, реалии, языковая игра, компенсация, стилевые особенности (отстраненность от определенных мировоззренческих установок). Если переводческие сложности, выраженные на морфологическом и лексическом уровне, довольно легко устранимы, то при переходе к более крупным единицам можно говорить о непереводимости эстетической дистанции и идентификации, если

непереведенными остаются ключевые для произведения мотивы саморефлексии и выстраивания горизонтов ожидания для читателя.

3.3. Трансформационно-семантические модели остранения на материале переводов романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки

Языковое моделирование восходит к проблеме типологии языков и является одним из наиболее разрабатываемых вопросов теории языка в связи с необходимостью улучшать машинный перевод. Еще А.А. Зализняк, Вяч. Вс. Иванов и В.Н. Топоров высказывали идеи, что каждый язык можно рассматривать как «моделирующую систему, в связи с чем может быть построена целая иерархия моделей, начиная от абстрактных, со сравнительно малой моделирующей способностью, но зато с более широким охватом материала, и кончая моделями с высокой моделирующей способностью, но с весьма ограниченной предметной областью» [Ревзин, 1962, с. 18].

В зарубежной традиции Н. Хомский, З. Харрис и В. Ингве предлагали модели синтеза предложения и описания синтаксической структуры для упрощения систематической механической процедуры синтаксического анализа текстов. Затем формальной логикой, грамматическими трансформациями и предсказательным анализом занимались К. Айдукевич, Й. Бар-Хиллел, М. Шерри и Н. Эттингер. Как утверждает Н. Хомский, трансформационные грамматики не только дают более простой и более мощный аппарат описания синтаксиса естественных языков, но обладают и другими достоинствами, к которым «относится, например, то, что двусмысленность выражений типа the shooting of hunters (“стрельба охотников” или “расстрел охотников”) получает в трансформационной грамматике простое объяснение: данная конструкция является результатом трансформации двух различных ядерных предложений» [Плат, электронный ресурс, 1965].

Семантическая теория перевода основывает переводческую эквивалентность на наличии общих сем в содержании оригинала и перевода. Анализ семантических структур в осознанной и неосознанной форме проводится переводчиком для достижения функциональной и динамической эквивалентности. Семантические модели имеют, таким образом, непосредственное практическое значение. Далее мы разберем семантические структуры на некоторых примерах остранения в оригинальном произведении на основе проанализированных примеров.

Для выполнения этой задачи необходимо уточнить понятие семантической структуры, «репрезентирующей тот смысл, который хотел выразить говорящий» [Мустайоки, 2006, с. 82]. По определению Н.Д. Арутюновой, «семантическая структура предложения – это его абстрактное языковое значение, представляющее собою отношение семантических компонентов, формируемое взаимным действием грамматических и лексических значений членов предложения» [Цит. по: Евсеева и др., 2007, с. 433]. Семантическая структура как понятие функционального синтаксиса имеет ядро и поверхностный уровень, а также модификаторы и спецификаторы. Поскольку остранение может выходить за пределы предложения, то семантическая структура получается значительно более распространенной.

Далее будут описаны примеры поверхностных структур, служащих для выражения глубинных семантических структур, на материале остранения в оригинальном и переводном тексте «Повести о любви и тьме» А. Оза. Поскольку здесь невозможно поместить полный разбор всех составляющих поверхностной структуры, также как и всех примеров, ограничимся только несколькими характерными примерами для построения наглядных моделей (подробнее см. Приложение). Широкая вариативность поверхностных структур, используемых для формирования остранения, не позволяет их систематизировать, но несомненно, что в целом возможно моделирование

даже такого неоднозначного приема, как остранение, и его перевода на другие языки.

Для достижения наших целей будут использованы модели симметрии, методика финского лингвиста А. Мустайоки, опирающаяся на предыдущие идеи трансформационной и порождающей грамматики, а также методические наработки по построению фреймов и графов. Выбор такого системного подхода сделан с учетом полисистемного подхода И. Эвен-Зохара, восходящего к работам русских формалистов, один из которых и развил идеи об остранении. Согласно модели И. Эвен-Зохара, полисистема представляет собой разнородный и иерархически упорядоченный конгломерат систем, взаимодействие которых порождает непрерывный процесс их развития в рамках полисистемы в целом. И. Эвен-Зохар задавался вопросом, какую роль (центральную или периферийную) играет переведенная литература в противостоянии инновационных и консервативных процессов [Even-Zohar, 1990, с. 46]. Перевод – это решающий инструмент литературного обновления, главная определяющая сила изменений, причем весьма радикальная позиция перевода постоянно преуменьшалась традиционным литературоведением. Рассматривая свою теорию в более широком контексте, И. Эвен-Зохар, тем не менее, доказывает существование ограниченных системных отношений между переведенными текстами данной литературной полисистемы, кажущимися независимыми.

Полисистемный подход подвергался критике из-за кажущегося пренебрежения текстом оригинала, однако на его базе в 1980-е гг. развилась идея о культурном плюрализме (постструктураллистский подход) и постколониальный подход. Постколониальный подход к переводу связан с отказом от этноцентризма: этот отказ был сформулирован в работах Т. Ниранджана и Г. Спивак. М. Манфреди вслед за М. Волф и М. Тимошко приходит к идеи о «гибридизации» доместикации и форенизации [Manfredi, 2010, с. 47]. Эта эпоха ознаменовалась «культурным поворотом» в переводоведении, а основоположники «культурного» направления

в переводоведении С. Басснет и А. Лефевр выделили новую единицу перевода: «не слово и не текст, а культура становится операциональной единицей перевода» [Bassnet, 2000, с. 131-132]. Поскольку в данной работе упор делается на изучении культурной единицы (остранение), то разбор совершается с учетом полисистемного подхода.

3.3.1 Симметрийные отношения в переводе

Расширение переводческой парадигмы связано с новыми подходами к анализу переводов и, в частности, с рассмотрением переводного текста с позиции симметрийных/асимметрийных отношений. Перевод с позиций симметрии/асимметрии рассматривают Н.Г. Гончар, Е.В. Зубкова, А.Ю. Корбут, Л.В. Кушнина, Н.И. Пономаренко, В.А. Разумовская, М.А. Самкова, Е.В. Чистова и др.

Рассматривая наиболее важные достижения научной мысли человечества, академик В.И. Вернадский отмечал, что принципиально новым в науке явилось не выявление принципа симметрии, а выявление его всеобщности [Разумовская, 2010b, с. 30]. В.А. Разумовская изучает распространение принципа симметрии на художественный перевод, справедливо полагая, что симметрийные компоненты являются значимыми для сохранения изоморфного структурно-содержательного комплекса поэтического текста «Евгения Онегина» (и других произведений), так в переводах на английский язык наблюдается полная зеркальная симметрия текста перевода тексту оригинала [Разумовская, 2010b]. Принцип симметрии должен соблюдаться для всех видов перевода, но функционально реализация принципа симметрии может отличаться в зависимости от задач и целей перевода, тем не менее «роль разнообразных видов симметрии в структурообразовании заключается в осуществлении взаимной адаптации смысловых элементов к глубинной структуре и внутритекстовой системе, а также в усилении информационной структуры и построении оптимальной ритмической композиции» [Самкова, 2016, с. 361].

Антиподом симметрии выступает асимметрия. Между симметрией и асимметрией, как предельными точками симметрийной шкалы, лежат еще два смежных понятия: антисимметрия и диссимметрия: «антисимметрия предполагает сохранение одного свойства объекта и замену другого свойства на противоположное. Асимметрию следует отличать и от диссимметрии, которая понимается как понижение симметрии (количественное снижение симметрии), отсутствие лишь некоторых ее элементов. Диссимметрия – это частичное отсутствие симметрии, расстройство симметрии, выраженное в наличии одних симметрийных свойств и отсутствии других» [Пономаренко, 2007, с. 283]. Например, диссимметрийны отношения между подразумеваемым автором и «ненадежным рассказчиком» (термин К.В. Бут) [Kahan, 2009, с. 3]. Это такой рассказчик, чьи отношения и/или интерпретация фактов, событий, персонажей и их мыслей, включая и его собственные идеи, отличаются от того, что говорит или предполагает подразумеваемый автор [Там же]. Авторский голос может разрывать вымыщенную иллюзию, объединяя рассказанные события и разные пласти времени, но такое авторское вторжение не дестабилизирует ось повествования, поскольку автор обнаруживает себя в смене элементов [Там же, с. 5], причем рассказчик выступает в качестве металепсиса автора. Эффект остранения при этом вызывает размывание границ между миром персонажей и личностью автора, беспорядочное смешение художественных авторских идентификаций [Там же].

По мнению В. Бехера, проблема асимметрии в текстах переводов связана с оппозицией эксплицитности (максимально подробное описание) и имплицитности (ни слова больше обязательного количества информации). Обязательная, опциональная и прагматическая эксплицитность в одном переводческом направлении случается намного более чаще, чем в другом направлении случается имплицитность из-за отсутствия/присутствия грамматических категорий, без учета конкретных языков [Becher, 2011, с. 59]. Например, исследователь проводит мысленный эксперимент и

заключает, что при когезионной недостаточности одного языка в случае перевода с языка, где связующие конструкции более частотны, они не обязательно должны быть опущены, хотя обычно коммуникативный риск обуславливает необходимость эксплицитности.

В отношениях симметрии также можно провести градации, например, бывает примарная и вторичная градация симметрии. К примарной симметрии «фонетического уровня относятся аллитерация, ассонанс, звукопись, звукоподражательные и звукосимволические явления, определяющие ритмический рисунок поэтического текста» [Разумовская, 2010а, с. 146]. В целом примарная симметрия более связана с формой, чем с содержанием, и потому в переводе происходит диссимметрия.

Изучая симметрийные отношения для перевода терминосистем, Е.В. Чистова выделяет диахронную симметрию, определяемую в зависимости от временного среза, синхронную, действующую в одном временном срезе, и гомологическую, касающуюся отношений между единицами перевода в разных языках [Чистова, 2013, с. 113]. Асимметрия при этом может носить эмотивный, графический и семантический характер. А.А. Кретов выделяет отдельные подвиды осевой асимметрии, которые он называет компрессивной и адаптивной асимметрией. Первый подвид предполагает преобладание числа функций над числом форм во имя экономии усилий, в то время как второй порождает новые функции и является механизмом, «обеспечивающим приспособляемость и сохранение языка в экстремальных и изменчивых условиях коммуникации» [Кретов, 2010, с. 10].

Общая асимметризация смыслов при переводе художественных текстов со значимым этнокультуролингвистическим содержанием неизбежна, но одновременно асимметрия (лексическая, грамматическая, паралингвистическая, лингвокогнитивная) приводит «к порождению гармоничного текста перевода» [Гончар, 2009, с. 17]. Текстоформирующее воздействие этнолингвокультурной асимметрии на результат перевода было

рассмотрено Н.Г. Гончар на языковой паре из немецкого и русского языков. Исследователь, продолжая развивать идеи, выдвинутые Л.В. Кушниной в ее докторской диссертации, выявила 6 потенциальных возможностей асимметрийных отношений: модальный смысл, связанный с полем автора, фактуальный смысл, иррадиирующий смысл (дифференциальный смысл, источником которого является затекст (термин Н.Л. Мышиной), связанный с энергетическим полем [Кушнина, 2004, с. 17]), индивидуально-образный смысл, связанный с фатическим полем, культурологический смысл, связанный с полем переводчика, рефлексивный смысл, связанный с полем реципиента. Функции симметрии могут быть объединены в две группы. Группа адаптирующих функций характеризует внутритекстовые элементы симметрии первого типа (лингвистические повторы). Главной среди адаптирующих функций является функция сохранения и накопления информации. Вторая группа функций симметрии – формообразующие, которые маркируют внутритекстовую симметрию второго типа [Корбут, 2005, с. 321]. Следует отметить, что возможно пересечение этих возможностей, особенно в ситуации перевода.

А.Ю. Корбут, рассматривая симметрию в отношении к глубинной структуре текста, выявляет коэффициент жесткости, влияющий на возможное восстановление текста при его сборке из разрозненных фрагментов, при этом коэффициент антецедентности, связанный с предположением глубинной и поверхностной структур текста, является разницей между коэффициентом избыточности (характеризующим относительно-пропорциональное количество элементов, создающих жесткость смысловой структуры при ее передаче) и коэффициентом симметрии [Корбут, 2012, с. 171]. Антецедент – это «первичное введение в систему структурообразующего/системообразующего элемента» [Корбут, 2005, с. 139], а коэффициент жесткости делает возможным переводимость. Симметричность структуры при этом считается инвариантным свойством текста. Так, для отношений синхронных и диахронных на базе одного языка

исследователи А.Ю. Корбут и Г.Г. Москальчук составили перечень актуальных для формообразования текста видов симметрии: 1) зеркальная, 2) трансляционная (переносная), 3) винтовая, 4) бордюрная, 5) качественная (от цветной до антисимметрии – контраста), 6) диссимметрия (с пропуском компонентов на фоне симметрии), 7) объемная, масштабная (подобие) [Там же, с. 130].

Установленные симметрийные отношения действуют для функционирования текстов, не включенных в ситуацию перевода, где ситуация усложняется, но заметим, что винтовая симметрия соответствует выделяемым В.Н. Комиссаровым лексико-грамматическим трансформациям в переводе, а в зеркальной симметрии допускается использование энантиоморфов, что соответствует синтаксическим преобразованиям в переводе, связанным, например, с закрепленным порядком членов предложения. Винтовую симметрию О.Г. Ивановская считает своеобразной логарифмической спиралью для развития значения и приращения смысла [Ивановская, 2015, с. 154]. Для целей настоящего исследования имеют значение две разновидности качественной симметрии: криволинейная симметрия, которая осуществляет превращения и приращения смысла в художественных текстах за счет адаптации содержательного элемента к структуре и повторения элементов симметрии, и цветная симметрия, то есть усиление или ослабление экспрессии, при которой наблюдается придание слову нового качества. Трансляционная симметрия основана на повторах, соответственно, она может реализоваться при наличии повторов в исходном тексте и воспроизведении в тексте перевода, но в таком случае текст перевода и текст оригинала будут находиться в зеркальных отношениях, возможно, с компонентом бордюрной симметрии, то есть такой, которая участвует в формообразовании, а не в адаптации к структуре. Масштабная симметрия связана с выделением отношений подобия, употребления гиперонимов, введением гипонимов [Корбут, 2005]. Гомология связана с корневыми, аффиксальными, морфемно-звуковыми,

грамматическими и синтаксическими повторами, наблюдаемыми при адаптации элементов, но в ситуации перевода прозаического художественного текста такая симметрия не наблюдается.

3.3.2 Функциональные семантико-синтаксические модели (на основе моделей А. Мустайоки)

Для достижения задач исследования воспользуемся новой моделью функционального синтаксиса, предложенной финским русистом, профессором русского языка и литературы Хельсинкского университета Арто Мустайоки. Его модель следует от значения (глубинная структура) к форме (семантическая поверхностная структура, отражающая то, что говорящий хочет выразить). Описывая все релевантные с точки зрения синтаксиса семантические категории, ученый отмечает, что для несходных в грамматическом отношении языков необходимо корректировать некоторые детали модели, что связано с теоретическими задачами перевода.

По концептуальному аппарату функциональный синтаксис А. Мустайоки близок к теории функционально-семантических полей, развиваемой в работах А.В. Бондарко и других представителей петербургской школы, к идеям функционального синтаксиса Г.А. Золотовой, функциональному подходу М.В. Всеволодовой. А. Мустайоки проводит содержательный обзор этих теорий, а также других исследований, которые составляют научный контекст его работы (в их числе концепции П. Адамца, И.А. Мельчука, С. Дика, Р. Ван Валина, М.А. Шелякина и др.). Глубинная семантика не должна быть, по мнению А. Мустайоки, слишком абстрактной, поэтому многие предикаты, которые в других моделях (например, в концепции А. Вежбицкой или в модели «Смысл = Текст») подверглись бы семантическому разложению, в модели функционального синтаксиса остаются «собранными» [См. подробнее: Кустова, 2008, с. 136], что является удобным для решения не столь узконаправленных задач переводческого анализа.

С точки зрения сопоставления языков функциональный синтаксис представляет собой платформу для систематизированного подхода [Mustajoki, 2003, с. 115]. Неоднозначность, связанная с асимметрией языкового знака, приводит к необходимости построения семантических

моделей, которые помогают выполнять прикладную задачу, а именно служить инструментом анализа перевода и осуществлять вспомогательную роль, когда переводчик принимает решение в отношении того, завершен ли перевод или еще возможно внести поправки.

Основные элементы семантической структуры, выделяемые А. Мустайоки, это актанты и предикаты.

По своей роли, как пишет А. Мустайоки, актанты делятся на следующие типы:

«Агент (A) – актант, который производит и / или контролирует действие;

Экспериенсер (E) – актант, который испытывает какое-либо чувство или физиологическое ощущение;

Нейтрал (N) – актант, который является предметом речи, высказывания (кто он, какой он, где он, существует ли он и т. п.);

Объект (O) – актант, на который направляется конкретное или неконкретное действие или который возникает в результате действия;

Тема (T) – актант, о котором что-то говорится;

Реципиент (R) – актант, который что-то получает или в пользу которого что-то делается;

Источник (S) – актант, от которого что-то переходит Реципиенту;

Инструмент (I) – актант, с помощью которого Агент что-то непосредственно делает;

Место (L) – актант, указывающий на обязательный для данного положения локативный элемент.

Примарные предикаты обозначают Действие (Ac), Отношение (Rl), Обладание (Ps), Локацию (Lc), Существование / бытие (Ex), Состояние (St), Характеристику (Ch), Идентификацию и классификацию (Id). Секундарные предикаты передают изменения состояния вплоть до завершения процесса.

Ядерные структуры описывают физическое действие и деятельность; передвижение и локацию; социальное действие и деятельность;

интеллектуальную деятельность; общую экзистенцию; обладание/владение; эмоциональные состояния; физиологические состояния; физические состояния; состояния окружающей среды; изменения характеристики; идентификацию.

По степени сложности можно различать два основных типа семантических структур: простая семантическая структура (ядро + обязательные модификаторы) и сложная семантическая структура (простая семантическая структура₁ + метасоюз + простая семантическая структура₂).

Выделяются обязательные (например, Речевая функция) и факультативные (Фаза, Каузация, Авторизация) модификаторы. Обязательные модификаторы присутствуют в каждой семантической структуре, факультативные появляются только спорадически, в зависимости от коммуникативных целей говорящего» [Мустайоки, 2006, с. 412-417]. У Фазы есть 6 условных категорий: Ирреальность (Irreal), Предварительная стадия (PrePhase), Модальная фаза (ModPhase), Темпоральная фаза (TempPhase), Изменение темпа (Темпо) и Стадия достижения цели (FinPhase). Каузация представлена следующими семантическими разновидностями: Чистая каузация состояния или движения; Фактивная каузация; Деонтическая каузация («заставлять»); Речевая каузация; Превентивная каузация; Пермиссивная каузация; Проhibитивная каузация; Каузация умения.

Спецификаторы конкретизируют те или иные свойства предиката или отдельных актантов: «к основным спецификаторам принадлежат Утверждение/Отрицание, Темпоральность и Аспектуальность: «В модели функционального синтаксиса аспектуальность принадлежит, наряду с категорией времени и некоторыми другими семантическими категориями, к спецификаторам, имеющим уточняющую функцию по отношению к положению вещей» [Там же, с. 214]. К дополнительным спецификаторам относятся «Определенность/Неопределенность, Количество, Место и спецификатор, Образ и способ действия» [Там же, с. 215].

«Метасоюзы в сложных семантических структурах вступают в Коннективные, Таксисные и Логические отношения» [Там же, с. 418-421].

Таковы основные понятия семантического анализа, которые будут употреблены для построения наглядных трансформационно-семантических моделей остранения в переводе. Следует отметить, что хотя семантическая структура в целом напоминает поверхностную структуру, между ними нет полной симметрии. Одна и та же семантическая структура или ее элемент может иметь (и весьма часто имеет) несколько языковых выражений (поверхностных структур), в частности: для «Он учащийся 7-го класса» – «Он ученик», «Он ходит в школу», «Он школьник» и т. д. Это компрессивная асимметрия по А.А. Кретову. Кроме того, «одной и той же поверхностной структурой можно выражать разные семантические структуры, например: У него грипп (Физиологическое состояние), У него карие глаза (Характеристика), У него новая машина (Обладание)» [Мустайоки, 2006, с. 425]. Это вид адаптивной асимметрии по А.А. Кретову.

Кроме того, есть ряд регулярных видов несоответствия семантической и поверхностной структур:

Инкорпорация: «Нина отравила мышь» (ср. «Нина убила мышь отравой») [Там же]. Это компрессивная асимметрия.

Эллипсис: «Я приду вовремя» (ср. «Я обещаю, что приду вовремя») [Там же]. Это диссимметрия.

Аналитическое выражение: «Ученый провел исследование» (ср.: «Ученый исследовал») [Там же]. Это винтовая симметрия.

Стяжение (целое положение дел выражается одним словом или словосочетанием): «Разочарования приводят к упадку духа» (ср.: «{[P1] ВЫЗЫВАЕТ [P2]}» или «То, что X испытывает разочарования, ВЫЗЫВАЕТ то, что X падает духом») [Там же]. Это масштабная симметрия и компрессивная асимметрия.

Метод функционального синтаксиса отличается от других методов тем, что «в нем исходным пунктом рассмотрения языка являются целые

семантические структуры, в рамках которых описываются как можно более полно все существенные с точки зрения поверхностных структур семантические категории, и это имеет значение для достижения семантико-синтаксической, концептуальной и прагматической эквивалентности в переводе» [Mustajoki, 2003, с. 101]. Со ссылкой на Г.И. Володину А. Мустайоки различает три основных типа соотношения поверхностных структур, репрезентирующих одно и то же положение вещей: «предложения, в которых употребляются разные лексические средства и синтаксические структуры; структурные варианты какой-либо синтаксической формулы с одинаковым лексическим составом; линейно-интонационные варианты» [Там же, с. 113]. Во всех этих случаях предложения имеют одно и то же денотативное значение (глубинная структура), но отличаются по презентативному значению, что оказывается полезным для переводческих трансформаций.

Отмечая универсальность выделенных семантических категорий, А. Мустайоки констатирует невозможность создания четкой и раз и навсегда определенной классификации категорий даже для одного языка, так как категории пересекаются и имеют наложения [Mustajoki, 2007, с. 6]. Это связано с избыточностью языковых выражений, асимметрийными отношениями и обеспечивает вариативность переводческих решений.

Обосновывая применение моделей функционального синтаксиса в процессе обучения иностранному языку, А. Мустайоки выделяет следующие навыки и умения, которые формируются при должном изучении семантических структур: «знания словоизменительных, словообразовательных и синтаксических закономерностей; умение правильно конструировать словоформы и предложения; знание правил соединения предложений, фраз, реплик; умение понимать и конструировать связный текст и диалог; знание непрямых значений лексических единиц (ассоциативные и коннотативные связи; умение согласовывать свою речь с разными условиями и ситуациями и соответствующие рецептивные навыки и

др.)» [Там же]. Полезны также трансформационные, операционные и подстановочные упражнения на базе построенных моделей как для обучения собственно иностранному языку, так и переводу.

Помимо названных А. Мустайоки навыков, у переводчика после анализа переводимого текста с позиции функционального синтаксиса формируется умение проводить текстологический анализ, выполнять на базе анализа сокращенный перевод или перевод с листа (диссимметрийные отношения). Также переводчик вправе применять функциональный разбор для воссоздания форенезации и остранияющей интонации в переводе.

3.3.3 Обоснование трансформационно-семантического моделирования с помощью графов

Для целей настоящего исследования, связанных с изучением перевода остранения с помощью анализа глубинных структур и сопоставления текста оригинала и текста перевода в разрезе симметрии/асимметрии, прибегнем к построению графов. Построение графов в случае остранения, выходящего на паралингвистический и лингвокогнитивный уровни, связано с фреймами, то есть устойчивыми структурами, когнитивными образованиями и схемами репрезентации.

Фреймы в лингвистике изучались А.М. Баржанской, Е.А. Васильевой, А.Н. Злобиным, В.И. Карасиком, В.В. Красных, И.М. Кобозевой, М.Л. Макаровым, Е.А. Селивановой, И.А. Тарасовой, В.И. Хайруллиным и др., но основоположником теории фреймов считается М. Минский, который определил фрейм как «структуру данных для представления стереотипной ситуации», причем «с каждым фреймом ассоциирована информация разных видов» [Минский, 1979, с. 7]. Информация включает не только объекты и события, которые следует ожидать в этой ситуации, но и мета-указания, как использовать данные из фрейма. Идея состояла в том, чтобы сконцентрировать все знания о данном классе объектов или событий в единой структуре данных. Фрейм оказался тем средством, которое помогло связать декларативные и процедурные знания о некоторой сущности в структуру записей. Как правило, несколько фреймов организованы в виде непрямой иерархии, в которой фреймы, расположенные ниже в сети, «могут наследовать значения слотов разных фреймов, расположенных выше» [Джексон, электронный ресурс, 2001].

Фундаментальная идея состоит в том, что свойства и процедуры, ассоциированные с фреймами в виде свойств узлов, расположенных выше в системе фреймов, являются более или менее фиксированными, поскольку

они представляют те вещи или понятия, которые в большинстве случаев являются универсальными.

Кроме того, фреймы – это не что иное, как взгляд на ситуацию извне, а именно остраненно: «Нет событий без наблюдений. Нет наблюдений без систем фреймов. Событие первый раз конституируется в наблюдении (когда наблюдатель применяет к нему определенный фрейм), но затем оно конституируется повторно – в описании. Чтобы транслировать свою квалификацию события в коммуникацию, наблюдатель должен перевести ее на язык того социального порядка, в котором эта коммуникация разворачивается: описав, например, событие защиты как «нарушение формальной процедуры», «пренебрежение нормами академического сообщества» или «профанацию научного ритуала». Эта трансляция дополняет конститутивную связь «событие наблюдения – наблюдаемое событие» еще одним элементом [Вахштайн, 2011, с. 82], а именно отношением вненаходимости.

Схематизированное наблюдение с помощью фреймов придает ситуации максимальное обобщение, то есть само вычленение фреймов является реализацией приема остранения (см. рис. 1). В теории функционального синтаксиса фрейму соответствует положение дел (пропозициональное описание), но не ситуация (то, что есть). При характеристике структур принимаются во внимание не отдельные речевые продукты как таковые, а их типизированные, более-менее регулярные проявления [Мустайоки, 2004, с. 34]. Семантический уровень включает положение дел и комментарии говорящего и является инвариантом по отношению к варианту, то есть реализации семантической структуры на языковом/речевом уровне (поверхностная структура). М.В. Всеволодова разграничивает понятия пропозиции и типовой ситуации, рассматривая типовую ситуацию как явление денотативного уровня, отражающее действительное положение дел, а пропозицию – как «ракурс» интерпретации говорящим ситуации, располагающийся в пределах сигнifikативного

уровня [Всеволодова, Дементьева, 1997, с. 56 и далее], то есть пропозиция появляется только в поверхностной структуре.

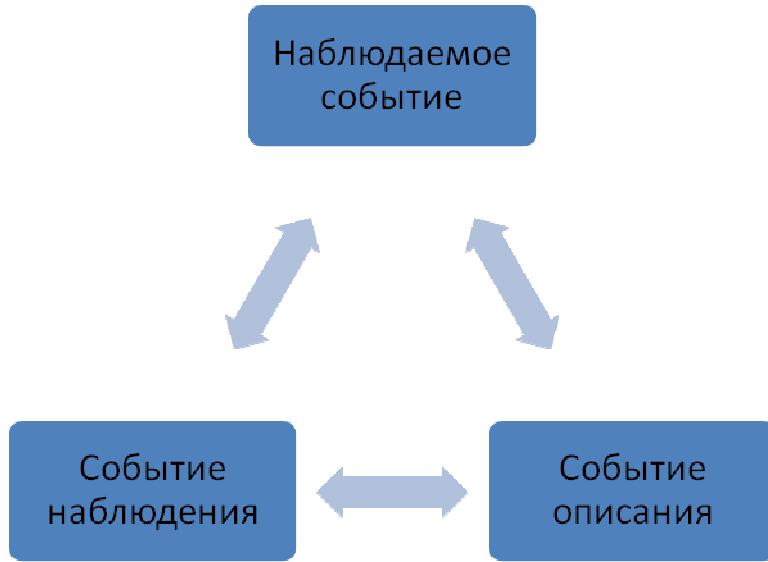

Рис. 1. Связь события с наблюдением и описанием (по В.С. Вахштайну)

В.В. Красных в своем диссертационном исследовании рассматривает фрейм-структуры сознания как составляющие когнитивной базы носителей языка – «определенным образом структурированные совокупности необходимых обязательных знаний и минимизированных представлений того или иного национально-лингво-культурного сообщества» [Красных, 1999, с. 16]. Согласно трактовке В.В. Красных в понимании И.А. Тарасовой, фрейм-структура есть «когнитивная единица, формируемая клише/штампами сознания и представляющая собой “пучок” предсказуемых валентных связей (слотов), векторов направленных ассоциаций» [Тарасова, 2012, с. 106-107].

По мнению М.Л. Макарова, «фрейм – это организованная вокруг какого-либо концепта когнитивная структура в феноменологическом поле человека, которая основана на вероятностном знании о типических ситуациях и связанных с этим знанием ожиданиях по поводу свойств и отношений реальных или гипотетических объектов» [Макаров, 2003, с. 153].

По мнению Е.А. Селивановой, «фрейм применяется в когнитивной науке для фиксации вербально-невербальной (у М. Минского фрейм имел визуальную форму) информации в виде структуры информационных данных, в которой отображены приобретенные эмпирическим путем знания о некоторой стереотипной ситуации и о тексте, который ее описывает» [Селиванова 2001, с. 101]. Фреймы, по определению В.И. Карасика, «...это модели для изменения и описания знаний (ментальных репрезентаций), хранящихся в памяти людей» [Карасик, 2002, с. 152]. Кроме того, фрейм имеет не только структурно сложный, но и спиралевидный характер, тогда происходит раскручивание образа по ассоциации [Там же]. Таким образом, фреймовый подход при исследовании концепта позволяет реконструировать изучаемый фрагмент индивидуального сознания языковой личности [Баржанская, 2009, с. 39].

Впервые в теории перевода фреймы использовались В.И. Хайруллиным. Учитывая комплексную иерархическую структуру фрейма, В.И. Хайруллин акцентирует внимание на том, что в любом высказывании активируется тот или иной фрейм, что дает основу для сопоставления фреймов оригинала и перевода: «...тот или иной терминал фрейма, заполненный указанием какого-либо признака (на поверхности – слово или словосочетание) представляет определенный фрейм в целом и может называться его активацией, хотя остальные компоненты при этом не указываются. Иными словами, каждая единица есть активация фрейма, частью которого эта единица является. Этот фрейм характеризует все высказывание» [Хайруллин, 2010, с. 15].

А.Н. Злобин определяет фрейм как инструмент форматирования перевода [Злобин, 2012, с. 62]. Фрейм целостной ситуации состоит из микрофреймов, характеризующихся взаимосвязью и взаимопроникновением. Микрофреймы включают все признаки обозначаемого, «в том числе основные (необходимые для идентификации ситуации), потенциальные (логически выводимые из общего знания об обозначаемом) и ассоциативные

(отражающие взаимодействие данного объекта с другими)» [Злобин, 2012, с. 64]. Основные отношения могут быть соотнесены с ядерной структурой, потенциальные – со спецификаторами и модификаторами. А.Н. Злобин выделяет два уровня микрофреймов – внешний референциональный (соответствующий в нашем понимании поверхностной структуре) и глубинный когнитивный уровни, то есть уровень когнитивной модели, представляющей собой абстрактную концептуальную схему, определяющую структурацию потенциальных и ассоциативных признаков обозначаемого; последний уровень «заполняется в ходе переводческой деятельности» [Там же, с. 64].

Возможно сделать вывод, что фреймы – когнитивные структуры, ментальные репрезентации, образующие связную структуру представления языковых данных, «устанавливающих взаимодействия между концептами как формами организации ментального пространства» [Тарасова, 2012, с. 108].

В целях представления остранения в тексте-оригинале и переводе будут построены графы с учетом теории фреймов, так как фреймы представляют собой законченный и ограниченный фрагмент действительности, способные визуально описать стереотипные ситуации, под которыми понимаются модели функционального синтаксиса. Остранение не считается фреймом как таковым, хотя также имеет ограниченное функционирование в тексте. Оно скорее формирует фреймы психологического отчуждения, описанные в начале данной главы.

В визуальной форме фреймы используются также в программировании, там они представляют контейнеры, куда помещается графика или текст для создания семантических сетей. Фреймы могут также выглядеть как графические формы. Их можно представить в виде сети, состоящей из вершин и дуг (отношений), в которых нижние уровни фрейма заканчиваются слотами (переменными), заполняемыми конкретной информацией при вызове фрейма: «значением слота может быть любая информация: текст,

числа, математические соотношения, программы, ссылки на другие фреймы» [Аксенов, 2015, с. 27]. Для сопоставления функционирования остранения в оригинале и переводе используются следующие свойства фреймов: сопоставительные, иерархические, отношения «целое-часть», «абстрактное-конкретное».

Метод построения графов трансформационно-семантических моделей с упором на методику функционального синтаксиса был выбран, поскольку «основанием для сравнения в функциональном синтаксисе является некая семантическая структура в сопоставляемых языках в системе их функциональной эквивалентности или неэквивалентности. Функциональная эквивалентность рассматривается в репрезентации несколькими синтаксическими конструкциями одной и той же семантической структуры в сравниваемых языках, что предоставляет возможность при изучении языков увидеть относительную синонимичность структур в сопоставляемых языках одного и того же денотативного значения при разных репрезентативных значениях речевой деятельности» [Ашрапова, 2012, с. 11]. Остранение является вариантом семантической структуры с одним и тем же денотативным значением в оригинале и переводе и с разнящимися репрезентативными значениями; остранение в исходном и переводных текстах реализуется, как правило, на уровне лексем, сверхфразовых единств и предложений, реже – на уровне фонологическом и графическом. Для выражения остранения не были зафиксированы явления морфемного типа, а разбор больших отрывков текста, содержащих остранение или переведенных с помощью остранения, может быть произведен с помощью уточненной методики А. Мустайоки. Также переводы были оценены в категории симметрийных отношений.

3.3.4 Анализ трансформационно-семантических моделей перевода остранения на материале переводов романа «Повесть о любви и тьме» на русский и английский языки

Материал настоящего анализа представляет интерес за счет преломления русской лингвокультуры в сознании рассказчика-мальчика, текст романа «Повесть о любви и тьме» насыщен остранением как культуры родительской (русской), так и родной (современного Израиля). При переводе на английский язык приобретается дополнительное измерение, так как обе лингвокультуры являются чужими для англоязычной, и, напротив, при переводе на русский язык переводчику важно было избежать нейтрализации этого остранения [Рикёр, электронный ресурс, 1998]. Нужно подчеркнуть, что глава 5, описывающая русские реалии и соответствующие аллюзии, в тексте английского перевода отсутствует, а в тексте русского перевода она подверглась нормализации.

Оба перевода в целом выполнены адекватно с сохранением остранения или его компенсацией с применением лексико-грамматических трансформаций, использованием курсива, кавычек, транскрипции, транслитерации и иных переводческих трансформаций, которые выполняют роль остраняющих средств [См. подробнее: Валькова, 2016b]. Для наглядности в таблицах присутствуют и примеры из оригинального текста, и текст переводов.

Всего было выявлено порядка 300 случаев остранения, часть из которых (наиболее характерные примеры) будет представлена в трансформационно-семантических моделях. Трансформационно-семантическая модель в этом случае – развернутая структура типового содержания высказывания, состоящая из компонентов, связанных разными отношениями (иерархическими, горизонтальными, обусловленными и т.д.). Модель может распространяться как на отрывок предложения, отдельный троп, так и на отрывок текста, поэтому из формулировки определения было

сознательно исключено слово «синтаксический», так как анализ синтаксических отношений не является самоцелью.

Для достижения эквивалентности переводчик должен знать семантические модели как в оригинальном языке, так и в переводящем языке, а также необходимые трансформации, которые мы представим в виде графов, основываясь на уже существующих переводах анализируемого произведения. Структурное варьирование модели – это «различные возможности выражения одного и того же компонента пропозиции» [Дурова, 2016, с. 43]. Наряду с относительно простыми случаями, как, например, варьирование падежных форм актантов, в переводе выявляются и более сложные отношения: изменения связей между предикатом и модификатором, изменение частеречной принадлежности из-за различий в грамматике и последующая смена функциональных ролей. Семантическое варьирование моделей – явление полисемии, обусловленное типовой лексической семантикой компонентов. Под семантическими вариантами модели понимаются «такие построения, которые могут иметь в своем составе семантические различия компонентов, не влияющие на смысл и структуру модели в целом» [Там же, с. 44].

Рассмотрим некоторые семантические структуры остранения в «Повести о любви и тьме» А. Оза и их трансформации в переводе, следуя подходу к переводу от текста через контекст к переводу отдельных предложений и лексем, причем сам текст может считаться семантической, а не грамматической единицей [Baker, 2006, с. 6]. В этой главе представлено 15 наиболее характерных случаев остранения (еще 50 примеров см. в Приложении), их перевод представляет собой (в порядке снижения частотности) отношения зеркальной симметрии, трансляционной симметрии, бордюрной симметрии, полной симметрии, диссимметрии, винтовой симметрии, криволинейной симметрии, адаптивной асимметрии, компрессивной асимметрии, криволинейной симметрии, цветной симметрии, антисимметрии, культурологической асимметрии, модальной симметрии,

рефлексивной асимметрии. Отношения масштабной симметрии, фактуальной и иррадиирующей асимметрии единичны, со случаями остранения не связаны и в выборке не представлены.

Для достижения поставленных целей представляется необязательным составлять детальные синтаксические схемы, поэтому ограничимся только теми компонентами, которые имеют семантическое значение в отношении остранения или являются объектами трансформации в переводе. Отношения симметрии будут показаны взаимообратными стрелками, отношения диссимметрии, асимметрии и преобразований – однонаправленными стрелками.

Самый частый случай – сочетание симметрии и диссимметрии в переводе; остранение в контексте, переключение модуса рассказчика на модус его родственников (таблица 1).

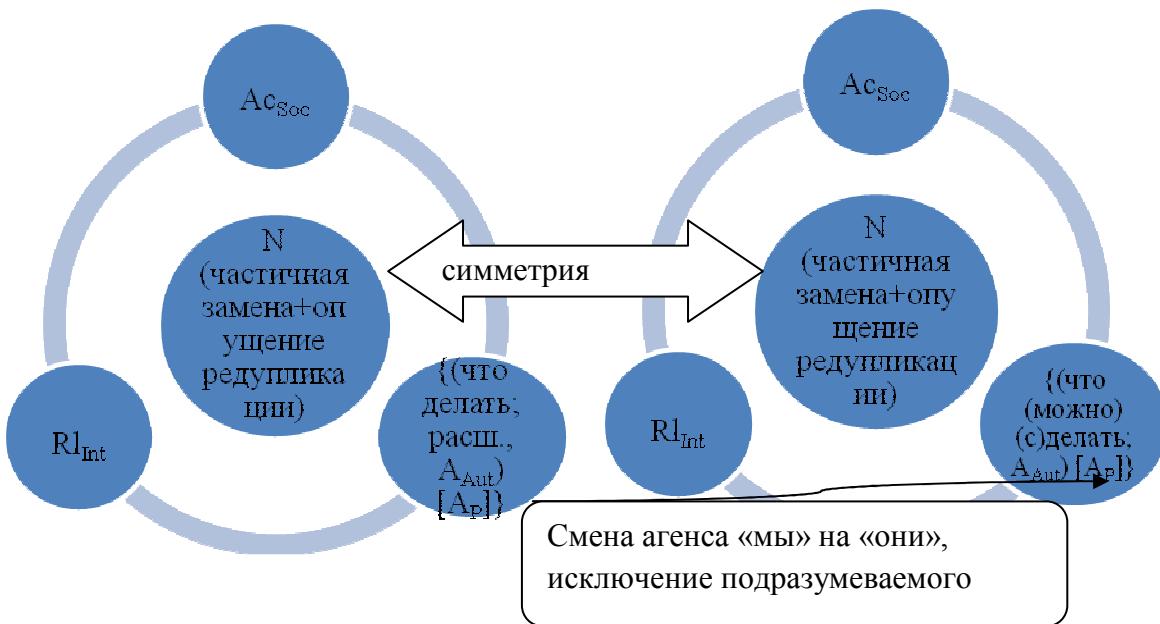
Таблица 1. Полная симметрия и диссимметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
כולם כהחולט בהחולט אַחינו, כולם-כולם בהחולט הומר אָנוֹשִׁי מְבֻטִּיחַ מְאוֹד, אֲבָל מֵה לְעַשׂוֹת, עַז נְצַרְךָ לְהַשְׁקִיעַ בְּהַמְּרַבָּה סְבִּלוֹנוֹת וּמְאַמְּן.	Все, несомненно, наши братья, все-все, безусловно, многообещаю щий человеческий материал, но – что поделаешь! – нам ещё придется, набравшись терпения, вложить в них немало усилий!	All of them definitely our brothers, all of them undoubtedly promising human material, but what could you do, they would need a huge amount of patience and effort.	Примарные предикаты по мере значимости: Социальное действие (Ac_{Soc})+Интеллектуальное отношение (RI_{Int})+Нейтрал (N). Обязательный модификатор: Речевая функция (Func) – побуждать. Вводная конструкция A_{aut} . Факультативный модификатор: Фаза (модальная, ModPhase). В переводе меняется реципиент с агенсом (фактивитивная каузация): вместо «вложить в них терпение и усилия» – «нам...набраться терпения», добавление слова («немало»).	Примарные предикаты по мере значимости: Социальное действие (Ac_{Soc})+Интеллектуальное отношение (RI_{Int})+Нейтрал (N). Обязательный модификатор: Речевая функция (Func) – побуждать. Вводная конструкция A_{aut} . Факультативный модификатор: Фаза (модальная стадия, ModPhase). В переводе реципиент меняется с агенсом, агенс фактически исчезает: вместо «нам придется вложить в них терпение и усилия» – «им потребуется огромное количество

В этой ситуации рассказчик отстраняется от самого себя и начинает говорить голосом родителей. Остраниние II типа – деавтоматизированное восприятие вещи. В переводах отсутствует первая редупликация (*בחהלט בהחלט* – «обязательно»), зато появляется замена повтора синонимом («несомненно – безусловно» и «definitely – undoubtedly»), за счет чего снижается ритмичность. Отношение диссимметрии в переводах по отношению к оригиналу раскрывается в лексической замене в первой части отрывка и модальной фазе во второй части, в которой потенциальный агенс («мы»), контролирующий исполнение действия, удален. Между переводами отношение симметрии в связи с лексической заменой и диссимметрии из-за смены агента («нам» – «им»). В целом переводы адекватны с точки зрения передачи острания (трансляционная симметрия) при отсутствии полной структурной эквивалентности (граф 1).

Здесь и далее в левой части располагается модель преобразований при переводе на русский язык, в правой части – на английский, при необходимости структура оригинального предложения изображена в верхней части, отношения оригинального текста к переводу в случае трансформаций отражены в соответствующей части. Отношения между переводами показаны стрелками.

Граф 1. Симметрия и диссимметрия

Рассмотрим пример на понижение симметрии (таблица 2).

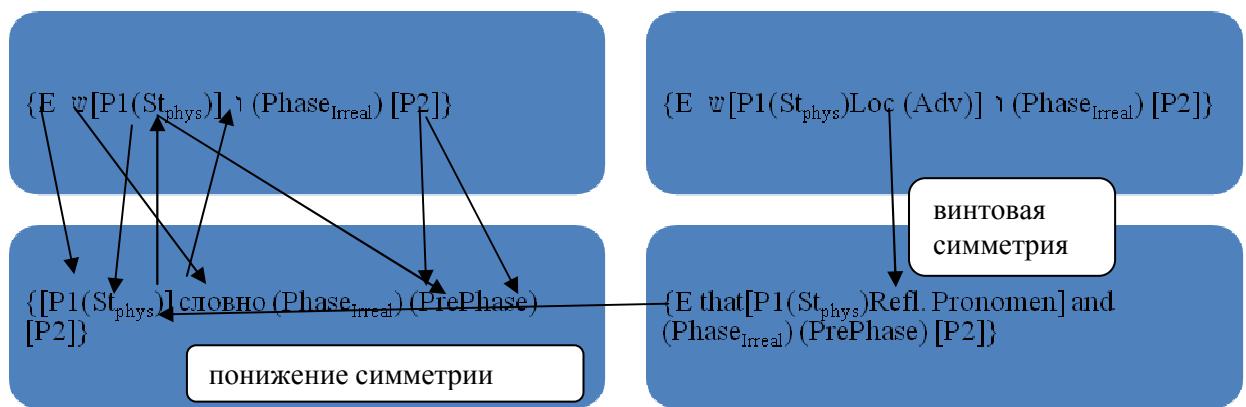
Таблица 2. Понижение симметрии

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
mbivta האצבעות שלham, שנינו להתקפל פנימה ולהספיק להיות אצבעות.	<...>растерянно сжимались их пальцы, словно пытаясь перестать быть пальцами	the confusion of their fingers, that tried to curl into themselves and stop being fingers.	E→P(растерянность → растерянно сжимались). Стяжение («растерянность пальцев, которые пытались вжаться внутрь»). Речевая функция: сообщать (эксплицитно не выражен). Примарный предикат: изменение физиологического состояния (St _{phys}). Факультативный модификатор: Фаза (Irreal). Метасоюз «словно» (сравнение) (в оригинале идентификация)...ш-	Экспериенсер сохраняется. Замена в отношении спецификатора (Loc) – «внутрь» (Adverb) на «в себя»(Refl. Pronomen). Речевая функция: сообщать (эксплицитно не выражен). Примарный предикат: изменение физиологического состояния (St _{phys}). Факультативный модификатор: Фаза (Irreal). Метасоюз that – идентификация, как

			коннективные отношения.	и в оригиналe.
--	--	--	----------------------------	----------------

В этом примере остранение I типа – вывод вещи из привычного контекста. Присутствует отношение диссимметрии по метасоюзу в русском переводе, симметрия по метасоюзу в английском переводе. В русском переводе появляется компрессивная асимметрия из-за стяжения и бордюрная симметрия из-за конверсии. В английском переводе из-за замены в спецификаторе места реализуется винтовая симметрия (лексико-грамматическая замена). Речевая функция – «сообщать». А. Мустайоки выделяет три основных речевых функции («сообщать», «спрашивать», «побуждать») и две дополнительных («проводозглашать» и «социально взаимодействовать») [См. подробнее: Мустайоки, 2006, с. 418], делая примечание, что вся гамма речевых функций может быть реализована только в прямой речи. Поскольку именно в речевой функции в данном тексте остранение не реализуется, то она не рассматривается подробно в анализе, кроме случаев, когда есть изменение речевой функции в переводе. Остранение в переводах передано верно с помощью сохранения олицетворения. Отношения между переводами диссимметрийны с понижением симметрии в русском переводе (граф 2).

Граф 2. Компрессивная асимметрия и бордюрная асимметрия в русском переводе, винтовая симметрия в английском переводе

Следующий пример демонстрирует перевод остранения как с помощью форенизации, так и с помощью доместикации (таблица 3).

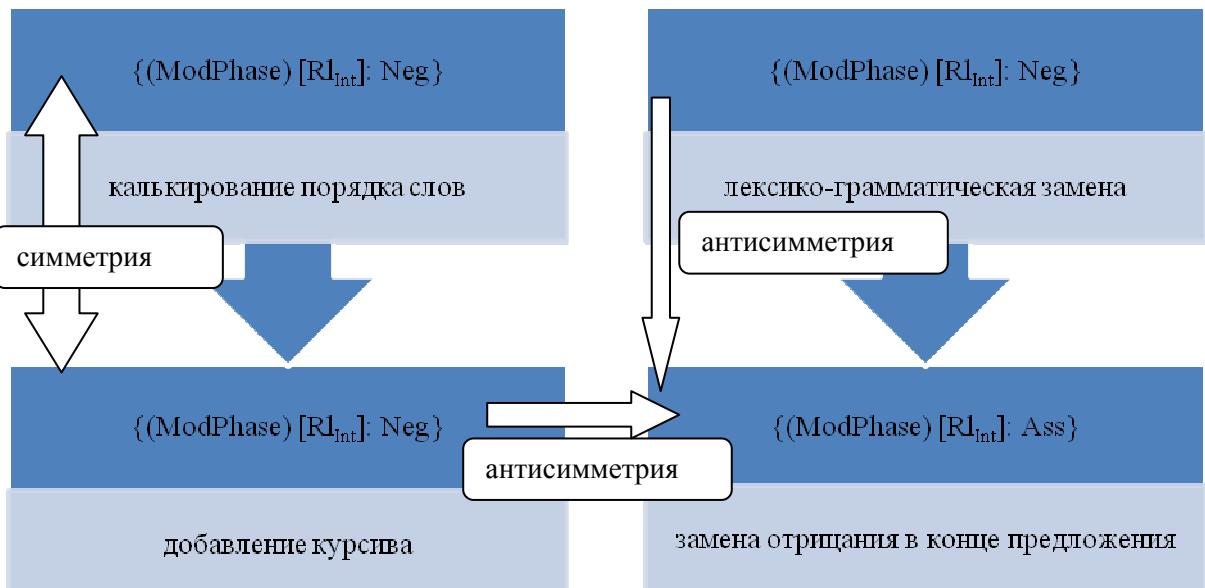
Таблица 3. Форенизация (симметрия) и доместикация (антисимметрия)

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
אני קצת ריחמתי עליהם, אף כי זה היה אסור, לא-ידעלה-על-הදעת.	Я их даже слегка жалел, хотя это было запрещено, и-в-голову-прийти-не-могло.	I felt almost sorry for them, although I shouldn't: are you crazy or something?	Логические отношения (уступка). Калькирование во второй части глагольной структуры (для русского предложения нехарактерна инверсия). Примарный предикат: Интеллектуальное отношение (Rl_{Int}). Речевая функция: сообщать. Факультативный модификатор: Модальная фаза ($ModPhase$). Прохебитивная каузация. Спецификатор: отрицание (Neg).	Логические отношения (уступка). Калькирование во второй части глагольной структуры (для русского предложения нехарактерна инверсия). Примарный предикат: Интеллектуальное отношение (Rl_{Int}). Речевая функция: сообщать. Факультативный модификатор: Модальная фаза ($ModPhase$). Вместо прохебитивной каузации негация. Спецификатор: неопределенное утверждение (Ass_{Indef}).

Первую часть предложения не рассматриваем, во второй несобственно-прямая речь, остранение II типа. Отношение полной симметрии в русском переводе, антисимметрии в английском переводе (замена прохебитивной каузации негацией и отрицания на утверждение), между переводами соответственно антисимметрия и индивидуально-образная асимметрия. Курсив в русском переводе сообщает дополнительное измерение остранению. Следует отметить, что русский переводчик использовал

форенизацию (буквальный перевод за исключением метонимической замены («ума» – **לעַד** на «голову»), английский – доместикацию, но остранение переведено верно, что доказывает отличие остранения от форенизации (граф 3).

Граф 3. Симметрия и антисимметрия

Следующий пример остранения связан с образным восприятием маленького рассказчика (таблица 4).

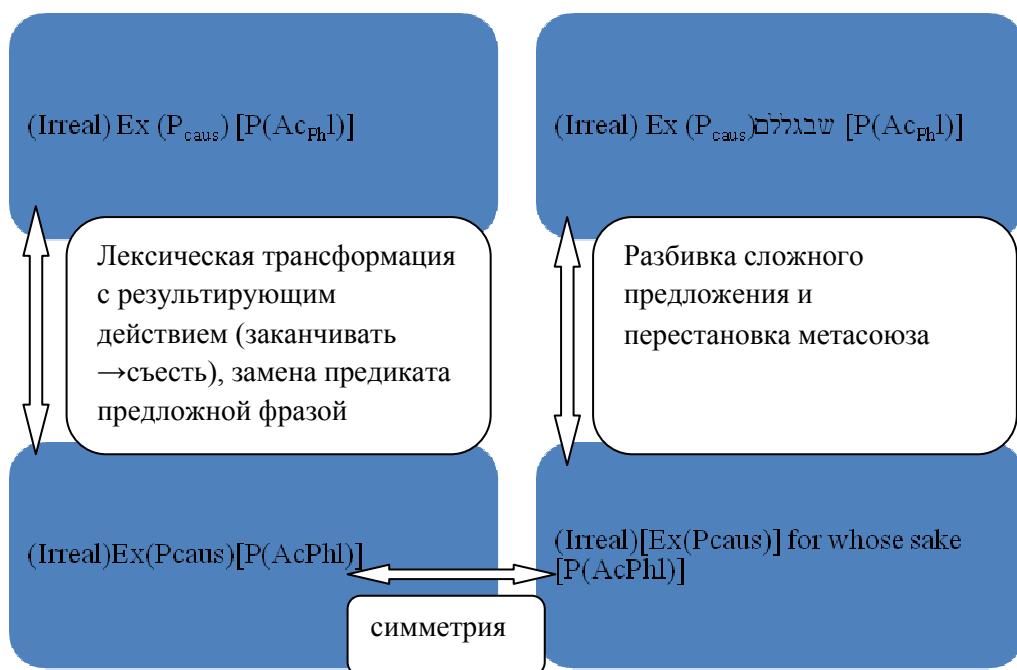
Таблица 4. Симметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
תָמִיד נְדַחֲקָת אֶל תּוֹךְ הַדִּירָה הַזְּעִירָה שָׁלָנוּ כָּל הַמְחֻצִית הַסּוּבָּלָת שֶׁל הַמִּן הָאָנוֹשִׁי: הַילִּידִים הַרְעִיבִים בָּהּוּדוֹ, שַׁבְגָלָלָם אַנְיָ חַיֵּב לְגַמּוֹר כָּל מָה שַׁשְׁמִים לִי	В нашу маленькую квартирку всегда была втиснута вся страдающая половина рода человеческого: голодавшие в Индии дети, из-за которых я обязан был съесть всё, что кладут мне на	Our tiny flat was always crammed full with the sufferings of the whole human race. The starving children in India, for whose sake I had to finish everything that was put	Примарные предикаты: Существование / бытие (Ex), обуславливающее Физиологическое действие (AcPhl). Речевая функция: сообщать. Фактивная каузация. Отсутствие инверсии в первой части предложения.	Примарные предикаты: Существование / бытие (Ex), обуславливающее Физиологическое действие (AcPhl). Речевая функция: сообщать. Фактивная каузация. Отсутствие инверсии в первой части предложения.

.בצלת	тарелку <...>	on my plate.		Замена половины на целое, конверсия (причастие «страдающий» - «страдания»). Разбивка сложного предложения и перестановка метасоюза («из-за которых»)
-------	---------------	--------------	--	--

Во второй части предложения нереальная предпосылка обуславливает действие. Остранение в оригиналe и переводах II типа. Между переводами, как и между переводами и оригиналом, отношения полной симметрии с элементами бордюрной. Преобразования касаются первой части предложения, которая предваряет остранение (граф 4).

Граф 4. Полная и бордюрная симметрия

Следующий пример также связан с остраненным восприятием рассказчика, когда члены его тела наделяются собственной волей (таблица 5).

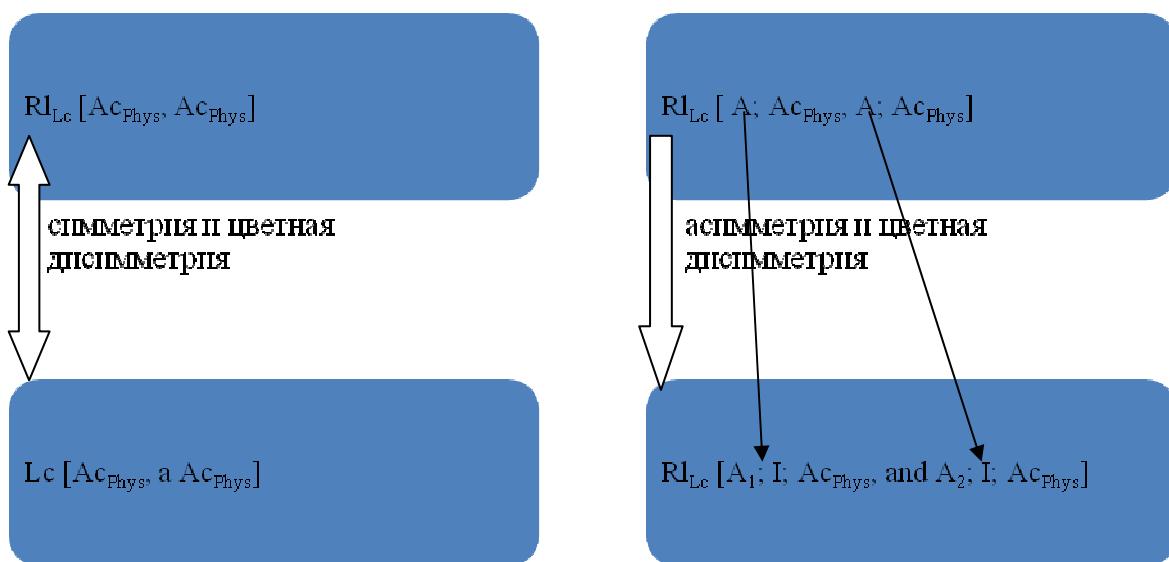
Таблица 5. Симметрия, цветная диссимметрия и адаптиваная асимметрия

Оригинал	Русский	Английский	Семантические	Семантические
----------	---------	------------	---------------	---------------

	перевод	перевод	трансформации в русском переводе	трансформации в английском переводе
וַיְהִי יָצָא מִבֵּית הַכִּיסָּאת 'יָד שְׁמַאל מִכְבָּה, 'יָד יְמִין מַדְלִיקָה בָּמְתוּאָם אֶת אוֹר בְּמַסְדָּרוֹן.	И при выходе из туалета левая рука гасила в нём свет, а правая согласованно зажигала его в коридоре.	When I left the toilet I switched off the light with my left hand and simultaneously switched on the light in the passage with my right hand.	Примарные предикаты: физическое действие (Ac_{Phys}), секундарный предикат Rl_{Lc} — \rightarrow примарный (Lc — И при выходе из туалета)	Примарные предикаты: физическое действие (Ac_{Phys}), секундарный предикат Rl_{Lc} остается. Новый агенс, прежний становится инструментом (I), изменение порядка членов предложения согласно закономерностям построения предложения в английском языке.

Остранение I типа, частичное олицетворение. В русском переводе отношение симметрии по передаче образа в целом и отношение цветной диссимметрии по устаревшему слову («нужник» — *ביתהcisat* передается нейтральным «туалет»). В английском переводе остранение не сохранено — антисимметрия (олицетворение исчезло, хотя остается форенизация из-за использования выражений «with my left hand» и «with my right hand»), такое же отношение цветной диссимметрии по устаревшему слову, связанное с нейтрализацией. Следует отметить, что в переводах не сохранено прошедшее продолженное время оригинала со значением повторяемости, но это не оказало большого влияния на передачу образа. Остранение здесь появляется на фоне контекста, рассказчик и его семья экономят электричество, «потому что Катастрофа была только вчера» (эффект контраста). Отношения между переводами — антисимметрия (граф 5).

Граф 5. Полная симметрия, цветная диссимметрия и адаптивная асимметрия

Следующий пример из-за развернутости образа содержит много трансформаций в переводе, которые могут быть сведены к разновидностям винтовой симметрии (таблица 6).

Таблица 6. Винтовая симметрия

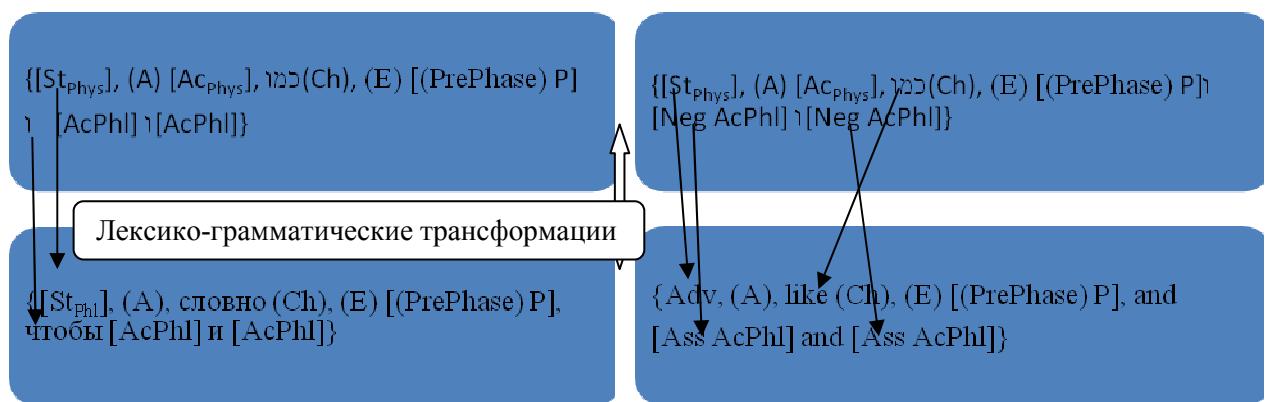
Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
יש לפעים שכרימה הבד היה נפרדת קצת מן הקרטון, מתבדרת, כמו חצאית הצופת, וקשה היה להתחזק ולא להצין אל המרווח האפלולי שבין הגוף לבין הגוף ולשאוף משם ניחוחות	Случалось иногда, что потрепанная ткань слегка отставала от картона, словно смело задранная юбка, и трудно было удержаться, чтобы не заглянуть в тёмное пространство между телом и одеждой и не вдохнуть исходящий оттуда головокружитель	Sometimes the cloth came away from the cardboard, like a saucy skirt, and it was hard to resist the temptation to peep into the dark space between body and clothing and sniff those	Первый примарный предикат (St_{Phys}) (יש לפעים) становится в переводе секундарным(St_{Phi}) («Случалось иногда»). Смена коннективных отношений со стяжением (метасоюз ו) на логические (метасоюз цели «чтобы»). Перестановка и конверсионная замена (задиралась→задранная)	Первый примарный предикат (St_{Phys}) (יש לפעים) становится в переводе наречием, стяжение и смена отрицания (ולא להצין) на утверждение (to peep into, sniff). Перестановка и замена (задиралась→saucy)

מחררים.	ный запах.	dizzying smells.		
---------	------------	------------------	--	--

Остранение II типа, описание книги как объекта вожделения.

Рассматриваем не все предложение. Между функциональными компонентами диссимметрия, что касается передачи остранения в переводах, то перевод и оригинал связаны отношениями винтовой симметрии, отношения между переводами также симметричны с элементами зеркальной симметрии из-за перестановки (граф 6).

Граф 6. Винтовая симметрия

Приведем пример трансляционной симметрии, то есть переноса образной и функциональной структуры, и бордюрной симметрии, то есть формоизменительной (таблица 7).

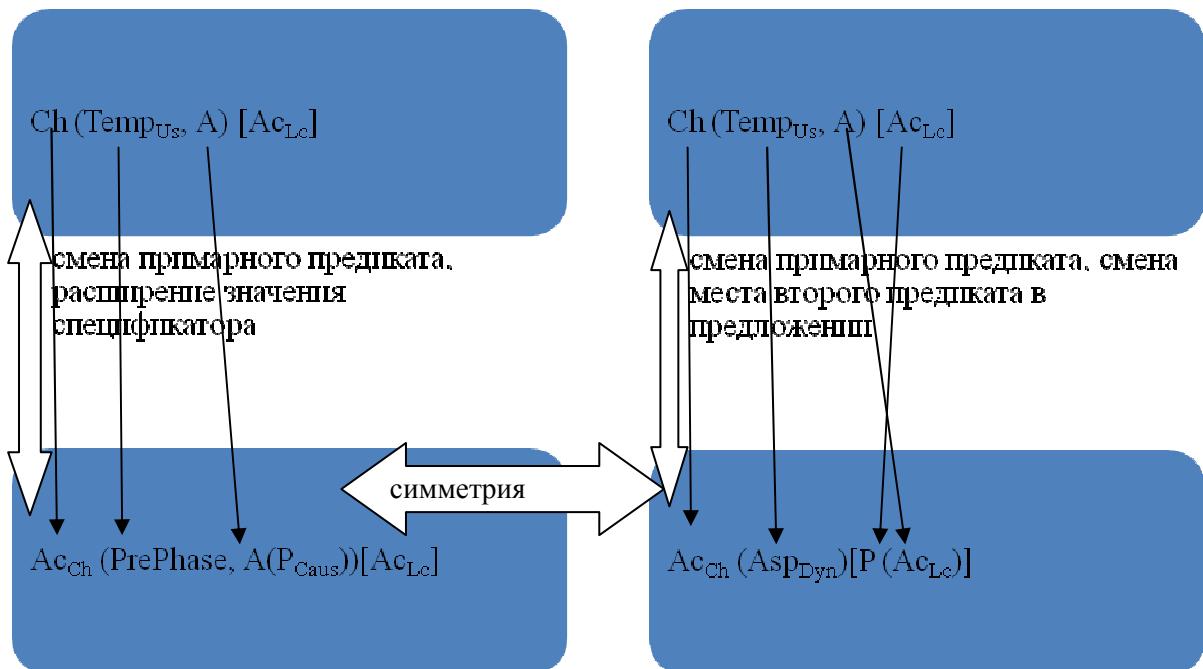
Таблица 7. Трансляционная симметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
היא האריכה ימים, החיידקים והוירוסים היו מבחנים במרחוק וממරחים להימלט מןניה למדרכה השנית.	Она <бабушка> прожила долгую жизнь, и микроны и вирусы, и завидев её издали, торопились перебежать на другую сторону улицы.	She lived to a ripe old age, the bugs and viruses and crossing to the other side of the street when they saw her approaching in the distance <...>	Первый примарный предикат (Ch) становится в переводе характеризующим действием (Ac _{Ch}). Основной спецификатор (узуальность – Temp _{Us}) становится факультативным модификатором речевой функции (PrePhase) – деепричастный	Первый примарный предикат (Ch) становится в переводе характеризующим действием (Ac _{Ch}), выраженным устойчивым словосочетанием. Предикат во второй части становится герундием, динамическая аспектуальность

		оборот с оттенком деонтической каузации.	(Asp _{Dyn})
--	--	--	-----------------------

В оригинале и переводах остранение I типа, связанное с частичным олицетворением. И. Мильнер находит в этом отрывке переживание воспоминаний, связанных с Холокостом, одержимость бабушки чистотой, ее методическое стремление все вычистить она сравнивает с фетищем [מילנר, 2007, с. 80]. Нужно отметить, что у М. Шалева в квази-автобиографических романах «Дело было так» и «В доме своем в пустыне» женщины старшего поколения так же маниакально относятся к уборке. Отношение трансляционной симметрии. Определение в переводах передано предикатом. Прошедшее продолженное время оригинала в русском тексте переведено с помощью деепричастия и глагола несовершенного вида, в английском – конструкцией сопутствующего действия. Отношение между оригиналом и переводами в целом характеризуется трансляционной симметрией. Между переводами реализуется отношение трансляционной симметрии (граф 7).

Граф 7. Трансляционная и бордюрная симметрия

Следующий пример связан с разграничением форенизации и остранения в переводе, русский переводчик воздержался от перевода остранения (таблица 8).

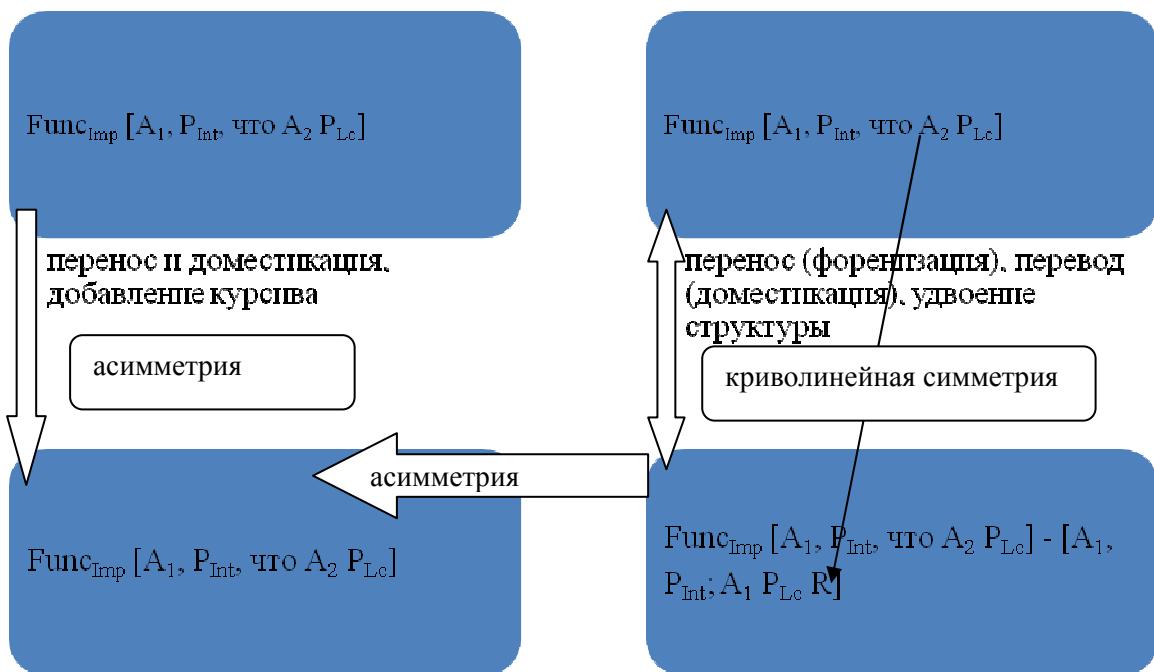
Таблица 8. Асимметрия, симметрия и экспликация

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
גַעַר בָה אָבָא בְרוּסִית זֹועֲפָת: שָׁטוֹ ! טְבוּי? ? וַיְדַשׁ מֶלֶצִיךְ רֵיאָדוּם שָׁ נָאָמֵן!	...отец сердито одернул ее по-русски: «Что с тобой, разве ты не видишь что мальчик рядом с нами?»(Подстрочный перевод: ...грубо накричал на нее папа по-русски и вознегодовал: «Што с тобой?! Видеш мальчик рядом с нами!»)	...my father rebuked her furiously in Russian: <i>Shto s toboy?!</i> <i>Vidish malchik ryadom s nami!</i> – What's the matter with you? You can see the boy's just there!	Обязательный модификатор: Речевая функция со значением «спрашивать и побуждать» (Func_{Imp}). Удвоение структуры, в переводе фразы агенс («мальчик») становится реципиентом.	Обязательный модификатор: Речевая функция со значением «спрашивать и побуждать» (Func_{Imp}). Удвоение структуры, в переводе фразы агенс («мальчик») становится реципиентом.

В оригинале остранение II типа достигается употреблением русских слов в их транскрипции. Причем прямая речь огласована только частично, за счет чего сообщается дополнительное измерение остранению – некоторые слова реципиент, не владеющий русским языком, может прочесть неправильно. Также не поставлена запятая после слова «видишь», как следовало бы по правилам русского языка. Перевода русских слов в оригинале нет, как нет и других средств выделения, например, курсива. Но остранение для рассказчика очевидно, так как он не владеет русским языком, знает только отдельные слова и распознает границы лексем. В русском переводе остранение передано частично, только за счет использования курсива (индивидуально-образная асимметрия). Можно предположить, что в данном случае для более полного сохранения остранения лучше было бы оставить ту фонетическую форму, которая есть в оригинале, так как она передает чужеродное рассказчику звучание, соответствует правилам произношению героя. В английском переводе наблюдается сохранение

остранения за счет передачи русских слов курсивом и в их транскрибированной форме (произносительная норма для слова «что» соблюдается), но для понимания значения сказанного дан и перевод слов отца рассказчика. Нужно отметить, что тем самым остранение частично нейтрализовано, так как из широкого контекста (на уровне абзаца) англоязычному читателю было бы примерно понятно, что именно говорил отец мальчика и почему. Итак, в русском переводе – доместикация и отношение антисимметрии и индивидуально-образной асимметрии к оригиналу, в английском переводе и форенизация, и внутритекстовая доместикация (криволинейная симметрия). Между переводами существует индивидуально-образная и рефлексивная асимметрия (граф 8).

Граф 8. Асимметрия и криволинейная симметрия

Следующая ситуация связана с развернутым образом, структурные компоненты в переводах зеркально симметричны по отношению к оригиналу (таблица 9).

Таблица 9. Зеркальная и полная симметрия

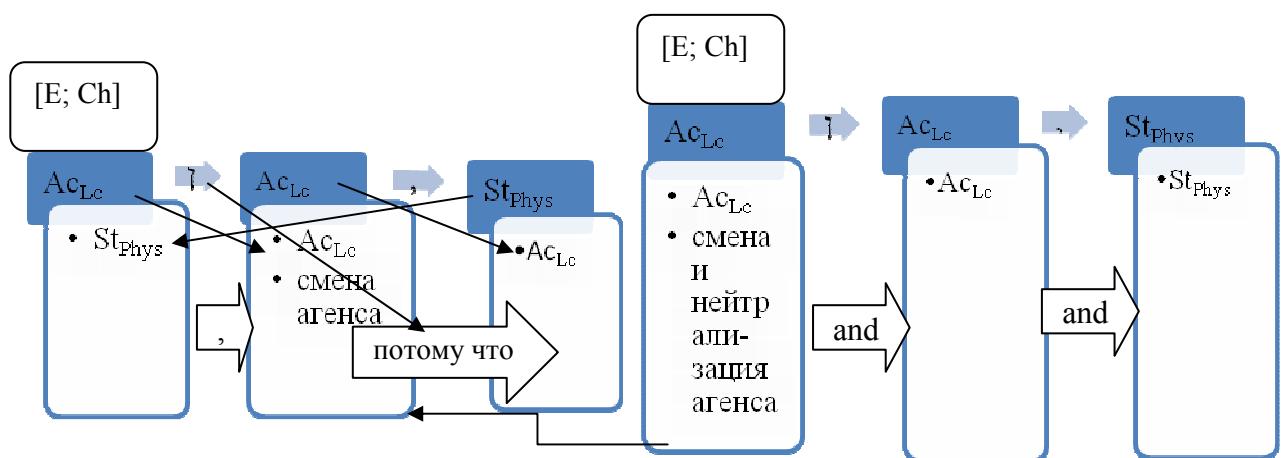
Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
...לֹחַ... отец	шептал ...my father	...my father	Переставлены	Симметричный

אָבָא: "הַנֶּה עוֹבֵר שָׁמְلּוּמָד בָּעֵל שֵׁם-עוֹלָם". לֹא יִדְעַתִּי מֵה כּוֹנוֹנָתוֹ. חַשְׁבָּתִי שְׁשָׁמְ-עוֹלָם קָשָׁר בָּרְגָּלִים חֲולָתִים, לְעַתִּים קְרוּבּוֹת הַיִה זֹה זָקֵן שְׁמַקְלוֹ נִגְשֵׁשׁ לְפָנָיו אַתְּ הַדָּרֶךְ וּרְגָּלֵין מְגַמְּגוֹת קָצֶת, לְבוֹשׁ גַּם בְּקִיעַ בְּחַלְיפַת צָמָר כְּבָדָה.	мне: «Вон там идет ученый с мировым именем». Я не понимал, что он имеет в виду. Я думал, что «мировое имя» связано с больными ногами, потому что довольно часто эти слова относились к какому-нибудь старику, одетому даже летом в костюм из плотной шерсти и тростью нащупывающему дорогу, потому что ноги его с трудом передвигались.	would whisper to me: ‘Look, there is a scholar with a world-wide reputation.’ I did not know what he meant. I thought that having worldwide reputation was somehow connected with having weak legs, because the person in question was often an elderly man who felt his way with a stick and stumbled as he walked along, and wore a heavy woolen suit even in summer.	компоненты в конце предложения, в оригинале сначала идет описание, как идет старик, потом описание его подгибающихся ног, затем описание, во что он одет. Замена коннективного метасоюза <i>ו</i> на логический «потому что». Ядерный предикат – передвижение AcLc.	порядок компонентов, сохранение и перестановка узуальности (Temp _{Us}) <i>לעתים קרובות(often)</i> . Нейтрализация «старика» контекстным синонимом «the person in question». Ядерный предикат – передвижение AcLc.
---	---	---	---	---

В этом примере остраняется устойчивое сочетание **שם עולם** (первый компонент имеет значение «имя», второй – «мир», «вечность»). По данным словаря <http://www.milononline.net>, данное устойчивое сочетание этимологически восходит к Книге Пророка Исаии 63:12 (в Синодальном переводе: «Который вел Моисея за правую руку величественною мышцею Свою, разделил пред ними воды, чтобы сделать Себе вечное имя»). Однако для рассказчика это понятие остраняется не из-за его библейских коннотаций, а из-за недостаточного понимания маленьким мальчиком некоторых слов. В своем сознании он ассоциирует это понятие с едва передвигающимися пожилыми людьми. Таким образом, разворачивается метафора, что человек, «обладающий мировым именем» похож едва ли не на библейского патриарха в своей старческой немощи. В обоих переводах остранение I типа присутствует благодаря этому образу. В русском тексте

остранение передается также за счет использования кавычек и употребления понятия в именительном падеже, что нехарактерно для русского языка. В английском тексте компонент «имя» заменен на «репутацию» – слово, которое, возможно, не очень понятно маленькому рассказчику, поэтому остранение сохраняется. Между переводами реализуется зеркальная симметрия в связи с зеркальной симметрией русского перевода оригиналу и полной симметрией английского перевода оригиналу. Модель включает только релевантные семантико-синтаксические отношения (граф 9).

Граф 9. Зеркальная и полная симметрия

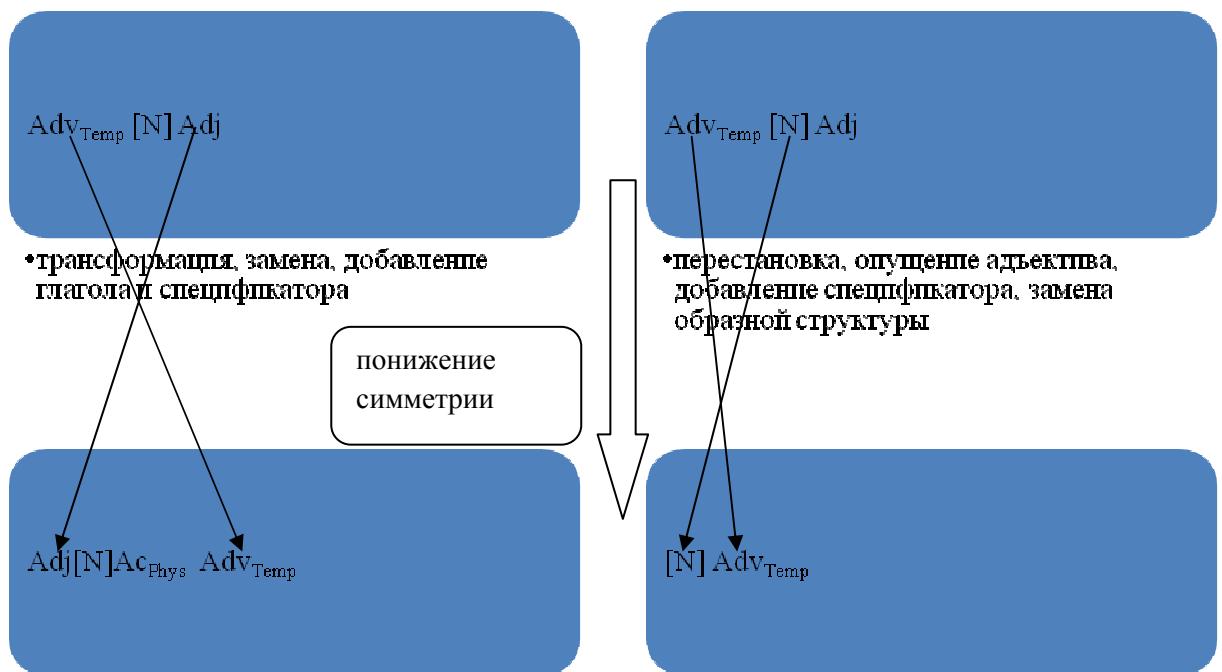
Нейтрализация образа ведет к потере остранения и снижении симметрии за счет экспрессивной составляющей (таблица 10).

Таблица 10. Цветная симметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
בשעות... היום אור-ל-אָ-אוֹר עכַרְוִי	...и мутный свет этот не гас даже в дневные часы (Подстрочный перевод: ... в часы дня свет-не-свет замутненный)	<...> half-light <...> even during the daytime	Перестановка, добавление глагола Ac _{Phys} Neg, добавление спецификатора «даже»	Перестановка, опущение адъектива добавление спецификатора «even»

Остранение выражено образом «света без света», что отсылает нас к названию романа «Повесть о любви и тьме» и символичности света и тьмы. Это остранение I типа – извлечение вещи из ее каузального контекста. Переводы отличаются творческим подходом, переработкой образов, но они не сохраняют остранение оригинала. В русском тексте произошла трансформация и замена. В английском тексте также представлена лексическая трансформация («свет без света» на иврите превратился в «полусвет» на английском). Поскольку образ передан, хотя и без сохранения экспрессии, возможно считать такой случай проявлением цветной симметрии (граф 10). Переводы симметричны друг другу (полная и трансляционная симметрия).

Граф 10. Понижение симметрии, цветная симметрия

Формальные структурные преобразования не оказывают влияния на сохранение образа и остранения (таблица 11).

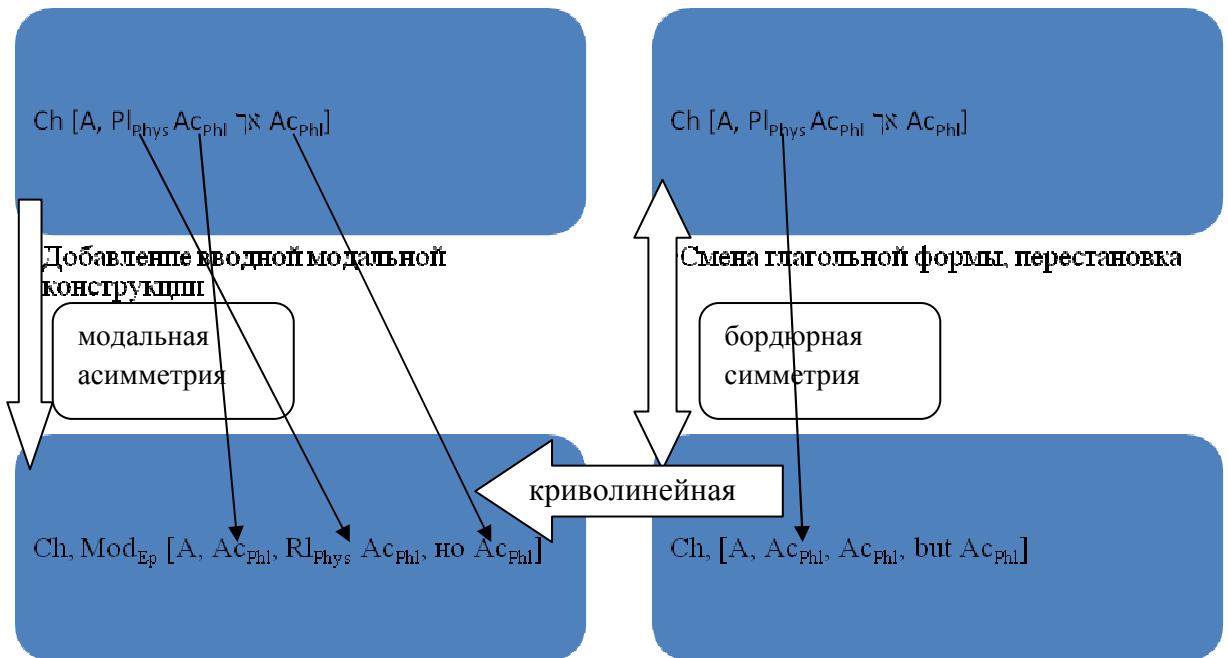
Таблица 11. Модальная асимметрия и бордюрная симметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе

<p>шнיהם... могены бтариси брэзл, шнיהם мататцим бмцомиз тррисим лахшкайיף мзоротха ак роаим рак брюш маовак вогдер шл авниим ля мсоттотот.</p>	<p>Зашитенные железными жалюзи, они, казалось, старатально моргали, изо всех сил пытаясь увидеть восток, но видели только запорошенный пылью кипарис да забор из нетесаных камней.</p>	<p><At the front both rooms had just a single window,> guarded by metal blinds, squinting to catch a glimpse of the view to the east but seeing only a dusty cypress tree and a low wall of roughly dressed stone.</p>	<p>Примарные передикаты: Ac_{Phl} – физиологическое действие и Rl_{Phys} – попытка произвести физиологическое действие. Добавление вводной конструкции высокой эпистемической модальностью Mod_{Ep}, опущение повтора шнיהם – «обе они».</p>	<p>Примарные передикаты: Ac_{Phl} – физиологическое действие и Rl_{Phys} – попытка произвести физиологическое действие. Опущение повтора шнיהם – «обе они», замена глаголов причастиями (PartI)</p>
---	--	--	--	--

Яркий пример остранения II типа – деавтоматизированное восприятие вещи. В обоих переводах остранение сохраняется, в том числе за счет протяженности описания. Заметим, что в русском переводе моргают не жалюзи, а сами окна, это цельный олицетворенный образ. В английском тексте замена значения «моргать» на «прищуриваться» (squint), однако образ передан детально и верно. Между оригиналом и русским переводом – модальная асимметрия, между оригиналом и английским переводом – бордюрная симметрия. Между переводами отношение криволинейной симметрии с понижением симметрии в сторону английского перевода (граф 11).

Граф 11. Модальная асимметрия, бордюрная и криволинейная симметрия

Чем развернутее образ, тем больше количество преобразований на рассматриваемый отрывок, но не все преобразования значимы для сохранения остранения. Общее отношение переводов к оригиналу – трансляционная симметрия с элементом зеркальной (перенос) в русском тексте (таблица 12).

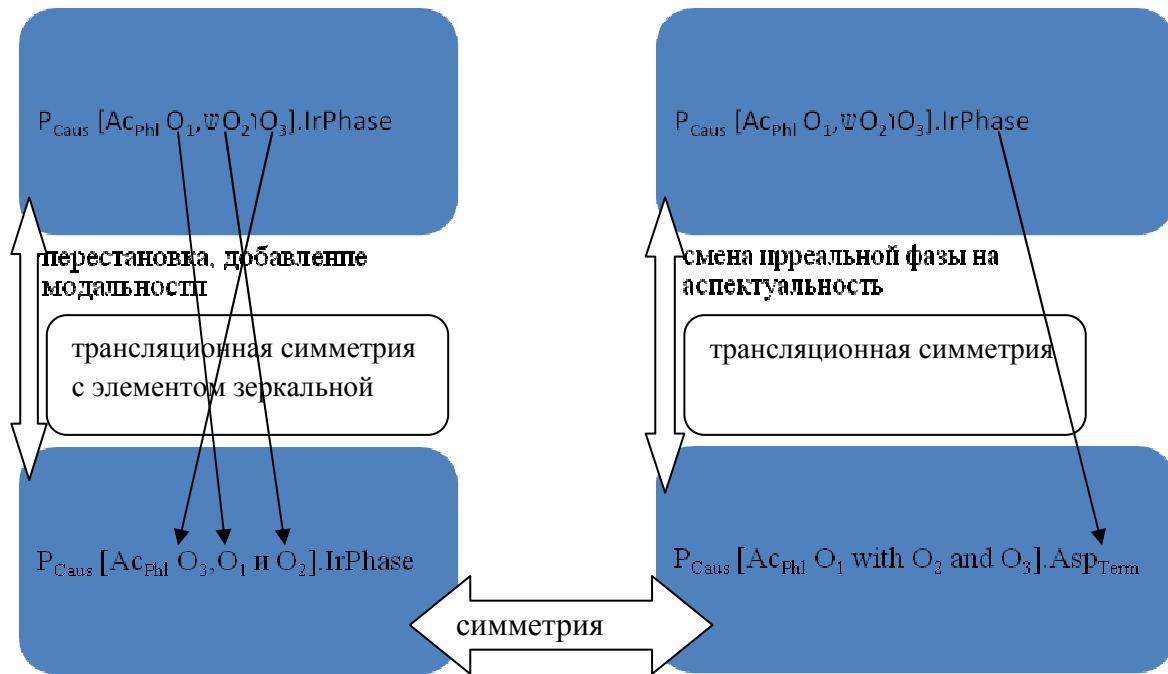
Таблица 12. Трансляционная симметрия с элементом зеркальной

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
די היה ללחוש "אחו" לעצמי "הייתי – וכבר הייתי שומע את געיית הפרות שפעמוניים קטנים קשוריים לצואריהן ואת פכפון הפלגיהם. בעיניהם	Стоило только прошептать «луг», сразу же слышалось мне журчание ручья, мычание коров и перезвон колокольчиков на их шеях. Зажмурив глаза,	It was enough for me to whisper to myself ‘meadow’, and at once I could hear the lowing of cows with little bells tied round their	Примарные предикаты: Ac_{Phl} - физиологическое действие. Перестановка «журчания ручья» ближе к началу предложения из конца. Объект становится	Примарные предикаты: Ac_{Phl} - физиологическое действие. Смена ирреальной фазы (IrPhase) на терминальную аспектуальность (Asp_{Term}).

<p>עצומות הִיִּתי מַבִּיט בְּרוּעָת הַאוֹזִים הַיְחִיפָה, שְׁהִיתָה לֵי סְקִסִּית עַד דְּמֻעָת עַד לְפָנֵי שִׁידֻעָתִי כְּלֹום.</p>	<p>видел я прекрасную девушку, пасущую гусей, и она казалась мне до слез сексуальной – задолго до того, как я что-либо узнал о сексе.</p>	<p>я necks, and the burbling of brooks. Closing my eyes I could see the barefoot goose-girl, whose sexiness brought me to tears before I knew about anything.</p>	<p>агенсом, агенс (не выраженный подлежащим в оригинале, а только в глагольной форме) – бенефактивом.</p>
---	---	---	---

Сочетание I и II типов остранения за счет неавтоматизированного восприятия рассказчика. Начало книги изобилует описанием того, как маленький рассказчик воспринимает слова, что отсылает нас к синестетическому видению рассказчика в автобиографической книге «Другие берега» В.В. Набокова. В переводе остранение сохранено благодаря протяженности описания и кавычкам, в русском тексте также использован курсив как средство остранения, в английском – только кавычки. Прошедшее длительное время передано в русском переводе несовершенным видом глагола, в английском – модальным could. В русском переводе калькируется выражение *שְׁהִיתָה לֵי סְקִסִּית עַד דְּמֻעָת* – «казалась мне до слез сексуальной» с добавлением модальности, в английском – действие доводится до конца («whose sexiness brought me to tears»). Между оригиналом и русским переводом зеркальная симметрия из-за перестановок в группе подлежащего. Между переводами отношение трансляционной симметрии (граф 12).

Граф 12. Трансляционная симметрия с элементом зеркальной

Из следующего примера видно, как перестройка и слияние предложений в русском переводе ведет к расширению смысла (таблица 13).

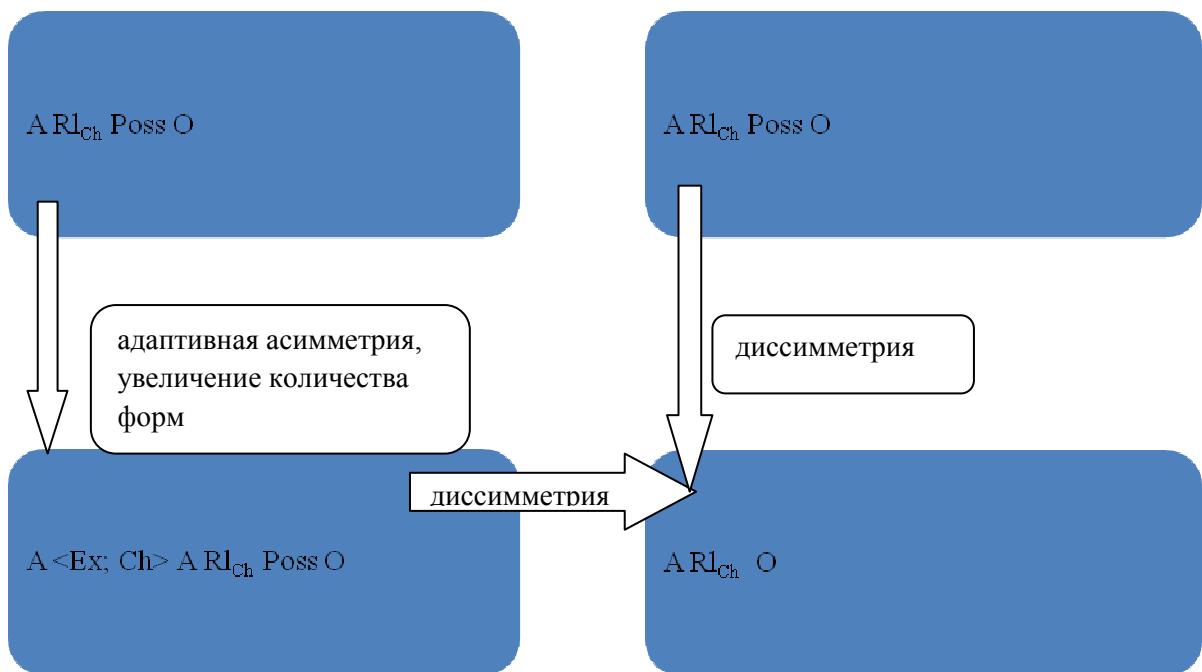
Таблица 13. Адаптивная асимметрия и диссимметрия

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
כל העולם נקרא אצלנו בדרך כלל בשם "העולם הגדול".	Все, <что простиралось за пределами нашего маленького мира и звучало для меня как одно слово> – весь мир, называлось у нас обычно «большой мир».	The rest of the world was generally known as ‘the worldatlarge’.	Примарный предикат: характеризующее отношение Rl_{Ch} . Добавление части из предыдущего предложения (Ex, Ch), сохранение синтаксиса оригинала.	Примарный предикат: характеризующее отношение Rl_{Ch} . Не сохраняется, но подразумевается посессор (Poss) – אצלנו – «у нас»

В оригинале реализуется остранение I типа. В тексте сочетание «весь мир» (כל העולם) пишется в одно слово, как это и будет в русском и в английском переводах. В последнем остраняется выражение «мир за пределами маленького мира», которое у автора идет вторым наименованием

כל העולם. В русском переводе остранение подчеркнуто выделением курсивом, в английском эту роль выполняют кавычки, в обоих переводах сохраняется слитное написание лексем. В английском переводе выше степень остранения по второму компоненту, чем в оригинале и русском переводе, но опущен первый компонент, его функции выполняет второй, поэтому можно говорить о диссимметрии. Русский перевод находится в отношениях адаптивной асимметрии к оригиналу, между переводами наблюдаются отношения диссимметрии с понижением в сторону английского перевода (граф 13).

Граф 13. Адаптивная асимметрия и диссимметрия

Следующий пример связан с трансляционной симметрией, но русский перевод содержит элемент диссимметрии из-за опущения важного компонента смысла (таблица 14).

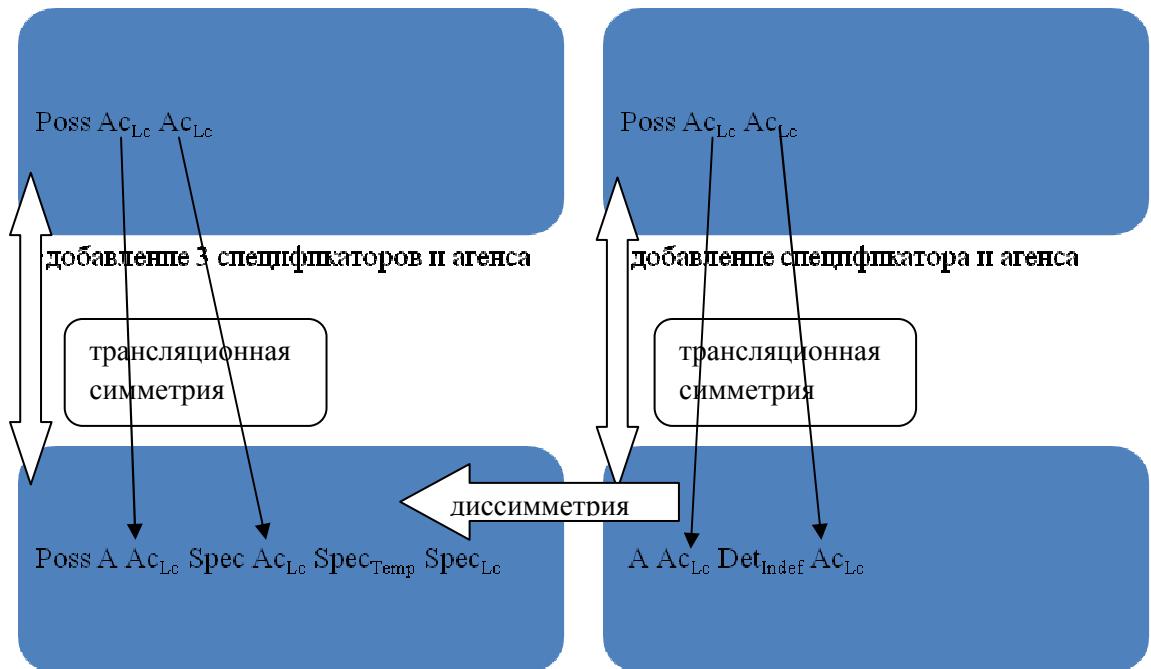
Таблица 14. Трансляционная симметрия с элементом диссимметрии

Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
אצלנו בירושלים הלאו תמיד קצת כמו בהלויה או כמו שנכנסים	У нас в Иерусалиме всегда ходили как участники похорон или	In Jerusalem people always walked like mourners at a funeral, or	Добавление спецификаторов: «всю», «с места», «наконец-то», агенса	В первой части не сохраняется, но подразумевается посессор (Poss) – אצלנו – «у нас».

<p>באיירור לקונצרט: קודם שםים את קצה הנעל וטועמים בזהירות את השטח. אחריך, כשכבר מניחים כף רגלי, לא ממהרים להזין אותה: אחרי אלפיים שנה מצאו דרישת רגל בירושלים, או לא נותר עליה כלכך מהר.</p>	<p>как те, кто, опоздав, входит в концертный зал: сначала касаются земли носком обуви и осторожно пробуют твердь под ногами, затем, поставив уже всю ступню, не спешат сдвинуть ее с места: наконец-то, через две тысячи лет, обрели мы право поставить свою ногу в Иерусалиме, так не уступим его слишком быстро.</p>	<p>latecomers at a concert. First they put down the tip of their shoe and tested the ground. Then, once they had lowered their foot they were in no hurry to move it: we had waited two thousand years to gain a foothold in Jerusalem, and were unwilling to give it up.</p>	<p>«участники», в оригинале безличное предложение. Перестановка глагола и наречия «всегда ходили».</p>	<p>Добавление агента «mourners», в оригинале безличное предложение.</p>
---	--	---	--	---

Это частый прием распространенной метафоры (I тип остранения), которая пронизывает весь абзац. В русском тексте дополнительная грань остранения появляется благодаря буквальному переводу выражения **דרישת רגלי** и употреблению архаизма «твердь», имеющего устойчивую библейскую коннотацию. В английском переводе остранение несколько теряет за счет использования прошедшего времени (в оригинале и русском переводе употребляется настоящее, настоящее историческое время, которое заставляет посмотреть на план настоящего как бы внове). Между переводами отношение трансляционной симметрии с понижением симметрии в русском переводе (граф 14).

Граф 14. Трансляционная симметрия с элементом диссимметрии

Развернутый образ не обязательно предполагает кардиальные изменения в переводе, так следующий пример демонстрирует, что в целом отношение переводов к оригинальному тексту симметрично (таблица 15).

Таблица 15. Трансляционная симметрия

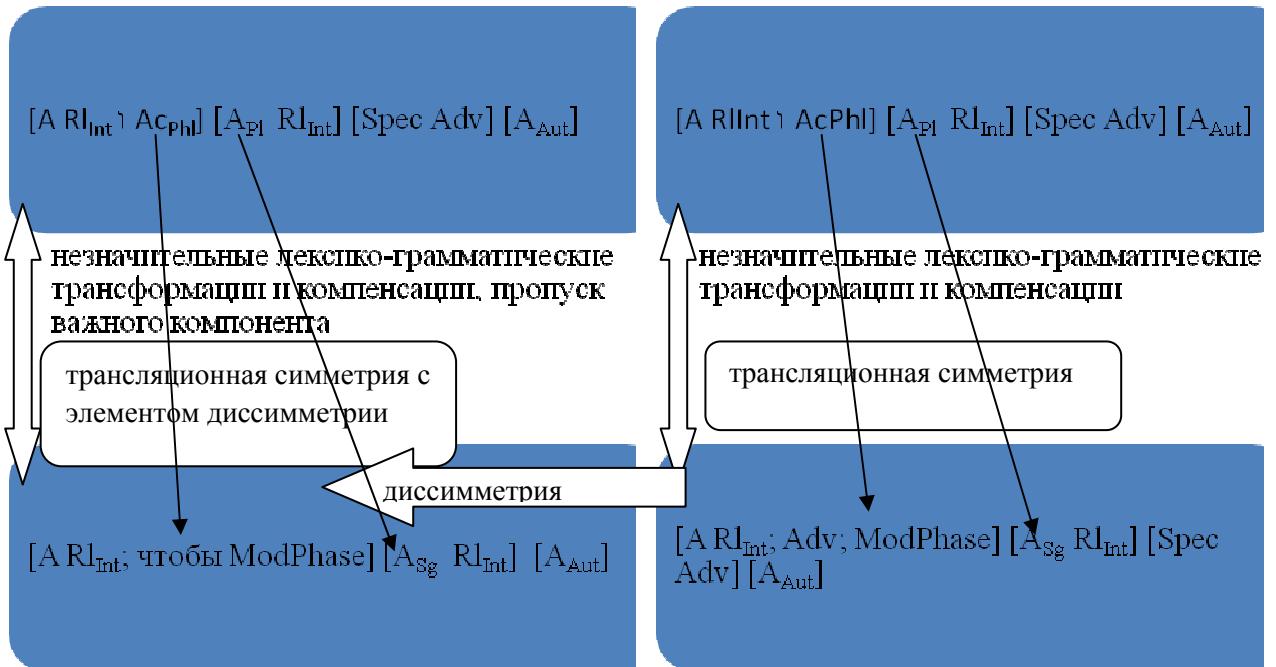
Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
אני היתי מבית ישר אל תוך עניינו החומות התמיימות וכמו מהוישת קצת, והייתי מבטיח לו שמעכשו תמיד-תמיד אשים לבד ואחלוץ נעליהם הפתה. יתר על כן: תפקידי הקבוע במחזה היה לזכור בנקודה זו, בארשת נבונה ומבוגרת מכפי גילוי ו מביתו שלקחת הישר	Я глядел прямо в его коричневые, наивные, будто стыдящиеся чего- то глаза и тут же давал обещание, что отныне и навсегда буду помнить о том, что обувь нужно снимать у входной двери. Более того, соответственно постоянной моей роли в этом спектакле я в данную минуту должен был произнести – с	I looked straight into his innocent, sheepish brown eyes and promised him that from now on I would always be careful to wipe my shoes when I came in. Moreover, my fixed part in the drama was to say at this point, with an intelligent,	Замена редупликации תמיד-תמיד на устойчивую конструкцию «отныне и навсегда». Перевод однородных членов לבד ואחלוץ (Rl_{Int} и $AcPhl$) в сериюльную конструкцию «помнить, что нужно снимать» (Rl_{Int} ; $ModPhase$). «Наказание» в оригинале имело	Замена редупликации תמיד-תמיד на устойчивую конструкцию «from now on». Перевод однородных членов לבד ואחלוץ (Rl_{Int} и $AcPhl$) в сериюльную конструкцию с добавлением наречия «I would always be careful to wipe» (Rl_{Int} ; $ModPhase$).

<p>מִתּוֹךְ הַאֲרָסְנֶל שֶׁל אָבָא, שָׁאַנִּי כִּמוֹבֵן וְלֹא שׁוֹם סְפָק מִבֵּין שְׁהַעֲנוֹנְשִׁים הֵם אֲך֒ וּרְק֑ לְטוּבָתִי. הַטְּקִסְט֑ הַקְּבוּעַ שְׁלִי כָּל אֲפִילוּ פְּנִיָּה לְאַמָּא, לְבִקְשָׁ מִמְּנָה שֶׁלֹּא תִּמְהָרֶר כָּל-כָּךְ לְרַחֲם עַלְיִי כִּי אַנְיִ בְּהַהְלָט מִקְבֵּל עַל עַצְמִי אֶת חֻק הַתְּזִצְאֹות וּבְלִי כָּל סְפָק מִסְגָּל כָּבֵר לִשְׁאת בְּעֻונְשִׁים שְׁמַגְעִים לֵי. וְאֲפִילוּ שְׁעִתִּים בְּמַקְלָחָת. וְאֲפִילוּ בְּחוֹשֶׁךְ. לֹא אַכְפַּת לֵי.</p>	<p>умным, серьезным выражением лица, делавшим меня не по годам взрослым, — произнести слова, заимствованные прямо из папиного арсенала, что я ни на мгновение не сомневаюсь: наказание дается исключительно для моей же пользы. Мой текст включал даже обращение к маме: я просил ее не торопиться меня жалеть, поскольку я действительно принимаю и законы, и ответственность за отступление от них и, без сомнения, в состоянии вынести все причитающиеся мне наказания. Даже два часа в ванной. Мне это безразлично.</p>	<p>expression on my face and words borrowed from my father's arsenal, that naturally I understood full well that I was only ever punished for my own good. My set part even included an address to Mother, in which I begged her not to be so quick to forgive me because I accepted the consequences of my actions and was perfectly capable of taking the punishment I deserved. Even two hours in the bathroom. Even in the dark. I didn't care.</p>	<p>множественное число.</p>	<p>«Наказание» в оригинале имело множественное число. Замена слова «текст» на контекстный синоним «my set part».</p>
--	---	---	-----------------------------	--

Смена модуса рассказчика-ребенка на модус родительский ведет к остранению: ребенок говорит как взрослый (II тип остранения). Прошедшее продолженное время передано несовершенным видом глагола в русском переводе, в английском тексте – простое прошедшее время. В русском переводе пропущен ключевой для произведения образ «даже в темноте». Между переводами отношение симметрии с понижением симметрии в русском переводе из-за отсутствующего предложения. На графе представлены только те структуры, в отношении которых были преобразования (граф 15). В целом между переводами и оригиналом – симметрия, которая в качестве содержательно-логического элемента (на

обоих уровнях структуры – глубинном и поверхностном) демонстрирует единство формы и содержания.

Граф 15. Трансляционная симметрия

Подведем итоги анализа трансформационно-семантических моделей. Общая тональность отношения автора к героям в переводах передана. Оба переводчика предпочли комбинировать доместикацию и форенизацию, ни один из них не использовал крайний случай доместикации, то есть прием культурного замещения, когда реалия текста оригинала или весь образный ряд замещается реалией или образным рядом, характерными для переводящей культуры; при разнице пропозициональных значений воздействие на читателя должно быть таким, как у читателя оригинального текста [Baker, 2006, с. 31]. Переводчики не привносят дополнительного остранения в текст перевода, в оригинальном тексте значительное количество случаев остранения, в переводе остранение не добавляется в связи с сохранением коммуникативной функции, в воссоздании которой непосредственно участвует этот прием. За исключением одного случая доместикации в русском переводе, остранение сохранено и передано

адекватно. Между переводами и оригиналом, как правило, реализуются отношения трансляционной, полной (в отдельных частях предложений), цветной, винтовой и бордюрной симметрии, незначительной диссимметрии. Зеркальная симметрия связана с перестановкой компонентов и сериальными конструкциями глаголов. Серийная конструкция представляет собой «последовательность глаголов в личной форме, один из которых не имеет собственного лексического значения и служит адвербиальным или аспектуальным модификатором второго» [Скородумова 2010, с. 27]. Случаи асимметрии и антисимметрии по остранению между оригиналом и переводом встречаются редко, что подтверждает предположение о том, что коэффициент жесткости, обеспечивающий восстановление остранения при его сборке из разрозненных фрагментов предложения /отрывка текста, достаточный, чтобы остранение было переводимо как содержательно, так и структурно.

В целом в отношении связи семантических структур текста оригинала и текста перевода обнаруживаются отношения симметрии, асимметрии, диссимметрии. Некоторое несоответствие семантических структур в тексте оригинала и в тексте перевода должно быть приписано желанию переводчика сохранить репрезентативное значение за счет изменения параметров текста: «Допуская осознанное искажение какого-либо параметра текста, переводчик решает при этом переводческую сверхзадачу: устанавливает соответствие переведенного текста исходному, следуя собственной идеальной модели «хорошего перевода» [Княжева, 2010, с. 193]. Таким образом, при наблюдаемой структурной неэквивалентности и диссимметрии во всех примерах достигается функциональная эквивалентность и высокое качество перевода. Построенные схемы действенны в рамках функционального подхода, при переводе остранения, обнаруживаемого только в обширном контексте, необходим более комплексный подход к анализу текста.

Синтаксические трансформации обусловлены различиями грамматики иврита от грамматики русского и английского языков, а именно

специфической глагольной системой со сложным спряжением и трансфиксацией; употреблением местоименных суффиксов, артикля, указательных местоимений, которые обуславливают содержание текста и могут быть поняты только при анализе связи слов с содержанием предыдущего или последующего отрывков текста; сопряжением существительных («смихут»). Различие пресуппозиций в переводащем языке и нестойкие позиции нормативного иврита, считавшиеся ранее препятствиями переводу художественной литературы [Колода, 2009, с. 180], не оказали существенного влияния на качество перевода.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 3

В данной главе были изучены предпосылки появления остранения у А. Оза и ряда современных израильских прозаиков; рассмотрены художественное своеобразие произведений А. Оза, в частности, «Повести о любви и тьме». В соответствии с поставленными целью и задачами функционирование остранения в «Повести о любви и тьме» было исследовано с помощью описательно-сопоставительного, литературоведческого, контекстологического методов, а также методов функционального, компонентного и переводческого анализа.

Использование методологии функционального синтаксиса, предложенной А. Мустайоки, и изучение текстов переводов с позиции симметрийных отношений позволило построить модели перевода в виде графов. Эти графы наглядно представили трансформационно-семантические модели остранения, позволили проанализировать перевод с позиций симметрийных отношений, выявить общие закономерности перевода остранения с помощью совершаемых преобразований.

В «Повести о любви и тьме» А. Оз использует прием остранения в следующих целях: 1) показать изменяющееся мировоззрение рассказчика; 2) продемонстрировать совершающиеся события через призму восприятия других людей; 3) представить двойственность существующих оппозиций – ментальных конструктов (евреи и арабы, религиозные и нерелигиозные, дети и взрослые и т.д.); 4) воспроизвести события как будто внове, а привычные действия – деавтоматизировать. Для создания остранения автор применяет графические, лексические, синтаксические и стилистические средства. Основные средства для передачи остранения выбраны следующие: 1) транскрипция речевых ошибок и особенностей языка персонажей, что на письме реализовано с помощью использования кавычек и курсива; 2) употребление определенных слов, заимствований, выражений из разных регистров; 3) сочетание прямой, косвенной и несобственно-прямой речи в длинных отрывках, как правило, без разделительных пунктуационных

знаков; 4) употребление настоящего исторического времени; 5) внутренние монологи, в которых раскрывается тема отрешенности, саморефлексия; 6) переключение модусов рассказчика «я» – «ты»; 7) использование разных жанров, документов, списков для придания документальности повествованию; 8) смещение временных пластов повествования [см. подробнее: Валькова, 2017, с. 63].

Остранение в произведении приобретает характер диссоциации, доставляющего неудобства отчуждения от людей, маленького героя – от взрослых, окружающего мира, без опоры на религиозные убеждения и моральные ценности. Автор предстает и как автор, и как рассказчик, чья история временами рассказывается от третьего лица, предоставляя возможности рассказчику для самоанализа. Функции остранения в тексте следующие: интенциональность, экспрессивность-эмотивность, конативность, множественность интерпретации, pragматическая, металингвистическая функция.

В романе А. Оза выделяется около 300 случаев остранения. Отдельные примеры однотипны и повторяются (например, используемое заимствование «кабинет»), кроме того, есть наложение общей остраненной интонации рассказчика (остранение II типа) на отдельные случаи остранения I типа, как например, в рассказе про чистоплотность бабушки рассказчика. Частотность случаев остранения I типа – 0,4 на страницу оригинального текста (объем оригинала – 498 страниц). Было рассмотрено 65 случаев создания остранения ($\approx 21\%$ от общего количества проявления остранения в тексте оригинала), I тип остранения представлен 34 раза, II тип – 35 раз (в некоторых случаях есть сочетание обоих типов), что позволяет сделать вывод об одинаковой частотности употребления этих типов остранения в данном произведении. Остранение в английском и русском переводах в целом представлено адекватно за исключением одной непереведенной главы в английском тексте романа.

Методика построения графов и само языковое моделирование являются инструментами теоретического понимания процесса перевода. В данном исследовании впервые была предпринята попытка проанализировать сложный художественный прием остранения с позиции формального синтаксиса и симметрийных отношений. В силу универсального характера остранения и его функционирования как в рамках отдельных лексем, так и на уровне высказываний, невозможно установить правила сегментации отрывков текста, соответствующих остранению, и провести строгую корреляцию между планом выражения и планом содержания. Широкая вариативность семантико-синтаксических преобразований и их разнообразие (на уровне поверхностных структур) не позволяет их полностью систематизировать в отношении именно остранения, но дает наглядное представление о возможных трансформациях в целом при переводе с иврита на русский и английский языки. Теоретически возможно было бы сконструировать систему операций, позволяющую строить контекстуальные варианты толкований употребленных в оригинальном тексте слов и их сочетаний, соответствующих остранению, а также при необходимости осуществлять перераспределение отдельных смысловых компонентов между единицами переводного текста по сравнению с тем, как они распределяются в исходном тексте, но для этого необходимы сложные компьютерные методы. Тем не менее даже при отсутствии такой системы сама методика моделирования естественного языка и переводческих трансформаций необходимы для усовершенствования качества перевода. Знание и использование межъязыковых перифраз позволяет переводчику существенно ускорять свою работу и является поэтому одной из важнейших составляющих переводческого опыта. Что касается симметрийных отношений, то можно сделать следующие выводы. Проанализировав переводы с точки зрения симметрии, получаем следующие результаты: зеркальная симметрия – 77 случаев, трансляционная симметрия – 60, бордюрная симметрия – 49, полная симметрия – 41, диссимметрия – 41,

винтовая симметрия – 28, адаптивная асимметрия – 12, компрессивная асимметрия – 11, криволинейная симметрия – 11, цветная симметрия – 10, индивидуально-образная асимметрия – 10, антисимметрия – 5, культурологическая асимметрия – 5, модальная асимметрия – 4, рефлексивная асимметрия – 2. Это данные по обоим переводам, так как не было выявлено значительных количественных расхождений по видам симметрии и асимметрии в том или другом направлении перевода. Между переводами (сравнивался русский перевод с английским, в обратном направлении соотношение компрессивной и адаптивной асимметрии было бы иным) отношения следующие: зеркальная симметрия – 31 случай, трансляционная симметрия – 27, полная симметрия – 22, диссимметрия – 22, бордюрная симметрия – 20, индивидуально-образная асимметрия – 10, винтовая симметрия – 9, компрессивная асимметрия – 8, адаптивная асимметрия – 4, модальная асимметрия – 4, криволинейная симметрия – 3, цветная симметрия – 3, культурологическая асимметрия – 3, антисимметрия – 2, рефлексивная асимметрия – 2. Сравнительно небольшое количество случаев индивидуально-образной и культурологической асимметрии свидетельствует о достаточном воспроизведении культурологической информации в переводах (это адаптирующая функция симметрийных отношений), так как в оригинальном тексте было большое количество культуронимов. Значительное количество случаев зеркальной симметрии связано с различиями в структуре построения предложения в языке оригинала и в языках перевода (например, нормативная постпозиция определения и числительного «один» в иврите). Большое количество случаев трансляционной, полной и бордюрной (формообразующей по А.Ю. Корбут) симметрии демонстрирует высокую степень эквивалентности в отношении семантико-сintаксических структур между оригиналом и переводами. Диссимметрия и винтовая симметрия проявляются в отдельных участках предложения, связаны с лексико-грамматическими трансформациями и также демонстрируют формообразующую функцию симметрии. Основные

отношения (ядерная структура) и потенциальные (спецификаторы и модификаторы), а также таксисные отношения в переводах сохранены.

Преимущественно остранение выражено лексическими, синтаксическими (например, с помощью инверсии, непривычного темо-рематического деления), а также графическими средствами (курсив и кавычки), хотя последние используются реже. Остраниющая интонация повествователя является связующим средством для организации всего текста. В переводе для передачи остранения используются графические средства (курсив, кавычки), экспрессивно-лексические (тропы), грамматические конструкции, выражающие приблизительно то же значение, что и в языке оригинала, синтаксические построения, либо соответствующие языку оригинала (форенизация), либо нехарактерные для языка перевода (остранение в переводе). Опущение остранения в переводе приводит к лишней доместикации. Форенизация в переводе способствует передаче остранения, но их функционал не совпадает, форенизация служит средством привнесения элементов чужой культуры, тогда как остранение – выражением авторского «я», не обязательно обусловленного принадлежностью к чужой культуре. Остранение, добавляемое в переводе, является в то же время приемом форенизации, а остранение, сохраняемое в переводе, симметрично остранению оригиналу и имеет форенизирующий смысл, если только в состав остраненного отрывка попали элементы чужой лингвокультуры.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В диссертационном исследовании изучены теоретические подходы к остранению в отечественной и зарубежной науке, также обосновано функционирование остранения не только в качестве универсального литературного приема, но и в качестве переводческого. В процессе перевода происходит дифференциация форенизации и остранения, таким образом, остранение не идентично форенизации, но форенизация может осуществляться в переводе с помощью остраняющей интонации или отдельных лексических компонентов.

Остранение отличается от смежных понятий отчуждения, очуждения, отстранения. Отчуждение имеет как экономический характер (отчуждение человека от результатов труда), так и психологический характер. Феноменологически отчуждение выражалось в невротической потере субъектом чувства реальности происходящего (дереализации) или в утрате своей индивидуальности (деперсонализации). В настоящее время в психологическом смысле отчуждение предполагает оторванность от себя, от ближнего, от работы, от потребностей, от государства. Как правило, отчуждение сопровождается невротическими ощущениями, но может стать необходимой ступенью самоанализа (также называемого «самоостранение»). Такое отчуждение с сопутствующим самоотречением, как полагали экзистенциалисты, становится возможностью самопознания и творческого становления, так как предполагает принципиально иную точку зрения, отказ от общепринятых установок, выход в метафизическое пространство. Противоположностью отчуждению является понимаемая в широком смысле солидарность. Очуждение сходно с отрешенным бытием у Г.Г. Шпета, так как при очуждении предполагается, что остраняются и эстетизирующее сознание, и предмет эстетизации. Очуждение – это способ представить явления с неожиданной стороны с целью удивить зрителя или вызвать его удивление и любопытство, то есть термин функционирует в рамках

сценического искусства. Отстранение понимается как дистанцирование от предмета рефлексии и, может, следовательно, служить инструментом остранения. Остранение – частный вариант чувства «отчуждения», реализуемый в произведениях, что позволяет рассматривать остранение как универсальный метод искусства. Дистанция и зазор отстранения составляют необходимое, но не достаточное условие остранения. Отчуждение предшествует созданию остранения, так как в отчуждении совершается разрыв между понятием и ощущением, согласно И. Канту. Познающий субъект имеет дело не с вещами, а с их отчужденной природой, при этом остранение миметично, поскольку стремится к максимально точному, объективному изображению. Остранение также отличается от эффекта остранения, возникающего с течением времени, когда между читателем и писателем есть темпоральный разрыв. Но даже в отсутствие реципиента может возникнуть эффект остранения, так как записанный текст не эквивалентен самому себе из-за времени, трансформирующего реальность. Остранение может функционировать как на объективном уровне (автокритицизм, авторефлексия, научное познание), так и на субъективном, когда у остранения могут быть градации проявления, в частности, острашение и ожутчение при соответствующем воздействии на читателя. На объективном уровне может проявиться самоостранение, функционирующее или как признак отчуждения наряду с беспомощностью, отсутствием норм и смыслов, социальной изоляцией, или как инструмент для самопознания, предполагающий активное поведение.

Остранение рассматривается как универсальный художественный прием, рассчитанный на деавтоматизацию восприятия реципиента. В литературном отношении остранение представляет собой внутриязыковую генерализацию, замену привычного в данном контексте названия на другое с более широким семантическим и эмотивным потенциалом, но с той же референцией. При этом возникает эффект обновления картины мира и неожиданной рецепции. Остраниющая способность свойственна любому

творческому сознанию, способному на оригинальное видение, нешаблонное описание, непосредственность рецепции. Потенциал для проявления остранения задан ситуацией неопределенности, амбивалентности, состоянием перехода и лиминальности.

Остранение может быть двух типов: I тип реализуется преимущественно на лексическом уровне в виде тропов, II тип представляет законченный смысловой образ, особую авторскую интонацию, выбор которой бывает сопряжен с введением в текст повествования рассказчика. При остранении I типа объектом остранения могут стать смыслы, понятия, значения, а приемами – нарушение лексической сочетаемости, речевые аномалии, окказионализмы, словотворчество, метафоризация, нарушающая категориальные границы. При остранении II типа, имеющего текстообразующую функцию, происходит столкновение идеологий, изменение привычного расстояния до вещи, перспективы, введение дискретизации, разрушение и воссоздание целостной картины вследствие усложнения или нарушения художественной формы. В целом остранение I типа может присутствовать в любом художественном произведении, зато остранение II типа может функционировать в качестве средства научного и психологического анализа, стилистического инструмента перформативных видов искусства. Переинтерпретация, осуществляемая в остранении, имеет следствием не только сильный художественный эффект, но и иное восприятие вещи, необусловленное прочтение, выход на поверхность имплицитных смыслов. Необходимо отметить, что остранение и переосмысление не являются последовательными стадиями, а реализуются одновременно.

Проведенное исследование свидетельствует о том, что перевод представляет собой основной принцип формирования представлений о соответствующей культуре. Остранение при этом объективирует языковую картину мира произведения, служит ключом для обнаружения и представления смысловой метаструктуры художественной реальности.

Остранение оригинального произведения шире, чем остранение как переводческий прием. При переводе остранения переводчик балансирует между сохранением специфического, маркированного содержания и передачей исходного содержания так, чтобы читателю не нужно было прибегать к специальной литературе для понимания прочитанного, иначе это будет считаться неадекватным применением форенизации.

Остранение не может быть редуцировано до стратегии форенизации, так как форенизация – это переводческий прием, а остранение – стилистический, имеющий большую психологическую значимость. Остранение – компонент авторского дискурса и семантический сдвиг, характеризующий деавтоматизированное восприятие как часть когнитивного процесса. При переводе с использованием остранения и форенизации появляется возможность обогащения языка перевода новыми единицами за счет текста-источника.

В качестве переводческого приема остранение соотносится с переводческими трансформациями, но оно не равно грамматической замене или лексическим преобразованиям. В случае остранения в одной лексеме, например, в имени собственном, остранение может быть реализовано как калькирование, транскрипция или транслитерация, и в этом случае области обычного переводческого преобразования и остранения совпадают. Также к приемам создания остранения в переводе относятся употребление архаизмов, окказионализмов, этимологических справок, непонятных читателю выражений, заимствований, метафор, олицетворений, метонимий, симметричных синтаксических конструкций; инверсия; контекстное использование глагольных времен; двусмысленность и т.д. Когда остранение происходит на уровне словосочетания, фразеологического сращения, одного или нескольких предложений, тогда остранение становится шире переводческих трансформаций, подчиняя их себе, вбирая их в себя и подразумевая неизбежные модификации и потери. Такое остранение является оригинальной авторской интонацией.

Проведя исследование, мы убедились в том, что несмотря на сложный характер приема остранения возможно его трансформационно-семантическое представление в переводе с частичной формализацией содержания составных частей. Изучение универсальности остранения как художественного приема и принципов моделирования семантико-синтаксических преобразований относительно остранения в переводе позволяет сделать следующие выводы:

1. Остранение является универсальным стилистическим приемом; это общее свойство восприятия, связанное с отчуждением в момент созерцания и описания реальной и вымышленной действительности в художественном тексте. Реализуясь в тексте, остранение предполагает деавтоматизацию смыслов и обновление читательской рецепции.

2. Когнитивная природа перевода заставляет адаптировать денотацию остранения к этническому сознанию, менталитету, интеллекту адресата, у которого есть своя когнитивная среда и свой ментальный лексикон, поэтому для воспроизведения остранения в языке перевода используются различные переводческие стратегии и преобразования. Остранение является отдельным проявлением индивидуально-авторского своеобразия текста и потому выступает операционной единицей художественного перевода.

3. Остранение как переводческий прием отличается от стратегий форенизации и доместикации и дополняет их, служа средством сохранения аутентичности оригинальных языковой и культурной картин мира исходного текста и сообщая дополнительное культурное измерение тексту перевода.

4. Прием остранения в переводе поддается частично формализованному представлению посредством функционального трансформационно-семантического моделирования с помощью графов.

5. Преобразования в переводе остранения возможны из-за принципиальной переводимости остранения даже с учетом того, что остранение может представлять в виде оригинальной авторской интонации.

6. Между переводами и оригиналом реализуются, как правило, отношения зеркальной, трансляционной, полной винтовой и бордюрной симметрии, цветной, незначительной диссимметрии, компрессивной и адаптивной асимметрии. Соответствующие преобразования связаны с необходимостью переводчика соблюдать нормы переводящего языка (зеркальная, винтовая, бордюрная симметрия, компрессивная и адаптивная асимметрия), важностью сохранения острания в переводе (трансляционная симметрия и диссимметрия) и требованием адаптироваться к качественной диссимметрии между разными языками (цветная диссимметрия).

Анализ трансформационно-семантических моделей показал, что при переводе межъязыковая семантическая асимметрия между текстом и переводом способна порождать структурную симметрию между различными переводами.

В отечественной гебраистике отсутствует значительное количество научных трудов, посвященных разностороннему лингвистическому анализу иврита художественной прозы в диахроническом и синхроническом аспектах. В зарубежной науке данная тема также нуждается в дополнительном исследовании и систематизации для представления целостной картины состояния иврита современной израильской прозы и перевода художественных текстов с иврита.

Исследования в данном направлении необходимым образом должны включать переводческий и сопоставительный аспекты. Практическое приложение проведенного исследования видится в использовании трансформационно-семантических моделей при обучении переводу с иврита и других языков, а также непосредственно в переводческой работе.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авдонин, В.П. Прощание с кумирами в оде «Одной dame» Жоашена дю Белле [Текст] / В.П. Авдонин // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2012. – № 7 (18). – Ч. 1. – С. 18-21.
2. Агапов, О.Д. Интерпретация как проблема социальной философии [Текст] / О.Д. Агапов // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Казань, Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2006. – Т. 148. – Кн. 1. – С. 45-59.
3. Акимова, М.В. Какого Брика мы читаем: Загадки «Ритма и синтаксиса» [Текст] / М.В. Акимова // Могут ли тексты лгать? К проблеме работы с недостоверными источниками. Материалы Четвертых Лотмановских дней в Таллинском университете (8–10 июня 2012 г.). – С. 90-108.
4. Аксенов, К.А. Моделирование и принятие решений в организационно-технических системах: учебное пособие. В 2 ч. Ч. 1 [Текст] / К.А. Аксенов, Н.В. Гончарова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 104 с.
5. Алексеева, И.С. Введение в перевод введение: Учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак. высш. учеб. заведений [Текст] / И.С. Алексеева. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 352 с.
6. Асафьева, В.К. Проблема отчуждения в трудах мыслителей «теории общественного договора» и философии Иммануила Канта [Текст] / В.К. Асафьева // Тамбов: Грамота, 2015. – № 7 (57): в 2-х ч. – Ч. I. – С. 15-18.
7. Ашрапова, А.Х. К вопросу функционального синтаксиса в разноструктурных языках (в аспекте сопоставительного изучения языков) [Текст] / А.Х. Ашрапова // Филология и культура. – 2012. – № 1 (27). – С. 9-12.
8. Баба, Х. Диссеминация: время, повествование и края современной нации [Текст] / Пер. с англ. И. Борисовой // Синий диван. – 2005. – № 6. – С. 68-118.

9. Бабук, А.В. Автобиографические мотивы в свете приема остранения (на материале творчества Ч. Диккенса и Ф.М. Достоевского) [Текст] / А.В. Бабук // Вестник Новгородского государственного университета. –2015. – № 84. – С. 24–27.
10. Бар-Йосеф, Х. Израильская литература 90-х годов XX века [Текст] / Х. Бар-Йосеф, пер. с англ. З. Копельман // Антология ивритской литературы XIX-XX веков в русских переводах. – М., Изд. центр РГГУ, 2000. – 631 с.
11. Баржанская, А.М. Фреймовая презентация концепта family в персональном дискурсе королевы Виктории [Текст] / А.М. Баржанская // Studia Linguistica. – 2009. – № 2. – С. 32-39.
12. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика критики [Электронный ресурс] / Р. Барт. – М.: Прогресс, 1994. – С. 384-391. URL: zarliterature.ucoz.ru/BIBLOITEKA/nauchnaya/bart_r-smert_avtora.doc (дата обращения: 16.01.2017)
13. Барт, Р. S/Z [Текст] / Пер. с фр. Г.К. Косикова и В.П. Мурат; под. ред. Г.К. Косикова. – 3-е изд. – М.: Академический Проект, 2009. – 373 с.
14. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи [Текст] / М.М. Бахтин. – М.: Художественная литература. – 1986. – 543 с.
15. Бахтин, М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса [Электронный ресурс] / М.М. Бахтин. – 2-е изд. – М., «Художественная литература», 1990. – 543 с. – URL: http://krotov.info/libr_min/02_b/ah/baht_04.html (дата обращения: 16.01.2017)
16. Белов, Е.А. Структурализм Жана-Люка Годара на примере фильма «Альфавилль» [Текст] / Е.А. Белов // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. – 2012. – № 2 (30). – С. 148-150.
17. Белоусов, К.И. Теория, «теория» и теория текста [Текст] / К.И. Белоусов // Вестник ОГУ. – 2009. – № 11 (105). – С. 54-59.
18. Березин, В.С. Виктор Шкловский [Текст] / В.С. Березин. – М.: «Молодая гвардия», 2014. – 512 с.

19. Берман, Б.И. Библейские смыслы [Текст] / Б.И. Берман. Кн. 1. – М.: «Лайда», 1997. – 200 с.
20. Бойко, Л.Б. К вопросу о переводе интертекста [Текст] / Л.Б. Бойко // Вестник РГУ им. И. Канта. Филологические науки. – 2006. – № 2.– С. 52–59.
21. Бойм, С. Общие места: Мифология повседневной жизни: [реферат] [Текст] / Т. А. Фетисова // Культурология. –2005. – № 2. – С. 157–164.
22. Бондарев, А. П. Фердинанд де Соссюр и некоторые вопросы теории литературы [Электронный ресурс] / А.П. Бондарев // Фердинанд де Соссюр и современное гуманитарное знание. – М.: РАН ИНИОН, 2008. – С. 116–135.
URL: <http://modfrancelit.ru/sossyur-i-teoriya-literuryi-statya-a-p-bondareva/> (дата обращения: 16.01.2017)
23. Бондарев, А.П. Эстетика перевода: перевод и диалог в свете теории познания [Текст] / А.П. Бондарев // Вестник МГЛУ. – 2011. – № 9 (615). – С. 7-14.
24. Бориславов, Р. «О законах кино» В. Шкловского: предисловие к републикации [Электронный ресурс] / Р. Бориславов // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 4 (128). – URL: <http://www.nlobooks.ru/node/5271> (дата обращения: 16.01.2017)
25. Брехт, Б. Барабаны в ночи [Электронный ресурс] / Пер. Г.И.Райтгауза // Стихотворения. Рассказы. Пьесы. Составление, вступительная статья и примечания И. Фрадкина. – М.: «Художественная литература», 1972. – С. 355-398. – URL: http://www.theatre-library.ru/files/b/breht/breht_34.doc (дата обращения: 16.01.2017)
26. Брехт, Б. Ваал [Электронный ресурс] / Пер. А. Богомолова. – URL: www.theatre-library.ru/files/b/breht/breht_35.doc (дата публикации: 2011, дата обращения: 16.03.2014)
27. Брехт, Б. Театр. Т. 5/2 [Электронный ресурс]: ком. Е. Г. Эткинда. – М.: Искусство. – 1965.– 566 с. – URL: http://lib.ru/%3E%3C/INPROZ/BREHT/breht5_2_1.txt (дата обращения: 16.03.2014)

28. Бубер, М. Я и Ты [Текст] / М. Бубер // Два образа веры / Пер. В.В. Рынкевича. М.: «Республика», 1995. – 464 с. – С. 16-92.
29. Бузаджи, Д.М. «Остранение» в аспекте сопоставительной стилистики и его передача в переводе (на материале английского и русского языков) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / Д.М. Бузаджи. – М., 2007. – 206 с.
30. Вайс, Р. Современный еврейский литературный канон. Путешествие по языкам и странам [Текст] / Р. Вайс. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2008. –512 с.
31. Валькова, Ю.Е. Категория остранения в автобиографических текстах [Электронный ресурс] / Ю.Е. Валькова // Молодежь и наука: сборник материалов X Юбилейной Всероссийской научно-технической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых с международным участием, посвященной 80-летию образования Красноярского края (15-25 апреля 2014) / отв. ред. О.А.Краев – Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2014а. URL: http://conf.sfu-kras.ru/sites/mn2014/pdf/d01/s66/s66_002.pdf (дата обращения: 10.09.2014).
32. Валькова, Ю.Е. Остранение в художественном тексте: философский аспект [Текст] / Ю.Е. Валькова // Материалы Пятой межвузовской научно-практической конференции «Актуальные проблемы современной лингвистики», г. Санкт-Петербург, 19 апреля 2016 года. – 2016а. – 348 с. – С. 24-26.
33. Валькова, Ю.Е. Остранение как неокатегория художественного перевода [Текст] / Ю.Е. Валькова // Сборник материалов VI Международной научной конференции «Индустрия перевода» (2-4 июня 2014 г.). – Пермь, Изд-во ПНИПУ, 2014б. – С. 86-91.
34. Валькова, Ю.Е. Переводимое и непереводимое в романе Амоса Оза «Повесть о любви и тьме» [Текст] / Ю.Е. Валькова // Диалог культур в аспекте языка и текста: Материалы Всероссийской научно-практической конференции молодых исследователей с международным участием,

Красноярск, 26-27 апреля 2011 г. / отв. ред. О.В. Фельде; Сибирский федеральный университет. Красноярск, 2011. – С. 43-47.

35. Валькова, Ю.Е. Сохранение остранения в переводе художественной литературы [Текст] / под общей ред. А.Г. Гудманяна, С.И. Сидоренко // Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика: сборник научных трудов (материалы IX Международной научно-практической конференции по актуальным вопросам теории и практики перевода (15-16 апреля 2016 г.) (Киев, Национальный авиационный университет). – Киев: Аграр Медиа Груп, 2016б. – 436 с. – С. 45-51.

36. Валькова, Ю.Е. Языковая картина мира у Амоса Оза в русских переводах: прием остранения В. Шкловского и стратегии перевода [Текст] / Ю.Е. Валькова // Специальный и художественный перевод: теория, методология, практика: сборник научных трудов (материалы X Международной научно-практической конференции по актуальным вопросам теории и практики перевода (7-8 апреля 2017) (Киев, Национальный авиационный университет) / под общей ред. А.Г. Гудманяна, С.И. Сидоренко. – Киев: Аграр Медиа Груп, 2017. – 468 с. – С. 60-64.

37. Валькова, Ю.Е. Methods of Estrangement in Amos Oz's A Tale of Love and Darkness [Текст] / Ю.Е. Валькова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 7. – № 10. – 2014с. – С. 1661-1671.

38. Валькова, Ю.Е. On the Theoretical Aspects of Translating Estrangement [Текст] / Ю.Е. Валькова // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – Т. 8. – № 12. – 2015. – С. 2821-2832.

39. Вахштайн, В.С. На краю привычного мира: события и их фреймы [Текст]/ В.С. Вахштайн // Социологическое обозрение.– 2011. – № 3. – Т. 10. – С. 79-94.

40. Велединская, С.Б. Курс общей теории перевода [Текст]/ С.Б. Велединская. – Томск, Изд-во Томского политехнического университета, 2010. – 230 с.

41. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М.: Художественная литература, 1940. – 649 с.
42. Веселовский, А.Н. Историческая поэтика [Текст] / А.Н. Веселовский. – М.: Высшая школа, 1989. – 648 с.
43. Визгин, В.П. Философия Ницше в сумерках нашего сегодня [Электронный ресурс]/ В.П. Визгин // Фридрих Ницше и философия в России: Сборник статей. – СПб., 1999. – С. 179-208. URL: <http://www.nietzsche.ru/around/russia/vizgin/> (дата обращения: 01.04.2016).
44. Виноградов, В.С. Перевод: Общие и лексические вопросы. – М.: КДУ, 2004. – 240 с.
45. Виноградова, М.С. Лингвоконцептология литературно-художественного текста: постановка проблемы [Текст] / М.С. Виноградова // Вестник Томского государственного университета. – 2007. – № 303. – 2009. – С. 7-9.
46. Войнич, И.В. Стратегии перевода и «видимость»/»невидимость» переводчика (на материале русскоязычных переводов трагедии В. Шекспира «Юлий Цезарь») [Текст] / И.В. Войнич // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 30 (168). – Филология. Искусствоведение. Вып. 35. – С. 56-63.
47. Воротникова, А.Э. Сложности перевода экспериментальной прозы (на материале романа Э. Елинек «Любовницы») [Текст] / А.Э. Воротникова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2007. – № 1. – С. 140-148.
48. Воскобойник, Г.Д. Лингвофилософские основания общей когнитивной теории перевода [Текст]: дисс. ... док. филол. наук. / Г.Д. Воскобойник.– Иркутск, 2004. – 296 с.
49. Всеволодова М.В., Дементьева О.Ю. Проблемы синтаксической парадигматики: коммуникативная парадигма предложений [Текст]/ М.В. Всеволодова. – М.: Крон-Пресс, 1997. – 176 с.

50. Вторушин, Н.А. Категория отчуждения: гносеологический анализ [Текст]/ Н.А. Вторушин // Известия Томского политехнического университета. – 2008. – Т. 313. – № 6. – С. 105-108.
51. Вуколова, В.С. Интертекстуальный способ изображения исторической эпохи 1953-1996 гг. в романе Л.Е. Улицкой «Зеленый шатер» [Текст] / В.С. Вуколова // Вестник ТГУ. – 2015. – № 6 (146). – С. 218-224.
52. Галицких, Е.О. Миры реальности и проблемы детства в художественной литературе нового века [Текст] / Е.О. Галицких // Вестник ВятГГУ. Литературоведение. – 2012. – № 3 (1). – С. 95-100.
53. Галич-Барр, Д. Колокола и ветер: роман [Текст] / пер. с серб. А. Базилевского. – М.: Вазахар; Этерна, 2009. – 304 с.
54. Генеп, А. ван Обряды перехода. Систематическое изучение обрядов [Текст] / пер. с фр. Ю.В. Ивановой, Л.В. Покровской. – М., Изд. фирма «Восточная литература» РАН, 1999. – С. 64–107
55. Гидини, М.К. Специфика эстетического предмета: отрешенное бытие у Шпета и у Бахтина [Текст] / М.К. Гидини // Творческое наследие Густава Густавовича Шпета в контексте философских проблем формирования историко-культурного сознания. – Томский межрегиональный институт общественных наук. Изд-во Томского университета, 2003. – С. 370–379.
56. Гинзбург, К. Остранение: Предыстория одного литературного приема [Текст]: пер. с итал. С. Козлова / К. Гинзбург // НЛО. –2006. – № 80. – С. 89–104.
57. Говорухина, Ю.А. Метод современной литературной критики [Электронный ресурс] / Ю.А. Говорухина // Вестник Томского государственного университета. Томск. – 2010. – № 333 (апрель) – С.10–16. – URL: <http://sun.tsu.ru/mminfo/000063105/333/image/333-010.pdf> (дата обращения: 01.04.2014).
58. Голубина, К.В. Социализирующая и индивидуализирующая функции контекста в дискурсе [Текст] / К.В. Голубина // Вестник МГЛУ. – 2014. – № 17 (703). – С. 49-59.

59. Гончар, Н.Г. Асимметрия в переводе художественного текста: этнолингвокультурологический аспект [Текст]: автореферат дисс. ... доктора филол. наук / Н.Г. Гончар. – Тюмень, 2009. – 21 с.
60. Гончарова, Н.Н. Языковая картина мира [Текст] / Н.Н. Гончарова // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. – 2012. – № 2. – С. 396-405.
61. Горский, А.К. Об исторической поэтике Александра Веселовского [Текст]/ А.Н. Веселовский // Историческая поэтика. – М.: «Высшая школа», 1989. С. 11-32.
62. Грибановская, Е.С. Концепт «чужого» в переводе [Текст]/ Е. С. Грибановская // Вестник Московского университета. Сер. 22. Теория перевода. – 2012. – № 2. – С. 16-23.
63. Григорьева, Н. Памятник русскому приему (Рец. на кн.: Ханзен-Леве О. А. Русский формализм. М., 2001) [Текст] / Н. Григорьева // Новое литературное обозрение. – М. – 2002. – № 1 (001). – С. 378-383/
64. Гумбольдт, В. фон. [Текст] / В. фон Гумбольдт // Язык и философия культуры. – М.: Прогресс, 1985. – 452 с.
65. Гуссерль, Э. Идеи чистой феноменологии и феноменологической философии. Т. 1 [Электронный ресурс]: пер. с нем. А.В. Михайлова. – М.: ДИК, 1999. – URL: http://philosophy.ru/library/husserl/husserl_ideal.html (дата обращения: 01.04.2014).
66. Дашинимаева, П.П. Психолингвистический аспект непереводимости [Текст] / П.П. Дашинимаева // Вестник Бурятского государственного университета. – 2010. – № 11. – С. 38-43.
67. Депретто, К. Идеи Шкловского во Франции: перевод и восприятие (1965-2011) [Текст] / К. Депретто // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 3. – С. 43-52.
68. Деррида, Ж. Диссеминация [Текст]: пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина/ Ж. Деррида. – Екатеринбург: У-Фактория, 2007а. – 608 с.

69. Деррида Ж. Письмо и различие [Текст]: пер. с фр. Д.Ю. Кралечкина/ Ж. Деррида. – М.: Академический Проект, 2007б. – 495 с.
70. Деррида Ж. Позиции [Текст]: пер. с фр. В.В. Бибихина/ Ж. Деррида. – М.: Академический Проект, 2007с. – 160 с.
71. Десницкий, А.С. Теория перевода после Ю. Найды: скопос вместо эквивалента [Электронный ресурс] /А.С. Десницкий // Богослов. – URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1595663.html> (дата публикации: 04.04.2011, дата обращения: 01.02.2017).
72. Джейранов, Ф.Е. Философия Ф. Ницше сквозь призму отчуждения и свободы человека [Текст] / Ф.Е. Джейранов // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 18 (233). – С. 139-145.
73. Джексон, П. Введение в экспертные системы = Introduction to Expert Systems [Электронный ресурс] / П. Джексон. – 3-е изд. – М.: Вильямс, 2001. – С. 624. – URL: <http://sapr-mgsu.narod.ru/biblio/ex-syst/L/Index0.htm> (дата обращения: 01.08.2016).
74. Диценко, П.И. Интеллигентский дискурс [Текст] / П.И. Диценко // Вестник ВолГУ. Серия 7. Вып. 3. – 2003-2004. – С. 29-40.
75. Добровольский, Д.О., Михеев, М.Ю. Стратегии перевода и остранение в художественных текстах [Текст] / Д.О. Добровольский, М.Ю. Михеев // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог’ 2006» (Бекасово, 31 мая – 4 июня 2006 г.) – М.: Изд-во РГГУ, 2006. – С. 394–398.
76. Довгий, О.Л. Синие зайцы и белые медведи (поэтологический бестиарий В.Б. Шкловского) [Текст] / О.Л. Довгий // Новый филологический вестник. – 2014. – № 1 (28). – С. 92–99.
77. Дурова, М.В. Модели бытийно-пространственных элементарно-простых предложений в японском языке (в сопоставлении с языками народов Сибири) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук. – Новосибирск, 2016. – 199 с.
78. Евсеева, И.В., Лузгина, Т.А., Славкина, И.А., Степанова, Ф.В.. Современный русский язык: Курс лекций [Текст] / И.В.Евсеева, Т.А.Лузгина,

- И.А.Славкина, Ф.В.Степанова // под ред. И.А. Славкиной. Сибирский федеральный ун-т. – Красноярск, 2007. – 642 с.
79. Екимова, Т.А. Остранение как способ организации «Фокса Микки» Саши Черного [Текст] / Т.А. Екимова // Сборник материалов VIII Всероссийской научной конференции с международным участием. Челябинский государственный педагогический университет. – 2015. – С. 118-122.
80. Заика, В.И. Понятие остраннения и компоненты художественной модели [Текст] / В.И. Заика // Вестник Новгородского государственного университета.– 2004. – № 29. – С. 97–103.
81. Замятин, Е.И. О литературе, революции, энтропии и прочем [Электронный ресурс] / Е.И. Замятин // Сочинения. – М.: «Книга», 1988. – URL: http://az.lib.ru/z/zamjatin_e_i/text_1923_o_literature.shtml (дата обращения 1.08.2017).
82. Зенкин, С. Русская теория и интеллектуальная история – 2 (заметки о теории, 16) [Электронный ресурс] / С. Зенкин // Новое литературное обозрение. – 2007. – № 87. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2007/87/ze41-pr.html> (дата обращения 13.08.2015).
83. Зиммель, Г. Избранное. Том 1. Философия культуры. [Текст]: пер. с нем. – М.: Юрист, 1996. – 671 с.
84. Злобин, А.Н. Перевод в когнитивном формате знания [Текст]: монография / А.Н. Злобин; науч. ред. С. И. Дубинин. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2012. – 152с.
85. Ивановская, О.Г. «Симметричные тексты» как тексты особого вида и синергетические педагогические технологии как способ их углубленного понимания [Текст] /О.Г. Ивановская // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. – 2012. – № 1 (3). – С. 147-159.

86. Ингарден, Р. Исследования по эстетике [Текст]: пер. с польского А. Ермилова и Б.Федорова. – М., Изд-во Иностранной литературы. – 1962. – 572 с.
87. Иштоян, К.Г. Декомпрессия категории темпоральности в рамках нетипичного художественного текста [Текст] / К.Г. Иштоян // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2012. – № 4 (107). – С. 190-196.
88. Кабанова, С. Теория и практика «эпического театра» Б. Брехта [Электронный ресурс] / С. Кабанова // Habit. – URL: <http://www.habit.ni/20/02.html> (дата публикации: 24.12.2006, дата обращения: 12.12.2016)
89. Калинин, И. Историчность травматического опыта: рутина, революция, презентация [Электронный ресурс] / И. Калинин // Новое литературное обозрение. – – 2013. – – № 124. – – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2013/124/4k.html> (дата обращения 13.08.2015).
90. Калиш, Е.Е. Перевод как о-смысление межкультурной коммуникативной ситуации [Текст] / Е.Е. Калиш // Вестник Бурятского госуниверситета. – 2011. – № 11. – С. 59-65.
91. Калугин, А.С., Терехова, Г.Л. Проблема отчуждения в философии Гегеля [Текст] / А.С. Калугин, Г.Л. Терехова // Вестник ТГТУ. – 2012. – Т.18. – № 3. – С. 782-788.
92. Кант, И. Метафизика нравов. Ч. 1. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 5 (1) [Текст]: пер. с нем. – М.: «Канон-плюс», 2014. – 1120 с.
93. Капица, В.Ф. Светлкова И.Ю. Истоки русского формализма: традиция психологизма и формальная школа [Текст] / В.Ф. Капица // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2006. – № 1. – С. 34-40.
94. Каплуненко, А.М. «Передача смысла» как научная мифологема современного переводоведения [Текст] / А.М. Каплуненко // Вестник Бурятского государственного университета. – 2012. – Спецвыпуск С. – С. 194-198.

95. Караева, Л.Б. Английская литературная автобиография: трансформация жанра в XX веке [Текст]: автореферат дисс. ... доктора филол. наук / Л.Б. Караева. Пятигорский государственный лингвистический университет.– 2009. – 37 с.
96. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс [Текст]: монография. Волгоград, Перемена, 2002. – 477 с.
97. Карпухина, Н.В. Макростратегии интерпретации текста при его социальной аккультурации в семиосфере другого языка [Электронный ресурс] / Н.В. Карпухина // Современные исследования социальных проблем (электронный научный журнал).– 2012. – № 9 (17). – URL: www.sisp.nkras.ru (дата обращения 13.08.2015).
98. Картавцева, И.В. Особенности театральной системы Б. Брехта (на примере сравнения с К. С. Станиславским) [Текст] / И.В. Картавцева // Молодой ученый. – 2014. – №4. – С. 1207-1211.
99. Касинов, И.Н. Мифологические архетипы в романе Г. Уэллса «Пища богов» [Текст] / И.Н. Касинов // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – 2008. – № 2.– Т. 2. – С. 149-152.
100. Квашнина, Т.П. Остранение как когнитивный процесс [Текст] / Т.П. Квашнина // Европейский журнал социальных наук. – № 8 (24). – Рига-Москва, 2012.– С. 148-154.
101. Климова, Т.Ю. Метанarrативные стратегии прозы В. Маканина [Текст] / Т.Ю. Климова // Вестник Томского государственного университета. – 2010. – № 340.– С. 12-16.
102. Княжева, Е.А. Оценка качества перевода: проблемы теории и практики [Текст] / Е.А. Княжева // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж, 2010. – С. 190–195.
103. Козлова, Л.А. Языковые аномалии как средство реализации креативного потенциала языка и их функции в тексте [Текст] / Л.А. Козлова // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 2 (18). – С. 121-128.

104. Колесник, Е.С. «Постнеоромантизм» как переинтерпретация неоромантизма [Текст] / Е.С. Колесник // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2013. – № 8 (34): в 2-х ч. – Ч. 2. – 89-92.
105. Колода, С. К проблеме преодоления лингвоэтнического барьера в переводах современной ивритоязычной прозы [Текст] / Под общей ред. Е.Б. Марьянчика, Ю.Н. Кондраковой // Материалы шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. – М., Академический выпуск, 2009. – С. 179-188.
106. Корбут, А.Ю. Роль языковой модели текста в процессе активного восприятия: экспериментальный анализ [Текст] / А.Ю. Корбут // Вестник ИГЛУ. – 2012. – № 2 (19).– С. 168-179.
107. Корбут, А.Ю. Симметрия и информация в языке и тексте [Текст]: научное издание: монография / А. Ю. Корбут. – Иркутск: ВСГАО, 2014. – 328 с.
108. Корбут, А.Ю. Текстосимметрика как раздел общей теории текста [Текст]: дисс. док. ... филол. наук / А.Ю. Корбут. – Барнаул, 2005. – 343 с.
109. Корнаухова, Н.Г. Переводческие стратегии в аспекте манипуляции сознанием [Текст] / Н.Г. Корнаухова // Вестник ИГЛУ. –2011. – № 3 (15).– С. 90-96.
110. Костенко, А.Н. Набоков-переводчик: новые подходы в теории и практике [Текст] / А.Н. Костенко // Віснік СумДУ. – 2006. – Т. 2. – № 11 (95). – С. 140-145.
111. Кравченко, А.В. Когнитивный горизонт языкоznания [Текст] / А.В. Кравченко. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2008. – 320 с.
112. Красных, В.В. Структура коммуникации в свете лингво-когнитивного подхода: Коммуникативный акт, дискурс, текст [Текст]: дисс. ... док. филол. наук. – М.: МГУ, 1999. – 188 с.

113. Кретов, А. А. Асимметрия в лингвистике [Текст] / А.А. Кретов // Лингвистика и межкультурная коммуникация: Вестник ВГУ. – 2010. – № 2 – Воронежский государственный университет. – С. 5-11.
114. Крутиков, М. Еврейская эмиграция и современная литература [Текст] / М. Крутиков // Новое литературное обозрение. – 2014. – № 3. – С. 95-97
115. Крылов, В.Н. Диалог «своего» и «чужого» в американских впечатлениях В.Г. Короленко [Текст] / В.Н. Крылов // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. – Казань, Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2015. – Т. 157. – Кн. 2. – С. 45-59.
116. Крюков, А.А. Очерки по истории израильской литературы [Текст] / Петербург. евр. ун-т; Ин-т проблем евр. образования. – СПб., Изд-во им. Н.И. Новикова, 1998. – 288 с.
117. Кулькова, Н.А. Переводческая деятельность Руфина Аквилейского в контексте предшествующей традиции [Текст] / Н.А. Кулькова // Вестник ПСТГУ. Серия III. Филология. – 2007. – Вып. 2 (8). – С. 32-98
118. Культурные универсалии [Электронный ресурс] / Б.И. Кононенко // Большой толковый словарь по культурологии. – М.: Вече: АСТ, 2003. – 511 с. – URL: <http://terme.ru/termin/kulturnye-universalii.html> (дата обращения 30.08.2015).
119. Куницына, Е.Ю. Лингвистические основы людической теории художественного перевода [Текст]: автореферат дисс. ... док. филол. наук. – Иркутск: ИГЛУ, 2011. – 35 с.
120. Куницына, Е.Ю. Шекспир – Игра–Перевод [Текст] / Е.Ю. Куницына. – Иркутск: ИГЛУ, 2009. – 348 с.
121. Куницына, Е.Ю. Шекспиризмы: перевод идиом и идиоматичность перевода [Текст] / Е.Ю. Куницына // Вестник МГЛУ. – 2010. – № 21 (600). – С. 113-122.

122. Куняшова, Е.В. Феномен отчуждения в культурно-философских концепциях Ф. Ницше и Г. Зиммеля [Текст] /Е.В. Куняшова // Тамбов: Грамота, 2014. – № 12. – Ч. 3. – С. 125-128.
123. Кустова, Г.И. Рецензия на книгу Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса: От семантических структур к языковым средствам [Текст] / Г.И. Кустова // Вопросы языкознания. – 2008. – № 3. – С. 136-138.
124. Кушнина, Л.В. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход [Текст]: автореферат дисс. ... док. филол. наук. – Челябинск, 2004. – 36 с.
125. Кьеркегор, С. Страх и трепет [Электронный ресурс] / Пер. Н.В. Исаевой, С.А. Исаева. – М.: «Республика», 1993. – С.13-112. – URL: <http://psylib.org.ua/books/kerks01/> (дата обращения 30.08.2015).
126. Лебедев, Н.А. Осознание сознания [Текст] / Н.А. Лебедев // Вестник КГУ им. Н.А. Некрасова. – 2013. – № 2. – С. 183-186.
127. Левинас, Э. Время и другой. Гуманизм другого человека [Текст] / Э. Левинас. – СПб.: Высшая религиозно-философская школа. – 1998. – 265 с.
128. Левченко, Я. Оге А. Ханзен-Лёве. Русский формализм. Новая Русская Книга [Электронный ресурс] / Я. Левченко. – URL: <http://magazines.russ.ru/nrk/2001/2/lev-pr.html> (дата обращения 30.08.2015).
129. Лелекова, Н.В. Коммуникативные барьеры и пути их преодоления в процессе перевода [Текст] / Н. В. Лелекова // Наука ЮУрГУ. Секции социально-гуманитарных наук: материалы 67-й науч. конф. / отв. за вып. С. Д. Ваулин; Юж.-Урал. гос. ун-т. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. – С. 867-873.
130. Леонтьев, Д.А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. [Текст] /Д.А. Леонтьев. 2-е, испр. изд. – М.: Смысл, 2003. – 487 с.

131. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / Под ред. А.Н. Николюкина. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПК «Интелвак», 2001. – 1600 стб.
132. Лихачев, Д.С. Заметки о русском [Текст] / Д.С. Лихачев. – М.: Азбука-Аттикус, 2014. – 520 с.
133. Лосев, А.Ф. Вещь и имя. Самое само. [Электронный ресурс] /А.Ф. Лосев. – Спб.: Издательство Олега Абышко, 2016. –576 с URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Losev/vesch_im.php (дата обращения: 16.01.2017)
134. Лоскутникова, М.Б. Категории художественной формы и литературного стиля в исследованиях русской школы научного формализма [Текст] / М.Б. Лоскутникова // Вестник МГПУ. Серия «Филологическое образование». – 2011. – № 1 (6). – С. 47-54.
135. Лотман, Ю.М. Избранные статьи в трёх томах. Том 1. Статьи по семиотике и топологии культуры [Электронный ресурс] / Ю.М. Лотман. – Таллинн: «Александра», 1992. – 472 с. URL: <http://yanko.lib.ru/books/cultur/lotman-selection.htm> (дата обращения: 16.01.2017)
136. Лукач, Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества [Электронный ресурс]. – М.: Наука, 1987. – 616 с. URL: https://www.marxists.org/russkij/lukacs/1948/young_hegel/28.htm (дата обращения: 16.01.2017)
137. Лукаш, О.С. Психологические представления о позитивных альтернативах отчуждения человека [Текст] / О.С. Лукаш // Культурно-историческая психология. – 2013. – № 1. – С. 62-70.
138. Львов, В.С. Литературная критика формальной школы (Ю.Н. Тынянов, В.Б. Шкловский, Б.М. Эйхенбаум) [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филол. наук. – М., МГУ, 2015. – 26 с.
139. Львов, В.С. Остранение в прозе и публицистике [Текст] / В. С. Львов // Журналистика и культура русской речи. – 2011. – № 3. – С. 47-53.

140. Маганов, А.С. Передача английских конструкций с придаточными предложениями, вводимыми сочетанием «предлог + союз what», при переводе на русский язык (на материале прессы и художественной литературы) [Текст]: дисс. ... канд. филол. наук / А.С. Маганов. – М., 2003. – 162 с.
141. Макаров М.Л. Основы теории дискурса [Текст] / М.Л. Макаров. – М.: Гнозис, 2003. – 277 с.
142. Маркштайн, Э. Постмодернистская концепция перевода (с вопросительным знаком или без него) [Электронный ресурс] / Э. Маркштайн // Иностранный литература. – 1996. – № 9. – URL: <http://magazines.russ.ru/inostran/1996/9/mark.html> (дата обращения 30.08.2015).
143. Меерсон, О. Апокалипсис в быту. Поэтика неостранения у Андрея Платонова [Текст] / О. Меерсон. – М.: Гранат, 2016. – 256 с.
144. Миллионщикова, Т.М., Каллер, Дж. Теория литературы: краткое введение [Текст]: пер. с англ. Георгиева / Т.М. Миллионщикова, Дж. Каллер // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2007. – № 3. – С. 7-13.
145. Мильчина, В. Что варится в «беспереводном горшке»? [Электронный ресурс] / «Переводимое / непереводимое в контактах художественных культур». Шестые чтения памяти Е.Г. Эткинда*(Санкт- Петербург, Европейский университет, 28-30 июня 2010 г.)// Журнальный зал НЛО. – 2010. – № 107. – URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2011/107/mi55.html>(дата обращения 30.08.2015).
146. Милюгина, Е.Г. «Дух времени» и «дух народа» в поэтических манифестах Н.А. Львова [Текст] / Е.Г. Милюгина // Известия Самарского научного центра РАН. Педагогика и психология. Филология и искусствоведение. – 2009. – № 4 (4). – Т. 4. – С. 1027-1031.
147. Милютина, М.Г. Семантика конативности и потенциальная модальность: комплекс «попытка-результат» и его выражение в русском

- языке [Текст]: автореферат дисс. ... док. филол. наук. – Екатеринбург, 2006. – 42 с.
148. Минский, М. Фреймы для представления знаний [Текст]: пер. с. англ. – М.: Энергия, 1979. – 152 с.
149. Мифологизация [Электронный ресурс] / Словарь Академик». – URL: <http://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1318145> (дата обращения 30.08.2015).
150. Мораг, Ш. Язык и эстетика – современный иврит [Текст] / Ш. Мораг // Иврит: проблемы современного языкоznания в Израиле. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2009. – 239 с. С. 197-214.
151. Муравьева, Л.Е. Нarrативная авторефлексия и способы ее выражения в современном литературном дискурсе [Текст] / Е.Л. Муравьева // Сборник материалов 8-ой Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (20-22 апреля 2016 года). Челябинский государственный университет. – Т. 2. – 518 с. – С. 308-312.
152. Мустайоки, А. К вопросу о соотношении языка и действительности [Текст] / А. Мустайоки // Проблемы интерпретационной лингвистики: интерпретаторы и типы интерпретаций. – Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2004. – С. 20-36.
153. Мустайоки, А. К вопросу об аспектуальных парадигмах предикатов. (On aspectual paradigms of predicates) [Текст] / А. Мустайоки// Sprache und Gesellschaft. Festschrift für Wolfgang Gladrow. –Peter Lang, 2008. – С. 211-222.
154. Мустайоки, А. Роли актантов в рамках функционального синтаксиса [Текст] / А. Мустайоки //Языковые функции: семантика, синтаксика, прагматика. – Труды по русской и славянской филологии. Лингвистика. Новая серия. VIII. – Тарту, 2003. – С. 116-133.
155. Мустайоки, А. Теория функционального синтаксиса. От семантических структур к языковым средствам [Текст] / А. Мустайоки // Studiaphilologica. – М.: Языки славянской культуры, 2006. – 512 с.

156. Нелюбин, Л.Л. Толковый переводческий словарь [Текст] /Л.Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320с.
157. Нестеренко, О.В. Адаптация и остранение как переводческие стратегии (на примере перевода поэмы Н.В. Гоголя К. Инглишем) [Текст] / О.В. Нестеренко // Вестник Томского государственного университета. – 2010а. – № 338.– С. 26-30.
158. Нестеренко, О.В. Поэма Н.В. Гоголя «Мертвые души» в англоязычных переводах XIX - XXI вв. [Текст]: дисс. ... кандидата филол. наук: 10.01.01 / О.В. Нестеренко. – Томск, 2010б. –197 с.
159. Николаенко, Н.А. К вопросу философии перевода прозаического текста как семиотического явления [Текст] / Н.А. Николаенко // Известия Томского политехнического университета. – 2004. – Т. 307. – № 3. – С. 158-163.
160. Ницше, Ф. По ту сторону добра и зла [Электронный ресурс] / Пер. Ю. Н. Полиловой // Сочинения в 2-х т.,т. 2. – М.: «Мысль», 1990а. – URL: http://www.lib.ru/NICSHE/dobro_i_zlo.txt_with-big-pictures.html (дата обращения: 23.03.2018).
161. Ницше, Ф. Ессе Homo, как становятся самим собой [Электронный ресурс] / Пер. Ю. М. Антоновского // Сочинения в 2-х т.,т. 2. – М.: «Мысль», 1990б. – URL: http://lib.ru/NICSHE/ecce_homo.txt (дата обращения: 03.01.2017).
162. Новикова, М.Л. Остранные в романе Замятиной «Мы» [Текст] / М.Л. Новикова // Вестник РУДН, сер. Литературоведение. Журналистика. – 2003-2004. – № 7-8. – С. 33-39.
163. Новикова, М.Л. Поэтика остраннения. Словесный образ в культурно-историческом пространстве [Текст] /М.Л. Новикова // Вестник РУДН. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2013. – №2. – С. 110-120.
164. Обухова, Т.М. «Вненаходимость» в диалоге культур (по работам М.М. Бахтина) [Текст] / Т.М. Обухова // Языки. Культуры. Перевод. Материалы международного научно-практического форума. – М., Изд-во Московского университета, 2013. – С. 369-379.

165. Оз, А. От автора. Амос Оз: «В русском языке я понимаю все, кроме слов!» [Электронный ресурс] / А. Оз. – URL: http://www.krupaspb.ru/piterbook/ot_avtora/ot_avtora_arh_oz.html (дата обращения: 03.07.2015).
166. Оз, А. Пути ветра [Электронный ресурс] / А. Оз. – URL: <http://heblit.org/text.php?ge=prose&ac=ao&tc=aoww> (дата обращения: 03.08.2016).
167. Оз, А. Рифмы жизни и смерти [роман] [Текст]: пер. с иврита и сост. указ. В.Радуцкого /А. Оз. – СПб.: ТИД Амфора, 2008. – 189 с.
168. Олейникова, Г.О. Прием когнитивного остранения в методологии научной фантастики [Текст] / Г.О. Олейникова // Одеський лінгвістичний вісник. – 2013. – № 2. – С. 108-114.
169. Остранение [Текст] / Литературная энциклопедия: В 11 т. – М., 1929–1939. Т. 8. – М.: ОГИЗ РСФСР, гос. словарно-энцикл. изд-во «Сов. Энцикл.», 1934. – С. 347-348.
170. Остранение [Электронный ресурс] / Т. Ф. Ефремова // Толковый словарь Ефремовой, 2000.– URL: <http://www.efremova.info/word/ostranenie.html#.VeAUMvntmko> (дата обращения: 03.07.2015).
171. Остранение [Электронный ресурс] / Новая философская энциклопедия: в 4 т. // Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; Предс. научно-ред. совета В.С. Степин. – М.: Мысль, 2000-2001. – URL:<http://iph.ras.ru/elib/2216.html> (дата обращения: 03.07.2015).
172. Остранение [Текст] / Г. Тульчинский // Проективный философский словарь: Новые термины и понятия. – СПб.: Алетейя, 2003. – С. 285–286.
173. Остранение [Электронный ресурс]/ Российский гуманитарный энциклопедический словарь. – М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС: Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та, 2002. Т. 2: 3.– URL:http://humanities_dictionary.academic.ru/4459/%D0%9E%D1%81%D1%82

[%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5](#)(дата обращения: 03.07.2015).

174. Остранение [Электронный ресурс] / Т.В. Артемьева, И.П. Смирнов, Э.А. Тропп, Г.Л. Тульчинский, М.Н. Эпштейн // Проективный философский словарь. – Санкт-Петербург: Международная Кафедра (ЮНЕСКО) по философии и этике СПб Научного Центра РАН, 2002. – URL: http://projective_philosophy.academic.ru/67/Остранение (дата обращения: 03.07.2015).
175. Остранение [Электронный ресурс] / Н.Ю. Русова // Терминологический словарь-тезаурус по литературоведению. От аллегории до ямба. – М.: Флинта, Наука. 2004.– URL:<http://literaturologiya.academic.ru/431/%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 03.07.2015).
176. Островская, В.В. Использование приемов филологической герменевтики при изучении современной прозы в школе («Широколобый» Ф. Искандера) [Текст] / В.В. Островская // Наука и школа. – 2007. – № 6. – С. 63-64.
177. Отстранение [Электронный ресурс] / В.П. Руднев // Словарь культуры XX века. – М.: Аграф, 1997. – С. 205. – URL: <http://www.philosophy2.ru/edu/ref/rudnev/b205.htm>(дата обращения: 03.04.2014).
178. Отчуждение [Электронный ресурс] / Л.А.Карпенко, А.В.Петровский, М. Г. Ярошевский // Краткий психологический словарь. – Ростов-на-Дону: «ФЕНИКС». – 1998. – URL: <http://psychology.academic.ru/1534/%D0%BE%D1%82%D1%87%D1%83%D0%B6%D0%B4%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5> (дата обращения: 03.04.2014).

179. Падучева, Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке; Семантика нарратива) [Текст] / Е.В. Падучева. – М., Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
180. Плат, У. Математическая лингвистика [Электронный ресурс] // Новое в лингвистике М.: Прогресс, 1965. – 590 с. – URL: <http://www.classes.ru/grammar/151.new-in-lingistics-4/source/worddocuments/3.htm> (дата обращения: 30.12.2017).
181. Плевако, С.В. Феномен креативности в современном коммуникативном пространстве [Текст] / С.В. Плевако // Ученые записки Забайкальского государственного университета. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2010. – № 3. – С. 193-195.
182. Померанц, Г. Записки гадкого утенка [Текст] / Г. Померанц. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 205 с.
183. Пономаренко, Е.Р. «Жизнь Арсеньева» как история моего современника: движение автобиографических форм повествования от В.Г. Короленко к И.А. Бунину. Часть I [Текст] / Е.Р. Пономаренко // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 4 (21). – С. 152-165.
184. Пономаренко, Н.И. Лингвистическая аспектизация универсального принципа симметрии [Текст] / Н.И. Пономаренко // Ученые записки Таврического национального университета имени В.И. Вернадского. Серия «Филология». – 2007. – Т. 20 (59). – № 3. – С. 283–287.
185. Попкова, Е.М. «Остранение» российских реалий в англоязычных юридических текстах [Текст] / Е.М. Попкова // Теория и практика перевода. – 2012. – № 2. – С. 12-18.
186. Прищепа, О.В. Брехтівське розуміння «очуження» та «одивлення» В. Шкловьского [Текст] / О.В. Прищепа // Вісник Житомирського державного університету імені Івана Франка. – 2013. – № 70. – С. 215-217.
187. Прокудин, Б.А. Л.Н. Толстой: принцип «остранения» в политике [Текст] / Б.А. Прокудин// Ценности и смыслы. – 2013. – № 1 (23). – С. 139-147.

188. Прокофьева, Д.В. Отчуждение и проблема его преодоления в религиозной (христианской) философской мысли [Текст] / Д.В. Прокофьева // Вестник Башкирского университета. – 2015. – Т. 20. – № 3. – С. 1087-1091.
189. Прунч, Э. Пути развития западного переводоведения. От языковой асимметрии к политической [Текст] / Пер. с нем. – М.: Р.Валент, 2015. – 512 с.
190. Псурцев, Д.В. Из наследия русских формалистов: к проблеме смылоформирования художественного текста [Текст] / Д.В. Псурцев // Вестник МГЛУ. – 2009. – № 557. – С. 57-65.
191. Радуцкий, В. Амос Оз: «Прямых и простых ответов не бывает» [Электронный ресурс] / В. Радуцкий // Лехаим. – 2010. – № 12 (224). – URL: <http://www.lechaim.ru/ARHIV/224/interview.htm> (дата обращения: 03.04.2016).
192. Разумовская, В.А. Изомерия в лингвистике и переводоведении: расширение категориальной парадигмы [Текст] / В.А. Разумовская // Язык и культура. –2012. – № 4. – Томск: Изд-во Томского государственного университета. – С. 49-61.
193. Разумовская, В.А. Остранение в художественном оригинале и переводе: мистические сцены «Евгения Онегина» [Текст] / В.А. Разумовская // Русский язык и культура в зеркале перевода. Материалы международной научной конференции. 25 – 30 апреля 2014 г. – М.: Издательство Московского университета, 2014а. – 729 с. – С. 430-439.
194. Разумовская, В.А. Культурная информация: адаптация и остранение в переводе [Текст] / В.А. Разумовская// Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам. Материалы VIII научно-практической конференции. – Екатеринбург: ФГБОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет», 2014б. – С. 125-129.
195. Разумовская, В.А. Остранение в художественном тексте и проблема переводческого выбора [Текст] / В.А. Разумовская// Проблемы перевода, языка и литературы: Сборник научных трудов. Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 17. – Нижний Новгород: Нижегородский

государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 2014с. – С. 54-62.

196. Разумовская, В.А. Русский поэтический текст в переводах: звуковая симметрия и асимметрия [Текст] / В.А. Разумовская // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2010а. – № 4 (12). – С. 142-148.
197. Разумовская, В.А. Симметрия художественных текстов и переводов [Текст] / В.А. Разумовская// Язык и культура. –2010б. – № 4. – Томск: Изд-во Томского государственного университета. – С. 30-43.
198. Разумовская, В.А. Стратегия остранения в переводе «сильных» текстов русской культуры [Текст] / В.А. Разумовская// MUNDO ESLAVO, № 13. Granada: Universidad de Granada, 2014д. – Р. 177-192.
199. Ревзин, И.И. Модели языка [Текст] / И.И. Ревзин. Монография. – М.: АН СССР, 1962. – 192 с.
200. Рикёр, П. Парадигма перевода (Лекция, прочитанная на факультете протестантской теологии в Париже в октябре 1998 года) [Электронный ресурс] / П. Рикёр. – URL: http://old.russ.ru/ist_sovr/sumerki/20001102.html (дата обращения: 10.02.2016).
201. Родькин, П.Е. «Сдвиг» и «отстранение» как основные художественные приемы в эстетике русского футуризма [Текст] / Человеческий капитал. – 2012. – № 1. – С. 38-41.
202. Руженцева, Н.Б. Диффузия языка и культуры как когнитивный механизм постижения чужого мира [Текст] / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2014. – № 1 (47). – С. 98-107.
203. Руссо, Ж.Ж. Об общественном договоре, или принципы этического права [Текст] / Академия Наук СССР. Институт философии. – М.: Социально-экономическое издательство, 1938. – 125 с.
204. Рымарь, А.Н. «Уже сказанное» в текстах Даниила Хармса и Александра Введенского [Текст] / А.Н. Рымарь // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». – 2007. – № 1. – С. 183-195.

205. Рытова, Т.А. Романы конца 1990-х-2000-х об изменении поколенческих связей и передаче опыта [Текст] / Т.А. Рытова // Вестник Томского государственного университета. Серия «Философия. Филология». – 2011. – № 4(16). – С. 111-125.
206. Сакс, О. «Человек, который принял жену за шляпу» и другие истории из врачебной практики (роман: пер. с англ.) [Текст] /О. Сакс. – СПб.: Science Press, 2006 – 301с.
207. Самкова, М.А. Симметричность и дискурсивность как свойства текста [Текст] / М.А. Самкова // Сборник материалов 8-ой Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (20-22 апреля 2016 г.). – Челябинский государственный университет. – Т. 2. – 518 с. – С. 359-362.
208. Самохина, И.А. Стратегии перевода культурных реалий: «одомашнивание» vs «остранение» [Текст] / И.А. Самохина // Вестник ТвГУ. Серия «Филология». – 2011. –№ 28. Вып. 4. – С. 204-210.
209. Сандрер, С. Похвальное слово переводу [Текст]: авториз. пер. с англ. Е. Канищевой / С. Сандрер // Новое литературное обозрение. –2008. – № 1. – С. 221-227.
210. Сверчкова, А.В. Принцип «сдвига» в формировании картины остраненной действительности в рассказах В.В. Набокова (на материале сборника рассказов «Возвращение Чорба») [Текст] / А.В. Сверчкова // Проблемы изучения литературы. Исторические, культурологические, теоретические и методологические подходы: сб. науч. тр. – Вып. XII / под ред. Л. И. Миночкиной. – Челябинск: Цицеро, 2011. – С. 52–58.
211. Свет, М.В. Иврит современной израильской прозы: генезис и строй [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., МГУ, 2007. – 26 с.
212. Светликова, И.Ю. Истоки русского формализма: Традиция психологизма и формальная школа. М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 176 с.

213. Селиванова, Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации [Текст] / Е.А. Селиванова. – К.: ЦУЛ, «Фитосоциоцентр», 2002. – 336 с.
214. Семенец, О.Е., Панасьев, А.Н. История перевода. Средневековая Азия. Восточная Европа XV-XVIII вв. [Текст] / О.Е. Семенец, А.Н. Панасьев. – Киев: «Лыбиль», 1991. – 369 с.
215. Сергеев, Д.В. Структура культурного смысла и законы его функционирования [Текст] / Д.В. Сергеев // Личность. Культура. Общество. – 2008. – Т. 10. Вып. 3-4 (42-43). – С. 257-267.
216. Сердюкова, Д.А. Интертекстуальные связи и их выражения при переводе с английского языка на русский [Текст] / Д.А. Сердюкова // Современные научные технологии. – 2013. – № 7-1. – С. 49-50.
217. Сингаївська, А.В., Купчишина, Ю.А. Оригінальна метафора як засіб реалізації очуднення[Текст] /А.В. Сингаївська, Ю.А. Купчишина //Вісник ЖДУ ім. Івана Франка.– 2012. –№ 62. – С. 159-162.
218. Скидан А., Пригов как Брехт и Уорхол в одном лице, или Голлем-советикус [Электронный ресурс] / Под ред. Е. Добренко и др. // Неканонический классик: Дмитрий Александрович Пригов (1940-2007). – М., «Новое литературное обозрение», 2010. – С. 137-138. URL: https://chtodelat.org/ar_5/%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B4%D0%B0%D0%BD-ru/2010-08-14-13-32-05/?lang=ru (дата обращения: 12.12.2016)
219. Скородумова, П.Ю. Сериальные конструкции в иврите [Текст]: автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М., МГУ, 2010. – 28 с.
220. Сошкин, Е. Приемы остранения: опыт унификации [Текст] / Е. Сошкин //Новое литературное обозрение. М. – 2012. – № 2 (114). – С. 178-191.
221. Старкова, Е.В. Остранение в образной системе М.А. Булгакова [Текст] / Е.В. Старкова // Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее : сборник материалов VIII всероссийской научно-практической конференции аспирантов, соискателей, молодых ученых и магистрантов. – Тула: Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого, 2012.– 214 с. С. 156-161.

222. Степанов, А.Д. Минимализм как коммуникативный парадокс [Текст] / А.Д. Степанов // Новый филологический вестник. – 2008. – Т. 7. – № 2. – С. 5-28.
223. Стехов, А.В. Формальный метод и книга В. Набокова «Николай Гоголь» [Текст] / А.В. Стехов // Новый филологический вестник. – 2009. – Т. 10. – № 3. – С. 116-122.
224. Сычева, Е.И. Языковая и этническая идентичность билингва (на материале В. Познера «прощание с иллюзиями») [Текст] / Е.И. Сычева // Сборник материалов 8-ой Международной научной конференции «Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах» (20-22 апреля 2016 г.). Челябинский государственный университет. – Т. 1. – 563 с. – С. 284-287.
225. Тарасова, И.А. Поэтический идиостиль в когнитивном аспекте [Текст]: монография / И.А. Тарасова. – 2-е изд., перераб. – М.: ФЛИНТА, 2012. – 196 с.
226. Тернер, В. Символ и ритуал [Текст] / В. Тернер.– М.: Наука, 1983. – 273 с.
227. Трубецкова, Е.Г. «Новое зрение»: визуальные коды русского формализма [Текст] / Е.Г. Трубецкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2012. – Т.12. – № 3. – С. 39-43.
228. Трубецкова, Е.Г. Мир как «дочка зрения»: опыты «остранения» Сигизмунда Кржижановского [Текст] / Е.Г. Трубецкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Филология. Журналистика. – 2013. – Т.13. – № 4. – С. 62-66.
229. Федерякин, А.Ю. Условность как художественный прием в цикле И.Г. Эренбурга «Условные страдания завсегдатая кафе» [Текст] / А.Ю. Федерякин // Вестник ТГПУ. – 2011. –№ 11 (152). – С. 55-59.
230. Фейербах, Л. Сочинения: В 2 Т. Пер. с нем. [Текст] / Ин-т философии. – М.: Наука, 1995. Т. 2. – 425 с.

231. Фихте, И. Г. Несколько лекций о назначении ученого [Текст] / Сост. и прим. В. Волжского // Сочинения в двух томах. Т. II – СПб.: Мифрил, 1993. – 798 с.
232. Хайдеггер, М. Что такое метафизика? [Текст]: пер. с нем. В.В. Бибихина / Время и бытие: статьи и выступления. – М.: Республика, 1993. – С. 16-27.
233. Хайруллин, В.И. Перевод и фреймы [Текст]: учебное пособие. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. – 144 с.
234. Ханзен-Лёве, О.А. Русский формализм: Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения [Текст]: пер. с нем. С.А. Ромашко / О.А. Ханзен-Лёве. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 672 с.
235. Харитонов, Д.В. «Странность» как ценность: Виктор Шкловский и Томас Вулф [Текст] / Д.В. Харитонов // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. – 2010. – № 1. – С. 116-123.
236. Харитонова, Е.В. Типы межкультурных барьеров и их языковое выражение / Е.В. Харитонова [Текст] // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2011. – № 2(14). – С. 203-209.
237. Харшав, Б. Язык в революционное время [Текст]: пер. с англ. Л. Черниной / Б. Харшав. – М.: Текст, 2008. – 447 с.
238. Химич, Г.А. К вопросу о философии и семиотике художественного текста [Текст] / Г.А. Химич // Вестник РУДН, серия Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2010. – № 2. – С.33-40.
239. Хорни, К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза [Текст] / К. Хорни. – М.: Изд-во Академический проект. – 2007. – 224 с.
240. Цвигун, Т.В. «Другая» риторика Романа Якобсона (заметки к теме I-III) [Текст] / Т.В. Цвигун // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2006. – № 8. – С. 72-78.

241. Цвигун, Т.В. Рождение поэтики из духа риторики: опыт формализма [Текст] / Т.В. Цвигун // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – 2012. – № 8. – С. 82-87.
242. Целкова, Л.Н., Просвирякова, Е.В. «Воскрешение» эпитета. От Веселовского к Шкловскому / Л.Н. Целкова, Е.В. Просвирякова // Преподаватель XXI века. – 2008. – № 1. – С. 79-83.
243. Щинь, Л. Роман Татьяны Толстой «Кысь»: остранение форм повествования [Текст] / Л.Щинь // Гуманитарные, социальные и общественные науки.– Краснодар, 2015. – № 2. – С. 380-383.
244. Цицерон. О пределах блага и зла. Парадоксы стоиков [Электронный ресурс] / Пер. с латинского Н.А. Федорова, комм. Б.М. Никольского. – М., Российский государственный гуманитарный университет, 2000. – URL: <http://ancientrome.ru/antlitr/t.htm?a=1414890001#sel=8:2,8:40> (дата обращения: 16.01.2017).
245. Чистова, Е.В. Метод симметрии-асимметрии в гармонизации терминосистем [Текст] / Е.В. Чистова // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. –2013. – Т.10. – № 5. – С. 111-117.
246. Чубаров, И.М. Освобожденная вещь vs. овеществленное сознание. Взаимодействие понятий «остранение» (Verfremdung) и «отчуждение» (Entfremdung) в русском авангарде [Текст] / И.М. Чубаров // EINAI: Проблемы философии и теологии. – 2013. – Т. 2. – № 1/2 (3/4). – С. 5-22.
247. Шакиров, С.М. К вопросу о методологии интерпретации художественного текста [Текст] / С.М. Шакиров // Вестник Челябинского университета. Серия 2, Филология. – 2004. – № 1. – С. 71-75.
248. Шапинская, Е.Н. Дискурсивный подход [Текст] / Е.Н. Шапинская // Вопросы социальной теории. – 2008. – № 1 (2). – Т. 2. – С. 423-434.
249. Шкловский, В.Б. Воскрешение слова [Текст] / В. Шкловский // Гамбургский счет. – М.: Советский писатель, 1990. – С. 36-42

250. Шкловский, В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914-1933) [Электронный ресурс] / В. Шкловский. – URL: <https://public.wikireading.ru/73061> (дата обращения: 01.08.2017).
251. Шкловский, В. Искусство как прием [Электронный ресурс] / В. Шкловский. – URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения: 01.03.2014).
252. Шкловский, В. Б. Тетива: О несходстве сходного [Текст] / В. Шкловский // Избранное: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1983. – Т. 2. – С. 233.
253. Шкловский, В. Б. Эйзенштейн [Электронный ресурс] / В.Б. Шкловский. Избранное: в 2 т. – М.: Искусство, 1976. –296 с.– URL: <https://biography.wikireading.ru/159424> (дата обращения: 01.03.2014).
254. Шпет, Г.Г. Эстетические фрагменты. Вып. 3 [Электронный ресурс] / Г. Шпет. – Пг.: Колос, 1923. – 90 с. – URL: <http://books.e-heritage.ru/book/10080435>(дата обращения: 01.03.2014).
255. Шукров, Ш.М. Гештальт и теория видения [Текст] / Ш.М. Шукров // Историческая психология и социология истории. – 2009. – Т.2. – №1. – С.154-179.
256. Щеглова, А.В. Восприятие как процесс познания в творчестве Илки Гедё и Бруно Шульца: опыт герменевтического исследования [Текст] / А.В. Щеглова // Вестник СПбГУ. Сер. 15. – 2015. – №1. – С. 101-112.
257. Эко, У. Сказать почти то же самое. Опыты о переводе [Текст] / У. Эко. – СПб., Симпозиум, 2006. – 574 с.
258. Эпштейн, М.Н. Жуткое и странное: О теоретической встрече З.Фрейда и В.Шкловского [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн // Русский Журнал / Круг чтения / Чтение без разбору. – URL: www.russ.ru/krug/razbor/20030314_ep.html (дата публикации: 14.03.2003г., дата обращения: 01.03.2014).
259. Эпштейн, М. Ирония идеала: парадоксы русской литературы [Текст]/ М.Н. Эпштейн – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 384 с.

260. Эпштейн, М.Н. Эрос остранения [Электронный ресурс] / М.Н. Эпштейн // Границы. RU. – URL: <http://graniru.org/Society/Neuro/Erotology/m.2595.html> (дата публикации: 14.11.2011г., дата обращения: 01.03.2016).
261. Эриксон, Э. Идентичность: кризис и юность: пер. с англ. [Текст] / Общ. ред. и предисл. Толстых А. В. – М.: Издательская группа «Прогресс», 1996. – 344 с.
262. Эрлих, В. Русский формализм: история и теория [Текст]: пер. с англ. А.В. Глебовской. – СПб: Академический проект, 1996. – 352 с.
263. Эткинд, А. Хлыст: Секты, литература и революция [Электронный ресурс] / А. Эткинд. – Изд. 2-е, сокр. – М.: Новое литературное обозрение, 2013. – 644 с. – URL: <https://religion.wikireading.ru/81490> (дата обращения: 01.02.2017).
264. Юдин, А.А. Моральное отчуждение [Текст]: автореферат дисс. ... канд. филос. наук / А.А. Юдин. – Саранск, 2011. – 26 с.
265. Юлдашбаев, А.Ф. Особенности выражения концепта свой-чужой в современных англоязычных фильмах [Текст] / А.Ф. Юлдашбаев // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 18 (113). – Т. 11. – С. 164-170.
266. Юрченко, Т.Г. Холквист М., Клигер И. Помня о разрыве: к исторической поэтике остранения [Текст] / Т.Г. Юрченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. –2007а. – № 1. – С. 22-25.
267. Юрченко, Т.Г. Тиханов Г. Политика остранения: случай раннего Шкловского [Текст]/Т.Г. Юрченко // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 7: Литературоведение. Реферативный журнал. – 2007б. – № 3. – С. 35-38.
268. Aldebyan, Q.A. Strategies for Translating Arabic Cultural Markers into English: A Foreignizing Approach: A Dissertation Submitted in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy in Comparative

- Literature [Text] / Q.A. Aldebyan. – ProQuest, Umi Dissertation Publishing, 2008. – 581 p. ISBN: 9781243970176
269. Al-Hasan, A. The Importance of Culture in Translation: Should Culture be Translated? [Text] / A. Al-Hasan // International Journal of Applied Linguistics & English Literature. – Vol. 2. – No. 2. – March 2013. – P. 96-100.
270. Aschkenasy, N. Deconstructing the Metanarrative: Amos Oz's Evolving Discourse with the Bible [Text] / N. Aschkenasy // Symposium. – Fall 2001. – P. 123-140.
271. Baker, M. In Other Words: A Coursebook on Translation [Text] / M. Baker. Routledge. – 2006. – 352 p.
272. Balaban, A. Secularity and Religiosity in Contemporary Hebrew Literature [Text] / A. Balaban // Middle Eastern Literatures. – Vol. 5. – No. 1. – 2002. – P. 63-85.
273. Bar-Yosef, H. Reflections on Hebrew Literature in the Russian Context [Text] / H. Bar-Yosef // Prooftexts. – No. 16. – 1996. – P. 127-149.
274. Bassnett, S. Constructing Cultures: Essays on Literary Translation [Text] / S. Bassnett, A. Lefevere. Topics in Translation: 11. – Shanghai Foreign Language Education Press, 2000. – 143 p.
275. Becher, V. Explication and Implicitation in Translation: A corpus-based study of English-German and German-English translations [Text]: Dissertation zur Erlangung der Würde des Doktors der Philosophie / V. Becher. Hamburg, 2011. – 251 p.
276. Bilgen, B. Bridging Worlds Through Language and Translation [Electronic Resource] / B. Bilgen // Translation Journal. – Vol. 15. – No. 4. – October 2011. – URL: <http://translationjournal.net/journal/58review2.htm> (дата обращения: 16.08.2015)
277. Booth, M. Translator v. author [Text] / M. Booth // Translation Studies. – Vol. 1. – No. 2. – P. 197-211.

278. Boym, S. Poetics and Politics of Estrangement: Victor Shklovsky and Hannah Arendt [Text] / S. Boym // Poetics Today.– Vol. 26. – No. 4. – 2005. – P. 581-611.
279. Byrne, S. More critical terms: defamiliarization [Text] / S. Byrne //Footpath. – № 1 (6). – 2012. – P. 89-94.
280. Carbonell, O. Exoticism, Identity and Representation in Western Translation from Arabic Cultural Encounters in Translation from Arabic [Text] / O. Carbonell // 1st ed. Topics in Translation: 26 / ed. S. Faiq. –Multilingual Matters Ltd., 2004. –151 p.
281. Carmy, Sh. Oz's Israel [Text] / Sh. Carmy // First Things.–No. 8 – August/September 2005. –P. 54-59.
282. Chen, Yi, Miao X. Domestication and Foreignization in the Chinese-English Translation of the White Paper on Anti-corruption [Text] / Yi. Chen, X. Miao // World Journal of English Language. –Vol. 2. – No. 2.–June 2012. –P. 10-18.
283. Claparéde-Albernhe, B. Les romans du kibbutz dans l'oeuvre d'Amos Oz: inventer une paix «à la mesure de l'homme» [Text] / B. Claparéde-Albernhe //Bulletin du Centre de recherche français àJérusalem. –No. 3. – 2003. – P. 55-60.
284. Delcamp, J.E. Russian Formalism [Electronic Resource] /J.E. Delcamp. – URL: http://mural.uv.es/joesdel/Rus_Formal_.html (дата публикации: 15.05.1999, дата обращения: 16.08.2015).
285. Di Cesare, D.E. Utopia of Understanding: between Babel and Auschwitz [Text]: transl. by Niall Keane / D.E. di Cesare. – State University of New York Press, Albany, 2012. – 260 p.
286. Doymaz, S. The Reflection of Israel's Founding Years 1940-1949 in Amos Oz's *A Tale of Love and Darkness* and Anton Shammas' *Arabesques* [Text] / S. Doymaz // A Thesis Submitted to the Graduate School of Social Sciences of Middle East Technical University. – April 2015. – 130 p.
287. Edmond, J. Lyn Hejinian and Russian Estrangement [Text] / J. Edmond // Poetics Today, 27:1. – 2006. – P. 97-124.

288. Elmenfi, F. Venuti's Foreignization: Resistance Against The Arabic Culture [Text] / F. Elmenfi // International Journal of Comparative Literature & Translation Studies. – Vol. 2. – No. 1. – January 2014. – P. 10-16.
289. Emerson, C. Shklovsky's ostranenie, Bakhtin's vnenakhodimost' (How Distance Serves an Aesthetics of Arousal Differently from an Aesthetics Based on Pain) [Text] / C. Emerson // Poetics Today, 26:4. – Winter 2005. – P. 637-664.
290. Even-Zohar, I. The Position of Translated Literature Within the Literary Polysystem [Text] / I. Even-Zohar // Polysystem Studies. Poetics Today, 11:1. – P. 45-51.
291. Feldman, Y.S. On the Cusp of Christianity: Virgin Sacrifice in Pseudo-Philo and Amos Oz [Text] / Y.S. Feldman // The Jewish Quarterly Review. – Vol. 97. – No. 3. – Summer 2007. – P. 379-415.
292. Fricke, H. Norm und Abweichung. Eine Philosophie der Literatur, München 1981, Gesetz und Freiheit. Eine Philosophie der Kunst, München 2000 [Text]/ H. Fricke // Journal of Literary Theory / transl. by Alastair Matthews. – No. 1 (1). – 2007. – P. 192-193.
293. Gee, S. Book of a lifetime: A Tale of Love and Darkness, By Amos Oz. Book Review [Electronic Resource] / S. Gee // The Independent. – 9 August 2013. –URL: <http://www.independent.co.uk/arts-entertainment/books/reviews/book-of-a-lifetime-a-tale-of-love-and-darkness-by-amos-oz-8755005.html> (дата обращения: 16.08.2015).
294. Gentzler, E. Contemporary Translation Theories [Text] / E. Gentzler. – Multilingual Matters, 2001. – 232 p.
295. Gertz, N., Chazan, M. Amos Oz's A Tale of Love and Darkness (Special Issue, Summaries) [Text] / N. Gertz, M. Chazan // Israel. Studies in Zionism and the State of Israel. History, Society, Culture. – No. 7. – 2005. – 13p.
296. Gertz, N. With the face to the future: The kibbutz in recent literary works [Text]/ N. Gertz // Journal of Israeli History. – No. 34:1. – 2015. – P. 93-107.
297. Grbić, I. Translation vs. Cislation: Should the Reader Be Pampered or Challenged? [Text] / I. Grbić // Programme and Book of Abstracts. The Sixth

- International Interdisciplinary Symposium “Encounter of Cultures”. – Novi Sad: Filozofski fakultet u Novom Sadu, Srbija, 1 December 2012. – P. 52-60.
298. Grumberg, K. Of Sons and (M)others: The Spectropoetics of Exile in Autobiographical Writing by Amos Oz and Albert Cohen [Text] / K. Grumberg // Prooftexts, 30. – Fall 2010. – P. 373-401.
299. Gussago, L. Cesare De Marchi and the Author-translator Dilemma [Text] / L. Gussago // Perspectives on Literature and Translation. Creation, Circulation, Reception / ed. by B. Nelson and B. Maher. – Routledge Advances in translation Studies, 2013. – P. 73-87.
300. Halkin, H. Politics and the Israeli Novel [Text] / H. Halkin // Commentary. – April 2004.– P. 29-36.
301. Ingram, S. Translation, Autobiography, Bilingualism. Unity in Diversity? [Text] / S. Ingram // Current Trends in Translation Studies (ed. by L. Bowker, M. Cronin, D. Kenny, J. Pearson). – Beijing, Foreign Language and Research Press, 1998. – 196 p. – P. 15-22.
302. Jelen, Sh. E. Israeli Children in a European Theater: Amos Oz’s A Tale of Love and Darkness and S. Yizhar’s Preliminaries[Text] / Sh. E. Jelen // The Jewish Quarterly Review.– Vol. 100.– No. 3.– Summer 2010.– P. 504–518.
303. Kahan, M.B. Métalepse et image de soi de l'auteur dans le récit de fiction [Text] / M.B. Kahan //Argumentation et Analyse du Discours. – 2009. – No.3. – P. 1-15.
304. Keren, M. Israel’s intellectuals and political independence [Text] / M. Keren // Studies in Zionizm. – Vol. 9.– No. 2.– 1988.– P. 197-208.
305. Ketzer, E.D. Resistance and Concealment: Intimacies in The Black Box, by Amos Oz [Text]/ E.D. Ketzer // ARQUIVO MAARAVI-REVISTA DIGITAL DE ESTUDOS JUDAICOS DA UFMG. – Vol. 9.– No. 17.– November 2015.– P.1-19.
306. Kirschbaum, S. Amos Oz: of Loyalties and Betrayals [Text] / S. Kirschbaum // ARQUIVO MAARAVI-REVISTA DIGITAL DE ESTUDOS JUDAICOS DA UFMG. – Vol. 9.– No. 17.– November 2015.– P. 1-10.

307. Koriagina, A.A. Variability of strategies when translating idioms (based on Ukrainian translation of “Hamlet” by W.Shakespeare) [Electronic Resource] /A.A. Koriagina. – Kiev, 2012.– P. 292-298. – URL: http://philology.knu.ua/library/zagal/Movni_i_konceptualni_2012_41_2/292_298.pdf (дата обращения:16.08.2015)
308. Koskinen, K. Beyond Ambivalence: Postmodernity and the Ethics of Translation [Text]: Academic Dissertation. – University of Tampere, 2000. – 130 p.
309. Kunitsyna, E. Yu. The Time of the Culture in the Game of Metaleptic Translation [Text] / E. Yu. Kunitsyna // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences.– 2010. – № 5 (3). – P. 677-685.
310. Kwiecinski, P. Translation Strategies in a Rapidly Transforming Culture [Text] / P. Kwiecinski // The Translator, 4:2. – P. 183-206.
311. Lambert, J. Literatures, translation and (de)colonization (1995) [Text] / J. Lambert //Functional Approaches to Culture and Translation: selected papers by Jose Lambert /ed. by Dirk Delabastia, Lieven d'Hulst and Reine Meylaerts. – John Benjamins Publishing Co., 2006. – P. 87-104.
312. Lanin, B. A. The Formalists’ Heritage in Literature Teaching Methodology [Text] / B.A. Lanin // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2017. – № 5 (10). – P. 753-758.
313. Lehrer, N. Review on Amos Oz: Under this blazing light. Translated by Nicholas de Lange. [Text] / N. Lehrer // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. –Vol.59. – No. 03. – October 1996. –P. 567-568.
314. Manfredi, M. Preserving Linguistic and Cultural Diversity in and through Translation: From Theory to Practice [Text] / M. Manfredi // Mutatis Mutandis. – Vol. 3. – No. 10. – 2010. – P. 45-72.
315. Mareva, A. Explication of Culture-specific Lexemes in Literary Translation: An Empirical Contrastive Study [Electronic Resource] / A. Mareva. – New Bulgarian University Scholar Electronic Repository, 23 November 2013. – 15 p.– URL: <http://eprints.nbu.bg/1954/> (дата обращения: 16.08.2015).

316. McNay, M. Absent Memory, Family Secrets, Narrative Inheritance [Text] / M. McNay // Qualitative Inquiry. – Vol. 15. – No. 7. – July 2009. – P. 1178-1188. doi: 10.1177/1077800409334236
317. Mendelson-Maoz, A. Amos Oz's A Tale of Love and Darkness within the Framework of Immigration Narratives in Modern Hebrew Literature [Text] / A. Mendelson-Maoz // Journal of Modern Jewish Studies. – Vol. 9. – No. 1. – March 2010. –P. 71–87. doi: 10.1080/14725880903263101
318. Messud, C. Amos Oz's Tales of Love and Darkness. Sunday Book Review [Electronic Resource]/ C. Messud // The New York Times. – 3 November 2011. – URL: http://www.nytimes.com/2011/11/06/books/review/scenes-from-village-life-by-amos-oztranslated-by-nicholas-de-lange-book-review.html?pagewanted=all&_r=0 (дата обращения: 16.08.2015).
319. Miller, N. K. I Killed My Grandmother: Mary Antin, Amos Oz, and the Autobiography of a Name [Text] / N.K. Miller // Biography 30.3. Interdisciplinary Quartely. – Summer 2007. –P. 319-333.
320. Mor, L. Translation [Text] / L. Mor // Mafte'akh 2e.– Cornell University, 2011. – P. 113-146.
321. Moskovich, W. The history of Ukrainian-Jewish interaction in Bukovina: Between myth and reality [Text] / W. Moskovich // Studia Antropologica: Сборник статей в честь проф. М.А. Членова / ред.-сост. А.М. Федорчук, С.Ф. Членова. – М.; Иерусалим: Мосты культуры/Гешарим, 2010. –516 с. С. 238-241.
322. Mustajoki, A. From Meaning to Form: an Alternative Model of Functional Syntax [Text] / A. Mustajoki // Russian Language Journal. – Vol 57. – 2007. – P. 3-28.
323. Mustajoki, A. Функциональный синтаксис как основа сопоставления языков [Текст] / A. Mustajoki // Studia Slavica Finlandensia, tomus XX. – Helsinki 2003. – P.100-127.

324. Nakhodkina, A.A. Problems of (Un)translatability in the Yakut Epic Text Olonkho [Text]/ A.A. Nakhodkina // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. – 2014. – № 2 (7). – P. 273-286.
325. Nida, E.U., Taber Ch.R. The theory and practice of translation [Text] / E.U. Nida. –Shanghai Foreign Language Education Press, Shanghai, 2003. – 220p.
326. Niranjana, T. Siting Translation: History, Post-structuralism, and the Colonial Context [Text] / T. Niranjana. – University of California Press, 1992. – 203 p.
327. Nord, C. Text Analysis in Translation: Theory, Methodology, and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis [Text] / C. Nord. – Amsterdam & Atlanta: Rodopi, 1991. – 250 p.
328. Nord, C. Translation as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained [Text] / C. Nord. – Manchester: St. Jerome, 1997. – 154 p.
329. Olk, H.M.Cultural references in translation: a framework for quantitative translation analysis [Text] / H.M. Olk // Perspectives. – Vol. 21. – No. 3. – P. 344-357.
330. Omer-Sherman, R. Zionism and the Disenchanted: the Plight of the Citizen-Soldier in Amos Oz’s A Perfect Peace [Text] / R. Omer-Sherman // Middle Eastern Literatures.– Vol. 8. –No. 1. January 2005. –P. 53-73.
331. Omer-Sherman, R. Journeying Back to the Land of Amos Oz. Book Review/R. Omer-Sherman [Electronic Resource] / R. Omer-Sherman // The Jewish Daily Forward. – URL: <http://forward.com/articles/184502/journeying-back-to-the-land-of-amos-oz/?p=all#ixzz36wY8XtXx> (дата публикации: 26. 09.2013, выпуск от 04.10.2013, дата обращения: 16.08.2015).
332. Peled, Sh. “Mastery Regained” – Israeli Jewish Sovereignty and Space in the Israeli Novel 197-1973 [Text] / Sh. Peled // Journal of Modern Jewish Studies.– Vol. 10.–No. 2 –July 2011. – P. 263–284.
333. Peleg, Y. Writing the land: language and territory in modern Hebrew literature [Text] / Y. Peleg // Journal of Modern Jewish Studies. – Vol. 12. – No. 2.– P. 297-312.

334. Piterberg, G. Literature of Settler Societies: Albert Camus, S. Yizhar and Amos Oz [Text] / G. Piterberg // Settler Colonial Studies, 1:2. – 2011. –P. 1-52.
335. Pomerantz, M. The Land of Amos Oz. Book Review [Electronic Resource] / M. Pomeranz // The Arts Fuse. – 20 December 2004. – URL: <http://artsfuse.org/150/fuse-book-reviewthe-land-of-amos-oz/> (дата обращения: 16.08.2015).
336. Reiss, K., Vermeer, H.J. Towards a General Theory of Translational Action [Electronic Resource] / Transl. by C. Nord; English reviewed by Routledge, 2014, 220 p. M. Dudenhöfer. – URL: <http://www.worldcat.org/title/towards-a-general-theory-of-translational-action-skopos-theory-explained/oclc/823927616> (дата обращения: 20.09.2016).
337. Remnick, D. The Spirit Level: Amos Oz writes the history of Israel [Electronic Resource] / D. Remnick // The New Yorker. – 8 November 2004. – URL: <http://www.newyorker.com/magazine/2004/11/08/the-spirit-level> (дата публикации: 08.11.2004; дата обращения: 20.09.2016).
338. Rimon, H. In the Desert of the Other: Identity and the Lucrimax in Modern Hebrew Fiction [Text] / H. Rimon // Australian Journal of Jewish Studies. – 2011. – Vol. 25. – P. 222-246.
339. Robinson, D. Estrangement and Somatics of Literature: Tolstoy, Shklovsky, Brecht [Text] / D. Robinson. – JHU Press, 2008. – 344 p.
340. Robinson, D. Schleiermacher's Icoses. Social Ecologies of the Different Methods of Translating [Text] / D. Robinson. – Zeta Books, 2013. – 350 p.
341. Robinson, D. Translation and the Problem of Sway [Text] / D. Robinson. – Benjamins Translation Library, 2011. – 242 p.
342. Schachan, Ch. Novellas under the Blazing Light: Transformations in the Novella Writing of Amos Oz [Text] / Ch. Schachan // Orbis Litterarum, 53. – No. 5.–1998.– P. 318-335.
343. Scheff, T.J. Awareness structures: defining alienation/solidarity [Text] / T.J. Scheff // Journal of Power. – 2008. – Vol.1. – No. 3. – P. 237-250.

344. Slobin, G.N. Why the First-Wave Russian Literary Diaspora Embraced Shklovskian Estrangement [Text] / G.N. Slobin // Poetics Today, 26:4. – Winter 2005. – P. 697-718.
345. Spiegel, S. Things Made Strange: On the Concept of “Estrangement” in Science Fiction Theory [Text] / S. Spiegel //Science Fiction Studies. – Vol. 35. – 2008. – P. 369-386.
346. Sun, Y. Violence and translation discourse [Text] / Y. Sun // Journal ofMulticultural Discourses. – 2011. – Vol. 6 – No. 2. – P.159-175.
347. Thorson, S., Agrell, B., Alvstad, C. et al. Naturalization, Desautomatization, and Estrangement: Problems of Literary Reception and Cognition in Academic Teaching [Text] / S. Thorson, B. Agrell, C. Alvstad et al. // New Tendencies in Translation Studies. Selected Papers from a Workshop, Goteborg. – 12 December 2003. – P. 93-105.
348. Tihanov, G. The Politics of Estrangement: The Case of the Early Shklovsky [Text] / G. Tihanov //Poetics Today. – Winter 2005. –No. 26 (4). – P. 665-696.
349. Venuti, L. The Translator’s Invisibility: A History of Translation [Electronic Resource] / L. Venuti. – London & New York: Routledge, 2008. – 319 p.– URL: https://books.google.ru/books/about/The_Translator_s_Invisibility.html?id=vL9IKvxt3zAC&redir_esc=y (дата обращения:16.08.2015)
350. Yang, W. Brief Study on Domestication and Foreignization in Translation [Text]/W. Yang // Journal of Language Teaching and Research. – Vol. 1. – No. 1. – January 2010. – P. 77-80. doi:10.4304/jltr.1.1.77-80
351. Yılmaz-Gümüş, V. Translation of Culture-Specific Items in Self-Help Literature: A Study on Domestication and Foreignization Strategies [Text] / V. Yılmaz-Gümüş // English Language Overseas Perspectives and Enquiries. – Vol. 2. – No. 9. – 2012. – P. 117-129.
352. Yudkin, L.I. The Jewish-Arab conflict in recent Israeli literature [Text] / L.I. Yudkin // Israel Affairs. – Vol. 1. – No. 3. – 1995. – P.215-223.

353. Zheng, Xiao-dan. A Study on Qian Zhongshu's Translation: Sublimation in Translation [Text] /X. Zheng // Studies in Literature and Language. – Vol. 1. – No. 2. – 2010. –P. 70-83.
- מילנר, א. סיפור משפחתי: מיתוס המשפחה בסיפור על אהבה וחושך וביצירתו המוקדמות של עמוס עוז. – ישראל, 7, 2005 – 73-105 ע'.
- פְּרִזֶּן, ד. הַיְצִירָה עַל – עֹז עֲמוֹס / וְחֻשֵּׁךְ אַהֲבָה עַל סִיפּוֹר 355.
- URL: <http://tarbut.cet.ac.il>ShowItem.aspx?ItemID=350d1f32-d282-4f70-bbe7-da4dac4da098&lang=HEB> (дата публикации: 04.05.2014, дата обращения: 20.09.2016)
- פורת, ד. "היה הירושלים פחד": שואה ואנטישמיות בספרו של עמוס עוז סיפור על אהבה וחשך. – ישראל, 7, 2005, 7 – 143-154 ע'.
- שווורץ, י. "נכנת לארמן מהושך אותו מהכישוף": על סיפור על אהבה וחשך בספר פולחן. – ישראל, 7, 2005 – 173-205 ע'.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ МАТЕРИАЛА ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Оз, А. Повесть о любви и тьме: [роман] [Текст]: пер. с иврита и сост. указ. В.Радуцкого /А. Оз. – СПб.: ТИД Амфора, 2006. – 783с.
2. Oz, A. A Tale of Love and Darkness [Text]: transl. from the Hebrew by Nicholas de Lange / A. Oz. –London: Vintage Books, 2005. – 517p.
3. עוז, א. סיפור על אהבה וחושך. מהדורה שלושית ואחת, 'הנובמבר' 593 – 2010.

ПРИЛОЖЕНИЕ

	Вид симметрийных отношений и остранения	Оригинал	Русский перевод	Английский перевод	Семантические трансформации в русском переводе	Семантические трансформации в английском переводе
1	Зеркальная симметрия в первой части русского перевода, трансляционная симметрия во второй части русского перевода, общая бордюрная симметрия между переводами и между оригиналом и переводами, элементы диссиметрии в английском переводе, II тип остранения	שם, אצלים, קוררים הדברים הגדולים באמת. שם בונים ארץ ומתקנים את העולם, מצמיחים חותם חברה חדשה, מטביעים חותם על הנוף ועל דברי הימים, שם חורשים שדות ונותעים כרמים, שם מhabרים שירה חדשה, שם רוכבים חמושים על גב סוס ומשיבים באש על אש הפורהיים העربים, שם לוחמים אבק-אדם עלוב ועוושים ממנה עם לווחם.	Там, у них, воистину вершатся великие дела: там строят нашу страну, исправляют мир, созидают новое общество, оставляя отпечаток не только на ландшафте, но и на самой истории, там распахивают поля, сажают виноградники, там творят новую поэзию, там, вооруженные, они летят на конях, отстреливаясь от арабских банд, там из презренного праха человеческого рождается сражающийся народ.	<...> great things are happening. That's where the land is being built and the world is being reformed, where a new society is being forged. They are stamping their mark on the landscape and on history, they are ploughing fields and planting vineyards, they are writing a new song, they pick up their guns, mount their horses and shoot back at the Arab marauders; they take our miserable	В первом предложении выделение курсивом способствует созданию остранения (кибуцники видятся мальчику как люди, совершенно отличные от его окружения). Есть перестановки членов предложения, связанные с нормативным порядком слов в русском и иврите. Вторая часть предложения синтаксически и семантически следует оригиналу, за исключением	В целом есть сокращение описания и перестановка компонентов. Употребляется длительное время и пассивный залог. Достоверность в первой части предложения снижена (отсутствует перевод «по правде»). Опускается повтор локатива («там»).

			human clay and mould it into a fighting nation.	последней части предложения, где O→A.		
		Общий комментарий: На графах здесь и далее оригинал, русский и английский переводы представлены либо сверху вниз, либо слева направо. В обоих переводах наблюдается стяжение предложений. Основные изменения претерпевают первая часть предложения и самая последняя, что и показано на графике. Неопределенно-личные предложения оригинала в русском переводе остаются такими за исключением первой части, где объект становится агенсом, в английском предложении также в первой части объект становится агенсом при пассивном залоге, во второй части предложения становятся личными, хотя подлежащее выражено местоимением they, употребляющимся, когда речь идет о какой-то группе, чья идентификация не имеет значения для данной ситуации. Русский перевод точнее. В английском переводе упоминание о кибуцниках не несет характера отчуждения рассказчика от них (редукция остранения). «Лошадь» в обоих переводах → Pluralis. Семантическое значение примарных предикатов в обоих переводах изменяется и носит компенсирующий характер. Между переводами бордюрная и зеркальная симметрия.				
2	Культурологическая асимметрия в английском переводе, трансляционная симметрия с элементами бордюрной симметрии между переводами и оригиналом и переводом, II тип остранения	תַּלְאָבִיב: יִם. אוֹר. תֶּכְלֶת, חֹלוֹת, פִּיגּוּמִים, אוֹגֶל-שֵׁם, קִיּוּסִים בְּשַׁדְרוֹת, עִיר עֲבָרִית, לבנה פשוטה זו, צומחת לה בין הפרדסים וההדיונות. לא סתם מקום שאחת קונה לךCRTVIS ונווע אליו באוטובוס של אגד כי אם יבשת אחרת.	Тельавив: море, свет, голубизна, песок, строительные леса, культурный центр «Огель-Шем», киоски на бульварах... Белый еврейский город, простые очертания которого вырастают среди цитрусовых плантаций и дюн. Не	Telaviv. Sea. Light. Sand, scaffolding, kiosks on the avenues, a brand-new white Hebrew city, with simple lines, growing up among the	Экспликация +доместикация «Огель-шем» (транслитерация без перевода), добавление гиперонима («автобусная компания»)	Выпал компонент про «Огель-шем.

			просто место, куда, купив билет, можно приехать на автобусе компании «Эгед», а другой континент.	citrus groves and the dunes. Not just a place that you buy a ticket for and travel to on an Egged bus, but a different continent altogether.		
	<p>• $[(\text{Det}, \text{Det}) \text{T}, (\text{Det}) \text{A}(\text{T}) \text{Ac}_{\text{Phys}}] \text{Loc и Loc}$</p> <p>$[\text{T } (\text{Det}, \text{Det}, \text{Det}) \text{ Ac}_{\text{Phys}}] \text{Loc} + \text{Loc}$</p> <p>полная симметрия</p> <p>$[(\text{Det}, \text{Det}, \text{Det}) \text{T}, \text{Det}, \text{Ac}_{\text{Phys}}] \text{Loc and Loc}$</p>	<p>Рассматривается часть структуры (второе предложение по русскому переводу). В остальном – трансляционная симметрия с элементами бордюрной. Между оригиналом и английским переводом полная симметрия за исключением положения определения и добавления определения <i>brand-new</i>. Русский перевод представлен вверху. Русский перевод более точен при сохранении компонентов значения. В оригинале название города намеренно написано с ошибкой (без дефиса), так, название города предполагает цельный, слитный образ, что дополнительно подчеркивается в русском переводе курсивом.</p>				
3	Бордюрная и винтовая симметрия, связанная с управлением глагола и вынесением значения «наш» в суффикс в оригинале, незначительная диссиметрия в английском переводе,	בין הפליטים-הניצולים היה, למשל, אחדו LICHT שילדי השכונה קראו לו "מיליון ילודים" <...>.	Среди этих беженцев был, к примеру, господин Лихт, которого ребята нашего квартала называли «миллион дитишик». [И если	Survivors like Mr. Light' whom the local kids called "Million Kinder".	Обязательный модификатор: Речевая функция (Func) – сообщать.	Обязательный модификатор: Речевая функция (Func) – сообщать. Членение предложения.

	между переводами отношение диссиметрии, I тип остранения		проходил мимо кто-либо из детей, он всегда сплевывал в сторону и цедил сквозь стиснутые зубы: – Миллион <i>дитишик</i> они убили! Таких, как вы! Зарезали! Он произносил это не с грустью, а с ненавистью и омерзением, словно проклинал нас.]			
			<p>Loc[Ex,Intro,A₁, <i>v</i>A₂ Ac "O"]</p> <p>Loc[Ex,Intro,A₁, которого A₂ Ac "O"]</p> <p>[A₀, Intro A₁, whom A₂ Ac "O"]</p>	Здесь и далее в квадратных скобках приводится контекст для образа в русском переводе в тех случаях, когда это необходимо. Примечательно, что из двух компонентов («беженцы-выжившие») оригинала в переводах воспроизведено по одному. Для перевода слова <i>ילודים</i> («дети» с двумя фонетическими ошибками) переводчики выбрали способ доместикации с выделением курсивом для подчеркивания необычного произношения слова. Если русский переводчик сохраняет две фонетических ошибки, то английский использует немецкое слово «дети», которое понятно англоязычному реципиенту, несет в себе отсылку к немецкому происхождению господина Лихта, а курсив и контекст объясняют особую интонацию, с которой произносилось это слово, такой выбор в русском переводе был бы неуместен, а для английского такой перевод – наиболее подходящее решение. Между переводами отношение симметрии с понижением ее в сторону английского перевода (пропуск начала предложения и вводного слова).		

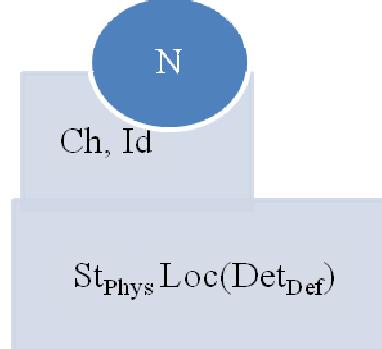
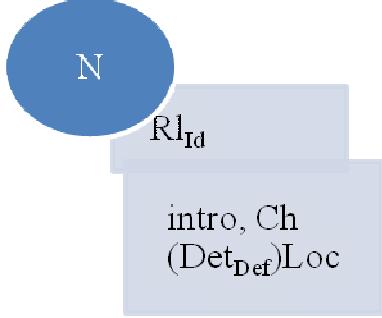
4	<p>Трансляционная симметрия в русском переводе, компрессивная симметрия в английском переводе, обусловленная нормативным порядком членов предложения бордюрная симметрия, между переводами отношение полной симметрии, II тип остранения</p>	<p>וְשָׁאֵל, בֵּין גַּעֲרָה לְחִיבָּה, מָה שׁוֹבֵךְ לֹךְ, הִיא צָרֵךְ בַּרְגָּעֵן אֶרְדָּךְ כִּי לְהַחֲזִיר אֶתְּנִי אֶל הַעוֹלָם הַזֶּה,[כְּמוֹ טָבוֹע אוֹ מַתְעַלֵּף שְׂצָרָ וְחוֹזֵר אַטְ-אַטְ, בָּאִי-חַשְׁקָ, מְמֻרְחַקִּים בְּלִישְׁוּעָרָוּ אֶל עַמְקָ הַבְּכָא שֶׁל הַוּבָת הַיּוֹמִים.</p>	<p>[И когда папа с дружелюбным упреком спрашивал: «Что с тобой опять стряслось?» – требовалась долгая минута, чтобы вернуть меня в этот мир:] так утопающий или унесенный потоком медленно-медленно, словно бы нехотя, возвращается из бесконечного далека в юдоль плача, в мир повседневных обязанностей.</p>	<p>[When Father asked me, half-angrily half-affectionately ‘what was the matter with me this time’ it took a while for me to come back to this world,] like someone who has drowned or fainted, and returns slowly, reluctantly, from unimaginable distant parts to this vale of tears of everyday chores.</p>	<p>В современном иврите причастия настоящего времени исполняют роль предикатов, однако в русском переводе перевод выполнен с помощью причастий, что объясняет смену категории предиката. Добавлено уподобление («словно»).</p>	<p>Причастия наст. времени переданы глаголами в настоящем совершенном и настоящем времени.</p>
---	--	--	--	--	--	--

	<p style="text-align: center;">כמו $E_1/E_2 \text{ Rl}_{\text{Id}1} + \text{Rl}_{\text{Id}2}$</p>	<p style="text-align: center;">$O_1(\text{Det}_{\text{Spec}}) \rightarrow O_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$</p>	<p>Разбирается вторая часть предложения. В английском переводе компрессивная симметрия, связанная с конверсией (сущ. בָּאִישׁ → нар. reluctantly) и отсутствием редупликации. В русском переводе сохранена редупликация, однако в английский перевод практически дословный перенос последнего образа (unimaginable distant parts). По отношению к последнему образу в английском переводе – форенизация, в русском – доместикация («далекие места» превращены в «далека», появляется «юдоль плача»), но отношения между переводами во второй части – полная симметрия, что свидетельствует о независимости глубинной семантической структуры от выбранной стратегии перевода. Перестановка определения по отношению к определяемому может быть охарактеризована как бордюрная симметрия. Таксисные отношения (неодновременность) в обоих переводах сохранены за счет использования разных глагольных форм.</p>		
5	<p>Полная симметрия с элементами винтовой и бордюрной между оригиналом и переводами, между переводами – полная симметрия, II тип остранения</p>	<p style="text-align: center;">סבתו שלומית העיפה מבט המום אחד על השוואקים המינויים <...> וצוארים, מדמים שך עופות שחוטפים, ראתה את כתפיהם ואת זרועותיהם לגביהם מזרחים ואת שעורוריית צבעיהם הרעננים של הירקות והפירות: ומיד חרצה גור-דין סופי: "הלוונט מלא מיקרוביים."</p>	<p>[Нередко факты угрожают правде. Однажды я написал об истинной причине смерти моей бабушки]. Моя бабушка Шуламит [прибыла из Вильны жарким летним днем 1933 года]. Она окунула потрясенным взглядом пропотевшие базары, [пестрые прилавки, кишащие живностью закоулки, наполненные криками</p>	<p>My Grandmother Shlomit <...> took one startled look at the sweaty markets <...> and blood dripping from the necks of slaughtered chickens' she saw the shoulders and arms of middle-</p>	<p>Появляется дополнительный агенс («она» вместо «бабушка»). Смена объекта (букв. «шей, истекающих кровью» на «кровь, капающую из шей»), - винтовая симметрия. Характеризующее добавление (middle)</p>

		<p>торговцев, ревом слов, блеянием овец, писком цыплят, подвешенных за связанные лапки...] Она увидела кровь, капающую из шей зарезанных кур, увидела плечи и мускулы мужчин, сынов Востока, увидела кричащие краски овощей и фруктов,[увидела окрестные горы и скалистые склоны иерусалимских холмов] – и немедля вынесла окончательный приговор: «Этот Левант полон микробов».</p>	<p>eastern men and the strident colours of fruit and vegetables <...> and immediately pronounced her final verdict: ‘The Levant is full of germs’.</p>	(«сыны Востока»).	
--	--	---	--	----------------------	--

	$A_1 Ac_{Phys1} O_1(Det_{Spec}),$ $O_2(Det_{Spec}), \dots Ac_{Phys2}, \dots$	$+ Ac_{Sp} : A_2 Ch$			<p>Разбирается не все предложение из-за однотипных объектов. В переводах сохранены первые и последние предикаты, выраженные аналитическим образом (выражение вместо глагола «увидела», «заключила»). Так как структуры переводов отображают структуру оригинала, можно говорить о полной симметрии с элементами бордюрной, когда есть нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. Также адаптивная симметрия есть в замене местоименного суффикса в оригинале на притяжательные местоимения в переводах («моя» и т.у.). Переводы также симметрийны. Степень симметрии больше между переводами, чем между оригиналом и каким-либо из переводов.</p>
6	<p>Зеркальная симметрия с элементами бордюрной между оригиналом и переводами, между переводами – полная симметрия, I тип остранения</p>	<p>כְּאֵלֹו יִצְקֹו אַת כָּל יְרוּשָׁלָם אֶל תוֹךְ כְּדֹר זְכוּת שָׁקוֹף.</p>	<p>Кажется, будто весь Иерусалим заключен внутрь прозрачного стеклянного шара.</p>	<p>As though the whole of Jerusalem had been enclosed in a transparent glass ball.</p>	<p>В обоих переводах новый агент (экспериенсер) – Иерусалим, в то время как в оригинале агент – неопределенно-личный, а Иерусалим – объект. Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому.</p>

	<p>Ac_{phys} אילן</p>	<ul style="list-style-type: none"> • $(\text{Det}_{\text{Def}})O_1 \rightarrow O_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$ 	<p>Основной спецификатор (темперальность) в оригинале представлена глаголом в прошедшем времени, в русском переводе – причастием настоящего времени, в английском переводе – глаголом в предпрошедшем времени. Полная симметрия между переводами за исключением времени глагола. I тип остранения из-за того, что объект предстает в новом аспекте, как будто его раньше не видели.</p>			
	<p>Intro,</p>	<ul style="list-style-type: none"> • $(\text{Det}_{\text{Def}})E \text{ Ch(Temp=Pres)} (\text{Det}_{\text{Spec}})O$ 				
	<p>Intro</p>	<ul style="list-style-type: none"> • $(\text{Det}_{\text{Def}})E \text{ Ch(Temp=Past Perf)} (\text{Det}_{\text{Spec}})O$ 				
7	<p>Зеркальная симметрия с элементами бордюрной, диссиметрии и антисимметрии между оригиналом и переводом, I тип остранения</p>	<p>עַז-דובדבן אחד, גוֹלֶה עֲגוּם, שְׁחִפְנִי, שָׁהַתְגַלֵּל שְׁלָא בְּטוּבָתוֹ אל סְפִּי הַמְדָבֵר הַזֶּה.</p>	<p><...> одно вишневое дерево, печальный, чахоточный изгнаник, к несчастью своему, заброшенный на самый край пустыни...</p>	<p>этот абзац отсутствует в английском переводе</p>	<p>Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому числительного «один» (в иврите оно нормативно находится в пост-позиции).</p>	-

					
8	Зеркальная симметрия с элементами бордюрной симметрии и диссиметрии между оригиналом и переводами, между переводами – также зеркальная симметрия с элементами диссиметрии, I тип остранения	<p>נראה לי ארמוניו של הпроפסטור קלוזנר כדוגמה להיכל הסולטאן או לפלאין של קיסרי רומא <...></p>	<p><...> в моем детстве дворец профессора Клаузнера виделся мне чертогами султана или Палатином римских императоров</p>	<p>Professor Klausner's mansion seemed to me like a model for the Sultan's palace or of that of the Roman emperors</p>	<p>Фаза предиката (Irreal) в обоих переводах сохранена. Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. В русском переводе метонимически опущено дополнение (*«образец» перед «чертогами»).</p>

	<p>Ch(Irreal)O_{Ps1} O₂</p> <ul style="list-style-type: none"> • O_{Ps3}/ • O_{Ps4}(Def_{Spec}) 	<p>O_{Ps1} Ch(Irreal)</p> <ul style="list-style-type: none"> • O_{Ps2}/ • O₃(Def_{Spec})_{Ps} 	<p>(Ps)O₁ Ch(Irreal)O₂</p> <ul style="list-style-type: none"> • (Ps)O₃/ • O₄(Def_{Spec})_{Ps} 	<p>Здесь представлены слева направо оригинал, русский и английский переводы. Предложение делится на три части: 1. в моем детстве дворец профессора Клаузнера виделся мне (в верхней части); 2. чертогами султана; или (коннективный союз разделения, в обоих переводах сохранен); 3. Палатином римских императоров. Зеркальная перестановка глагола со значением «казаться». В переводах не представлено некоторое «зазывание» стиля, выраженное местоименным суффиксом после слова «замок», но приметы высокого стиля компенсированы лексическими средствами, причем в английском переводе диссиметрия из-за нейтрализации (слово אַרְמֹן (букв. «замок») переведено как mansion «дом, поместье»); слово הַיכָּל (букв. «дворец, чертог, храм», употр. также для обозначения священного Храма на горе Мория) передано как palace («дворец»)) и доместикации (слово «Палатин» заменено указательным местоимением.</p>		
9	<p>Сочетание разных видов симметрий (винтовая, зеркальная, криволинейная и бордюрная), а также адаптивной асимметрии между оригиналом и переводами, между переводами – полная симметрия (в некоторых частях), зеркальная симметрия и диссиметрия, I и II тип остраниния</p>	<p>[עד היום אני עוצם לפעמים את עיני ורוואה את איש השיבה הדקיק-השבריר הוה מדשדש וועבר, פוזר-דעט, בזוקנוו הלבן המחוודד, בשפמו הרך, בידיו העדינות, במשקפיו הרוסיים, בפסיעות החרסינה החישיניות שלו,] חולף-עובד לו כמו גוליברנוזער בארץ הענקים המאוכלסת המן רבגוני של קרחונים כבירים ומונפים גבויים וקרנפים עבי גוף, וכל המנופים והקרנפים והקרחונים לו קידת-הודיה מנומסת.</p>	<p>[И до сегодняшнего дня я иногда закрываю глаза и вижу этого седого человека, худого, хрупкого, в русских очках, с белой бородкой клинышком, мягкими усами и нежными руками, переминающегося с ноги на ногу, либо проходящего мимо с отсутствующим видом своими осторожными,</p>	<p>[To this day I sometimes close my eyes and visualize this frail old man' with his pointed white goatee, his soft moustache, his delicate hands, his Russian glasses, shuffling along absent-</p>	<p>Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. Расширение предложной фразы (קיידת-הודיה) в предложение, - криволинейная симметрия.</p>	<p>Глагол настоящего времени заменен Participle I. Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. Расширение предложной фразы (הודיה מנומסת) в причастный</p>

		<p>прямо-таки фарфоровыми шагками...]Снует он туда-сюда, словно крохотный Гулливер в стране великанов, населенной скоплением огромных, переливающихся разными цветами льдин, высокими подъемными кранами, массивными, неповоротливыми носорогами, и все эти подъемные краны, льдины и носороги вежливо и почтительно склоняются перед ним в благодарственном поклоне.</p>	<p>mindedly with his eggshell footsteps] like a tiny Gulliver in a Brobdingnag peopled by a multicoloured throng of mighty icebergs, tall cranes, and massive rhinoceroses, all bowing politely to him in gratitude.</p>	<p>оборот (all bowing politely to him in gratitude), - адаптивная асимметрия и винтовая симметрия.</p>
--	--	--	--	--

				<p>Здесь остраняется образ дяди, видимый как будто внове (I тип), и дается детальное описание вместо называния (II тип), кроме того остраняются «краны», «льдины» и «носороги» (дядя мальчика придумал для этих денотатов слова на иврите), остранение в переводах переведено, но русский перевод более точен в переводе интонационного решения благодаря выделению курсивом. Форенизация в английском переводе (замена «страны великанов» на Brobdingnag), также лексическая замена («льдин» на icebergs, «фарфоровых» на eggshell). Перестановка в обоих переводах, в оригинале порядок такой: краны-носороги-льдины, в русском переводе: краны-льдины-носороги, в английском: льдины-краны-носороги, хотя это не имеет смыслообразующей функции (зеркальная симметрия). В русском переводе вводится коннективный метасоюз соединения, но таксисное отношение одновременности при этом не меняется.</p>		
10	Полная симметрия по второму предложению между оригиналом и переводами, по первому предложению между оригиналом и русским переводом трансляционная симметрия и адаптивная асимметрия, между оригиналом и английским переводом трансляционная, зеркальная симметрия и адаптивная асимметрия, между переводами по первому предложению – трансляционная, зеркальная	"כשהם ילכו, מיד תהיה האדוןית". [אני זכר בבהירות את משפטו זה, לא רק בגלל איזו שובבות לא צפוייה שהיתה מקופלת בו (עכשו היינו אומרים שהייתה בו נימה התרנית), אלא בעיקר בגלל המילה "אדונית", ששוב נתקלתי בה בעבר שנים רבות כשקראתו את סיפורו "האדונית והרוכל". מלבד אדון עגנון, לא נתקלתי בשום אדם המשתמש במילה "אדונית" במקורן "גברת". אף כי אולי אדון עגנון באומרו "אדונית" לא התקווון	– Как только они уйдут, ты тут же станешь полновластной госпожой. [Я ясно и четко помню эту его фразу. И не только потому, что исподтишка внедрилось в нее неожиданное озорство (в наши дни можно было бы определить его тон как попытку диверсии), но, главным образом, из-за слова	'Once they have left, you shall be the mistress'. [I remember this sentence clearly, not only because of the unexpected mischievousness it contained (which nowadays we	В русском переводе artikelъ заменен эпитетом «полновластной». Добавление второго агента (в оригинале он отсутствует, так как форма глагола <i>תהי</i> относится только к мест. ж.р. «ты»). Перестановка	Отсутствует перевод наречия <i>מיד</i> . Замена будущего времени на настоящее совершенное, обусловленная правилом употребления времен в условном предложении. Употребление устаревшей

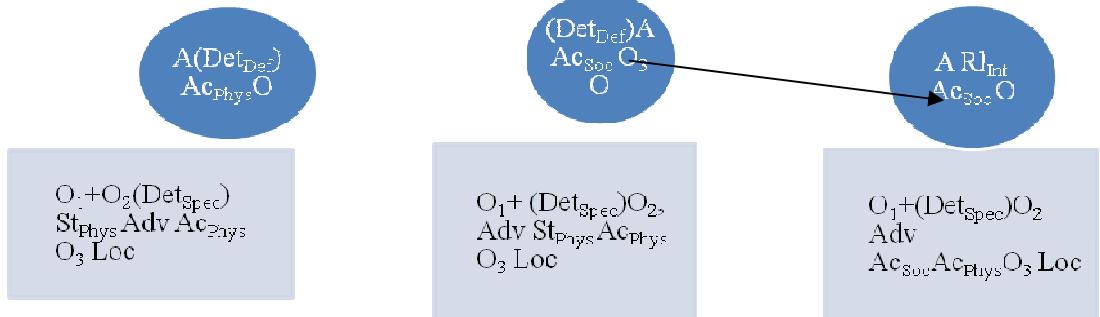
	симметрия, по второму предложению – полная симметрия, I тип остранения	<p>לֹזֶם גִּבְרָת אֶלָּא הַתְּכוּן לְעַנֵּין קִצְתָּא אֶחָד [קִשְׁתָּא לְדֻעָתָה: הוּא הוּא הִי אִישׁ בַּעַל שְׁלוֹשָׁה צְלָלִים אוֹ יִוְתָּר.</p>	<p>«госпожа», которое не было обычным, принятым в иврите словом, используемым для этого понятия: Агнон произвел свое слово от ивритского «адон» (так называют только мужчин) прибавив к нему окончание женского рода – так получилась у него «адонит». С тем же словом я вновь столкнулся спустя много лет, когда читал его рассказ «Госпожа и коробейник», где в названии снова стояло это «адонит». Кроме Агнона я никогда не встречал ни одного человека, который употребил бы это слово в том же смысле, что и Агнон. Впрочем, может и Агнон, употребляя его, не имел в виду просто «госпожу», а подразумевал нечто иное.] Трудно знать: ведь он был человеком с тремя и даже более тенями.</p>	<p>would term subversive), but principally because of his use of the word ‘mistress’, which is rare in Hebrew. I came across it again many years later when I read his story ‘The Mistress and the Pedlar’. I have never come across anyone apart from Mr. Agnon who used the word ‘mistress’ in the sense of the lady of the house. Although perhaps in saying ‘mistress’ he meant something slightly different.] It is</p>	<p>(более) перед существительное, так чтобы избежать инверсии, которая не имеет стилистической окраски в оригинале.</p>	<p>формы (shall) для передачи высокого стиля. Добавление второго агенса. Вводное подлежащее (It) в последнем предложении. Перестановка (more) перед существительное, так чтобы избежать инверсии, которая не имеет стилистической окраски в оригинале</p>
--	--	---	---	--	---	---

				hard to tell: after all, he was a man with three or more shadows.		
		$A \text{Ac}_{\text{Phys}}, \text{Adv } \text{Rl}_{\text{Soc}}(\text{Det}_{\text{Def}})O$				
		$\text{Rl}_{\text{Int}}: A \text{Ac}_{\text{Ph1}} O (\text{Det}_{\text{Spec}})$				
		адаптивная асимметрия и трансляционная симметрия				
		$A_1 \text{Ac}_{\text{Phys}}, A_2 \text{Adv } \text{Rl}_{\text{Soc}}(\text{Det}_{\text{Spec}})O$				
		$\text{Rl}_{\text{Int}}: A \text{Ac}_{\text{Ph1}} O (\text{Det}_{\text{Spec}})$				
		трансляционная и зеркальная симметрия				
		$\text{Adv } A_1 \text{Ac}_{\text{Phys}}, A_2 \text{Rl}_{\text{Soc}}(\text{Det}_{\text{Def}})O$				
		$\text{Rl}_{\text{Int}}: A \text{Ac}_{\text{Ph1}} O (\text{Det}_{\text{Spec}})$				
11	Между переводами, между переводами и оригиналом – полная симметрия с элементами бордюрной, I тип остранения	[סבירה היהת מצביעה פתואם על רהיט או על בגד אין איש והיתה אומרת לו:] "הוא כל-כך מכוער שהוא כבר כמעט יפה".	[Бабушка, бывало, указывала вдруг на какой-нибудь предмет из мебели или одежды, а то и на человека и говорила мне:] – Он до того безобразен, что уже	[My grandmother used to point suddenly at a piece of furniture or an item of clothing or a person and]	Здесь нужно отметить недостаточно категоричное разделение предикатов в теории А. Мустайоки, так, в этом примере предикаты могут характеризоваться как St_{Phys} (физическое состояние) или как Ch (характеристика).	

			почти красив.	say to me:] ‘It’s so ugly it’s almost beautiful.’	
		A Ch ₁ , A Ch ₂		Деавтоматизированное восприятие. Полная симметрия за исключением опущенных компонентов (в русском переводе нет второго местоимения «он», в английском - отсутствует аналог <i>she</i>).	
		A Ch ₁ , A Ch ₂			
12	Зеркальная симметрия между оригиналом и английским переводом, полная симметрия с элементами трансляционной между оригиналом и русским переводом, между переводами – зеркальная симметрия, II тип остранения	נכדים ונינוחות מאוד יקרים של, אני מאוד-מאוד מתגגה לכם. אני מאוד-מאוד רוצחה כבר ליירות את כולכם!	[Он даже сочинял стихи про свою любовь к языку иврит, прославляя его красоту и мелодичность, клянясь ему в вечной верности – все это по-русски (даже прожив в Иерусалиме более сорока лет, дедушка так и не сумел выучить	‘My very dear grandchildrens and greatgrandchildrens, I miss you lots and lots. I want to sea you all lots and lots!’	Форенизация из-за отсутствия нормативной пере-становки определения по отношению к определяемому. Нормативный порядок слов в переводе компенсирован неправильным образованием

			<p>иврит как следует: до своего последнего дня говорил он на нем, нарушая все законы грамматики, а писал с жуткими ошибками. В своей последней открытке, присланной нам в кибуц Хулда незадолго до смерти, в 1977 году, он пишет:]</p> <p><i>Внуки и правнуки, очень дорогие мои. Я очень-очень соскучился по вас. Я очень-очень хочу уже увидеть вас всех!</i> [(Это краткое послание было написано на иврите, и в нем было полно ошибок).]</p>				мн.числа и орфографической ошибкой в том же слове, что и в оригинале.
Voc,	A Adv Ac _{Soc} O	A St _{Em} Adv Ac _{Phys} O	<p>Остранение представлено воспроизведением ошибок говорящего (отсутствием нормализации речи в художественном произведении). В первой части предложения есть обращение, для обозначения которого потребовалось ввести категорию Voc (Vocativus), отсутствующую у А.Мустайоки, так как он разбирал глубинные структуры, а обращение, по-видимому, в них не входит. В обращении переводчик сохраняет порядок слов оригинала, - форенизация. Ошибки в русском переводе представлены только неправильным порядком слов, в то время как в оригинале есть и орфографические (в английском переводе представлены и грамматические, и</p>				

				орфографические ошибки). Русский переводчик использует также и доместикацию, дав пояснение про ошибки.	
13	Трансляционная симметрия с элементами зеркальной между оригиналом и переводами и между переводами, некоторая диссиметрия между оригиналом и английским переводом, I тип остранения	<...> טרוצקי, איזה טרוצקי, לייב'לה ברונשטיין, הבן המשוגע של אחד, דוידל-גאנף מינובקה<...>	<...> что за Троцкий, какой такой Троцкий, Лейбеле Бронштейн, сумасшедший сын Давидки-ганефа (ворюги — в переводе с идиша) из Яновки, <...>	<...> Trotsky, Trotsky, Leibele Bronstein, the crazy son of some gonef called Dovidl from Janowka<...>	Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. Опущено числ. תְּנָא в значении «чай-то».
		N,(Det _{Indef})N,N(Ch),Ch(Det _{Spec})(Det _{Indef})Rl _{Ps} Loc		Форенизация в переводах (заимствование) в русском компенсировано экспликацией (доместикация). Фонетическая запись имени «Давид» на идише сохранена в английском переводе, в русском уменьшительный суффикс «л» передан уменьшительным суффиксом «к», таким образом у имени появляется пейоративное значение. Графическое выделение (штрих для обозначения звуков) в переводах не сохраняется, но в русском переводе есть прямое указание на идиш, в английском это указание в контексте. Снижение больше отображено в русском переводе («ворюга»), поэтому в отношении английского можно говорить о некоторой диссиметрии.	
		(Det _{Indef})N, (Det _{Indef})N, N(Ch), (Det _{Spec})ChRl _{Ps} Loc			
		N,N, N(Ch), (Det _{Spec})Ch (Det _{Indef})Rl _{Ps} Loc			
14	Полная симметрия с элементами зеркальной между оригиналом и русским	ההפר הזה نوعד לבлом פליישת מקקים ומזוקים אחריהם החוותרים יומם ולילה להגיה	[Через каждые два-три часа он должен был хлорировать унитазы и	<...> like the moat of a medieval castle,	Завышение стиля: замена «днем и ночью» Превентивная каузация выражена с

	переводом, трансляционная симметрия с элементами зеркальной и диссиметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – трансляционная симметрия с элементами диссиметрии, I тип остранения	אלינו מתחם הביבים.	раковины. Раковины всегда были заткнуты пробкой, и на дне их постоянно оставался раствор хлора или лизола. Так защитный ров, наполненный водой, окружал стены средневекового замка:] наш ров должен был защитить нас от вторжения тараканов и прочих вредителей, денно и нощно готовых ринуться на нас из канализации.	to block any invasion by the cockroaches and evil spirits that were always trying to penetrate the flat from the drains.	на «денно и нощно». Замена каузального значения: вместо прохихитивного בלום פלישת (букв. «тормозить вторжение») превентивное «защитить от вторжения».	помощью инфинитива при отсутствии модального глагола. В последней части предложения глагол наст.времени заменен глаголом прошедшего времени. Наречие «днем и ночью» превратилось во всегда.
					Между оригиналом и русским переводом полная симметрия с поправкой на нормативную позицию определения. Метонимическая замена в английском переводе местоимения «на нас» на «квартиру» не отразилась на глубинной структуре предложения, таким образом можно удостовериться в том, что стилистические замены – явления супраструктуры. Образная замена и конкретизация в английском переводе מזיקים אחרים (букв. «вредители другие») на evil spirits («злые духи»).	
15	Трансляционная симметрия с элементами зеркальной	"האישה", אמר סבא, "נו, בכמה מובנים היא בדוקן כמו	– Женщина, – начал дедушка, – ну, в	"Woman,' Grandpa said	Замена предикатов с	Добавление агента «он» во

	симметрии, антисимметрии между оригиналом и переводами, между переводами в прямой речи – полная симметрия, в косвенной – зеркальная с диссиметрией, I тип остранения	אנחנו. ממש בדוק. לגמרי, אבל בכמה מובנים אחרים, אמר, "האישה היא לגמרי אחרת. מאוד-מאוד לא דומה".	некотором смысле она в частности, как мы. Ну, точь-в-точь. Абсолютно. Но в некоторых других отношениях, – продолжал он, – женщина совершенно иная. Совсем не похожа.	'nu, in some ways she is just like us. Exactly the same. But in some other ways,' he said' 'a woman is entirely different. Very very different.'	речевой функцией «сказать» на контекстно синонимические с динамической аспектуальностью «начал» и «продолжал». Добавление агента «он» во вторую часть.	вторую часть.	
	A, Intro, Adv A ₁ (A) Ch _{Aestim} , Adv A ₁ Adv Ch. Adv - Ch.						
	• Ac _{Sp} A ₂ , Ac _{Sp}						
	A, Intro, Adv A ₁ (A) Ch _{Aestim} , Adv A ₁ Adv Ch. Adv - Ch.						
	• Ac _{Sp1} A ₂ , Ac _{Sp2} A ₃ (A ₂)						
	A, Intro, Adv A ₁ (A) Ch _{Aestim} , Adv A ₁ Adv Ch. Adv + Ch.						
	• A ₂ Ac _{Sp} , A ₃ (A ₂) Ac _{Sp}						
						В верхних прямоугольниках показаны схемы для прямой речи, в нижних – слова автора. В русском переводе неизбежна потеря остранения из-за нормального употребления междометия «ну», в английском переводе слово заимствовано и выделено курсивом (форенизация), то есть остранение сохраняется. Также английский переводчик сохранил редупликацию, то есть степень симметрии в английском переводе выше. Наречие в последнем предложении оригинала стоит перед предикатом, что не соответствует нормам иврита, но в переводах это не передано, поэтому здесь не полная симметрия, а трансляционная. Речь дедушки на иврите содержит ошибки, что отражено в просторечии в русском переводе и в разговорном стиле в английском переводе. В английском переводе легкая асимметрия из-за антонимического перевода לא דומה (букв. «не похожа») заменено на повтор слова different. А. Мустайоки не указывает, как будет обозначаться модификатор со значением оценки, поэтому мы обозначим предикат характеристики с дополнительным значением оценки как Ch _{Aestimatio-}	

				Повторение агенса местоимением обозначим как A ₁ (A) и т.д.		
16	Криволинейная симметрия между оригиналом и переводами с элементами диссиметрии, индивидуально-образной и адаптивной асимметрии, цветной и винтовой симметрии, между переводами – полная симметрия, I и II тип остранения	[היתה לו עברית משלו, גסבא אלקסנדר, עברית אישית, בשום אופן לא הרשה לתקן ולא רצה שיעירו לו: לספר התעקש לקרוא ספר ולמספרת מספנה]. פעם בחודש, בדיקנות, היה יורד-ים אמץ זה פוסף אל המספנה של האחים בן-יקר, מתישב על כס הקברנית ומנחית על הספן שורת הוראות מפורטות וקשותות, פקדות מבצע לפולגה שנקרה בפיו הסתפנות או תשפונת.	[Был у него свой собственный, личный иврит, у моего дедушки. И ни в коем случае не хотел он и не позволял, чтобы его поправляли. Так, нечаянно заменив одну букву на другую в каком-нибудь ивритском слове, он до конца жизни мог, к примеру, вместо слова «парикмахер» (сапар) говорить «моряк» (сапан), и более того образовывал от этого другие слова, превращая таким образом, скажем, «парикмахерскую» в «судоверфь».] Раз в месяц, как часы, отправлялся бравый мореход на «судоверфь», усаживался в кресло капитана, и «моряк», он же парикмахер, получал от него целый ряд наставлений и команду «отправиться	[He had his own unique brand of Hebrew, Grandpa Alexander, and he refused to be corrected. He always insisted on calling a barber (<i>sapar</i>) a sailor (<i>sapan</i>), and a barber's shop (<i>mispara</i>) a shipyard (<i>mispana</i>).] Once a month, precisely, this bold seafarer strode off to the Ben Yakar Brothers' shipyard, sat down on the captain's seat and delivered a string of detailed, stern orders, instructions for the voyage ahead.	Лексико-грамматические трансформации, например, הוראות מפורטות וקשותות (букв. «указания подробные и связные») трансформировались в «целый ряд наставлений».	Нейтрализация последнего образа, русский перевод («команду «отправиться в плавание»).

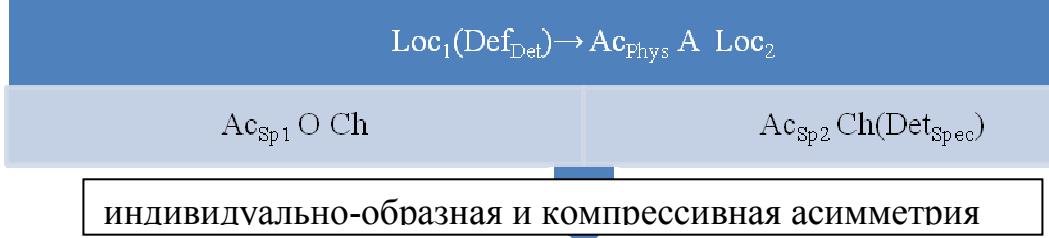
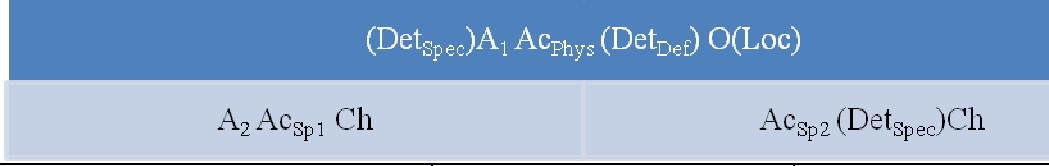
		в плавание».	
Adv(Temp)	<ul style="list-style-type: none"> • $\text{Ac}_{\text{Phys}1} A_1(\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{Loc}_{\text{Ps}}, \text{Ac}_{\text{Phys}2} +$ • $\text{Ac}_{\text{Phys}3} O_1(\text{Det}_{\text{Spec}}) + \text{Ac}_{\text{Soc}} O_3(\text{Det}_{\text{Spec}}), \text{Ch}$ 	Образная замена нейтрального (букв. «с большой точностью, педантично») на «как часы» в русском переводе, - цветная асимметрия. Но в русском переводе индивидуально-образная асимметрия из-за отсутствия указания принадлежности (владельцев парикмахерской). Замена настоящего времени прошедшем в переводах, не обусловленная нормами ПЯ, считается адаптивной асимметрией. Лексико-грамматические трансформации и нормативная перестановка определения по отношению к определяемому-винтовая и бордюрная симметрия. Введение в текст иноязычных слов способствует сохранению остранения и пониманию реципиентом, почему дедушка путал похожие в иврите, но не похожие в ПЯ слова, а перевод этих слов (доместикация) предваряет дальнейшее описание вместо называния (II тип остранения). Цветная симметрия переводов состоит в том, что нейтрализуется последний образ, в английском переводе полностью опущен перевод שנקראה בפי הסתפנה או הספונה (букв. «что у него называлось *плаванием или *плыванием»). Дедушка воспринимает «судоверфь» как «парикмахерскую», полагает, что есть однокоренной глагол «стричь» (тип спряжения - биньян «пиэль» в иврите) и образует два отлагольных существительных со значением «стрижка», по его мнению (причем в двух других типах спряжения – «хифиле» и «хитпаэле»). Но эта языковая игра и ошибка практически не воспроизведены в переводах (только в русском переводе есть отсылка к первому образу «судоверфи» - «отправиться в плавание»), поэтому здесь есть и диссиметрия.	
Adv(Temp)	<ul style="list-style-type: none"> • $\text{Ac}_{\text{Phys}1} (\text{Det}_{\text{Spec}}) A_1 \text{Loc}, \text{Ac}_{\text{Phys}2} +$ • $A_2, \text{Ch}(A), \text{Ac}_{\text{Soc}} (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_1 + O_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$ 		
Adv(Temp)	<ul style="list-style-type: none"> • $(\text{Det}_{\text{Def+Spec}}) A \text{Ac}_{\text{Phys}1} \text{Loc}_{\text{Ps}}, \text{Ac}_{\text{Phys}2} +$ • $\text{Ac}_{\text{Soc}} O_1(\text{Det}_{\text{Spec}}) O_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$ 		

17	<p>Индивидуально-образная асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной, криволинейной и бордюрной симметрии между оригиналом и английским переводом, трансляционная симметрия с элементами зеркальной, криволинейной и бордюрной симметрии между оригиналом и русским переводом, между переводами – трансляционная и бордюрная симметрия, адаптивная и индивидуально-образная асимметрия, II тип остранения</p>	<p><...> ועגלת רוכל האלטע- זאכען שקריאתו הצרודה היהת מקפיה את דמי: כל שנים ילדותו נדמה לי שכך מוזהרים אותי מפני המחללה הזקנה והמוות הרחוקים ממוני עדין אך הולכים וקרבים אלִי אַט-אַט, יום ולילה, בעקבות, בזיהלה צפָע בסתור סְכָר צְמָחֵי הַחוֹשֶׁךְ, מרחישים שם את אצבעותיהם הצוננות שלפטע תפסנה בגבי ותאהזנה ישר בגרון: בזעקה "המחרחרת" אלטע-זא---כען שמעתי אניתמיד את המילים האיומות "אל תז---קן!!". עד היום מעבירה הקריאה הזאת חללה קרה בגבי.</p>	<p>[А порой это была телега старьевщика, чей хриплый крик на идише «Алтэ захен!» («Старые вещи!»), бывало, леденил мою кровь. В течение всего моего детства мерещилось мне, что так предупреждают меня о болезни, старости и смерти, хоть и далеких, но постепенно, медленно, настойчиво, днем и ночью приближающихся ко мне. Они подползают, словно гадюка, тайком извивающаяся в темных зарослях.] Где-то там шевелятся холодные пальцы, которые вдруг вопьются в мою спину, схватят меня за горло: в хрипящем вопле «Алтэ за-хен!» всегда слышалось мне «Ал теза-кен!!» – на иврите это значит «Не будь старым!» И по сей день от этого крика старьевщиков</p>	<p>[the cart of the rag-and-bone man, whose hoarse cry '<i>alte sachen</i>' always made my blood freeze: all the years of my childhood I imagined that I was being warned against illness, old age and death, which though still distant from me were gradually inexorably approaching, creeping secretly like a viper through the tangle of dark vegetation, ready to strike me from behind.] The Yiddish cry '<i>alte sa-chen</i>' sounded to me just like the Hebrew words '<i>al-tezaken</i>',</p>	<p>Не воспроизводится местоименный суффикс «их» после слова «палыцы». Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому. В последнем предложении зеркальная перестановка агента и объекта по отношению к оригиналу и английскому переводу. Замена нейтрального עד היום (букв. «до сегодня») возвышенным «и по сей день». Аналитическое выражение в прохабитивной каузации «Не будь старым!» (более точный перевод «не старей»(м.р.,</p>	<p>Опущение упоминания про пальцы (полная асимметрия по первому предложению), перенос упоминания про идиш и про холод. Аналитическое выражение в деонтической каузации «sends a cold shiver up» (ср.с русским «леденил мою кровь»).</p>
----	---	---	---	--	---	---

			пробегает по моей спине холодная дрожь.	'do not age'. To this day, this cry sends a cold shiver up my spine.	б.вр.))	
	$St_{Ph1} A_0(Det_{Spec}) Adv_{Ac_{Phys1}}$ <div style="background-color: #ADD8E6; border-radius: 10px; padding: 10px; width: fit-content; margin: auto;"> $O(Det_{Spec}) Ac_{Phys2} A_{ChAdv}$ </div> <div style="background-color: #ADD8E6; border-radius: 10px; padding: 10px; width: fit-content; margin: auto;"> $Adv(Temp) Ac_{Phl} A(Det_{Def,Spec}) O$ </div>	$Adv\ Ac_{Phys1}\ (Det_{Spec})A_0,\ A_0\ Adv\ Ac_{Phys2}$ <div style="background-color: #ADD8E6; border-radius: 10px; padding: 10px; width: fit-content; margin: auto;"> $(Det_{Spec})O_0\ Ac_{Phys3}\ O\ A\ Ch, Ch_1$ </div> <div style="background-color: #ADD8E6; border-radius: 10px; padding: 10px; width: fit-content; margin: auto;"> $Adv(Temp)\ (Det_{Def})O_1\ Ac_{Phl}\ O_2\ (Det_{Spec})A$ </div>	-	<p>Криволинейная симметрия обусловлена введением перевода к цитате-заимствованию (форенизация). Между переводами и оригиналом и между переводами – высокая степень адаптивной асимметрии в связи со структурными и образными трансформациями.</p>		
18	Адаптивная асимметрия, винтовая и бордюрная симметрия между оригиналом и переводом, I тип остранения	בלכטו דומה היה שאין בוthon בעפר שעליו הוא דורך /או להפכ', חוות פן צעדיו עלולים להכאיב לאדם החזרות.	Когда Зархи шел, то казалось, что он не слишком доверяет земле, по которой ступал, /или, напротив, опасается, что шаги его могут причинить боль той земле, которой касаются его ноги.	этот абзац отсутствует в английском переводе	расширение <i>החזרות</i> (букв. «пораженная») в «которой касаются его ноги».	-

19	<p>Полная и зеркальная симметрия между оригиналом и переводами, между переводами – полная симметрия, I тип остранения</p>	<p>סבא אפרים נראה בדיקון כמו אלוהים. זאת אומרת, בדיקון כמו של ילד מדמיין לו את אלוהים. לאט-לאט הוא באמתה התרגל להופיע לפני כל העולם בקדוש סלבוי, כמו עוזה נפלאות כפרי, משחו שבין התגלמות דמותו של טולסטוי הזקן לבין דיוקן סנטה קלאוס."</p>	<p>Дедушка Эфраим выглядел в точности, как Господь Бог. [То есть в точности так, как любой ребенок представляет себе Бога.] Постепенно он и вправду привык выступать перед всем миром как славянский святой, как сельский чудотворец, являя собой нечто среднее между образом старика Толстого и Деда Мороза. [Но уже тогда</p>	<p>Grandpa looked just like God. [I mean the way every child imagines God.] He gradually came to appear before the whole world like a Slavic saint, a rustic wonderworker, something between the image of the</p>	<p>Стяжение выражения «воплощение образа...или портрета» до «между образом».</p>	<p>Контекстная замена указательным местоимением that слова «портрет» (דיוקן).</p>

			его представления о мире были не совсем четкими. Уже в те годы для него, похоже, стала довольно расплывчатой грань между божьим человеком и самим Господом Богом: он начал читать мысли, предсказывать будущее, наставлять, истолковывать сны, прощать, жалеть и одаривать милостью.]	old Tolstoy and that of Santa Claus.		
			<p style="text-align: center;">A Ch_{Phl}</p> <p style="text-align: center;">полная и зеркальная симметрия</p>	Dоместикация в русском переводе (Дед Мороз вместо Санта Клауса), но употребление «Санта Клауса» является доместикацией для английского перевода, так как он принадлежит принимающей культуре. В переводах не сохранена редупликация לֹא-לֹא («постепенно», «gradually»). Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому.		
			<p style="text-align: center;">A Ch_{Phl}</p> <p style="text-align: center;">полная симметрия</p>			
			<p style="text-align: center;">A Ch_{Phl}</p>			
20	Индивидуально-образная и	-לְהַזְמָנָה נִפְתָּחָה מִן הַמְרֻפֶּת	На веранду выходила	The servants'	Убрана	Добавление

	компрессивная асимметрия с элементами зеркальной симметрии между оригиналом и русским переводом, криволинейная с элементами зеркальной симметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – индивидуально-образная и компрессивная асимметрия с элементами зеркальной симметрии, II тип остранения	הכניסה למשרתים, שקראו לה אצלו צ'ורני הוד – זאת אומרת, הכניסה השחורה.	дверь, ведущая на половину слуг, – это называлось черный ход.	entrance opened off this porch; we called it <i>chorny khod</i> , which means the black door.	последняя часть предложения (перевод на иврит русского выражения), - индивидуально-образная асимметрия.	агенса к глаголу говорения(в оригинале используется пассивная форма глагола при агенсе «дверь»)
	$\text{Loc}_1(\text{Def}_{\text{Def}}) \rightarrow \text{Ac}_{\text{Phys}} A \text{ Loc}_2$ $\rightarrow \text{Loc}_1 \text{Ac}_{\text{Phys}} A (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{Loc}_2$ $(\text{Det}_{\text{Spec}})A_1 \text{Ac}_{\text{Phys}} (\text{Det}_{\text{Def}}) O(\text{Loc})$ 			Доместикация в русском переводе («черный ход» в оригинале в русском произношении, английский перевод структурно следует оригиналу, остранению способствует выделение курсивом. Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому и перемена направления (с веранды-на веранду- off porch) – признаки зеркальной симметрии. Расширение в русском переводе: одно слово משרתים (букв. «служебные помещения») превратилось в «половину для слуг». Криволинейная симметрия в английском переводе из-за наращивания структуры.		
21	Полная симметрия с	היא תמיד נראית כאילו בזה	Она всегда выглядела	She always	Нормативная	Замена

	<p>элементом зеркальной между оригиналом и русским переводом, компрессивная асимметрия с элементами модальной асимметрии и зеркальной симметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – компрессивная асимметрия с элементами модальной асимметрии, I тип остранения</p>	<p>הרגע סיפורו לה שלגין ממחכה לה בחצר ומבקש לדבר אתה.</p>	<p>так, словно именно в эту минуту ей сообщили, что Ленин ждет ее во дворе и хочет с ней поговорить.</p>	<p>looked as though she'd just been told that Lenin was waiting for her outside in the courtyard.</p>	<p>перестановка определения по отношению к определяемому.</p>	<p>настоящего исторического времени прошедшим, прошедшего – предпрошедшим, отсутствие последнего предиката. Добавление outside.</p>
	<p style="text-align: center;">A Adv Ch_{Phl}</p> <p style="text-align: center;">Adv(Temp) Ac_{Sp1} O(A), A₁ Ac_{Soc} Loc + Ac_{Sp2}</p> <div style="text-align: center; border: 1px solid black; padding: 5px; margin-top: 10px;"> <p>полная и зеркальная симметрия</p> </div>			<p>Остранение представлено необычным описанием поведения и облика персонажа. Преобразований между оригиналом и русским переводом немного, переведенное предложение соответствует нормам языка, поэтому можно считать этот случай вариантом полной, а не трансляционной симметрии, когда структура предложения воспроизводит структуру оригинала, но не является естественной для принимающего языка (форенизация на синтаксическом уровне).</p>		
22	<p>Полная симметрия с элементом компрессивной асимметрии между</p>	<p>כל יום מספרת לי דודה סוניה, מקדם בבוקר, גפני שמתה היל ההום, בשׁ, לפני שיש, אני</p>	<p>Каждый день, – рассказывает мне тетя Соня, – ранним утром,</p>	<p>Every day (Aunt Sonya continues),</p>	<p>Отсутствует последнего компонента</p>	<p>Убран повтор «до шести», замена на even earlier.</p>

	оригиналом и русским переводом, полная симметрия с элементом зеркальной между оригиналом и английским переводом, между переводами – полная симметрия с элементом компрессивной асимметрии, II тип остранения	יורדת לי לאט-לאט במדרגות לזרוך את השקיית לפה-האשפה בחוץ .	до того, как начнется жара, в шесть, а то и до шести, я осторожно спускаюсь по лестнице, чтобы выбросить мусор.	before the day begins, at six, or even earlier, I go slowly down the stairs to empty the bin-liner in the dustbin outside.	(*чтобы выбросить мусор в мусорный контейнер снаружи) – инкорпорация.	Контекстная заменяя на глагола говорения на глагол «продолжает». Отсутствие слушателя (объект).
	Adv ₁ (Temp) Ac _{sp} O A	• Adv ₂ (Temp) • A ₁ Adv Ac _{Phys1} Loc Ac _{Phys2} Loc	Oстранение здесь представлено переключением модуса рассказчика и использованием настоящего исторического времени, когда давно прошедшие события преподаются как одновременные времена речи (нарушается временной континуум). В переводах не сохранена редупликация (признак разговорного, а не литературного стиля) לאט-לאט (букв. «медленно-медленно»): «осторожно» и «slowly».			
	Adv(Temp) Ac _{sp} O A	• Adv ₂ (Temp) • A ₁ Adv Ac _{Phys1} Loc Ac _{Phys2}				
23	Сочетание полной, винтовой, криволинейной и зеркальной симметрии между оригиналом и русским переводом, полной, винтовой симметрии и модальной	פולין התייחסה אל היהודים, ככה, בבהילה, כמו מישחו שנגס קצת דג סרוח, לא לבלוע ולא להקייא.	Польша относилась к евреям так, будто ее тошнит от них, будто некто откусил кусочек тухлой рыбы – и ни проглотить, ни	<...> the Polish attitude to the Jews was one of the disgust, like someone who has bitten	Винтовая симметрия из-за конверсии Adv(Manner) сущ. בבהילה (букв. «в	Отсутствует метонимия (Польша вместо «отношения поляков»). Замена

	<p>асимметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – полная и криволинейная симметрия с модальной асимметрией , I тип остранения</p>		вырвать.	into a piece of bad fish, and can neither swallow it nor spit it out.	тошноте») превратилось в «будто ее тошнит от них».	прошедшего времени настоящим совершенным.
	<p>A St_{Em} O, Adv(Manner)</p>		<ul style="list-style-type: none"> • N Ac_{Phys1} O(Det_{Spec}) • -Ac_{Phys2}, -Ac_{Phys3} 		По первой части предложения – винтовая симметрия с элементами криволинейной симметрии в отношении русского перевода. По второй части предложения – полная симметрия между оригиналом и переводами и между переводами за исключением нормативной перестановки определения по отношению к определяемому (элементы зеркальной симметрии). В последней части английского предложения добавлен модальный глагол - модальная асимметрия.	
	<p>A St_{Em} O, O(A) Ac_{Phys} O</p>		<ul style="list-style-type: none"> • N Ac_{Phys1} (Det_{Spec})O • -Ac_{Phys2}, -Ac_{Phys3} 			
	<p>(Det_{Spec})A O Ch</p>		<ul style="list-style-type: none"> • N Ac_{Phys1} (Det_{Spec}) O • - Ac_{Phys2}, -Ac_{Phys3} 			
24	Полная симметрия с элементами зеркальной и трансляционной между оригиналом и переводами и между переводами, I тип остранения	ואני זוכרת כמו נקי ויפה ונראת לי הכל ממבט ראשון, בעבר, עם ספסלי הרחוב והפנסים וכל השלטים בעברית: כאילו כל העיר תל אביב הייתה רק תערוכה יפה מאוד בחצר של גימנסיה "תרבותה".	Помнится, в тот вечер, с первого взгляда, все показалось мне таким чистым и красивым – скамейки на улицах, фонари, вывески на иврите: казалось, весь Тель-Авив был всего	I remember how clean and nice everything looked at the first glance, in the evening, with the benches and	Отсутствует детерминант «все» перед словом «вывески». Замена сравнительного союза на	Зеркальные перестановки второстепенных членов предложения согласно нормам ПЯ. Перемещение

			лишь прекрасной выставкой во дворе нашей гимназии «Тарбут».	street lights and all the signs in Hebrew: as if the whole of Tel Aviv was just a very nice display in the playground of the Tarbut school.	безличный глагол «казалось». Убран первый агенс, вместо него – безличный глагол «помнится».	детерминанта «уличный» от «скамеек» к «фонарям».
	A Rl _{Int} (Det _{Spec}) Ch A ₁ Adv(Manner) Adv(Temp)		<ul style="list-style-type: none"> • N₁(Det_{Spec}), N₂, (Det_{Def})N₃(Det_{Def}) • (Det_{Def}) N₄ Ch(Det_{Spec}) 		В переводах отсутствует детерминант «город» с определенным артиклем перед словом «Тель-Авив». Порядок компонентов сохранен (полная и трансляционная симметрия) за исключением нормативной перестановки определения по отношению к определяемому	
	Rl _{Int} Adv(Temp) Adv(Manner)A ₁ Ch(Det _{Spec})		<ul style="list-style-type: none"> • N₁ Loc, N₂, N₃(Det_{Def}) • Intro, (Det_{Def}) N₄ (Det_{Spec})Ch 			
25	A Rl _{Int} (Det _{Spec}) A ₁ Ch Adv(Manner) Adv(Temp)		<ul style="list-style-type: none"> • N₁ + (Det_{Spec})N₂ + (Det_{Def}) N₃ (Det_{Def}) • (Det_{Def}) N₄ (Det_{Spec}) Ch 			
	Полная симметрия с элементами зеркальной и трансляционной между оригиналом и переводами и между переводами, I тип	כאילו הסודר שלה, שהtagוב, אי-כך אל ערים סודרים של, מגון אליו גיחון גם שלשותה לאיז.	[Все вызывало во мне бессильный гнев.] Будто ее свитер, неизвестно как пробравшийся в стопку	As though her pullover, that somehow crept into my pile of pullovers, was	Замена глагола причастием («пробравшийся »). Добавление определения	Замена настоящего исторического времени прошедшим.

	остранения		моих свитеров, улыбается мне гнусной, злорадной улыбкой.	gloating at me with a vile grin.	«гнусный».	Стяжение двух слов «злорадная усмешка» в одно - grin.
	A(Det _{Def}) (Det _{Spec}) • Ac _{Phl} (Det _{Spec})	(Det _{Def}) A (Det _{Spec}) • Ac _{Phl} (Det _{Spec1}), (Det _{Spec2})	(Det _{Def}) A (Det _{Spec}) • Ac _{Phl} (Det _{Spec})	Порядок компонентов сохранен (полная и трансляционная симметрия) за исключением нормативной перестановки определения и притяжательных местоимений по отношению к определяемому, что не показано в случае местоимения «мои» на графе, так как здесь эти перестановки – признаки не глубинной, а поверхностной структуры.		
26	Полная симметрия с элементами зеркальной, винтовой и трансляционной, а также индивидуально-образная асимметрия между оригиналом и русским переводом, полная симметрия с элементами зеркальной и трансляционной, а также компрессивная асимметрия между оригиналом и английским переводом, между переводами – полная симметрия с элементами зеркальной, винтовой и трансляционной, а также индивидуально-образная асимметрия, I тип остранения	אשר לוילנות הפרחוניים, הם היו משוכנים ומהודקים זא אל זה בכל עט, כמו צמד ברכיים צנוועות, כדי לבצער את הפרטיות.	Что же до цветастых занавесок, то они всегда были плотно задернуты и примыкали друг к дружке, словно сжатые коленки скромницы.	As for the flowery curtains, they were always kept drawn and firmly joined together, like a pair of chaste knees, for greater privacy.	Opущена последняя часть предложения כדי לבצער את הפרטיות (букв. «чтобы укрепить укромность»). Отсутствие илицетворения: «скромные коленки» оригинала превратились в «коленки скромницы».	Стяжение последней части, исчезает глагол – компрессивная асимметрия.

		$O(Det_{Spec}), A(O) Ch_1 + Ch_2 Adv(Temp)$ $Adv(Manner), Ac_{Soc} O$				
		$(Det_{Spec})O, A(O) Adv(Temp) Adv(Manner)Ch_1 + Ch_2$ $Adv(Manner)$		<p>В русском переводе использована разговорная форма («друг к дружке») вместо нейтральной. В переводах появляется наречие («плотно», «firmly»), причем они относятся к разным по порядку причастиям. В целом порядок компонентов сохранен (полная и трансляционная симметрия) за исключением нормативной перестановки определения и притяжательных местоимений по отношению к определяемому и перестановки обстоятельств образа действия (зеркальная симметрия).</p>		
		$(Det_{Spec})O, A(O) Adv(Temp) Ch_1 + Adv(Manner)Ch_2$ $Adv(Manner) Ch_3$				
27	Трансляционная симметрия с элементами зеркальной симметрии и диссиметрии между оригиналом и переводами и между переводами , II тип остранения	<p>רֹומַ מְעַלְתּוֹ נָרָא לֵי קִצְתַּ חִיוּוֹר הַיּוֹם? יְמֵם קִשְׁתָּה עַבְדָּן עַל כְּבוֹדָו? סְפִינְטוֹרִי טְבֻעָו חֲלִילָה בִּים? או שְׁמָא אַרְמוֹנוֹתִי נְפָלוּ בִּידְךָ זָהָב?</p>	<p>[После обеда пришел папа, чтобы забрать меня из дома тети Греты. Появившись, он сказал по своему обыкновению:] – Ваше высочество кажется мне сегодня бледнее обычного. Тяжелый день выдался у вашей чести? Корабли его потонули в море, не приведи Господь? Или, быть может, дворцы ваши попали в руки врагов и</p>	<p>'His Highness looks a bit pale today. Has he had a hard day? Have his ships been shipwrecked, Heaven forbid? Or have his castles been captured by foes?</p>	<p>Употребление второго лица по отношению к мальчику вместо третьего, как в оригинале. Добавление вводного «может быть».</p>	<p>Исчезает второй синоним слову «враг». Нормативная перестановка определения и притяжательных местоимений по отношению к определяемому.</p>

			притеснителей?			
	A Ac _{Phl} Ch Adv(Temp)?		<ul style="list-style-type: none"> • A₁(Det_{Spec}) Ac_{Soc} O(A)? A₂(Det_{Def}) Ac_{Phys1} Adv(Manner) Loc?/ • A₃(Det_{Def}) Ac_{Phys2} O₁ + O₂? 	<p>Изменилась речевая функция первого предложения (в оригинале – вопрос, в переводах – сообщение). Структура русских предложений воспроизводит оригинальные, даже когда это не требуется (например, инверсия «дворцы ваши»), - трансляционная симметрия.</p>		
	A Ac _{Phl} Adv(Temp) Ch		<ul style="list-style-type: none"> • (Det_{Spec}) A₁ Ac_{Soc} O(A)? A₂(Det_{Def}) Ac_{Phys1} Loc, Intro?/ • Intro, A₃(Det_{Def}) Ac_{Phys2} O₁ + O₂? 			
	A Ac _{Phl} Ch Adv(Temp)		<ul style="list-style-type: none"> • A₁(A) Ac_{Soc}? (Det_{Def}) A₂ Ac_{Phys1}, Intro?/ • (Det_{Def}) A₃ Ac_{Phys2} O? 			
28	Трансляционная симметрия с элементами зеркальной симметрии и диссиметрии между оригиналом и переводами и между переводами, между оригиналом и английским переводом – некоторая антисимметрия, I тип остранения	אשר לעגבניות, הן כלל לא נבטו אף פעם: בחרנו את התנאים השוררים בחצר, נמלכו היבט בעדעתם והחליטו לנוther עליינו.	Что же до помидоров, то они вообще никогда не всходили: изучив условия, характерные для нашего двора, хорошенько все обдумав, решили помидоры дела с нами не иметь.	As for the tomatoes, they never even sprouted: they examined the prevailing conditions, discussed what to do, and decided to give us up.	Образная замена + повтор והחליטו לוותר עלינו (букв. «решили отказаться от нас») переведено как «решили помидоры дела с нами не иметь».	Поскольку двойного отрицания в английском быть не может, первый агенс в утвердительной форме, - антисимметрия.

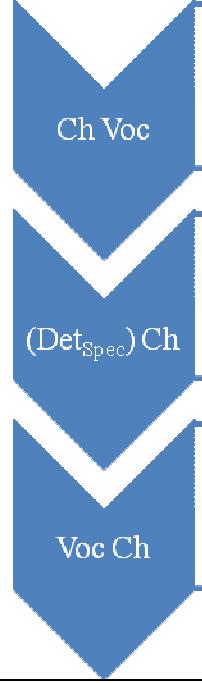
		O, A(O) Adv(Manner) - Ac _{Phys} Adv(Temp)	Перестановка наречия в русском переводе, нормативная перестановка определения по отношению к определяемому в английском переводе – признаки зеркальной симметрии.			
	Rl _{Int} O ₁ (Ch), Adv(Manner)+	Rl _{Soc} Ac _{Soc}				
	преимущественно трансляционная симметрия					
		O, A(O) Adv(Manner) Adv(Temp) -Ac _{Phys}				
	Rl _{Int} O ₁ , Ch, Adv(Manner)	Rl _{Soc} A(O) Ac _{Soc}				
	преимущественно зеркальная симметрия					
		O, A(O) Adv(Temp) Adv(Manner) Ac _{Phys}				
	A(O) Rl _{Int} Ch(O), Ac _{Soc} +	Rl _{Soc} Ac _{Soc}				
29	Культурологическая асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной симметрии и диссиметрии между оригиналом и русским переводом, компрессивная асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной симметрии и диссиметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – культурологическая и компрессивная асимметрия с элементами зеркальной симметрии, I тип остранения	טרפליב מעלץ אפוא להתפרק רוב שנוטיו בדוחק, כספרן קשה-יום במלקט העיתונאות של הספרייה הלאומית, ולחרבר בשארית כוחו, בלילות, את ספריו על תולדות הנובלה ועל תולדות הספרות <...>	<...> наш Треплев большую часть своей жизни вынужден был зарабатывать, еле сводя концы с концами, тяжким трудом библиотекаря в отделе периодики Национальной библиотеки, писать по ночам, выбиваясь из сил, свои книги по истории новеллы и истории литературы.	So this Treplev had to eke out a wretched existence as a librarian in the newspaper department of the National Library, writing his books about the history of the novella and other subjects of literary history at night, with what	Экстраполяция и генерализация רֹוב שְׁנוֹתֵי בְּדוֹחָק (букв. «большую часть года в нужде») → «большую часть своей жизни...еле сводя концы с концами».	Экстраполяция и конверсия רֹוב שְׁנוֹתֵי בְּדוֹחָק → a wretched existence.

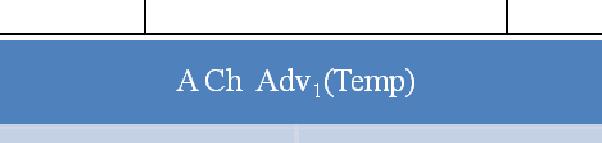
			remained of his strength <...>		
	A Ac Adv(Temp) Adv(Manner)	• Ch, Ac _{Phys} Adv(Manner), Adv(Temp) O	В переводах появляется детерминант к агенсу («наш», «this»). Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому в переводах – зеркальная симметрия. В оригинале дана подстрочная сноска, объясняющая, кто такой Треплев, в русском переводе – доместикация, усиленная употреблением местоимения «наш». В английском переводе пояснений нет, можно предположить, что из-за того, что герой «Чайки» может быть узнан англоязычным реципиентом.		
	преимущественно зеркальная симметрия				
	(Det _{Def}) A Adv(Temp)A c, Adv(Manner)	• Ch, Ac _{Phys} Adv(Temp), Adv(Manner), O			
	компрессивная асимметрия				
	(Det _{Def}) A Ac	• Ch, Ac _{Phys} O Adv(Temp), Adv(Manner)			
30	Полная симметрия с элементами зеркальной, трансляционной симметрии и рефлексивной асимметрии между оригиналом и русским переводом, полная симметрия с элементами трансляционной, зеркальной, винтовой симметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – полная симметрия с элементами	וכך הופך בעיני הכנוי "ילד רגיל" למדרגה הנחותה ביותר של ביזוי: מוטב כבר לגדל ולהיות כלב רחוב, מוטב בעל מום או מפגר בשכלו, מוטב אפילו להיות בת, ורק בשום אופן לא להיות חלילה "ילד רגיל" <...>	Вот так и превращается словосочетание «обычный ребенок» в нечто ущербное, вызывающее презрение: уж лучше быть уличным псом, лучше быть калекой или умственно отсталым, лучше даже быть девчонкой, но только ни в коем случае не быть	And so for me the expression ‘ordinary child’ became a term of utter contempt. It was better to grow up to be a stray dog, better to be a cripple or a mental retard, better to be a girl even,	Пропущено указание на реципиента (букв. «в моих глазах») – рефлексивная асимметрия. Исчезает второй предикат St _{Phys2} со значением «вырасти». Добавление агента в последнюю часть и изменение формы глагола с инфинитива на личную – винтовая симметрия. Взаимоотношения предикатов меняется с равноправного на

	трансляционной, зеркальной, винтовой симметрии и рефлективной асимметрии, II тип остранения		«обычным ребенком».	provided I didn't become an 'ordinary child' <...>		соподчиненного: to grow up to be.
		$\text{Ac R A Id}_1 \rightarrow \text{Id}_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$	Nормативная перестановка определения по отношению к определяемому в переводах – зеркальная симметрия. В целом порядок компонентов сохранен (полная и трансляционная симметрия).			
31	Трансляционная симметрия с элементами зеркальной, винтовой и бордюрной, а также некоторая модальная асимметрия между оригиналом и переводами, криволинейная симметрия между оригиналом и русским переводом, между переводами – трансляционная симметрия с элементами	<ul style="list-style-type: none"> ><כִּי אָמַנוּ נֶכְנָן שָׁפָרִים עַלְוָלִים לְהַשְׁתַּנוֹת בְּמַשֵּׁךְ הַשָּׁנִים לֹא פָּחוֹת מִכְּפֵי שָׁנָנִים מְשֻׁתְּנִים עַם הַזָּמָן <עד אֲשֶׁר לִילָה אֶחָד, כַּשְׁתַּהֲיה פְּתָאָם זָקָוק לְאֶחָד מֵהֶם, וְלוּ גַם בְּשַׁלּוֹשׁ בְּבוֹקָר, סְפִיר שָׁאתָה הַזְּנָחָת אֲוֹתוֹ וְכָמֹעֵט מְהִיתָּה מִלְבָן בְּמַשֵּׁךְ שָׁנִים עַל שָׁנִים, הוּא לֹא יִצְבֵּב אַוְתֵּךְ כִּי אִם יַרְדֵּן מִן הַאַצְטָבָה וַיַּבְאָוֹ 	<p>Это верно, что книги могут изменяться с течением лет не меньше, чем изменяются с бегом времени люди. [Однако разница в том, что люди, почти все, покинут тебя, в конце концов, когда придет день, и ты окажешься</p>	<p><...> while it was true that books could change with the years just as much as people could <...> [Until one night, when you suddenly needed a book,</p>	<p>меняются ролями агент и объект во второй части: «будет тоска по...» переведено как «ты почувствуешь, что нуждаешься...» –</p>	<p>Добавление прошедшего времени, опущение второго обстоятельства – указания на время в первом предложении. Замена «ночи» на контекстный</p>

зеркальной, винтовой и бордюрной, I и II тип остранения	<p><i>לְהִיוֹת עַמְקָ בְּרַגֵּעַ קִשְׁתָּה.</i></p> <p>для них бесполезным, не доставляющим никакого удовольствия или, по крайней мере, доброго чувства, – книги же никогда тебя не оставят. Ты их наверняка будешь иногда покидать, некоторые из книг ты покинешь на долгие годы, а то и навсегда. Но они, книги, даже если ты их предал, никогда не повернутся к тебе спиной: в полном молчании они будут скромно дожидаться тебя на этажерке. Будут ждать даже десятилетия. Не станут жаловаться.] Пока в одну прекрасную ночь, когда ты почувствуешь, что нуждаешься в одной из них, пусть даже в три часа ночи, пусть даже это будет книга, которую ты забросил годы назад и почти вычеркнул из своего сердца, она, эта книга,</p>	<p>even at three in the morning, even if it was a book you had abandoned and erased from your heart for years and years, it would never disappoint you, it would come down from its shelf and keep your company in your moment of need.</p>	<p>зеркальная и винтовая симметрия. Конверсия <i>בְּרַגֵּעַ</i> (<i>кш</i>) (букв. «в момент трудности») → «в трудную минуту». Опущение про то, что книга «не разочарует». Замена редупликации про «годы и годы» на «годы назад».</p>	<p>синоним «in the morning». Конверсия <i>עַמְקָ</i> (булк. «с тобой») → притяж. мест. + добавление слова «your company».</p>
---	---	---	---	---

			сойдет с полки и явится, чтобы быть с тобой в трудную минуту.			
	A Ac _{Phys1} Adv _{1(Temp)} , A ₁ Ac _{Phys2} Adv _{2(Temp)}	A Adv _{1(Temp)} Ac _{Phys1} , Ac _{Phys2} Adv _{2(Temp)} A ₁	A Ac _{Phys1} Adv _{1(Temp)} , Adv(Manner) A ₁ Ac _{Phys2}	Нормативная перестановка определения и числительного «один» по отношению к определяемому в переводах – зеркальная симметрия. Небольшая модальная асимметрия в переводах, так как глагол עלולים имеет значение долженствования, а в переводах употреблены глаголы «могут» и «could». Большое количество формообразующих преобразований – бордюрная симметрия. Усложнение структуры в русском переводе – криволинейная симметрия.		
32	Полная симметрия с элементами зеркальной, трансляционной, винтовой симметрии и цветной симметрии между оригиналом и русским переводом, индивидуально-образная асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной симметрии между оригиналом и английским переводом,	"בן-אשפתות שכמוּך!" הייתה מורה-אייזבללה מטירה לעברו בלאות שמחת-לְסִפְתַּה-הבז, ואחר-כך הייתה מוחלת לו בהינפֿ-יָי...>	Позорный сын помойки! – заключала учительница-Изабелла с усталой радостью, возвещающей конец наказанию, и прощала кота легким взмахом руки	'You child of the muckheap!' Teacher Isabella snarled at him contemptuously , and then she would pardon him a wave of her hand <...>	Конверсия, грам. трансформации и расширение מטירה לעברו בלאות שמחת-לְסִפְתַּה-הבז (букв. «отодвигала в прошлое усталость радости-конца-презрения») на «contemptuously»	Стяжение и замена ממירה לעברו בלאות שמחת-לְסִפְתַּה-הבז (букв. «отодвигала в прошлое усталость радости-конца-презрения») на «contemptuously»

	между переводами – индивидуально-образная асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной, цветной симметрии, II тип остранения			«с усталой радостью, возвещающей конец наказанию».		
	 <ul style="list-style-type: none"> • A Ac_{Sp} Adv₁(Manner) • RI_{Soc} R Adv₂(Manner) <ul style="list-style-type: none"> • Ac_{Sp} A Adv₁(Manner) (Det_{Spec}) • RI_{Soc} R Adv₂(Manner) <ul style="list-style-type: none"> • A Ac_{Sp} R Adv₁(Manner) • RI_{Soc} R Adv₂(Manner) 			Замена прошедшего продолженного времени в первом глаголе простым прошедшим в переводах, во втором глаголе – простым прошедшим временем в русском переводе и сочетанием модального глагола, обозначающим повторяемость совершения действия, и инфинитивом – в английском переводе. В русском переводе отсутствует обращение, зато появляется эпитет «позорный» (позже появляется еще один эпитет – «легкий»). Также в русском переводе есть замена реципиента контекстным синонимом («кота» вместо «него»), а в английском переводе реципиент поставлен в другое место. II тип остранения, так как кот здесь и в контексте не называется как таковой, а образно и детально описывается.		
33	Полная симметрия с элементами зеркальной симметрии и диссиметрии между оригиналом и русским переводом, индивидуально-образная асимметрия с элементами зеркальной, трансляционной симметрии между оригиналом и	הַלְילוֹת הֵיו אֲרוֹכִים הַרְבָּה יוֹתֶר מַאשֶּׁר הֵם בִּימִינוֹ מִפְנֵי שְׁתְנוּעָה כְּדָוֶר הָאָרֶץ סְבִיב צִירֵו הִיְתָה אִיטִיתִית יוֹתֶר, מִפְנֵי שְׁכוֹה הַמְשִׁיכָה הָהָחָזָק יוֹתֶר.	Ночи были намного длиннее, чем нынче, в наши дни, потому что земной шар вращался тогда вокруг своей оси намного медленнее, а сила земного притяжения была намного сильнее.	The evenings were longer because the sun and the moon moved more slowly <...>	Добавление просторечного «чем нынче».	Опущение последнего образа – индивидуально-образная асимметрия.

		<p style="text-align: center;">A Ch Adv₁(Temp)</p> 			
34	Трансляционная, зеркальная симметрия с некоторой цветной симметрией и диссиметрией между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная симметрия с некоторой диссиметрией	באור בוקר יצאה אפוא משלהת דיפלומטית קטנה זו, מצווחצתה ואף מתורבדת <i>למשיעי</i> <...>	В десять утра, вышла, стало быть, маленькая дипломатическая делегация, начищенная и надраеная, и даже должным образом проинструктированная <...>	And so this little diplomatic mission set forth at ten o'clock in the morning, resplendent and fully briefed	Добавление эпитета («надраенная») – цветная симметрия. Отсутствие дополнительного

	между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная симметрия с некоторой цветной симметрией и диссиметрией, II тип остранения			<...>	спецификатора определенности ו (букв. «эта»).	Adv(Temp).Отсутствие перевода для спецификатора ואף (букв. «даже»).
	 <ul style="list-style-type: none"> • $\text{Ac}_{\text{Phys}} \text{A}(\text{Det}_{\text{Spec}}, \text{Det}_{\text{Def}})$, $\text{Ch}_1 + \text{Ch}_2$ • Ac_{Phys}, Intro, $(\text{Det}_{\text{Spec}})\text{A}$, $\text{Ch}_1 + \text{Ch}_2$, + Ch_3 • $(\text{Det}_{\text{Def}}, \text{Det}_{\text{Spec}})\text{A} \text{Ac}_{\text{Phys}} \text{Adv(Temp)} \text{Ch}_1 + \text{Ch}_2$ 	<p>Русский перевод точно следует по структуре оригиналу, поэтому можно говорить о трансляционной симметрии. В первой части предложения в переводах нормативная перестановка определения по отношению к определяемому в переводах – зеркальная симметрия. II тип остранения, так как здесь детально описывается вместо называния семья.</p>				
35	Трансляционная, зеркальная симметрия с некоторой цветной симметрией и диссиметрией между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная симметрия с некоторой диссиметрией и	אלָא שָׁאָרִי-הַעֲצָם הָעַזׂ וְהַנוּרָא שָׁאוֹתוֹ גִּלְמָתִי בְּהַתְּרוּמָמוֹתִ - הַנֶּפֶשׁ לְעַנֵּי עָבִישָׁה וְאַחֲיהָ, הַלְּבִיא הַמְסֻתָּר הַזָּה כָּלֶל לְאַ צְפָה וְלֹא שְׁעִיר מְנַיעֵן תִּפְתָּחָה עַלְיוֹ הַרְעָה: אַרְיָה עַיוּור וְחִירָשׁ וְשָׁוֹטָה. עַנְיִינִים לוֹ וְלֹא רָהָ.	Вот только лев этот, лазающий по деревьям, рыкающий, грозный и страшный, которого я с энтузиазмом изображал для Айши и ее братишки, лев этот не ожидал, не знал и не	But this awesome tree-lion that I was exultantly acting the part of in front of Aisha and her brother was	По первому и последнему определению нет зеркальной перестановки определения перед определяемое.	По первому определению есть зеркальная перестановка определения перед определяемое. Замена простого

	компрессивной асимметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная симметрия с некоторой диссиметрией и компрессивной асимметрией, II тип острания		ведал, откуда придет к нему несчастье. Лев слепой, глухой и глупый. Глаза у него – да не видят.	unaware of approaching doom. He was a blind, deaf foolish lion. Eyes had but he saw not <...>	Расширение до двух слов: ולא שער «не знал и не ведал».	прошедшего времени продолженным.
	A(Det_{Def}), $(\text{Det}_{\text{Spec}})_1, (\text{Det}_{\text{Spec}})_2 +$ $(\text{Det}_{\text{Spec}})_3$		<ul style="list-style-type: none"> $\text{Ac}_{\text{Soc}} \text{Adv}(\text{Manner}) O_1+O_2, A_1(\text{Det}_{\text{Spec}}, \text{Det}_{\text{Def}}) -\text{RI}_{\text{Int}1} + -\text{RI}_{\text{Int}2}, \text{Ac}_{\text{Phys}1} O(A) A_2$ $A \text{Ch}_1+\text{Ch}_2+\text{Ch}_3, O \text{RI}_{\text{Ps}} -\text{Ac}_{\text{Phys}}$ 		Трансляционная симметрия в переводе библейской цитаты. В оригинале использовано два слова для обозначения льва: ארֵי (зрелый лев) и לְבִיא (молодой лев) – некоторая диссиметрия в переводах (в иврите есть семь слов для обозначения льва). В переводах отсутствует упоминание о глазах Айши и ее брата (винтовая замена+нейтрализация: «для», «in front of»). Исчезновение из переводов эпитета «сумасшедший» (המסתתר), на что, впрочем, есть отсылка в контексте переводов. Конверсия - הנַפְשׁ (букв. «с подъемом души») в существительное и наречие в переводах («с энтузиазмом» и «exultantly»).	
	A(Det_{Def}), $(\text{Det}_{\text{Spec}})_1,$ $(\text{Det}_{\text{Spec}})_2, (\text{Det}_{\text{Spec}})_3 +$ $(\text{Det}_{\text{Spec}})_4$		<ul style="list-style-type: none"> $A_1(A) \text{Adv}(\text{Manner}) \text{Ac}_{\text{Soc}} O_1+O_2, A -\text{RI}_{\text{Int}1}, -\text{RI}_{\text{Int}2}, -\text{RI}_{\text{Int}3}, \text{Ac}_{\text{Phys}1} A_2$ $A \text{Ch}_1, \text{Ch}_2 +\text{Ch}_3, A_3(\text{Det}_{\text{Def}}) -\text{Ac}_{\text{Phys}2}$ 			
	$(\text{Det}_{\text{Def}}, \text{Det}_{\text{Spec}1+2})A$		<ul style="list-style-type: none"> $A_1(A) \text{Adv}(\text{Manner}) \text{Ac}_{\text{Soc}} O_1+O_2 -\text{RI}_{\text{Int}} (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_3$ $A_2(A) \text{Ch}_1, \text{Ch}_2, \text{Ch}_3, O \text{RI}_{\text{Ps}} A_2 -\text{Ac}_{\text{Phys}}$ 			
36	Полная симметрия между оригиналом и русским переводом, индивидуально-образная асимметрия и зеркальная симметрия между оригиналом и английским переводом, между переводами – индивидуально-	בנובמבר כבר החל להסתמן מין מסך בין ירושלים לירושלים.	В ноябре уже стал осязаемым некий занавес между Иерусалимом и Иерусалимом.	By November a sort of curtain had begun to divide Jerusalem.	Замена сущ.-детерминанта מין (букв. «сорт») на мест. («некий»).	В оригинале «в ноябре», а в переводе - «к ноябрю».

	образная асимметрия и зеркальная симметрия, II тип остранения					
	Adv(Temp)	Adv(Temp)	Adv(Temp)			
37	Полная симметрия и индивидуально-образная асимметрия (предложение 1), зеркальная симметрия и диссиметрия (пр. 2) между оригиналом и русским переводом, полная симметрия и диссиметрия (пр.1), зеркальная симметрия (пр.2) между оригиналом и английским переводом, между переводами – полная, зеркальная симметрия, диссиметрия и индивидуально-образная асимметрия, II тип остранения	• St _{Phl} (Det _{Indef})A • O/O	• St _{Phl} (Det _{Indef}) A • O/O	• (Det _{Indef})A St _{Phys} • O	В английском переводе исчезает второе упоминание Иерусалима, образ подвергается генерализации; замена предиката St _{Phl} להסתמן (букв. «начал быть заметным») на St _{Phys} (had begun to divide); замена лит.формы החל («начал») на предпрошедшее время.	

	компрессивная асимметрия, I тип остранения	кто нюхает или прикасается, принимая во внимание свет и тень, а кроме всего прочего, непостижимую склонность, понять которую мы не в состоянии.] Неслучайно ведь всякое неподвижное тело называется на иврите «хефец», и означает и «вещь» и «желание». И дело не только в том, что у нас есть «желание» или «нежелание» по отношению к той или иной вещи, но и во всякой «вещи» сконцентрировано некое внутреннее чувство – «желание» или «нежелание», но не наше, а самих вещей.	for an inanimate object and a desire. It was not only we who had or did not have a desire for one thing or another, inanimate objects and plants also had an inner desire of their own, <...>	один: «во всякой «вещи»; английский перевод (inanimate objects and plants) более точен. Добавление вводного предложения «и дело не только в том». Расширение מַשְׁלָה (букв. «их») до «самых вещей».	последнего детерминанта с отрицательным значением (мысль про то, что это желание не «наше»). Замена неопр. мест. אֵיזָה (букв. «какой-то») неопр. артиклем. Замена-нейтрализация контекстным синонимом מִקְוֶפֶל (букв. «содержит в сжатом виде») на «had».
--	---	---	---	---	--

	T(Det _{Spec}) Ch ₁ , Ch ₂	<ul style="list-style-type: none"> • Adv(Manner) A(Det_{Spec}) Ac_{Sp} Ch • O Rl_{Ps} Ch, Ch / -Ch(Det_{Spec}) -(Det_{Def}), (Det_{Def}) 	В русском переводе форенизация и остранение, связанные с вводом в текст иноязычного слова, компенсированы подробным описанием и экспликацией (доместикация). Английский перевод более краток – компрессивная асимметрия. В переводах нормативная перестановка определения по отношению к определяемому в переводах – зеркальная симметрия.			
	T Ch ₁ /Ch ₂	<ul style="list-style-type: none"> • Adv(Manner) (Det_{Spec}) A Ac_{Sp} Ch₁ + Ch₂ (Det_{Spec}) • Intro, A₁ Rl_{Ps} Ch₁/Ch₂, O_{Sg}(Ch₁) Ch₃ - Ch₁/Ch₂, -(Det_{Def}) O_{Pi} 				
	T(Det _{Spec}) Ch ₁ /Ch ₂	<ul style="list-style-type: none"> • -A Rl_{Ps} / -Rl_{Ps} O O₁/O₂ • A₁ + A₂ Rl_{Ps} O(Det_{Def}) 				
39	Трансляционная, зеркальная, бордюрная симметрия с некоторой цветной симметрией и диссиметрией между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная, винтовая, бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – трансляционная зеркальная, винтовая, бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией, I и II тип	شرطה בගירם צבעוניים על הלוח הראשי של כל הצנרת <...> אחר-כך עברה אל מופע האימים: החרידה אותה בתיאומים מעוררי חללה של שתי המפלצות האורבת בפתח, פרנקנשטיין ואיש-הזאב של עולם המין, סכתן ההרין וסכתן ההידבקות.	Цветными мелками начертала на доске эскиз всей «водопроводной сети». [Не скрыла от нас ни одной детали: сперматозоиды, яйцеклетки, железы, влагалище, трубы.] А затем она представила нам спектакль ужасов: потрясла нас и заставила трепетать, описав двух чудовищ, подстерегающих нас за порогом, – таких	Fearlessly she [described organs and functions,] drew diagrams of the plumbing in coloured chalks on the blackboard. <...> Then she moved on to the horror show and treated us to terrifying descriptions of the two	Конкретизация: в оригинале сказано про опасность заражения (отсутствует «венерическими болезнями»). Замена контекстным синонимом בפתח (букв. «на входе») на «за порогом». Исчезновение упоминания про	Перестановка упоминания про близнецов ближе к концу предложения. Винтовая симметрия из-за конверсии בתיאומים מעוררי חללה (букв. «блуждающие») в בלבובות (букв. «блузонцы, пробуждающие содрогание») в «twin calamities» и объединение последних двух

	остранения		Франкенштейна и «человека-волка» мира секса: беременность и заражение венерическими болезнями.	monsters lurking at the gateway, the Frankenstein's monster and the werewolf of the world of sex, the twin calamities of pregnancy and infection.	близнецов. Добавление деепричастного оборота.	характеристик в член пр-ия, зависимый от «twin calamities», а также из-за грамматических трансформаций <i>החרידה אותנו</i> («потрясла нас» превратилось в «treated us to terrifying descriptions»).
	$\text{Ac}_{\text{Phys}} \text{I} (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{Loc O}$		<ul style="list-style-type: none"> Conjunctio (Temp) Ac $O_1(\text{Det}_{\text{Spec}})$: $\text{Ac}_{\text{Phys}} R O_2(\text{Det}_{\text{Spec}})$ $O_2 \text{Ch}_1 + \text{Ch}_2, \text{Ch}_3(\text{Ch}_1) + \text{Ch}_4(\text{Ch}_2)$ 			Английский перевод подвергся значительным грамматическим и синтаксическим трансформациям. В русском переводе выделяется кавычками остраненное наименование «водопроводная сеть» (расширение, так как в оригинале это одно слово с определенным артиклем - <i>הצנרת</i>). I тип остранения из-за деавтоматизированного восприятия и II тип остранения из-за первоначального детального описания вместо названия.
	$(\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{IA} \text{Ac}_{\text{Phys}} \text{Loc O}(\text{Det}_{\text{Spec}})$		<ul style="list-style-type: none"> Adv(Temp) A $\text{Ac}_{\text{Phys}} R O_1(\text{Det}_{\text{Spec}})$: $\text{Ac}_{\text{Ph1}} + \text{Ac}_{\text{Ph2}}, \text{Ac}_{\text{Sp}} O_2$ $O_2(\text{Det}_{\text{Spec}}) - \text{Ch}_1 + \text{Ch}_2: \text{Ch}_3(\text{Ch}_1) + \text{Ch}_4(\text{Ch}_2)$ 			
40	Трансляционная, зеркальная, винтовая симметрия с	שונית, היה עלי לא להפריע. להיות לא קיים. שkopf. שיחות	Во-вторых, я не должен был никому мешать.	Secondly, my task was not to	Замена объекта היה עלי לא להפריע	Замена объекта היה עלי לא להפריע

<p>некоторой антисимметрией между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная, винтовая симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – трансляционная зеркальная, винтовая, бордюрная симметрия, II тип остранения</p>	<p>בתי-הקפה שלם נמשכו לפחות שבעים שעות רצופות במשך כל כל مرة, ועליה היה אותו נצח תפקיד של נוכחות חרישית עוד יותר מאשר המאורר הסובב בהמהום על התקרה.</p>	<p>Стать несуществующим. Прозрачным. Их беседы в кафе всякий раз длились едва ли не по семьдесят часов без перерыва, а я в течение всей этой вечности должен был не выходить из роли молчаливого присутствия и быть более неслышным, чем бесшумно вращавшиеся лопасти вентилятора на потолке.</p>	<p>get in the way. I had to be non-existent, invisible. Their café-talk lasted at least seventy hours at a time, and for the whole of this eternity I had to embody an even more silent presence than the softly-humming fan on the ceiling.</p>	<p>(букв. «было на мне не мешать») агенсом «я» в двух случаях. Конверсия רצופות (букв. «сплошные») переведено как «без перерыва». Антисимметрия תפקיד (букв. «выполнять обязанность») переведено как «не выходить из роли». Конверсия и антисимметрия בהמהום (букв. «с легким шумом») переведено как «бесшумно», добавление упоминания про лопасти.</p>	<p>(букв. «было на мне не мешать») агенсом «my task» и далее замена того же объекта агенсом «I». Конверсия רצופות (букв. «сплошные») переведено как «at a time». Стяжение תפקיד лglm в одно слово – «embody». Конверсия בהמהום (букв. «с легким шумом») переведено как «softly-humming», убрано упоминание про вращение вентилятора.</p>
---	---	---	--	---	--

	<p>Intro, A c_{Soc} O, St_{Ch1, 2}</p>	<ul style="list-style-type: none"> $A_1(Det_{Def}) Adv_1(Temp), Adv_2(Temp)$ O $Ac_{Soc} Adv_3(Temp) Ch_3, Ch_4$ 	<p>Этот образ невидимого и отстраненного наблюдателя – ключевой для всего произведения. Несмотря на частные трансформации переводы воспроизводят структуру оригинальных предложений за исключением нормативной перестановки определения по отношению к определяемому (элементы зеркальной симметрии). Случаи конверсии – винтовая симметрия.</p>			
	<p>Intro, A Ac, St_{Ch1, 2}</p>	<ul style="list-style-type: none"> $(Det_{Def}) A_1 Adv_1(Temp) Ac_{Phys} Adv_2(Temp)$ $A_2 Adv_3(Temp) Ac_{Soc} Ch_3, Ch_4$ 				
	<p>Intro, $(Det_{Def}) A Ac$, St_{Ch1, 2}</p>	<ul style="list-style-type: none"> $(Det_{Def}) A_1 Ac_{Phys} Adv_1(Temp) Adv_2(Temp)$ $Adv_3(Temp) A_2 Ac_{Soc} Ch_3, Ch_4$ 				
41	<p>Полная и бордюрная симметрия между оригиналом и русским переводом, зеркальная и бордюрная симметрия с некоторой культурологической асимметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная и бордюрная симметрия с некоторой культурологической асимметрией, I тип остранения</p>	<p>נדמתי: השם מנחם בגין היה יאה אויל לאחד מסחורי הגלאנטרי דובריו היידיש מרוחוב צפניה או לאחד ממעוצבי הפאות הנוכריות ותפקידי המהוכים בעל שיני הזהב מרוחוב גאולה.</p>	<p>[<...>звали его, а просто Менахем Бегин.]Я был потрясен! Имя Менахем Бегин подошло бы, пожалуй, какому-нибудь торговцу галантереей, живущему по соседству на улице Цфания и говорящему на языке идиш. Либо изготовителю париков, мастеру по корсетам, у которого был полный рот золотых зубов и чьи мастерские</p>	<p>I was shocked: the name Menachem Begin might have suited a Yiddish- speaking haberdasher from Zephania Street or a gold- toothed <i>sheitel</i> and corset market from Geula Street.</p>	<p>Перестановка определений «говорящий на идише» и «живущий на улице Цфания». Стяжение הפאות (букв. תונכריות (букв. «локоны чужие») на «парики».</p>	<p>Цветная диссиметрия из- за большей экспрессии «а haberdasher» по сравнению с אחד מסחורי (букв. «один из торговцев»). Замена синонимом הפאות הנוכריות на <i>sheitel</i> (слово из идиша для обозначения париков замужних</p>

		находились где-то рядом, на улице Геула.			женщин.	
	St_{Phl}					
	$A_1 RI_{Int} O_1(Det_{Spec}) / O_2(Det_{Spec}), (Det_{Spec}) Loc$					
	полная и бордюрная симметрия					
	$A St_{Phl}$					
	$A_1 RI_{Int} O_1(Det_{Spec}) / O_2(Det_{Spec}), (Det_{Spec}) Loc$					
	зеркальная и бордюрная симметрия					
	$A St_{Phl}$					
	$A_1 RI_{Int}(Det_{Spec}) O_1/(Det_{Spec}) + (Det_{Spec}) O_2 Loc$					
42	Трансляционная и бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и русским переводом, зеркальная и бордюрная симметрия, а также компрессивная асимметрия и диссиметрия между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная и бордюрная симметрия, компрессивная	בלה פ', חברה ותיקה שישבת אותה שעה במשרד, אצה אלי, היוורת כולה ונינפַת כמו פיסת ניר, המומה כאילו זה עתה נגלי לעיני מרכיבות האלים אפופות בעמוד האש, והודעה את <...> בשפתים גזועות המילים "ראש-המלךה-ושר-הבטיחון" ביטהה בלה פ' כאילו אמרה הקדוש-ברוך-הוא.	Белла П., одна из основательниц кибуца, сидевшая в тот час в кабинете, возникла перед мной бледная и дрожащая, как листок бумаги, словно только что представали перед ней в столпе огненном колесницы богов, и сообщила мне помертвевшими губами, [что	Bella P., a veteran member who happened to be in the office at the time, ran to find me, pale and trembling like a sheet of paper, as shaken as though she had just seen the chariots of the	Опущение детерминанта («вся») после эпитета «бледная». Компенсационный перенос про «помертвевшие губы» из другого предложения. Опущение эпитета (букв.	Опущение детерминанта («вся») после эпитета «pale». Расширение אלילא אצה (букв. «поспешила ко мне») на «ran to find me». Замена прошедшего времени на предпрошедшее. Замена

	асимметрия и диссиметрия, I тип остранения	секретарша Главы правительства и Министра обороны просит меня прибыть завтра утром, ровно в половине седьмого, в канцелярию Министра обороны в правительственном комплексе в Тель-Авиве для личной встречи с Бен-Гурионом в соответствии с его приглашением.]Слова «Глава правительства и Министр обороны» Белла П. произносила, словно «Святой, благословенно имя Его».	gods wreathed in flames of fire <...> She pronounced the words “Prime-Minister’and-Minister-of-Defence” as though she had said “The Holy One Blessed Be He’.	«потрясенная»). Замена контекстным синонимом אֶצְבָּע (букв. «столб») на «flames». контекстным синонимом עַמּוֹד (букв. «столб») на «flames».
--	--	---	--	---

	A, Ch ₁ , Ch ₂ , Ac _{Phys1} R ₁ Ch ₃ + Ch ₄ Ch ₅ , Adv(Temp) Ac _{Phys2} R ₂ A ₁ (Det _{Spec}) трансляционная и бордюрная симметрия	Ac _{Sp} O (Det _{Spec}) A Ch ₆	Доместикация в переводах из-за замены традиционной формулы упоминания Бога на иврите на формулы, принятые в языке перевода. I тип остранения из-за деавтоматизированного восприятия образа секретарши и помещения всей ситуации в библейский - религиозный контекст. В целом переводы воспроизводят структуру оригинальных предложений за исключением перестановки агента по отношению к предикату и смены агента объектом в английском переводе во второй части (элементы зеркальной симметрии).			
	A, Ch ₁ , Ch ₂ , Ac _{Phys1} Ch ₃ + Ch ₄ Ac _{Phys2} R(A) Adv(Maneer) A ₁ , Ac _{Sp1}	O (Det _{Spec}) A Ac _{Sp2} Ch ₅	зеркальная симметрия и компрессивная асимметрия			
	A, Ch ₁ Ch ₂ , Ac _{Phys1} , Ch ₃ + Ch ₄					
43	Трансляционная, зеркальная и бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная и бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – трансляционная и бордюрная симметрия с некоторой диссиметрией, I тип остранения	היהתי ילד בן שטים-עשרה. הגוף כבר התחל לחיות אויב חסר רחמים.	Мне тогда было двенадцать. Тело уже становилось безжалостным врагом.	I was a twelve-year-old boy. My body had begun to be a pitiless foe.	Использование настоящего исторического времени вместо прошедшего в аналитической форме: התחל לחיות (букв. «начал становиться»). Опущение детерминанта (определенного артикля) и слова «мальчик».	Использование предпрошедшего времени вместо прошедшего + опущение наречия כבר («уже»). Замена определенного артикля притяжательным местоимением «тут».

$St_{Ch} O (Det_{Spec}) . (Det_{Def}) A_1 Adv(Temp) Ac_{Phl} O_1 (Det_{Spec})$

трансляционная, зеркальная и бордюрная симметрия

$R St_{Ch} . A_1 Adv(Temp) Ac_{Phl} (Det_{Spec}) O$

трансляционная и бордюрная симметрия, диссиметрия

$A St_{Ch} O . (Det_{Def}) A_1 St_{Phl} (Det_{Spec}) O_1$

Первый агент в оригинале отсутствует, так как в иврите не нужно подлежащее к глаголу в прошедшем времени, относящимся к 1 или 2 лицу. В переводах морфологическая замена и стяжение (букв. «лишен жалости») переведено как «безжалостным» и «pitiless».

44	Зеркальная, винтовая, бордюрная и цветная симметрия между оригиналом и русским переводом, трансляционная, зеркальная, винтовая, бордюрная и цветная симметрия между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная, винтовая и бордюрная симметрия, II тип остранения	קר היה 매우 מואוד בירושלים בימים ההם, קור מחתים צורב, דובי קוֹטֵב רַעֲבִים הַיּוֹ יְוָרְדִים מִסְבֵּיר וּמִשׁוֹטְטִים אַצְלָנוּ בְּכֶרֶם אַבְרָהָם בְּלִילּוֹת סֻוף דָצְמָבָר.	Суровая зима стояла тогда в Иерусалиме, холод обжигал и колол иголками, по ночам в конце декабря казалось, что изголодавшиеся полярные медведи спустились из Сибири и блуждают в нашем квартале Керем Авраам.	It was very cold in Jerusalem in those days, a sharp biting cold, and hungry polar bears came down from Siberia to roam the streets of Kerem Avraham on those late December nights.	Замена в בַּיּוֹם (Temp) הַהֶם (букв. «в дни эти») на «тогда». Конверсия+ добавление: ך הָיָה («холодно было») переведено как «суровая зима». Добавление «колол». Цветная симметрия: («голодные»)	Конверсия (букв. «холод иголками обжигал») переведено как «sharp biting cold». Добавление наречия «every» и прилагательного « late» - некоторая цветная симметрия.
----	---	--	---	---	--	--

				переведено как «изголодавшиеся».	
	St _{Nat} Loc Adv(Temp)	<ul style="list-style-type: none"> • A₁ Ac_{Ph11} • A₂(Det_{Spec}) Ac_{Phys1} Loc₁ + Ac_{Phys2}(Det_{Def})Loc₂ Adv(Temp) 		В целом переводы воспроизводят структуру оригинальных предложений за исключением перестановки в русском переводе упоминания про декабрьские ночи ближе к началу предложения и нормативной перестановки определения по отношению к определяемому (элементы зеркальной симметрии). В переводах уточняющее дополнение про Керем Авраам: в русском переводе добавляется слово «квартал», в английском – «улицы», так что тоже становится понятно, что Керем Авраам – это квартал.	
	(Det _{Spec}) A St _{Nat} Adv(Temp) Loc	<ul style="list-style-type: none"> • A₁ Ac_{Ph11} + Ac_{Ph12} • Adv(Temp) St, (Det_{Spec}) A₂ Ac_{Phys1} Loc₁ + Ac_{Phys2}(Det_{Def})Loc₂ 			
45	Адаптивная асимметрия и бордюрная симметрия между оригиналом и русским переводом, полная и винтовая симметрия с некоторой диссиметрией между оригиналом и английским переводом, между переводами – адаптивная асимметрия и бордюрная симметрия, I тип остраниния	כמו מברשות סכנת מגפה או כמו משגרות את כל בגדיו והפצ'י לסדרת-חינוך-מחדש.	Будто возникла какая-то опасность эпидемии, а может, мои вещи отправляются на перевоспитание.	<...> as though they were eliminating a risk of plague or sending my personal effects off for a course of re-education.	Объект становится в переводе агентом, соответственно меняется и предикат. замена настоящего времени прошедшим продолженным, генерализация: «בגדיו והפצ'י» («мои одежда и мои вещи») переведено как «my personal effects».

		<p>$Ac_1 O_1 / Ac_2 O_2(Det_{Def}) + O_3(Det_{Def}) Adv(Propositio)$</p> <p>адаптивная асимметрия и бордюрная симметрия</p>	<p>Введение обстоятельства цели $Adv(Propositio)$ и стяжение в переводах (букв. «на налаживание воспитания заново» на «перевоспитание» и «course of re-education» (соответственно бордюрная и винтовая симметрия). Английский перевод точнее следует оригиналу в структурном отношении.</p>		
		<p>$St_{Phys}(Det_{Indef}) A, Intro, A_1 Ac Adv(Propositio)$</p> <p>адаптивная асимметрия и бордюрная симметрия</p>			
		<p>$AAc_1 O_1 / Ac_2 (Det_{Def})O_2 Adv(Propositio)$</p>			
46	Зеркальная, трансляционная, винтовая, бордюрная симметрия и адаптивная асимметрия между оригиналом и переводами и между переводами, II тип остранения	<p>בעדינות דיבר אליהם, כאילו ראה בסוציאליזם שלהם מחלת החשוכת מרפא אשר נשאה האומללים אינם מעלים בדעות עד כמה מצבם אנווש ועלין, על האורח מבחוּז הראה ויודע, להישמר מאד פן יאמר בטעות מילה שתפקידה את עיניהם לראות את גודל אסונם.</p>	<p>Он говорил с ними так деликатно, словно считал их социализм неизлечимой болезнью, – несчастные, зараженные этой болезнью, даже представить себе не могут, насколько безнадежно их состояние, поэтому ему, гостю со стороны, все видящему и понимающему, следует быть очень осторожным, чтобы по</p> <p>[Dad seemed to be treading on tiptoe as he talked to the people in the kibbutz, as though being very careful not to let slip something terrible whose consequences might be irretrievable.] He spoke to them with great</p>	<p>Отсутствует указание на то, что для болезни нет средства излечения.</p> <p>גודל אסונם (букв. «величина их несчастья») переведено как «велико их несчастье».</p>	<p>Добавление эпитета «great».</p> <p>Замена предиката состояния איןם («нет у них») динамическим глаголом в прошедшем времени.</p> <p>Замена контекстными синонимами: בעטעות («по ошибке») на «accidentally» («случайно») и שתפקח את עיניהם</p>

			<p>ошибке не обронить нечто такое, что откроет им глаза и покажет, сколь велико их несчастье.</p>	<p>delicacy, as though he saw their socialism as an incurable disease whose unfortunate carriers did not realize how grave their condition was, and he, the visitor from outside who saw and knew, had to be careful not to say something accidentally that might alert them to the seriousness of their plight.</p>		(«откроет их глаза») на «might alert them» («предупредит их об опасности»).
--	--	--	---	--	--	---

		<p>Adv(Manner) R, Ac_{Phys} O(Det_{Def}) O₁(Det_{Spec})</p>	<ul style="list-style-type: none"> A (Det_{Spec}) -Rl_{Int1} O₂ A₁(Det_{Spec}) Ac_{Sp1} Ac_{Sp} Adv₁(Manner) O₃, Ac_{Phys1} Ac_{Phys2} R O₄ 	Zеркальная симметрия по первому предложению в переводах. Замена-генерализация в переводах <i>מילה</i> («слово») на «нечто такое» и «something».		
		<p>AAc_{Sp} Adv(Manner), Rl_{Int1} (Det_{Def}) O (Det_{Spec})</p>	<ul style="list-style-type: none"> A₁(Det_{Spec}), - Rl_{Int2} O₁ O₃(A) Cl₁, Adv₁(Manner) - Ac_{Sp1} O₄, Ac_{Phys1} R O₅ - Ac_{Phys2} O₆ 			
		<p>AAc_{Sp} Adv(Manner), AAc_{Phys1} (Det_{Def}) O (Det_{Spec})</p>	<ul style="list-style-type: none"> (Det_{Spec}) A₁ - Rl_{Int1} O₁ A(Det_{Spec}) Ac_{Phys2} + Rl_{Int2}, Adv(Manner) - Ac_{Sp1} O₂ Ac_{Phys3} R O₃ 			
47	Трансляционная, зеркальная, винтовая и бордюрная симметрия и культурологическая асимметрия между оригиналом и переводами, между переводами – полная, трансляционная, винтовая и бордюрная симметрия и культурологическая асимметрия, II тип остранения	<p>יִאשׁ מִן הַזְּהָמֶץ, הַבֵּית, מִמְקֻומֹת שְׁבָהָם שְׁקָרְנִים קָטְנִים הַתְּחִזּוֹ לַטְּרוּרִיסִיטִים מְסֻכְנִים, לְלוֹחָמִים חִירּוֹת הַרוֹאִים, וּכְרָכִים-סְפָרִים אוֹמְלִים הַגּוֹ נָסְחָאֹת גָּאֹולָה אֲונְבָּרְסְּלִוּת, רֹפָאִים שִׁנְיִים סִיפּוּרְוּ בְּסָדִי-סְדוּדָות לְכָל הַשְׁכִּינָם עַל הַתְּכִתְבּוֹתָם הַאִישִׁית המְמוֹשָׁכָת עַמּ סְטְלִין, מָרוֹת לְפָסְנָתָר וּגְנָנוֹת וּעְקָרוֹת בֵּית הַתְּהִפּוֹכָה בְּדִמְעָה עַל מַשְׁכָּבָן בְּלִילּוֹת מְרֻוב כִּיסּוֹפִים חָנוּקִים אֶל חַיִי אָמְנוֹת עֲתִירִי רֶגֶשׁ, כוֹתְבִים כְּפִיְתִּים כְּתָבוּ עַד וְעוֹד מְכַתְּבִי הַתְּפִלּוֹצָות לְכָבֹוד</p>	<p>Я пришел из мест, где мелкие лжецы прикidyваются опасными террористами, героическими борцами за свободу, где несчастные переплетчики изобретают универсальные формулы Избавления, где зубные врачи под великим секретом сообщают всем своим соседям о</p>	<p>[I understood where I had come from: <...>] Helplessness of the acerbic, domestic variety where small-time liars pretended to be dangerous terrorists and heroic freedom- fighters, where unhappy bookbinders</p>	<p>Замена настоящим прошедшего времени – рассказчик погружается в описываемое и отстраняется от современных деталей. Расширение контекстов (букв. «пишущие неудержимые») переведено как</p>	<p>פקחו עין מפה"יה (букв. «открывали глаза «МАПАЙ») на заимствование из русского: «kept an apparatchik's eye» (культурологичес кая асимметрия). Заменадмен («маленькие») на «small-time».</p>

		<p>מערכת "דבר", אופים מזדקנים ראו בחלום את הרמב"ם או את בעל-שם-טוב, עסני הסתדרות קפוצ'ים וצדוקים פקחו עין מפא"ית על כל יתר דיירי השכונה, קופאים בצרכניהם או בסינמה חיברו לילה-לילה שירים וברושים.</p>	<p>продолжительной личной переписке со Сталиным, где учительницы музыки, воспитательницы детских садов и домохозяйки, заливаясь слезами в своих постелях, томятся и тоскуют по ночам по жизни, наполненной искусством и бурными чувствами, / где люди, одержимые манией писательства, все пишут и пишут возмущенные письма в редакцию профсоюзной газеты «Давар», где стареющие пекари видят в своих снах Рамбама или Баал-Шем-Това, где профсоюзные функционеры, лицемерно поджав губы, открывают социалистической партии «МАПАЙ» глаза на всех остальных обитателей квартала, где кассиры, работающие в лавках и</p>	<p>invented formulas for universal salvation, where dentists whispered confidentially to all their neighbours about their protracted personal correspondence with Stalin, where piano teachers, kindergarten teachers and housewives tossed and turned tearfully at night from stifled yearning for an emotion-laden artistic life, /where compulsive writers wrote endless disgruntled letters to the editor of <i>Davar</i>, where elderly bakers saw</p>	<p>«люди, одержимые манией писательства». Добавление характеристики перед названием партии - доместикация. Генерализация – эркения («кооперативны й магазин») переведено как «лавки». Замена редупликации עוד ועוד («еще и еще») на «пишут и пишут».</p>	
--	--	---	--	---	--	--

			кинотеатрах, из ночи в ночь сочиняют стихи и брошюры...	Maimonides and the Baal Shem Tov in their dreams, where nervy, self-righteous trade-union hacks kept an apparatchik's eye on the rest of the local residents, where cashiers at the cinema or the co-operative shop composed poems and pamphlets at night.		
--	--	--	---	--	--	--

	<p>Id Loc,</p> <ul style="list-style-type: none"> • A₁(Det_{Spec})Ch₁, Ch₂, A₂(Det_{Spec})Ac O₁, A₃ Ac_{Sp} Adv₁(Manner) R₁ O₂, A₄+A₅+A₆ RI_{Int1}Adv₂(Manner) Adv₁(Temp) Adv₃(Manner) • A₇(Det_{Spec})Ac_{Int1} O₃(Det_{Spec})R₂, A₈(Det_{Spec}) RI_{Int2} O₅ /O₆, A₉ (Det_{Spec}) R₃ O₇, A₁₀ Ch₃Ac_{Int2} Adv₂(Temp) O₈+O₉ 	<p>Предложения следуют структуре оригинала, остранение создается за счет детального описания вместо называния и употребления культурологической информации без объяснения, почему, например, пекари видят в снах Рамбама (кодификатор Торы, 12 в.) или Баал-Шем-Това (основатель хасидского течения, 18 в.). Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому и перестановки Adv(Temp) (элементы зеркальной симметрии). Первый агенс в оригинале отсутствует, так как в иврите не нужно подлежащее к глаголу в прошедшем времени, относящимся к 1 или 2 лицу.</p>				
	<p>A Id Loc,</p> <ul style="list-style-type: none"> • (Det_{Spec})A₁ Ch₁, Ch₂, (Det_{Spec})A₂ Ac O₁, A₃ Adv₁(Manner) Ac_{Sp} R₁ O₂, A₄, A₅+A₆ Adv₂(Manner) RI_{Int1}+RI_{Int2} Adv₁(Temp) O₃(Det_{Spec}) • A₇(Det_{Spec})Ac_{Int1} (Det_{Spec})O₄ R₂, (Det_{Spec})A₈ RI_{Int3} O₅ / O₆, (Det_{Spec})A₉ Adv₃(Manner) Ac_{Int2} R₃ O₇, A₁₀ Ch₃, Adv₁(Temp) Ac_{Int3} O₈ + O₉ 					
	<p>A Id Loc,</p> <ul style="list-style-type: none"> • (Det_{Spec})A₁ Ch₁, Ch₂, (Det_{Spec})A₂ Ac O₁, A₃ Adv₁(Manner) Ac_{Sp} R₁ O₂, A₄, A₅+A₆ RI_{Int1}+RI_{Int2} Adv₂(Manner) Adv₁(Temp) Adv₃(Manner) • (Det_{Spec})A₇ Ac_{Int1} (Det_{Spec})O₄ R₂, (Det_{Spec})A₈ RI_{Int3} O₅ +O₆, (Det_{Spec})A₉ Adv₂(Manner) Ac_{Int2} O₇, A₁₀ Ch₃ Ac_{Int3} O₈ + O₉ Adv₂(Temp) 					
48	<p>Зеркальная и бордюрная симметрия с элементами диссиметрии, цветной симметрии и полной симметрии между оригиналом и русским переводом, полная, зеркальная и бордюрная симметрия между оригиналом и английским переводом, между переводами – зеркальная, полная и бордюрная симметрия с элементами</p>	<p>אורנה הייתה אישה כבת שלושים וחמש, יותר מאשר כפליים משנותיה בלילה ההוא. וכך מפוזרת נהר שלם של ארగון וכרכמל ותכלת ושלל פנינים לפני חזיר קטן שלא ידע מה עשה בהם וركח חטף ובלע בלי ללווע וכמעט שנחנק מרובה שפע.</p>	<p>В ту ночь Орне было лет тридцать пять, она была более чем вдвое старше меня. И она, можно сказать, металась пурпурный, карминный, лазурный, жемчужный бисер перед маленьkim поросенком, который не знал, что со всем этим делать, и только хватал и глотал, не пережевывая, едва ли</p>	<p>Orna was in her mid-thirties, more than twice my age that night. She scattered a whole river of purple, crimson and blue and a mass of pearls before a little swine who did not know what to do with them</p>	<p>Перестановка Adv(Temp) из конца в начало предложения. Опущение слова נهر («река»).hellal Feninim («многоцветный жемчуг») на «жемчужный бисер» для отсылки к фразеологизму. Цветная</p>	<p>Небольшая генерализация «in her mid-thirties» по сравнению с בת שלושים וחמש («примерно 35 лет»). Замена глагола «cast» из фразеологизма на синонимичный «scattered».</p>

	цветной симметрии, II тип остранения		не давясь от изобилия.	except grab and swallow without chewing, so much I almost choked.	симметрия: <i>הכלת</i> («светло-голубой») на «лазурный».	
		A Id, Ch Adv(Temp)				
	$\text{Ac}_{\text{Phys}} \text{O}(\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{O}_1 \text{R}(\text{Det}_{\text{Spec}})$	$-\text{RI}_{\text{Int}}, \text{Ac} \text{O}_1 \text{Ac}_{\text{Phl1}} + \text{Ac}_{\text{Phl2}} - \text{Ac}_{\text{Phl3}} + \text{Ac}_{\text{Phl4}}$ Adv(Manner)				
	зеркальная/бordюрная симметрия, диссиметрия и полная симметрия					
	Adv(Temp) A Id, Ch					
	$\text{A}_1, \text{Intro}, \text{Ac}_{\text{Phys}} (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{O} (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{R}$	$-\text{RI}_{\text{Int}}, \text{Ac} \text{O}, \text{Ac}_{\text{Phl1}} + \text{Ac}_{\text{Phl2}}, -\text{Ac}_{\text{Phl3}}, \text{Ac}_{\text{Phl4}}$ Adv(Manner)				
	зеркальная, полная и бордюрная симметрия					
	A Id, Ch Adv(Temp)					
	$\text{A}_1(\text{A}) \text{Ac}_{\text{Phys}} \text{O}(\text{Det}_{\text{Spec}}) (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{R}$	$-\text{RI}_{\text{Int}}, \text{Ac}, \text{Ac}_{\text{Phl1}} + \text{Ac}_{\text{Phl2}}, -\text{Ac}_{\text{Phl3}},$ Adv(Manner) $\text{A}_2(\text{R}) \text{Ac}_{\text{Phl4}}$				
49	Полная, трансляционная и зеркальная симметрия между оригиналом и русским переводом, трансляционная и зеркальная симметрия с элементами диссиметрии между оригиналом и английским переводом, между переводами – трансляционная и зеркальная	חיוור בין שזופים, רזה רבעה- שוף בין גברים ענקים רחבי- גرم, דברן לא נלהה בין ממעטים במילים, חרזן שירים בין פלאחים-בני-כוורים ובין רפתנים בני-טרקטורסיטים.	[Мне было около пятнадцати, когда через два года после смерти мамы я прибыл в Хулду:] бледный среди загорелых, худой, этакая «четвертушка курицы», среди огромных ширококостных	<...> a paleface among the suntanned, a skinny youth among well-built giants, a tireless chatterbox among the taciturn, a	Добавление неопределенного детерминанта «этакая».	Генерализация и сокращение последнего образа, опущено упоминание про сыновей, в то время как русский перевод пословно воспроизводит

	симметрия с элементами диссиметрии, II тип остранения		парней, неуемный говорун среди немногословных, сочинитель стихов среди земледельцев – сыновей виноградарей и среди скотников – сыновей трактористов.	versifier among agricultural labourers.		оригинальную структуру. Стяжение שירם («сочинитель стихов») → «versifier».
	Adv(Propositio) • $Id_1 O_1, Id_2,$ • $Id_3 O_2 (\text{Det}_{\text{Spec}}), Id_4 (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_3, Id_5 O_4 (\text{Det}_{\text{Spec}}) + O_5 (\text{Det}_{\text{Spec}})$	Adv(Propositio) • $Id_1 O_1, Id_2,$ • $Id_3 (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_2, (\text{Det}_{\text{Spec}}) Id_4 O_3, Id_5 O_4 (\text{Det}_{\text{Spec}}) + O_5 (\text{Det}_{\text{Spec}})$	Adv(Propositio) • $Id_1 O_1, (\text{Det}_{\text{Spec}}) Id_2 (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_2,$ • $(\text{Det}_{\text{Spec}}) Id_3 O_3, Id_4 (\text{Det}_{\text{Spec}}) O_4$	Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому (элементы зеркальной симметрии) и воспроизведение структуры оригинала (полная и трансляционная симметрия). Стяжение в переводах ממעטים במלים (букв. «малые в словах») → «немногословных», «taciturn».		
50	Трансляционная, криволинейная и бордюрная симметрия с элементами зеркальной симметрии между оригиналом и русским переводом, полная, трансляционная, зеркальная и бордюрная симметрия с элементами диссиметрии между оригиналом и английским переводом между переводами – трансляционная,	וראית את חלונות הראות היפים ואת בת-הקפה וחיצזהῆ במה שתל אביב השבה לחיי בوهاה, אך הכל נראתה לה משומש, מרופט, עזום כמו היקוי של חיקוי של מה שגמ מקורו הראשון היה עלוב ואומלל בעיניה. הכל נראתה לה ראי זוקוק לרחמים אבל רחמים שלא כבר אזלו.	Мама видела красивые витрины, и кафе, и всю ту жизнь, которая в Тель-Авиве считалась богемной, но все это казалось ей вторичным, бывшим в употреблении, потертым, печальным – этакое подражание подражанию. При этом и оригинал представлялся ей	<...> looking at the beautiful shop windows and cafes and getting a glimpse of what Tel Aviv considered as Bohemian life, although to her it all looked so tawdry and secondhand,	Опущен второй предикат со значением «видеть, вглядываться». «Тель-Авив» перестает быть агентом из-за переноса нового агента - сущ. «жизнь» в начало придаточного	הציגו (букв. «заглядывала») → «getting a glimpse». Бордюрная замена בעיניה («в ее глазах») → «to her». Генерализация מקורו הראשון (букв. «его источник первый»)

	криволинейная и бордюрная симметрия с элементами адаптивной асимметрии, II тип остранения	убогим и несчастным. Все казалось ей достойным милосердия и нуждающимся в нем, но ее мера милосердия уже была исчерпана.	like an imitation of an imitation of something she found pathetic and miserable. It all seemed to deserve and need compassion, but her compassion had run out.	предложения. Добавление характеристики «вторичный» и слова «мера» (в оригинале «милосердие» в мн.ч.). Стяжение מקורו הראשון (букв.«его источник первый) → «оригинал». Бордюрная замена בעיניה («в ее глазах») → «ей».	→ «something». Замена прошедшего времени на предпрошедшее и опущение כבר («уже»).
--	---	--	--	--	--

	$\text{Ac}_{\text{Phys1}} \text{O}_1(\text{Det}_{\text{Spec}}) + \text{O}_2$ + $\text{Ac}_{\text{Phys2}} \text{A}_{\text{Loc}} \text{Ch}$	<ul style="list-style-type: none"> $\text{A}_1 \text{RI}_{\text{Int1}} \text{Id}_1, \text{Id}_2, \text{Id}_3 (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{R(A)}$ $\text{A}_1 \text{RI}_{\text{Int1}} \text{R(A)} \text{Id}_2, \text{St}_{\text{Ch}}$ 	В оригинале отсутствует первый агенс, так как он был в предыдущем предложении. Нормативная перестановка определения по отношению к определяемому (элементы зеркальной симметрии) и воспроизведение структуры оригинала (полная и трансляционная симметрия).
	$\text{AAc}_{\text{Phys}} (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{O}_1, \text{O}_2,$ $(\text{Det}_{\text{Def}}) \text{O}_3, \text{Loc Ch}, \text{A}_1$ $\text{RI}_{\text{Int1}} \text{Id}_1, \text{Id}_2, \text{Id}_3, \text{Id}_4, \text{Id}_5$	<ul style="list-style-type: none"> $\text{A}_2 \text{RI}_{\text{Int2}} \text{R(A)} \text{Id}_6, \text{Id}_7$ $\text{A}_1 \text{RI}_{\text{Int1}} \text{Id}_8 + \text{Id}_9, \text{St}_{\text{Ch}}$ 	
	$[\text{A}] \text{Ac}_{\text{Phys1}} (\text{Det}_{\text{Spec}}) \text{O}_1 + \text{O}_2$ + $\text{Ac}_{\text{Phys2}} \text{O}_3 \text{A}_{\text{Loc}} \text{Ch}$	<ul style="list-style-type: none"> $\text{R(A)} \text{A}_1 \text{RI}_{\text{Int1}} \text{Id}_1, \text{Id}_2, \text{Id}_3 (\text{Det}_{\text{Spec}})$ $\text{A}_1 \text{RI}_{\text{Int1}} \text{Id}, \text{St}_{\text{Ch}}$ 	